

И
ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Л.Н.ТОЛСТОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

*Н. Н. АКОПОВОЙ, Н. К. ГУДЗИЯ,
Н. Н. ГУСЕВА, М. Б. ХРАПЧЕНКО*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

Л.Н. ТОЛСТОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1864—1910 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1963

*Подготовка текста комедий
«Зараженное семейство» и «Нигилиста»
и текстологические примечания*

В. С. МИШИНА

Примечания

К. Н. ЛОМУНОВА

ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПЕРВЫЙ ВИНОКУР,
ИЛИ
КАК ЧЕРТЕНОК КРАЮШКУ ЗАСЛУЖИЛ
КОМЕДИЯ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мужик (*пашет, глядит вверх*). Вот и полдни, пора отпрягать. Но, вылезь! Заморилась, сердечная. Вот завернусь оттуда, последнюю борозду проеду, да и обедать. Спасибо, догадался, с собою краюшку хлеба взял. Домой не поеду. Закушу у колодца, вздремну, а буланка травки покушает. Да с богом опять за работу. Рано отпашусь, бог даст.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Выбегает чертенок к кусту.

Чертенок. Ишь добрый какой! Все бога поминает. Погоди ж ты, и черта помянешь. Унесу у него краюшку. Хватится, станет искать. Жрать захочется, обругается и черта помянет. (*Берет краюшку, уносит и садится за куст, выглядывает, что будет делать мужик.*)

Мужик (*выхлестывает гужи*). Господи, благослови! (*Выводит лошадь, пускает, идет к кафтану.*) Страсть проголодался! Краюшку большую баба отрезала, а, гляди, всю съем. (*Подходит к кафтану.*) Нету!

Должно, я ее кафтаном накрыл. *(Поднимает кафтан.)*
И тут нет. Вот что-то! *(Трясет кафтан.)*

Чертенюк *(из-за куста)*. Ищи, ищи, она вот она!
(Садится на нее.)

Мужик *(поднимает сволока, еще трясет кафтаном)*. Чудо, право, чудо! Никого не было, а нет краюшки. Кабы птицы расклевали, крошки бы были. А то и крох нет. Никого не было, а унес кто-то.

Чертенюк *(поднимается, заглядывает)*. Сейчас меня помянет.

Мужик. Видно, так и быть. С голоду не помру. Унес, так унес. Пускай ест на здоровье!

Чертенюк *(плюется)*. Ах ты, проклятый мужик! Ему бы надо ругаться, а он говорит: на здоровье! Ничего с ним не сделаешь.

Мужик укладывается спать, крестится, зевает и засыпает.

(Выходит из-за куста.) Вот и толкуй старшой! Старшой все говорит: мало ты в ад ко мне мужиков водишь. Гляди-ка, купцов, господ да попов сколько каждый день прибывает, а мужиков мало. Как его обротаешь? Не подобьешься к нему никак. Уж чего же лучше — последнюю краюшку украл. А он все не обругался. И не знаю что теперь делать! Пойду доложусь.
(Проваливается.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

АД

На главном месте сидит старшой черт. Писарь чертов сидит внизу, за столом с письменными принадлежностями. Стражи стоят по сторонам. Направо — пять чертенят разных видов; налево у дверей — привратник; один франтоватый чертенок стоит прямо перед старшим.

Франтоватый чертенок. Всей добычи моей за три года 263 753 человека. Все теперь у меня во власти.

Старшой. Хорошо. Благодарю. Проходи!

Франтоватый чертенок проходит направо.

(К писарю.) Устал я. Много ли там еще осталось дела? От кого и от кого получили отчет и от кого еще осталось получить?

Писарь (считает по пальцам и указывает по мере счета на стоящих направо чертенят. Когда называет какого чертенка, то тот кланяется). От боярского беса получен отчет. Всех забрал 1836. От купеческого получен, 9643. От поповского получен, 1517. От монашеского получен, 112. От судейского получен, 3423. От бабьего сейчас тоже получен, всех 263 753. Баб 186 315, девок 17 438. Только два и остаются: приказный да мужицкий.

Старшой. Ну, уж, видно, покончить нынче. (*Привратнику.*) Пускай!

Входит приказный чертенок, кланяется старшому.

Ну, что? твои дела как?

Приказный чертенок (*все смеется, потирает руки*). Мои дела, как сажа бела. Добыча такая, что с сотворения мира и не запомню.

Старшой. А что, али много забрал?

Приказный чертенок. Не в счете дело. Счетом хоть и немного, всего 1350 человек, да хороши ребята. Такие ребята, что заместо чертей отвечать могут. Сами лучше чертей людей смущают. Новую моду я им завел.

Старшой. Какую же такую новую моду?

Приказный чертенок. А вот какую: прежде были приказные при судьях, людей обманывали. А теперь я их научил особо от судей быть. А кто денег больше даст, за того он и хлопочет. И так хлопочут, что где и делать нечего, дела заводят. Много лучше чертей людей мутят.

Старшой. Погляжу, проходи!

Приказный чертенок проходит вправо.

(*Привратнику.*) Впусти последнего!

Входит мужицкий чертенок с краюшкой,
кланяется в ноги.

Мужицкий чертенок. Не могу больше жить, приставь в другое место.

Старшой. Куда приставить; что ты городишь? Встань, говори толком. Давай отчет, много ли ты за эту неделю мужиков забрал?

Мужицкий чертенок (*плачет*). Ни одного!

Старшой. Что? Ни одного! Как ни одного? Что же ты делал? Где же ты болтался?

Мужицкий чертенок (*хныкает*). Не болтался я; все время из кожи вон бился, да ничего сделать не могу. Вот у одного из-под носу последнюю краюшку украл, и то не обругал, а велел съесть на здоровье.

Старшой. Что?.. Что... ты бормочешь? Высморкайся да расскажи толком, а то ничего от тебя и не разберешь.

Мужицкий чертенок. Да вот пахал мужик; и знаю я, что у него с собой одна краюшка, и больше есть нечего. Украл я у него краюшку. Надо бы ему обругаться, а он что же? Говорит: кто взял, пусть съест на здоровье. Вот я и краюшку принес. Вот она.

Старшой. Ну, а другие-то что ж?

Мужицкий чертенок. Да все такие же, — ни одного не забрал.

Старшой. Да как же ты смеешь с пустыми руками ко мне ворочаться? Да еще краюшку какую-то вонючую принес; что ты надо мной смеяться вздумал? А? Что ты в аду даром хлеб есть хочешь? Другие стараются, хлопчут. Вот ведь они (показывает на чертеныт), кто 10 000, кто 20 000, кто вон 200 000 доставил. Из монахов — и то 112 привел. А ты с пустыми руками пришел да еще какую-то краюшку принес. Да мне басни рассказываешь! Болтаешься ты, не работаешь. Вот они у тебя и отбились от рук. Погоди ж, брат, я тебя выучу.

Мужицкий чертенок. Не вели казнить, вели слово молвить! Тем чертям хорошо, с боярами ли, с купцами ли, с бабами ли. Там дело известное: покажи боярину шапку соболью да вотчину, прямо его и обратал и веди, куда хочешь. Тоже и купца. Покажи ему денежки да раззадорь завистью, — и веди, как на аркане, не вырвется. А с бабами дело тоже известное. Наряды да сласти — тоже делай с ней что хочешь. А вот с мужиками повозись. Как он с утра до ночи на работе, да и ночи захватит, да без бога дела не начнет, так к нему как подъедешь? Отец, уволь ты меня от мужиков, замучался я с ними. И тебя прогневил.

Старшой. Врешь, лентяй. На других указывать нечего. Оттого они и купцов, и бояр, и баб забирают, что знают, как их обходить, новые штуки придумывают. Вот приказный совсем новое колено сделал. И ты придумай. А то краюшку украл, хвалится. Вишь, хитрость какая! Обсыпай их сетями, в какую-нибудь да попадетсся. А как ты болтаешься да дал им ходу, — они, твои

мужики, силу забрали. Стали уже и краюшки не жалеть. Если они такую повадку возьмут да еще баб научат, так они вовсе от рук отобьются. Придумывай. Растягивайся, как знаешь.

Мужицкий чертенок. Не знаю, что и придумать. Отмени ты меня. Не могу больше.

Старшой (с гневом). Не можешь! Что ж я сам, что ли, за тебя работать пойду?

Мужицкий чертенок. Не могу.

Старшой. Не можешь? погоди ж. Эй! давайте сюда прутьев, порите его!

Стражи хватают чертенка и секут его.

Мужицкий чертенок. Ой! ой! ой!

Старшой. Придумал?

Мужицкий чертенок. Ой, ой! не могу придумать.

Старшой. Порите еще.

Секут.

Придумал?

Мужицкий чертенок. Придумал, придумал!

Старшой. Ну, рассказывай, что придумал?

Мужицкий чертенок. Придумал такую штуку, что всех в свои руки заберу. Позволь только мне в работники к мужику наняться, а рассказать мне наперед дела нельзя.

Старшой. Ну, ладно, только помни, что, если ты в три года краюшку не заслужишь, я в святой воде выкупаю тебя.

Мужицкий чертенок. Через три года все мои будут.

Старшой. Ну, хорошо. Через три года сам придешь посмотреть.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Амбар. Стоят воза с хлебом.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Работник-черт.

Работник насыпает с воза, мужик носит мерками.

Работник. Седьмая.

Мужик. Сколько четвертей?

Работник (*смотрит на двери метки*). Верно двадцать шесть четвертей да на двадцать седьмую седьмая мерка.

Мужик. Не войдет вся, уж полно.

Работник. Разгреби хорошенько.

Мужик. И то. (*Уносит мерку.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Работник (*один, снимает шапку, рога выставляются*). Теперь не скоро выйдет. Немножко рога расправить. (*Рога расправляются.*) Да разуться, а то при нем нельзя. (*Вынимает ноги из сапог, видны копыта. Садится на порог.*) Вот уж третий год идет. Приходит

дело к расчету. Хлеба девать некуда. Только и осталось, что последнюю штуку научить. А тогда приходи сам старшой смотреть. Будет что показать. Заплатит он мне за краюшку.

Подходит сосед.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Работник прячет рога.

Сосед. Здорово!

Работник. Здорово!

Сосед. Где хозяин?

Работник. Да пошел разгрести в закроме, не входит вся.

Сосед. Эка благодать у хозяина твоего. И сыпать некуда. Мы и то дивимся все, какой у твоего хозяина второй год хлеб родится. Как будто ему кто сказывает. То, летось, сухой год — в болоте посеял; у людей не родилось, а вы полно гумно наставили. Нынче мочливое лето — догадался же он на горах посеять. У людей копрел, а у вас обломный хлеб. И зерно-то, зерно! *(Трясет на руке и берет на зуб.)*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Мужик *(выходит с пустой меркой)*. Здорово, кум.

Сосед. Здорово. Да вот толкую с работником твоим, как угадали вы, где посеять. Весь народ тебе завидует. Хлеба-то, хлеба что набрал. В десять лет не съешь.

Мужик. Вот спасибо Потапу. *(Показывает на работника.)* Его счастье. Послал я его летом пахать, а он возьми да в болоте вспаши. Я его ругал. Да уговорил сн меня посеять. Посеяли — и вышло к лучшему. А вот и нынче опять угадал, на горах посеял.

Сосед. Да точно знает, какой год будет. Да, набрал же ты хлеба.

Молчание.

А я вот пришел к тебе осьминку ржицы попросить.
Дошел весь, на лето отдам.

Мужик. Что ж, возьми.

Работник (толкает мужика). Не давай.

Мужик. Будет толковать-то, бери.

Сосед. Спасибо, сбегая за мешком.

Работник (в сторону). Все не бросает старую повадку — дает. Не во всем меня слушает. Ну, дай срок, — перестанет скоро давать.

Уходит сосед.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Мужик (присаживается на порог). Отчего же доброму человеку не дать?

Работник. Дать-то — дашь, да назад не возьмешь. Долги давать — под гору кидать, а собирать — на гору вытягивать. Так-то старики говорят.

Мужик. Не замай. Хлеба много.

Работник. Так что ж, что много?

Мужик. Не то что до новины, а и на два года хватит. Куда же его?

Работник. Как куда? Да из хлеба из этого я тебе такое добро сделаю, что ты и целую жизнь радоваться будешь.

Мужик. Что ж ты сделаешь?

Работник. Да питье сделаю. Такое питье, что если сил нет, силы прибавится; если есть хочется, сыт сделаешься. Если сон не берет, заснешь сейчас; если скучно, весело станет. Если заробел, смелости даст. Вот какое питье сделаю!

Мужик. Врешь!

Работник. Вот то-то врешь! Так же не верил, как я тебе велел хлеб сначала в болоте, а потом на горах сеять. Теперь узнал. Так же и про питье узнаешь.

Мужик. Да из чего же его делать будешь?

Работник. Да вот из самого из хлеба этого.

Мужик. А не грех это будет?

Работник. Вона! Какой же тут грех? Все на радость человеку дано.

Мужик. И где ты, Потап, такого ума большого набрался? Смотрю я на тебя, человек ты не мудрененький, работающий. Вот два года живешь, ты и не разу-вался, никак, ни разу. А все-то ты знаешь. Как ты до всего дошел?

Работник. Да бывал повсюду.

Мужик. Так и силы от него, от питья-то, при-будет?

Работник. Вот увидишь, — все от него хорошее.

Мужик. Так как же делать-то будем?

Работник. Делать его не хитро, когда знаешь. Только надо котел достать да чугунов два.

Мужик. А на вкус-то она приятная?

Работник. Сладкая, как мед. Отведаеть разок, ты с ней век не расстанешься.

Мужик. Ой ли? Пойду к куму, у него котел был. Надо попытать.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет сарай, в середине стоит замазанный котел на огне с чугуном и краном. Мужик и работник.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Работник (*держит стакан под краном, пьет вино*). Ну, хозяин, готово.

Мужик (*сидит на корточках, глядит*). Вот штука-то! Из теста вода пошла. Что ж это ты воду прежде спускаешь?

Работник. Это не вода, это она самая и есть.

Мужик. Что же светлая? Я думал, она будет красная, как пиво. А это ровно вода.

Работник. Да ты понюхай дух-то.

Мужик (*нюхает*). Ух, духовитая! Ну-ка, ну-ка, как она во рту-то будет, дай отведать. (*Рвет из рук.*)

Работник. Погоди, прольешь. (*Завертывает кран, сам пьет, пощелкивает языком.*) Пospела! На, пей.

Мужик (*пьет сначала чуть-чуть, еще, еще и выпивает всю. Подает стакан*). Ну-ка еще. С малости вкуса не разберешь.

Работник (*смеется*). Аль полюбилось? (*Наливает еще.*)

Мужик (*пьет*). Ну, штука! Надо бабу позвать. Эй, Марья, иди. Готова! Иди, иди, что ль!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Баба и девочка и прежние.

Баба. Ну, чего? Что орешь?

Мужик. Да ты вот отведай, чего мы накурили.
(*Подает.*) Понюхай, чем пахнет.

Баба (*нюхает*). Вишь ты!

Мужик. Пей!

Баба. Как бы чего от нее не было?

Мужик. Пей, дура!

Баба (*пьет*). И то хороша!

Мужик (*захмелел немного*). То-то хороша. Да ты погоди, что будет. Потап сказывал, что от нее вся усталость из тела выходит. Молодые старыми сделаются... то, бишь, старые молодыми сделаются. Вот я всего два стаканчика выпил, и то все кости расправились. (*Куржится.*) Видишь? Погоди, мы с тобой, как каждый день ее пить станем, опять молодые будем. Ну, Машенька! (*Обнимает ее.*)

Баба. Ну тебя! Ты и то одурел от нее.

Мужик. А, то-то! Говорила, что мы с Потапом хлеб губим, а мы какую штуку спроворили. А? Говори, хороша?

Баба. Да как же не хороша, коли старых на молодых переделывает. Вишь, ты какой веселый стал! И мне весело стало. Подтягивай! И... и... и... (*Поет.*)

Мужик. То-то. Все молодые, все веселые будем.

Баба. Надо свекровь звать, а то она все ругается да скучает. И ее переделать. Она помолодеет, добрее будет.

Мужик (*пьяный*). Зови мать, зови сюда. Эй ты, Машка! Беги, бабку зови да и деду вели идти. Скажи, я велю, чтобы слезал с печи. Что он валяется! Молодым сделаем. Ну, живо! Чтобы одна нога здесь, другая там. Стреляй!

Девчонка бежит.

(*Бабе.*) Ну-ка еще по стаканчику!

Работник наливает и подносит,

Мужик (*выпивает*). То сверху помолодила, в языке, потом в руки прошла. Теперь до ног дошла. Чую, ноги помолодели. Вишь, сами пошли. (*Начинает выплывать.*)

Баба (*выпивает*). Ну-ка ты, мастер, Потапушка, заиграй!

Потап берет балалайку, играет. Мужик и баба пляшут.

Работник (*играет на авансцене и смеется, подмигивает на них. Перестает играть, они всё пляшут*). Заплатишь мне за краюшку; готовы молодцы — не отвернутся. Пускай посмотрит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Входит свежая старуха и старый, белый старик и прежние.

Старик. Что вы, очумели, что ли? Люди работают, а они плясать.

Баба (*пляшет и бьет в ладоши*). Их, их, их! (*Припевает.*) Согрешила перед богом. Один бог без грехов!

Старуха. Ах ты, паскудница! Печь не убрана, а она плясать!

Мужик. Ты, матушка, погоди. Что у нас тут сделалось! Старых на молодых передельваем. Вот, на! Выпей только! (*Подает.*)

Старуха. Воды-то и в колодце много. (*Нюхает.*) Чего же ты туда напустил? Вишь, дух-то какой!

Мужик и баба. Да ты выпей!

Старуха (*пробует*). Ишь ты! А не помрешь от нее?

Баба. Вовсе оживешь. Совсем молодая станешь.

Старуха. Ну! (*Пьет.*) А хороша! Лучше пива. Ну-ка, батюшка, покушай и ты.

Дед садится и качает головой.

Работник. Оставьте его. А вот бабушке еще стаканчик надо. (*Подносит бабушке.*)

Старуха. Как бы чего не случилось? Ой, жжет она! А тянет.

Баба. Выпей. Почуешь, как она по жилам пойдет.

Старуха. Ну уж, видно, попытаться. *(Выпивает.)*

Баба. Что, дошла до ног-го?

Старуха. И то доходит. Вот она, тута! И то легкость от нее. Ну-ка еще! *(Выпивает еще.)* Важно! И то совсем молодая стала.

Мужик. Я тебе и говорил.

Старуха. Эх, старика моего нет! Поглядел бы он еще разок, какая я молодая была.

Работник играет. Мужик и баба пляшут.

(Выходит в серединку.) Разве так пляшут? Я вот покажу. *(Пляшет.)* Вот как. Еще этак да вот так. Видали?

Дед подходит к котлу и выпускает наземь вино.

Мужик *(замечает это и бросается к деду)*. Что ж ты это, злодей, наделал? Добро такое упустил! Ах ты, старый хрен! *(Толкает его и подставляет стакан.)* Все упустил.

Дед. Зло это, не добро. Хлеб тебе бог зародил себя и людей кормить, а ты его на дьявольское питье перегнал. Не будет от этого добра. Брось ты эти дела. А то пропадешь и людей погубишь! Это, думаешь, питье? Это — огонь, сожжет он тебя. *(Берет лучину из-под котла, зажигает.)*

Разлитое вино горит. Все стоят в ужасе,

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Изба мужика. Один работник с рогами и копытами.

Работник. Хлеба много, девать некуда, а вкус-то уж он в нем разобрал. Теперь опять накурили и в бочку слили и от людей спрятали. Даром поить людей не будем. А кого нам нужно, того попоим. Нынче вот я научил его стариков-мироедов позвать, попоить их, чтобы они его от деда отделили, ничего бы деду не дали. Нынче и срок мой вышел, три года прошло, и дело мое готово. Пускай сам старшой приходит смотреть. Не стыдно и ему показать.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Из-под земли выходит старшой.

Старшой. Ну, нынче срок! Заслужил ли краюшку? Я тебе обещал прийти сам посмотреть. Оборотал мужика?

Работник. Оборотал совсем. Сам посуди. Сейчас вот сюда соберутся. Садись в печку, смотри, что они делать будут. Останешься доволен.

Старшой (*лезет в печку*). Посмотрим.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Входит хозяин и четыре старика; сзади баба. Садятся за стол. Баба накрывает и ставит студень и пироги. Старики здороваются с работником.

1-й старик. Что ж, много еще питья наделал?

Работник. Да накурили сколько нужно. Что ж добру даром пропадать?

2-й старик. И хороша удалась?

Работник. Еще лучше той.

2-й старик. И где ты научился?

Работник. По свету ходишь — всему научишься.

3-й старик. Так, так — дошлый.

Мужик. Кушайте!

Баба подносит.

Баба (*приносит графин, наливает*). Просим милости!

1-й старик (*пьет*). Будьте здоровы. Ах, хорошо! по суставам пошло! Ну, питье!

То же делают три старика друг за другом. Старшой вылезает из устья печи, работник становится с ним рядом.

Работник (*старшому*). Смотри теперь, что будет. Я бабе ногу подставляю, она прольет стакан. То он краюшки не пожалел, — посмотри теперь, что за стаканчик вина будет.

Мужик. Ну, баба, наливай еще, подноси чередом: куму, а потом дяде Михайле.

Баба (*наливает и идет вокруг стола, работник подставляет ей ногу, она спотыкается и проливает стакан*). Ай, батюшки, пролила! И тебя же тут нелегкая принесла!

Мужик (*на бабу*). Экая косолапая чертовка! Сама как безрукая, а на людей говоришь. Ишь, добро какое на пол льешь!

Баба. Да ведь ненароком.

Мужик. То-то ненароком. Вот дай встану, я те научу, как вино наземь лить. (*На работника.*) Да и ты, проклятый, около стола чего вертишься? Иди ты к черту!

Баба вновь наливает и подносит вино.

Работник (подходит к печи и говорит старшому). Видишь: то последнюю краюшку не пожалел, а теперь за стаканчик чуть жену не прибил и меня к тебе, к черту, послал.

Старшой. Хорошо, очень хорошо. Хвалю!

Работник. Погоди еще. Дай они всю бутыль выпьют — посмотри, то ли еще будет. И теперь гладкие слова, масленные, говорят, а вот сейчас так начнут друг к дружке подольщаться, что все, как лисицы, хитрые сделаются.

Мужик. Так как же, старички, как же вы мое дело рассудите? Жил у меня дед, кормил я его, кормил, а он теперь сошел к дяде и хочет свою часть дома взять — дяде отдать. Рассудите, как лучше. Вы люди умные. Без вас мы как без головы. Уж против вас во всей деревне нет людей. Вот хоть бы Иван Федотыч, ведь и люди говорят, что первый человек. А я тебе, Иван Федотыч, правду говорю: больше отца-матери люблю. А Михайла Степаныч — старинный друг.

1-й старик (к хозяину). С хорошим человеком и говорить хорошо, — ума наберешься. Так-то с тобой. Ведь против тебя не найдешь человека.

2-й старик. Потому умный и ласковый; за то и люблю.

3-й старик. Уж как я тебя жалею, что и слов нет. Я нынче бабе говорю.

4-й старик. Дружок, истинно дружок.

Работник (толкает старшого). Видишь! Всё врут. Как врозь, так друг дружку ругают. А теперь, видишь, как подмасливают, как лисицы хвостами виляют. А всё от питья.

Старшой. Хорошо пить! Очень хорошо. Коли они так врать будут, все наши будут. Хорошо, хвалю.

Работник. Погоди, дай другую бутыль выпьют, то ли еще будет.

Баба (подносит). Кушайте на здоровье.

1-й старик. Не много ли будет? Будьте здоровы! (Пьет.) С хорошим человеком и выпить лестно.

2-й старик. Нельзя не выпить. Будьте здоровы, хозяин с хозяйшкой!

3-й старик. Дружки! здравствуйте!

4-й старик. Вот так брага! Гуляй! Всё сделаем. Потому во всем моя воля.

1-й старик. Твоя-то — не твоя, а как постарше тебя скажут.

4-й старик. Старше, да глупее. Поди ты корове под хвост.

2-й старик. Чего ругаешься? Эх ты, дура!

3-й старик. Он верно говорит. Потому хозяин нас угощает неспроста. Ему дело нужно. Дело можно рассудить. Только ты угости. Почет сделай. Потому я тебе нужен, а не ты мне. Ты кто? Ты свинье брат.

Мужик. Сам съешь. Что горло-то дерешь? Не видали, что ли? Жрать-то вы все здоровы.

1-й старик. Ты что гордыбачишь? Вот я те нос-то поправлю на сторону.

Мужик. Кто кого?

2-й старик. Эка невидаль! Ну те к черту! Не хочу с тобой говорить, уйду.

Мужик (*держит*). Да ты что компанию расстраи-ваешь?

2-й старик. Пусти! Свисну!

Мужик. Не пущу! Какую ты имеешь праву?

2-й старик. А вот какую! (*Бьет.*)

Мужик (*старикам*). Заступитесь!

Свалка. Мужик и старики все вместе вдруг говорят.

1-й старик. Потому, значит, гу... ляем!

2-й старик. Все я могу!

3-й старик. Давай еще!

Мужик (*кричит бабе*). Давай еще бутыл!

Все садятся опять за стол и пьют.

Работник (*старшому*). Теперь видел? Заговорила в них волчья кровь. Как волки, все злы сделались.

Старшой. Хорошо питье! Хвалю.

Работник. Погоди. Дай еще третью бутылку выпьют, то ли еще будет.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Сцена представляет улицу. Справа старики сидят на бревнах, между ними дед. В середине водят хороводы бабы, девки и парни. Играют плясовую и пляшут. Из избы слышатся шум, пьяные крики; выходит старик и кричит пьяным голосом; за ним хозяин, уводит его назад.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дед. Ах, грехи, грехи! Чего еще нужно? Будни работай, пришел праздник — помойся, сбрую оправь, отдохни, с семейными посиди, поди на улицу к старикам, общественное дело посуди. А молод — что ж, и поиграй! Вон хорошо играют, смотреть весело. Честно, хорошо.

Крик в избе.

А то это что? Только людей смущают да чертей радуют. А всё от жиру!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Из избы вываливаются пьяные, идут к хороводам, кричат, хватают девок.

Девки. Брось, дядя Карп, что ты!

Парни. Уйти надо на проулок. А то какая же тут игра!

Уходят все, кроме пьяных и деда.

Мужик (*идет к делу, показывает шиш*). Что, взял? Всё мне старики обещали присудить. Тебе вот что! На, выкуси. Всё мне отдали, тебе ничего. Вот они скажут.

1-й, 2-й, 3-й, 4-й старики в один голос.

1-й старик. Потому я всю правду могу рассудить.

2-й старик. Я всякого переспорю, потому я сам с усам!

3-й старик. Друг! дружок, дружок!

4-й старик. Ходи изба, ходи печь, хозяйшке негде лечь! Гуляем!

Ухватываются старики по двое и, шатаясь, идут и уходят — одна пара, потом другая. Хозяин идет к дому, не доходит, спотыкается, падает и бормочет что-то непонятное, подобно хрюканью.

Дед с мужиками поднимается и уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Выходит старшой с работником.

Работник. Видел? Теперь заговорила свиная кровь. Из волков свиньями поделались. (*Показывает на хозяина.*) Лежит, как боров в грязи, хрюкает.

Старшой. Заслужил! Сначала как лисицы, потом как волки, а теперь как свиньи сделались. Ну, уж питье! Скажи ж, как ты такое питье сделал? Должно, ты туда лисьей, волчьей и свиной крови пустил.

Работник. Нет, я только хлеба лишнего зародил. Как было у него хлеба с нужду, так ему и краюшки не жаль было; а как стало девать некуда, и поднялась в нем лисья, волчья и свиная кровь. Зверинная кровь всегда в нем была, только ходу ей не было.

Старшой. Ну, молодец! Заслужил краюшку. Теперь только бы вино пили, а они у нас в руках всегда будут!

ВЛАСТЬ ТЬМЫ,
ИЛИ
«КОГОТОК УВЯЗ, ВСЕЙ ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ»

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Если же правый глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

Мф. V, 28, 29.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

Петр — мужик богатый, 42-х лет, женат 2-м браком, болезненный.

Анисья — его жена, 32-х лет, щеголиха.

Акулина — дочь Петра от первого брака, 16-ти лет, крепка на ухо, дурковатая.

Анютка — вторая дочь, 10-ти лет.

Никита — их работник, 25-ти лет, щеголь.

Аким — отец Никиты, 50-ти лет, мужик невзрачный, богобоязненный.

Матрена — его жена, 50-ти лет.

Марина — девка-сирота, 22-х лет.

Действие происходит осенью в большом селе. Сцена представляет просторную избу Петра. Петр сидит на лавке, чинит комут.

Анисья и Акулина прядут,

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Петр, Анисья и Акулина. Последние поют в два голоса.

Петр (*выглядывает из окна*). Опять лошади ушли. Того и гляди, жеребенка убьют. Микита, а Микита! Оглох! (*Прислушивается. На баб:*) Будет вам, не слышать ничего.

Голос Никиты (*с надворья*). Чего?

Петр. Лошадей загони.

Голос Никиты. Загону, дай срок.

Петр (*качая головой*). Уж эти работники! Был бы здоров, ни в жисть бы не стал держать. Один грех с ними... (*Встает и опять садится.*) Микит!.. Не докличешься. Подите, что ль, кто из вас. Акуль, поди загони.

Акулина. Лошадей-то?

Петр. А то чего ж?

Акулина. Сейчас. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Петр и Анисья.

Петр. Да и лодырь малый, нехозяйственный. Коли повернется, коли что.

Анисья. Сам-то ты больно шустер, с печи да на лавку. Только с людей взыскивать.

Петр. С вас не взыскивать, так в год дома не найдешь. Эх, народ!

Анисья. Десять делов в руки сунешь, да и ругаешься. На печи лежа приказывать лёгко.

Петр (*вздыхая*). Эх, кабы не хворь эта привязалась, и дня бы не стал держать.

За сценой голос Акулины: «Псе, псе, псе...» Слышно, жеребенок ржет, и лошади вбегают в ворота. Ворота скрипят.

Бахарить — вот это его дело. Право, не стал бы держать.

Анисья (*передразнивая*). Не стану держать. Ты бы сам поворочал, тогда бы говорил.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Акулина.

Акулина (*входит*). Насилу загнала. Всё чалый...

Петр. Микита-то где ж?

Акулина. Микита-то? На улице стоит.

Петр. Чего ж он стоит?

Акулина. Чего стоит-то? Стоит за углом, калякает.

Петр. Не добьешься от нее толков. Да с кем калякает-то?

Акулина (не расслышав). Чего?

Петр махает на Акулину рукой; она садится за пряжу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Анютка.

Анютка (вбегает. К матери). К Микитке отец с матерью пришли. Домой берут жить, снова дыхнуть.

Анисья. Врешь?

Анютка. Пра! сейчас умереть! (Смеется.) Я мимо иду, Микита и говорит: прощай, говорит, теперь, Анна Петровна. Приходи уже ко мне на свадьбу гулять. Я, говорит, ухожу от вас. Смеется сам.

Анисья (к мужу). Не больно тобою нуждаются. Вон он и сам сходить собрался... «Сгоню!», говорит...

Петр. И пущай идет; разве других не найду?

Анисья. А деньги-то заданы?..

Анютка подходит к двери, слушает, что говорят, и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анисья, Петр и Акулина.

Петр (хмурится). Деньги, коли что, летом отслужит.

Анисья. Да ты рад отпустить, — тебе с хлеба долой. Да зиму-то я одна и ворочай, как мерин какой. Девка-то не больно охоча работать, а ты на печи лежать будешь. Знаю я тебя.

Петр. Да что, ничего не слыхамши, попусту язык трепать.

Анисья. Полон двор скотины. Не продал корову-то и овец всех на зиму пустил, корму и воды не наго-

товишься, — а работника отпустить хочешь. Да не стану я мужицкую работу работать! лягу, вот как ты же, на печь — пропадай всё; как хочешь, так и делай.

Петр (к Акулине). Иди за кормом-то, что ли, — пора.

Акулина. За кормом? Ну, что ж. *(Надевает кафтан и берет веревку.)*

Анисья. Не буду я тебе работать. Буде уж, не стану. Работай сам.

Петр. Да буде. Чего взбеленилась? Ровно овца круговая.

Анисья. Сам ты кобель бешеный! Ни работы от тебя, ни радости. Только поедом ешь. Кобель потрясучий, право.

Петр *(плюет и одевается)*. Тыфу ты! Прости, господи! Пойти узнать толком. *(Выходит.)*

Анисья *(вдогонку)*. Гнилой черт, носастый!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анисья и Акулина.

Акулина. Ты за что батю ругаешь?

Анисья. Ну тебя, дура. Молчи.

Акулина *(подходит к двери)*. Знаю, чего ругаешь. Сама дура, пес ты. Не боюсь я тебя.

Анисья. Ты чего? *(Вскакивает и ищет, чем бы ударить.)* Мотри, я тебя рогачом.

Акулина *(отворив дверь)*. Пес ты, дьявол, вот ты кто! Дьявол, пес, пес, дьявол! *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Анисья одна,

Анисья *(задумывается)*. На свадьбу, говорит, приходи. Это что ж они вздумали? женить? Мотри, Микитка: коли это твой умыслы, я то сделаю... Нельзя мне без него жить. Не пушу я его,

Анисья и Никита.

Никита (*входит, оглядываясь. Видя, что Анисья одна, быстро подходит к ней. Шепотом*). Что, братец ты мой, беда. Приехал родитель, снимать хочет, — домой идти велит. Окончательно, говорит, женим тебя, и живи дома.

Анисья. Что же, женись. Мне-то что?

Никита. Вот так — так. Я рассчитываю, как лучше дело обсудить, а она вон как: жениться велит. Что ж так? (*Подмигивает.*) Аль забыла?..

Анисья. И женись, очень нужно...

Никита. Да ты что фыркаешь-то? Вишь ты, и погладиться не дается... Да ты чего?

Анисья. А того, что бросить хочешь... А хочешь бросить, так и я не нуждаюсь. Вот тебе и сказ!

Никита. Да буде, Анисья. Разве я тебя забыть хочу? Ни в жисть. Окончательно тебя, значит, не брошу. А я так рассчитываю: что и женят, так к тебе же назад приду; только бы домой не брал.

Анисья. Очень ты мне нужен женатый-то.

Никита. Да как же, братец ты мой, — из отцовской воли опять-таки невозможно никак.

Анисья. На отца сворачиваешь, а умыслы — твои всё. Давно ты подлаживаешь с мазихой своей, с Маринкой. Она тебе это намазала. Недаром наемдни прибегала.

Никита. Маринка?! Очень она мне нужна!.. Мало их вешаются-то!..

Анисья. Зачем же отец приехал? Ты велел! Обманывал ты!.. (*Плачет.*)

Никита. Анисья! веришь ты богу аль нет? Ничего-то я и во сне не видал. Окончательно знать не знаю, ведать не ведаю. Всё мой старик с своей головы уздумал.

Анисья. Сам не захочешь, так кто ж тебя, оселом, что ль, притянет?

Никита. Тоже, рассчитываю, невозможно супротив родителя будет исделать. А неохота мне.

Анисья. Упрись, да и всё.

Никита. Уперся один такой-то, так его в волостной так вспрыснули. Очень просто. Тоже не хочется. Сказывают — щекотно.

Анисья. Буде шутить-то. Ты слушай, Микита: коли ты за себя Марину возьмешь, я не знаю, что над собой сделаю... Жизни решусь! Согрешила я, закон рушила, да уж не ворочаться стать. Коли да ты только уйдешь, я то сделаю...

Никита. Мне что ж уходить? Кабы я уйти хотел, я бы давно ушел. Меня как наемни Иван Семеныч приглашал в кучера... А уж жизнь какая! Не пошел же. Потому я так рассчитываю, что я всякому хорош. Если бы ты меня не любила, то другой расчет.

Анисья. То-то и помни. Старик не нынче-завтра помрет, думаю, — все грехи прикроем. Закон приму, думала, будешь хозяином.

Никита. И, что загадывать. Мне что? Я работаю, как для себя стараюсь. Меня и хозяин любит, и баба его, значит, любит. А что меня бабы любят, так я в этом не причинен, — очень просто.

Анисья. Будешь меня любить?

Никита (*обнимает ее*). Во как! Как была ты у меня в душе...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Матрена (*входит и долго крестится на образа; Никита и Анисья отстраняются друг от друга.*)

Матрена. А я что и видала, не видала, что и слышала, не слыхала. С бабочкой поиграл, — что ж? И теленок, ведашь, и тот играет. Отчего не поиграть? — дело молодое. А тебя, сынок, хозяин на дворе спрашивает.

Никита. Я за топором зашел.

Матрена. Знаю, знаю, родной, за каким топором. Этот топор все больше около баб.

Никита (*нагибается, берет топор*). Что ж, матушка, аль и вправду женить меня? Я рассчитываю, что совсем напрасно. Опять-таки и мне бы неохота.

Матрена. И-и! Касатик, зачем женить? Живешь да живешь. Это старик все. Поди, родной, мы и без тебя все дела рассудим.

Никита. Чудно, право: то женить, а то не надо. Окончательно не разберу ничего. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Анисья и Матрена.

Анисья. Что ж, тетка Матрена, аль и вправду женить хотите?

Матрена. С чем женить-то, ягодка! Наш, ведашь, какой достаток? Так себе старичок мой зря болтает: женить да женить. Да не его ума дело. От овса, ведашь, кони не рыщут, от добра добра не ищут, — так и это дело. Разве я не вижу *(подмигивает)*, к чему дело клонит.

Анисья. Что же мне, тетка Матрена, от тебя хорониться. Ты все дела знаешь. Согрешила я, полюбила сына твоего.

Матрена. Ну, новости сказала. А тетка Матрена и не знала. Эх, деушка, тетка Матрена терта, терта да перетерта. Тетка Матрена, я тебе скажу, ягодка, под землей-то на аршин видит. Все знаю, ягодка! Знаю, зачем молодым бабам сонных порошков надоть. Принесла. *(Развязывает узелок платка, достает в бумаге порошки.)* Чего надо, то вижу, а чего не надо, того знать не знаю, ведать не ведаю. Так-то. Тоже и тетка Матрена молодая была. Тоже с своим дураком, ведашь, умеючи прожить надо. Все семьдесят семь уверток знаю. Вижу, ягодка, зачиврел, зачиврел твой-то старик. С чем тут жить? Его вилами ткни, кровь не пойдет. Глядишь, на весну похоронишь. Принять во двор кого-нибудь да надо. А сынок чем не мужик? Не хуже людей. Так что же мне за корысть сына-то с доброго дела снять? Разве я своему детищу враг?

Анисья. Только б не сходил он от нас.

Матрена. И не сойдет, ласточка. Все глупость одна. Старика моего ведашь. Ум у него вовсе расхожий,

а тоже другой раз заберет что в башку, как колом подопрет, никак не выбьешь.

Анисья. Да с чего взялось-то дело это?

Матрена. А видишь ли, ягодка, — малый, сама знаешь, до баб какой, да и красик, нечего сказать. Ну жил он, ведашь, на чугунке, а там у них девчонка-сирота — в куфарках жила. Ну и стала вязаться за ним девчонка эта.

Анисья. Маринка?

Матрена. Она, паралик ее расшиби. Ну и было ли что, нет ли, только и дознайся мой старик. От людей ли, или сама она ему наклевузничала!..

Анисья. Смелая же какая, подлюга!

Матрена. Вот и поднялся мой-то, дурья-то голова: женить, говорит, да женить, грех покрыть. Возьмем, говорит, малого домой да женим. Разговаривала всячески. Куды тебе! Ну, думаю, ладно. Дай по-иному поверну. Их, дураков, ягодка, все так-то манить надо. Всё в согласье как будто. А до чего дело дойдет, сейчас на свое и повернешь. Баба, ведашь, с печи летит, семьдесят семь дум передумает, так где ж ему догадаться. Что ж, говорю, старичок, дело хорошее. Только подумать надо. Пойдем, говорю, к сынку да посоветуем с Петром Игнатьичем. Что он скажет? Вот и пришли.

Анисья. О-ох, тетушка, как же так? Ну, как отец-то велит?

Матрена. Велит? А веленье-то его псу под хвост. Уж ты не сумлевайся, не бывать этому делу, я сейчас с твоим стариком все дела просею, процежу, ничего не останется. Я и пошла с ним — один пример сделать. Как же сынок в счастье живет, счастья ждет, а я за него потаскуху сватать стану. Что ж, я дура, что ль.

Анисья. Она и сюда к нему бегала, Маринка-то. Веришь ли, тетушка, как сказали мне, что женить его, как ножом по сердцу полоснуло меня. Думаю, в сердце она у него.

Матрена. И, ягодка! Что ж, он дурак, что ли? Станет он шлюху бездомовную любить. Микишка, ведашь, малый тоже умный. Он знает, кого любить. А ты, ягодка, не сумлевайся. Не снимем его ни в жизнь.

И женить не станем. А деньжонок убоготворите, и пусть живет.

Анисья. Кажется, уйди Микита, не стану на свете жить.

Матрена. Дело молодое. Легко ли! Баба ты в соку, с таким осметком жить...

Анисья. Веришь ли, тетушка, постыл, уж постыл мне мой-то кобель носастый, и не смотрели бы на него глаза.

Матрена. Да, уж это дело такое. Глянь-ка сюда. *(Шепотом, оглядываясь.)* Была я, ведашь, у старичка этого за порошками, — он мне на две руки дал снадобья. Глянь-ка сюда. Это, говорит, сонный порошок. Дай, говорит, один — сон такой возьмет, что хоть ходи по нем. А это, говорит, такое снадобье, если, говорит, давать пить — никакого духа нет, а сила большая. На семь, говорит, разов, по шепоти на раз. До семи разов давай. И слобода, говорит, ей скоро откроется.

Анисья. О-о-о... Что ж это?

Матрена. Приметки, говорит, никакой. Рублевку взял. Меньше нельзя, говорит. Потому, ведашь, добывать их тоже хитро. Я свою, ягодка, отдала. Думаю, возьмет, не возьмет, Михайловне снесу.

Анисья. О-о! Да може что худое от них?

Матрена. Чему худому-то быть, ягодка? Добро бы мужик твой твердый, а то что ж, только славу делает, что живет. Не жилец ведь он. Много таких-то бывает.

Анисья. О, ох, головушка моя бедная! Боюсь я, тетенька, как бы греха не было. Нет, это что ж?

Матрена. Можно и назад снести.

Анисья. Что ж их, как и те, в воде распушать?

Матрена. В чаю, говорит, лучше. Ничего, говорит, неприметно, ни духу от них нет, ничего. Тоже человек умный.

Анисья *(берет порошки)*. О, о, головушка моя бедная. Пошла бы разве на такие дела, кабы не жисть каторжная.

Матрена. А рублевку-то не забудь, я пообещалась старичку занести. Тоже хлопочет.

Анисья. Уж известно. (Идет к сундуку и прячет порошки.)

Матрена. А ты, ягодка, потеснее держи, чтоб люди не знали. А коли что, помилуй бог, коснется, от тараканов мол... (Берет рубль.) Тоже от тараканов идет... (Обрывает речь.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, Петр и Аким. Аким входит, крестится на образа.

Петр (входит и садится). Так как же, дядя Аким?

Аким. Получше, Игнатьич, как бы получше, тае, получше... Потому как бы не того. Баловство, значит. Хотелось бы, тае... к делу, значит, хотелось малого-то. А коли ты, значит, тае, можно и того. Получше как...

Петр. Ладно, ладно. Садись, потолкуем.

Аким садится.

Что ж так? Аль женить хочешь?

Матрена. Женить-то и повременить можно, Петр Игнатьич. Нужда наша, сам знаешь, Игнатьич. Где тут женить. Сами живота не надышим. Где ж женить!..

Петр. Судите, как лучше.

Матрена. Женить тоже спешить некуда. Это такое дело. Не малина, не опанет.

Петр. Что ж, коли женить — дело хорошее.

Аким. Хотелось бы, значит, тае... Потому мне, значит, тае... работишка в городе, работишка выпала, сходная, значит...

Матрена. Ну уж работа! Ямы чистить. Приехал намедни, так блевала, блевала, тьфу!

Аким. Это точно, сперначала она ровно и тае, шибает, значит, дух-то, а обыкнешь — ничего, все одно, что барда, и значит, тае, сходно... А что дух, значит, тае... это нашему брату обижаться нельзя. Одежонку сменить тоже можно. Хотелось, значит, Микитку дома. Пушай оправдает, значит. Он пушай дома оправдает. А уж я, тае, в городе добуду.

Петр. Хочешь сына дома оставить, оно точно. Да забраты деньги-то как?

Аким. Это верно, верно, Игнатъич, сказал это, значит, тае, правильно, потому нанялся, проданся — это пусть доживает, значит, а вот только, тае, женить; на время, значит, отпусти коли что.

Петр. Что ж, это можно.

Матрена. Да дело-то у нас несогласное. Я перед тобой, Петр Игнатъич, как перед богом откроюсь. Ты хоть нас с стариком рассуди. Заладил, что женить да женить. А на ком женить-то, ты спроси! Кабы невеста настоящая, разве я своему детищу враг, а то девка с пороком...

Аким. Вот это напрасно. Напрасно, тае, наносишь на девку-то. Напрасно. Потому ей, девке этой самой, обида от сына мого, обида, значит, есть. Девке, значит.

Петр. Какая же такая обида?

Аким. А выходит, значит, тае, с сыном Никиткою. С Никиткою, значит, тае.

Матрена. Ты погоди говорить, у меня язык помягче, дай я скажу. Жил это малый-то наш до тебя, сам ведашь, на чугушке. И привяжись там к нему девка, так, ведашь, немудрящая, Маринкой звать, — куфаркой у них в артели жила. Так вот, показывает она, эта самая девка, на сына на нашего, что, примерно, он, Микита, будучи, ее обманул.

Петр. Хорошего тут нет.

Матрена. Да она сама непутевая, по людям шляется. Так, потаскуха.

Аким. Опять ты, значит, старуха, не тае, и все ты не тае, всё, значит, не тае...

Матрена. Вот только и речей от орла от моего — тае, тае, тае, а что тае — сам не знаешь. Ты, Петр Игнатъич, не у меня, у людей спроси про девку, всякий то же скажет. Так — шалава бездомовная.

Петр (Акиму). Что ж, дядя Аким, коли такое дело, тоже женить незачем. Ведь не лапоть, с ноги не снимешь, хоть бы сноху.

Аким (разгорячась). Облыжно, старуха, значит, на девку, тае, облыжно. Потому девка, тае, дюже хороша, дюже хороша девка, значит; жаль мне, жаль, значит, девку-то.

Матрена. Уж прямо Маремьяна-старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят. Жаль девку, а сына не жаль. Навяжи ее себе на шею, да и ходи с ней. Буде пустое-то говорить.

Аким. Нет, не пустое.

Матрена. Да ты не залетай, дай я скажу.

Аким (*перебивает*). Нет, не пустое. Значит, ты на свое воротишь, хоть бы про девку али про себя, — ты на свое воротишь, как тебе лучше, а бог, значит, тае, на свое поворотит. Так и это.

Матрена. Эх, только с тобой язык терзать.

Аким. Девка работающая, важковатая и, значит, тае, вокруг себе... значит. А по нашей бедности нам и тае, рука, значит: и свадьба недорогая. А дороже всего обида есть девке-то, значит, тае, сирота, вот что, девка-то. А обида есть.

Матрена. Всякая, тоже говорит...

Анисья. Ты, дядя Аким, больше слушай нашу сестру. Они тебе расскажут!

Аким. А бог-то, бог! Разве она не человек, девка-то? Значит, тоже, тае, богу-то она человек. А ты как думаешь?

Матрена. А, заладил...

Петр. А вот что, дядя Аким, тоже ведь этим девкам верить нельзя. А малый-то жив. Ведь он вот он! Послать его да спросить толком, правда ли? Он души не убьет. Покличьте малого-то!

Анисья встает.

Скажи ты, отец зовет.

Анисья уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же без Анисьи.

Матрена. Вот это, родной, рассудил, как водой разлил; пушай сам малый скажет. Ведь тоже по нынешнему время силóm женить не велят. Также спросить малого надо. Не захочет он ни в жисть на ней жениться,

себя осрамить. На мой разум, пусть у тебя живет да служит хозяину. И на лето брать незачем, принанять можно. А ты нам десяточку дай, пусть живет.

Петр. Та речь впереди, порядком надо. Одно кончи, тогда другое затевай.

Аким. Я, значит, к тому говорю, Петр Игнатъич, потому, значит, тае, трафлялось. Ладишь, значит, как себе лучше, да про бога, тае, и запомятуешь; думаешь лучше... на себя воротишь, глядь, ан накошлял на шею себе, значит; думал как лучше, ан хуже много, без бога-то.

Петр. Известное дело! бога помнить надо.

Аким. Глядь, оно хуже, а как по закону, да по-божьи, все как-то, тае, оно тебя веселит. Манится, значит. Так и угадывал себе, значит, женю, значит, малого, от греха, значит. Он дома, значит, тае, как должно по закону, а уж я, значит, тае, в городе похлопочу. Работишка-то любезная. Сходно. По-божью-то, значит, тае, и лучше. Сирота ведь тоже. Примером, леть дрова тож у приказчика взяли таким манером. Думали обмануть; приказчика-то обманули, а бога-то, значит, тае, не обманули, ну и того...

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, Никита и Анютка.

Никита. Спрашивали? *(Садится, достает табак.)*

Петр *(тихо, укоризненно)*. Что ж ты, аль порядка не знаешь. Тебя отец спрашивать будет, а ты табаком балуешь да сел. Поди-ка сюда, встань!

Никита становится у стола, развязно облакачиваясь и улыбаясь.

Аким. Выходит, значит, тае, примерно на тебя, Микишка, жалоба, жалоба, значит.

Никита. От кого жалоба?

Аким. Жалоба? От девицы, от сироты, значит, жалоба есть. От ней, значит, и жалоба на тебя, от Марины от этой самой, значит.

Никита (*посмеиваясь*). Чудно, право. Какая ж такая жалоба? Это кто ж тебе сказывал: она, что ли?

Аким. Я таперь, тае, спрос делаю, а ты, значит, тае, должен ответ произвесть. Обвязался ты с девкой, значит, то есть обвязался ты с ней, значит?

Никита. И не пойму окончательно, чего спрашиваете.

Аким. Значит, глупости, тае, глупости, значит, были у тебя с ней, глупости, значит?

Никита. Мало что было. С куфаркой от скуки и пошутить и на гармонии поиграешь, а она попляшет. Какие же еще глупости?

Петр. Ты, Микита, не костыляй, а что спрашивает родитель, ты и отвечай толком.

Аким (*торжественно*). Микита! От людей утаишь, а от бога не утаишь. Ты, Микита, значит, тае, думай, не моги врать! Сирота она, значит, обидеть можно. Сирота, значит. Ты говори получше как.

Никита. Да что, говорить-то нечего. Окончательно все и говорю, потому и говорить нечего. (*Разгорячась.*) Она чего не скажет. Говори, что хошь, как на мертвого. Чего ж она на Федьку Микишкина не сказывала? А это что ж, по нынешнему времени, значит, и пошутить нельзя? А ей вольно говорить.

Аким. Ой, Микишка, мотри! Неправда наружу выйдет. Было аль нет?

Никита (*в сторону*). Вишь, привязались, право. (*К Акиму.*) Сказываю, что ничего не знаю. Ничего у меня с ней не было. (*С злобой.*) Вот те Христос, не сойти мне с доски с этой. (*Крестится.*) Ничего знать не знаю. (*Молчание. Никита продолжает еще горячее.*) Что ж это вы меня на ней женить вздумали? Что ж, в самом деле, право, скандал. Нынче и правов таких нет, чтоб силѝм женить. Очень просто. Да и побожился я — знать не знаю.

Матрена (*на мужа*). То-то, глупая твоя башка, дурацкая; что ему наболтают, а он всему и верит. Только напрасно малого оконфузил. А лучше как живет, так пускай и живет у хозяина. Хозяин нам теперь на нужду десяточку даст. А время придет, и женим.

Петр. Ну, как же, дядя Аким?

Аким (*щелкает языком; к сыну*). Мотри, Микита, обижена слеза, тае, мимо не канет, а всё, тае, на человеческу голову. Мотри, как бы не того.

Никита. Да что смотреть-то, ты сам смотри. (*Садится.*)

Анютка. Пойти мамушке сказать. (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Петр, Аким, Матрена и Никита.

Матрена (*к Петру*). Вот так-то всё, Петр Игнатьич. Баламутный он у меня, втемяшит что в башку, не выбьешь никак; только даром тебя потревожили. А как жил малый, так пусть и живет. Держи малого — твой слуга.

Петр. Так как же, дядя Аким?

Аким. Что ж, я, тае, воли с малого не снимал, только бы не тае. Хотелось было, значит, тае...

Матрена. И что путаешь, сам не знаешь. Пусть живет, как жил. Малому и самому сходить неохота. Да и куда нам его, сами управим.

Петр. Одно, дядя Аким: если ты его на лето сьмешь, он мне на зиму не нужен. Уж жить, так в год.

Матрена. На год и заложится. Мы дома, в рабочую пору, коли что, принайдем, а малый пусть живет, а ты нам теперича десяточку.

Петр. Так как же, еще на год?

Аким (*вздыхает*). Да что ж, уж, видно, тае, коли так, значит, видно, уж тае.

Матрена. Опять на год, от Митриевой субботы. В цене ты не обидишь, а десяточку теперь дай. Вызволь ты нас. (*Встает и кланяется.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же, Анисья и Анютка. (*Анисья садится к сторонке.*)

Петр. Что ж? Коли так, так так — до трактира дойти и магарычи. Пойдем, дядя Аким, водочки выпьем.

Аким. Не пью я ее, вино-то, не пью.

Петр. Ну, чайку попьешь.

Аким. Чаем грешен. Чаем, точно.

Петр. И бабы-то чайку попьют. Ты, Микита, смотри, овец-то перегони да солому подбери.

Никита. Ладно.

Все уходят, кроме Никиты. Смеркается,

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Никита один.

Никита (*закуривает папироску*). Вишь, приста-ли, скажи да скажи, как с девками гулял. Эти истории рассказывать долго будет. Женись, говорит, на ней. На всех да жениться—это жен много наберется. Нужно мне очень жениться, и так не хуже женатого живу, завидуют люди. И как это меня как толкнул кто, как я на образ перекрестился. Так сразу всю канитель и сборвал. Боязно, говорят, в неправде божиться. Всё одна глупость. Ничего, одна речь. Очень просто.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Никита и Акулина.

Акулина (*входит в кафтане, кладет веревку, раздевается и идет в чулан*). Ты бы хоть огонь засветил.

Никита. На тебя глядеть? Я тебя и так вижу.

Акулина. Ну тебя!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Анютка.

Анютка (*вбегает; к Никите шепотом*). Микита, иди скорей, тебя человек один спрашивает, одна дыхнуть.

Никита. Какой человек?

Анютка. Маринка с чугулки. За углом стоит.

Никита. Врешь.

Анютка. Однова дыхнуть.

Никита. Чего же ей?

Анютка. Тебе приходится велела. Мне, говорит, Миките только слово одно сказать надо. Стала я спрашивать, а она не сказывает. Только спросила: правда ли, что он от вас сходит? А я говорю: неправда, его отец хотел снять да женить, да он отказался, у нас на год еще остался. А она и говорит: пошли ты его ко мне, ради Христа. Мне, говорит, беспрерменно нужно ему слово сказать. Она уж давно ждет. Иди же к ней.

Никита. Ну ее к богу. Куда я пойду?

Анютка. Она говорит, коль не придет, я сама в избу к нему пойду. Однова дыхнуть, приду, говорит.

Никита. Небось постоит да уйдет.

Анютка. Аль, говорит, его на Акулине женить хотят?

Акулина (*подходит к Никите за своей прялкой*). Кого на Акулине женить?

Анютка. Микиту.

Акулина. Легко ль? Да кто говорит-то?

Никита. Да, видно, люди говорят. (*Смотрит на нее, смеется*.) Акулина, что, пойдешь за меня?

Акулина. За тебя-то? Може, допрежь и пошла бы, а теперь не пойду.

Никита. Отчего теперь не пойдешь?

Акулина. А ты меня любить не будешь.

Никита. Отчего не буду?

Акулина. Тебе не велят. (*Смеется*.)

Никита. Кто не велит?

Акулина. Да мачеха. Она все ругается, все за тобой глядит.

Никита (*смеется*). Вишь ты! Однако ты приметливая.

Акулина. Я-то? Что мне примечать? Разве я слепая? Нынче она бацию пузырила, пузырила. Ведьма она толстомордая. (*Уходит в чулан*.)

Анютка. Никита! глянь-ка. (*Глядит в окно*.) Идет. Однова дыхнуть, она. Я уйду. (*Уходит*.)

Никита, Акулина в чулане и Марина.

Марина (*входит*). Что ж это ты со мной делаешь?

Никита. Что делаю? Ничего не делаю.

Марина. Отречься хочешь?

Никита (*сердито подымаясь*). Ну, к чему подобно, что пришла?

Марина. Ах, Микита!

Никита. Чудные вы, право. Зачем пришла?

Марина. Микита!

Никита. Ну что Микита? Микита и есть. Чего надо-то? Иди, говорю.

Марина. Так, вижу, бросить, позабыть хочешь?

Никита. Что помнить-то? Сами не знают. За углом стояла, Анютку послала, не пришел я к тебе. Значит, не надобна ты мне, очень просто. Ну и уйди.

Марина. Не надобна! Не надобна теперь стала. Поверила я тебе, что любить будешь. А потерял ты меня, и не надобна стала.

Никита. И все ни к чему ты это говоришь, все несообразно. Ты и отцу наговорила. Уйди, сделай милость.

Марина. Сам знаешь, что никого, кроме тебя, не любила. Взял бы не взял замуж, я на то бы не обижалась. Не повинна я перед тобой ничем. За что разлюбил? За что?

Никита. Нечего нам с тобою переливать из пустого в порожнее. Уйди ты. То-то бестолковые!

Марина. Не то мне больно, что обманул меня, жениться обещал, а что разлюбил. И не то больно, что разлюбил, а на другую променял, — на кого, знаю я!

Никита (*злбно идет к ней*). Эх! С вашей сестрой разговаривать, никаких резонов не понимают; уйди, говорю, до худа доведешь.

Марина. До худа? Что ж, меня бить будешь? Бей, на! Что морду-то отворотил? Эх, Никита.

Никита. Известно, нехорошо, народ придет. А что ж попусту толковать.

Марина. Так конец, значит, что было, то уплыло. Позабыть велишь! Ну, Никита, помни. Берегла я свою

честь девичью пуше глаза. Погубил ты меня ни за что, обманул. Не пожалел сироту (*плачет*), отрекся от меня. Убил ты меня, да я на тебя зла не держу. Бог с тобой. Лучше найдешь — позабудешь, хуже найдешь — вспомняешь. Вспомняешь, Никита. Прощай, коли так. И любила ж я тебя. Прощай в последний. (*Хочет обнять его и берет за голову.*)

Никита (*вырываясь*). Эх! Разговаривать с вами. Не хочешь уходить, я сам уйду, оставайся тут.

Марина (*вскрикивает*). Зверь ты! (*В дверях.*)
Не даст тебе бог счастья! (*Уходит, плача.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Никита и Акулина.

Акулина (*выходит из чулана*). А пес ты, Никита.

Никита. А что?

Акулина. Как взвыла-то она. (*Плачет.*)

Никита. Ты-то чего?

Акулина. Чего? О...би...дел ты ее... Ты так-то и меня обидишь... пес ты. (*Уходит в чулан.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Никита один.

Никита. (*Молчание.*) То-то неразбериха. Люблю я этих баб, как сахар; а нагретишь с ними — беда!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

Петр.
Анисья.
Акулина.
Анютка.

Никита.
Матрена.
Кума — соседка.
Народ.

Сцена представляет улицу и избу Петра. Слева от зрителя — изба в две связи, сени, с крыльцом в середине; справа — ворота и край двора. У края двора Анисья треплет пеньку. После первого действия прошло шесть месяцев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анисья одна.

Анисья (*останавливается, прислушиваясь*). Опять что-то бурчит. Должно, слез с печи.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анисья и Акулина (*входит с ведрами на коромысле*).

Анисья. Кличет. Поди погляди, чего ему? Во... орет.

Акулина. А ты-то что ж?

Анисья. Иди, говорят.

Акулина идет в избу,

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анисья одна.

Анисья. Измучал он меня. Не открывает, где деньги, да и все. Намедни в сенях был, должно там прятал. Теперь и сама не знаю где. Спасибо, расстаться с ними боится. Всё в доме они. Только б найти. А на нем вчерась не было. Теперь и сама не знаю где. Измучал меня на отделку.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анисья и Акулина (выходит, повязываясь платком).

Анисья. Куда ты?

Акулина. Куды? А велел тетушку Марфу позвать. Позови, говорит, сестру ко мне. Я помру, говорит, нужно мне ей сказать слово.

Анисья (*про себя*). Сестру зовет. О, головушка моя! О-о! Должно, ей отдать хочет. Что стану делать! О! (*Акулине*.) Не ходи! Куда ты?

Акулина. За теткой.

Анисья. Не ходи, говорю, я сама схожу, а ты с бельем-то иди на речку. А то до вечера не успеешь.

Акулина. Да он мне велел.

Анисья. Иди, куда посылают. Сама, говорят, схожу за Марфой. Рубахи-то возьми с плетня.

Акулина. Рубахи? Да ты, мотри, не пойдешь. Он велел.

Анисья. Сказала, пойду. Анютка где?

Акулина. Анютка? Она телят стережет.

Анисья. Пошли ее, авось не разбегутся.

Акулина собирает белье и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анисья одна.

Анисья. Не пойтить — заругает, а пойтить — отдаст он сестре деньги. Пропадут все мои труды. И что делать, сама не знаю. Расскочилась моя голова. (*Продолжает работать*.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анисья и Матрена (входит с палочкой и узелком по-дорожному).

Матрена. Бог помочь, ягодка.

Анисья (оглядывается, бросает работу и всплескивает руками от радости). Вот не чаяла, тетушка. Лучил же бог какого гостя ко времени.

Матрена. Ну, что?

Анисья. Уж я и в уме смешалась. Беда!

Матрена. Что ж, жив, сказывают?

Анисья. И не говори. Жить не живет и помирать не помирает.

Матрена. Деньги-то не передал кому?

Анисья. Сейчас за Марфой, за сестрой родной, посылает. Должно, об деньгах.

Матрена. Видимое дело. Да не передал ли кому помимо?

Анисья. Некому. Я, как ястреб, над ним стерегу.

Матрена. Да где ж они?

Анисья. Не сказывает. И не дознаюсь никак. Хоронит где-то из одного места в другое. А мне тоже от Акульки нельзя. Дура-дура, а тоже подсматривает, караулит. О, головушка моя! Измучилась я.

Матрена. Ох, ягодка, отдаст денежки помимо твоих рук, век плакаться будешь. Сопхают они тебя со двора ни с чем. Маялась ты, маялась, сердечная, век-то свой с немилым, да и вдовой с сумой пойдешь.

Анисья. И не говори, тетка. Изныло мое сердце, и не знаю, как быть, и посоветовать не с кем. Говорила Миките. А он робеет, не хочет в это дело вступать. Только сказал мне вчерась, что в полу они.

Матрена. Что ж, лазила?

Анисья. Нельзя — сам тама. Я примечаю, — он их то на себе носит, то хоронит.

Матрена. Ты, деушка, помни: раз маху дашь, век не справишься. (Шепотом.) Что ж, крепкого чаю-то давала?

Анисья. О-о! (Хочет отвечать, видит соседку, замолкает.)

Те же и кума (проходит мимо избы, прислушивается к крику в избе. К Анисье).

Кума. Кума! Анисья, а Анисья! Твой, никак, кличет. Анисья. Он все так кашляет, ровно кричит. Плох уж очень.

Кума (подходит к Матрене). Здорово, баушка, отколь бог несет?

Матрена. А из двора, милая. Сынка проведать пришла. Рубах принесла. Тоже свое детище, ведашь, жалко.

Кума. Да уж такое дело. (К Анисье.) Хотела, кума, кросна белить, да, думается, рано. Люди не зачинали.

Анисья. Куда спешить-то?

Матрена. Что ж, сообщали?

Анисья. Как же, вчераш поп был.

Кума. Поглядела я вчераш тоже, матушка моя, и в чем душа держится. Измадел как. А уж наемдни, матушка моя, совсем помирал, под святые положил. Уж и оплакали, омывать собирались.

Анисья. Ожил — поднялся; опять бродит теперь.

Матрена. Что ж, соборовать станете?

Анисья. Люди приглашают. Коли жив будет, хотим завтра за попом посылать.

Кума. Ох, скучно, чай, тебе, Анисьюшка? Недаром молвится: не тот болен, кто болит, а кто над болью сидит.

Анисья. Уж как скучно-то. Да уж одно бы что.

Кума. Известно дело, легко ли, год целый помирает. По рукам связал.

Матрена. Тоже и вдовье дело горькое. Хорошо дело молодое, а на старости лет кто пожалеет. Старость — не радость. Хоть бы мое дело. Недалеко прошла, уморилась, ног не слышу. Сынок-то где?

Анисья. Пашет. Да ты заходи, самовар поставим, чайком душеньку отведешь.

Матрена (садится). И то уморилась, миленькис. А что соборовать — это бесприменно надо. Люди говорят — тоже душе на пользу.

Анисья. Да завтра пошлем.

Матрена. То-то, оно лучше. А у нас, деушка, свадьба.

Кума. Что ж так, весной?

Матрена. Да, видно, пословица недаром молвится: бедному жениться и ночь коротка. Семен Матвеевич за себя Маринку взял.

Анисья. Нашла-таки себе счастье!

Кума. Вдовец, должно, на детей пошла.

Матрена. Четверо. Какая же путная пойдет! Ну, ее и взял. Она и рада. Вино пили, ведашь, стаканчик не крепкий был, — проливали.

Кума. Вишь ты! Слух-то был? А с достатком мужик-то?

Матрена. Живут ничего пока.

Кума. Оно точно, что на детей кто пойдет. Вот хоть бы у нас Михайло. Мужик-то, матушка моя...

Голос мужика. Эй, Мавра, куда тебя дьявол носит? Поди корову загни.

Соседка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Анисья и Матрена.

Матрена (*пока соседка уходит, говорит ровным голосом*). Выдали, деушка, от греха, по крайности мой дурак об Микишке думать не будет. (*Вдруг меняет голос на шепот.*) Ушла! (*Шепотом.*) Что ж, говорю, чайком-то поила?

Анисья. И не поминай. Помирал бы лучше сам. Все одно не помирает, только греха на душу взяла. О-о! головушка моя! И зачем ты мне давала порошки эти?

Матрена. Что ж порошки? Порошки, деушка, сонные, что ж не дать? От них худа не будет.

Анисья. Я не про сонные, а про те, про беле-ые-то.

Матрена. Что ж, те порошки, ягодка, лекарственные.

А н и с ь я (вздыхает). Знаю, да боязно. Измучал он меня.

М а т р е н а. Что ж, много извела?

А н и с ь я. Два раза давала.

М а т р е н а. Что ж, не приметно?

А н и с ь я. Я сама в чаю пригубила, чуть горчит. А он выпил с чаем-то, да и говорит: мне и чай-то противен. Я говорю: больному все горько. Да и жутко же мне стало, тетушка.

М а т р е н а. А ты не думай. Что думать, то хуже.

А н и с ь я. И лучше ты мне не давала бы и на грех не наводила. Как вспомнишь, так на душе загребит. И зачем ты дала мне их?

М а т р е н а. И, что ты, ягодка! Христос с тобой. Что ж ты на меня-то сворачиваешь? Ты, деушка, мотри, с больной головы на здоровую не сворачивай. Коли чего коснется, мое дело сторона, я знать не знаю, ведавать не ведаю, — крест поцелую, никаких порошков не давала и не видала и не слыхала, какие такие порошки бывают. Ты, деушка, сама думай. Мы и то намеднись про тебя разговорились, как она, мол, сердечная, мается. Падчерица — дура, а мужик гнилой — присуха одна. С этой жизни чего не сделаешь.

А н и с ь я. Да я и то не отрекусь. От моего житья не то что эти дела, а либо повеситься, либо его задуть. Разве это жизнь?

М а т р е н а. То-то и дело. Рот разевать некогда. А как-никак, обыскать деньги да чайком попить.

А н и с ь я. О-о, головушка моя бедная! И что делать теперь, сама не знаю, и жуть берет, — помирал бы уж лучше сам. Тоже на душу брать не хочется.

М а т р е н а (с злобой). А что ж он деньги-то не открывает? Что ж, он их с собой возьмет, никому не достанутся? Разве это хорошо? Помилуй бог, такие деньжищи да дуром пропадут. Разве это не грех? Что ж он-то делает? На него и смотреть?

А н и с ь я. Уже и сама не знаю. Измучал он меня.

М а т р е н а. Чего не знать-то? Дело на виду. Промашку теперь сделаешь, век каяться будешь. Передаст он сестре деньги, а ты оставайся.

Анисья. О-ох, и то посылаю ведь за ней, — идти надо.

Матрена. А ты погоди ходить, а первым делом самоварчик поставь. Мы его чайком попоим да деньги вдвоем поищем — дошупаемся небось.

Анисья. О-о! Как бы чего не было.

Матрена. А то что ж? Что смотреть-то. Что ж ты деньги-то только глазами поваляешь, а в руки не попадут? Ты делай.

Анисья. Так я пойду самовар поставлю.

Матрена. Иди, ягодка, дело делай как надо, чтоб после не тужить. Так-то. *(Анисья отходит, Матрена подзывает.)* Одно дело: Микитке не сказывай про все дела. Он дурашный. Избави бог, узнает про порошки. Он бог знает что сделает. Жалостлив он очень. Он, ведашь, и курицы, бывало, не зарежет. Не сказывай ему. Беда, он того не рассудит. *(Останавливается в ужасе, на пороге показывается Петр.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Петр *(держась за стенку, выползает на крыльцо и кличет слабым голосом).*

Петр. Что ж вас не дозовешься. О-ох! Анисья, кто здесь? *(Падает на лавку.)*

Анисья *(выходит из-за угла).* Чего вылез? Лежал бы, где лежал.

Петр. Что, за Марфой ходила девка-то?.. Тяжко... Ох, хоть бы смерть скорее!..

Анисья. Недосуг ей, я ее на речку послала. Дай срок, управлюсь, сама схожу.

Петр. Анютку пошли. Где она? Ох, тяжко! Ох, смерть моя!

Анисья. Я и то послала за ней.

Петр. Ох! Где ж она?

Анисья. Где она там, пралик ее расшиби?

Петр. Ох, мочи моей нет. Сожгло нутро. Ровно буравцом сверлит. Что ж меня бросили, как собаку... и напиток подать некому... Ох... Анютку пошли ко мне.

Анисья. Вот она, Анютка, иди к отцу.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Анютка (вбегает. Анисья уходит за угол).

Петр. Поди ты... ох... к тетке Марфе, скажи: отец, мол, зовет, пришла чтоб, нужно мне.

Анютка. Ну что ж.

Петр. Постой. Скорее нужно, скажи. Скажи — помирать хочу. О-ох...

Анютка. Только платок возьму, а я сейчас. (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Петр, Анисья и Матрена.

Матрена (подмигивая). Ну, деушка, дело свое помни. Иди в избу, везде ошарь. Ищи, как собака блох ищет; все перебери, а я на нем обыщу.

Анисья (к Матрене). Сейчас. Все с тобой смелей как будто. (Подходит к крыльцу. К Петру.) Самовар не поставит ли тебе? И тетка Матрена к сыну пришла, — с ней попетье.

Петр. Что ж, поставь.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Петр и Матрена. Матрена подходит к крыльцу.

Петр. Здорово.

Матрена. Здравствуй, благодетель. Здравствуй, касатик. Хвораешь, видно, все. И старик мой как жалеет. Поди, говорит, проведай. Поклон прислал. (Еще раз кланяется.)

Петр. Помираю я.

Матрена. И то, посмотрю на тебя, Игнатьич, не по лесу, видно, а по людям боль-то ходит. Исчадел, исчадел ты весь, сердечный, погляжу на тебя. Не красит, видно, хворь-то.

Петр. Пришла смерть моя.

Матрена. Что ж, Петр Игнатьич, божья воля, со-

общили, особоруют, бог даст; баба у тебя, слава богу, умная, и похоронят и помянут, всё честь честью. И мой сыночек тоже, поколе что, по дому хлопотать будет.

Петр. Приказать некому! Необстоятельна баба, глупостями занимается, ведь все знаю я... знаю... Девка дурковата, да и млада. Дом собирал, а обдумать некому. Жаль тоже. *(Хнычет.)*

Матрена. Что ж, коли деньги или что, приказать можно...

Петр *(к Анисье в сенцы)*. Пошла, что ль, Анютка-то?

Матрена *(в сторону)*. Ишь, вспомнил.

Анисья *(из сеней)*. В ту же пору пошла. Иди в избу-то, что ль, я проведу.

Петр. Дай посижу напоследях. Дух тяжкий там. Тяжко мне... Ох, сожгло сердце все... Хоть бы смерть...

Матрена. Бог души не вынет, сама душа не выйдет. В смерти и животе бог волен, Петр Игнатьич. Тоже и смерти не угадаешь. Бывает, и поднимешься. Так-то вот у нас в деревне мужик совсем уж было помирал...

Петр. Нет. Чую я, что нынче помру, чую. *(Прислоняется и закрывает глаза.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Анисья.

Анисья *(входит)*. Ну что ж, пойдешь али нет? Тебя не дожدهшься. Петра? А Петра?

Матрена *(отходит и манит к себе пальцем Анисью)*. Ну что ж?

Анисья *(сходит с крыльца к Матрене)*. Нету.

Матрена. Да ты всё ли обыскала? В полу-то?

Анисья. И там нету. Нешто в пуньке. Вчера туда лазил.

Матрена. Ищи, пуще всего ищи. Как языком вылижи. А я примечаю — нынче и так помереть: ноготь синий, и на лицо земля пала. Самовар-то поспел, что ль?

Анисья. Закипать хочет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Никита (приходит с другой стороны, а если можно, приезжает на лошади к воротам; не видит Петра).

Никита (к матери). Здорово, матушка! Здоровы ли дома?

Матрена. Слава господу богу, живем, пока хлеб жуем.

Никита. Ну что, хозяин как?

Матрена. Тише, вон он сидит. (Показывает на крыльцо.)

Никита. Так что же, пушай сидит. Мне чего?

Петр (открывает глаза). Микита, а Микита, подь-ка сюда.

Никита подходит. Анисья шепчется с Матреной.

Что рано приехал?

Никита. Допахал.

Петр. За мостом полоску пахал?

Никита. Туда далече ехать.

Петр. Далече? Из дома дальше. За нарочным поедешь. Заодно бы.

Анисья, не показываясь, прислушивается.

Матрена (подходит). Ах, сынок, что ж так хозяину не стараешься? Хозяин хворый, на тебя надеется, ты должен, как отцу родному, жилы вытягивай, а служи. Так я тебе приказывала.

Петр. Так ты того, ох!.. картошки повыгтаскай, бабы... о!.. переберут.

Анисья (про себя). Как же, и пошла я. Опять от себя всех усрать хочет; должно, на нем теперь деньги-то. Куда-нибудь схоронить хочет.

Петр. А то, о-ох!.. сажать время придет, а они попрели. Ох, мочи нет. (Поднимается.)

Матрена (вбегает на крыльцо, поддерживает Петра). Аль в избу свесть?

Петр. Сведи. (Остановливается.) Микита!

Никита (сердито). Чего еще?

Петр. Не увижу тебя... Помру нынче... Прости меня, Христа ради, прости, когда согрешил перед

тобой... Словом и делом, согрешил когда... Всего было. Прости.

Никита. Что ж прощать, мы сами грешные.

Матрена. Ах, сынок, — ты почувствуй.

Петр. Прости, Христа ради. *(Плачет.)*

Никита *(сопит)*. Бог простит, дядя Петр. Что ж, мне на тебя обижаться нечего. Я от тебя худого не видал. Ты меня прости. Может, я виноватее перед тобою. *(Плачет. Петр, хныкая, уходит. Матрена поддерживает его.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Никита и Анисья.

Анисья. О, головушка моя бедная! Неспроста он это. Задумал, видно, что. *(Подходит к Никите.)* Что ж ты сказывал, что деньги в полу, — нету там.

Никита *(не отвечает, плачет)*. Я от него худого, окромя хорошего, ничего не видал. А я вот что сделал!

Анисья. Ну, буде. Деньги-то где?

Никита *(сердито)*. А кто его знает. Ищи сама.

Анисья. Что больно жалостлив?

Никита. Жалко мне его. Как жалко его! Заплакал как! Э-эх!

Анисья. Вишь, жалость напала, есть кого жалеть! Он тебя собачил, собачил, и сейчас приказывал, чтоб согнать тебя со двора долой. Ты бы меня пожалел.

Никита. Да что тебя жалеть-то?

Анисья. Помрет, деньги скроет...

Никита. Небось не скроет...

Анисья. Ох, Никитушка! За сестрой ведь послал, ей отдать хочет. Беда наша, как нам жить будет, как он деньги отдаст. Ссунут они меня со двора! Уж ты бы похлопотал. Ты сказывал, в пуньку вечор лазял он?

Никита. Видел, он отель идет, а куда сунул, кто его знает.

Анисья. О, головушка, пойду там поищу.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же и Матрена (выходит из избы, спускается к Анисье и Никите, шепотом).

Матрена. Никуда не ходи, деньги на нем, я ошупала, на гайтане они.

Анисья. О, головушка моя бедная!

Матрена. Теперь сморгаешь, ищи тогда на орле — на правом крыле. Сестра придет — и прощайся.

Анисья. И то придет, отдаст ей. Как быть-то? О, головушка!

Матрена. Как быть-то? А ты смотри сюда. Самовар-то вскипел, поди ты завари чайкю да налей ему (шепотом), да из грамотки-то всю высыпь, да попой его. Выпьет чашку, тогда и тащи. Небось не расскажет.

Анисья. О, боязно!

Матрена. Ты это не толкуй, живо делай, а я сестру-то постерегу, коли что. Оплошки не давай. Тащи деньги да и неси сюда, а Микита схоронит.

Анисья. О, головушка! Как приступиться-то и... и...

Матрена. Говорю, не толкуй; делай, как велю. Микита!

Никита. Чего?

Матрена. Ты тут постой, посиди на завалинке, коли что, дело будет.

Никита (махая рукой). Уж эти бабы придумают. Окончательно завертят. Ну вас совсем! Пойти и то — картошки повытаскать.

Матрена (останавливает его за руку). Говорю, постой.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Анютка (входит).

Анисья. Ну, что?

Анютка. Она у дочери на огороде была, сейчас придет.

Анисья. Придет она, что делать будем?

Матрена (*Анисья.*) Поспешь, делай, что велю.
Анисья. Уж сама не знаю — не знаю ничего, в уме смешалось. Анютка! Иди, донюшка, к телятам, разбежались. Ох, не насмелюсь.

Матрена. Иди, что ль, самовар ушел, я чай.

Анисья. Ох, головушка моя бедная! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДАТОЕ

Матрена и Никита.

Матрена (*подходит к сыну.*) Так-то, сынок. (*Садится рядом с ним на завалинку.*) Дело твое тоже обдумать надо, а не как-нибудь.

Никита. Да какое дело-то?

Матрена. А то дело, как тебе на свете прожить.

Никита. Как на свете прожить? Люди живут, так и я.

Матрена. Старик-то, должно, нынче помрет?

Никита. Помрет, царство небесное. Мне-то что?

Матрена (*все время говорит и поглядывает на крыльцо*). Эх, сынок! Живой живое и думает. Тут, ягодка, тоже ума надо много. Ты как думаешь, я по твоему делу по всем местам толкалась, все ляжки измызгала, об тебе хлопотамши. А ты помни, тогда меня не забудь.

Никита. Да о чем хлопотала-то?

Матрена. О деле о твоём, об судьбе об твоей. Загодя не похлопотать, ничего и не будет. Иван Мосеича знаешь? Я до него тоже притолчна. Зашла наемдни. Я ему, ведашь, тоже дело одно управила. Посидела, к слову разговорились. Как, говорю, Иван Мосеич, рассудить дело одно. Примерно, говорю, мужик вдовый, взял, примерно, за себя другую жену и, примерно, только и детей, что дочь от той жены да от этой. Что, говорю, как помрет мужик этот, можно ли, я говорю, войти на вдову эту в двор чужому мужику? Можно, я говорю, этому мужику дочерей замуж отдать и самому во дворе остаться? Можно, говорит, да только надо, говорит, старанья тут много, С деньгами, говорит, мож-

но это дело оборудовать, а без денег, говорит, и соваться нечего.

Никита (смеется). Да уж это что говорить, только подавай им деньги-то. Денежки всем нужны.

Матрена. Ну, ягодка, я и открылась ему во всех делах. Первым делом, говорит, надо твоему сыночку в ту деревню приписаться. На это денежки нужно, — стариков попоить. Они, значит, и руки приложат. Все, говорит, надо с умом делать. Глянь-ка сюда (достает из платка бумагу). Вот и бумагу отписал, почитай-ка, ведь ты дошлый. (Никита читает, Матрена слушает.)

Никита. Бумага, известно, приговор значит. Тут мудрости большой нет.

Матрена. А ты слухай, что Иван Мосейч приказывал. Пуще всего, говорит, тетка, смотри, чтоб денежки не упустить. Не ухватит, говорит, она деньги, не дадут ей на себя зятя принять. Деньги, говорит, всему делу голова. Так мотри. Дело, сынок, доходит.

Никита. Мне что? Деньги ее, она и хлопочи.

Матрена. Эка ты, сынок, судишь! Разве баба может обдумать? Если что и возьмет она деньги, где ж ей обдумать, — бабье дело известно, а ты все мужик. Ты, значит, можешь и спрятать и все такое. У тебя все-таки ума больше, коли чего коснется.

Никита. Эх! женское ваше понятие обстоятельное совсем.

Матрена. Как же обстоятельно! Ты заграбь денежки-то. Баба-то у тебя в руках будет. Если случаем и похрапывать начнет или что, ей укороту можно сделать.

Никита. Ну вас совсем, пойду.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Никита, Матрена и Анисья (выбегает бледная из избы за угол к Матрене).

Анисья. На нем и были. Вот они. (Показывает под фартуком.)

Матрена. Давай Микитке, он схоронит, Микитка, бери, схорони куда.

Никита. Что ж, давай.

Анисья. О-ох, головушка, да уж я сама, что ли.
(Идет к воротам.)

Матрена (хватает ее за руку). Куда идешь? Хватятся, вон сестра идет, ему давай, он знает. Эка бестолковая!

Анисья (останавливается в нерешительности).
О, головушка!

Никита. Что ж, давай, что ль, суну куда.

Анисья. Куда сунешь-то?

Никита. Аль робеешь? (Смеется.)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Те же и Акулина (идет с бельем).

Анисья. О-ох, головушка моя бедная! (Отдает деньги.) Микита, мотри.

Никита. Чего боишься-то? Туда запхаю, что и сам не найду. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Матрена, Анисья и Акулина.

Анисья (стоит в испуге). О-ох!.. Что как он...

Матрена. Что ж, помер?

Анисья. Да помер, никак. Я снимала, он и не почувял.

Матрена. Иди в избу-то, вон Акулина идет.

Анисья. Что ж, я нагрешила, а он да что с деньгами...

Матрена. Буде, иди в избу, вот и Марфа идет.

Анисья. Ну, поверила я ему. Что-то будет. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Марфа, Акулина, Матрена.

Марфа (*идет с одной, Акулина с другой стороны. К Акулине*). Я бы даве пришла, да к дочери пошла. Ну, что старик-от? Аль помирать хочет?

Акулина (*снимает белье*). А кто его знает. Я на речке была.

Марфа (*указывая на Матрену*). Это чья ж?

Матрена. А из Зуева, Микиты мать я, из Зуева, родимая. Здравствуйтесь. Изныл, изныл сердечный, братец-то. Сам выходил. Пошли мне, говорит, сестрицу, потому, говорит... О! да уж не кончился ли?

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Те же и Аңисья (*выбегает из избы с криком, хватается за столбик и начинает выть*).

О-о-о, и на кого-о-о и оставил и о-о-о и на ко-ого-о-о по-ки-и-нул о-о-о... вдовой горемычной... век вековать, закрыл ясны очи...

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и кума. Кума и Матрена подхватывают ее под руки. Акулина и Марфа идут в избу. Народ приходит.

Один голос из народа. Старух позвать, убирать надо.

Матрена (*засучивает рукава*). Вода в чугуне-то есть, что ли? А то и в самоваре, я чай, есть. Не вылили. Потружусь и я.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

Аким.
Никита.
Акулина,
Анисья.

Анютка,
Митрич — старик-работник,
отставной солдат,
Кума Анисьи.

Изба Петра. Зима. После второго действия прошло девять месяцев. Анисья ненарядная сидит за станом, ткёт. Анютка на печи. Митрич, старик-работник,

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Митрич (*входит медленно, раздевается*). О, господи помилуй! Что ж, не приезжал хозяин-то?

Анисья. Чего?

Митрич. Микита-то из города не бывал?

Анисья. Нету.

Митрич. Загулял, видно. О господи!

Анисья. Убрался на гумне-то?

Митрич. А то как же? Все как надо убрал, соломкой прикрыл. Я не люблю как-нибудь. О господи! Микола милословый! (*Ковыряет мозоли.*) А то бы пора ему и быть.

Анисья. Чего ему торопиться. Деньги есть, гуляет с девкой, я чай...

Митрич. Деньги есть, так чего ж не гулять. Акулина-то почто в город поехала?

Анисья. А ты спроси ее, зачем туда нелегкая понесла.

Митрич. В город-то зачем? В городе всего много, только бы было на что. О господи!

Анютка. Я, матушка, сама слышала. Полушальчик, говорит, тебе куплю, однава дыхнуть, куплю, говорит; сама, говорит, выберешь. И убралась она хорошо как: безрукавку плисовую надела и платок французский.

Анисья. Уж и точно девичий стыд до порога, а переступила — и забыла. То-то бесстыжая!

Митрич. Вона! Чего стыдиться-то? Деньги есть, так и гуляй. О господи! Ужинать-то рано, что ли?

Анисья молчит.

Пойти погреться пока что. (*Лезет на печь.*) О господи, мать пресвятая богородица, Микола-угодник!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и кума.

Кума (*входит*). Не ворочался, видно, твой-то?

Анисья. Нету.

Кума. Пора бы. В наш трактир не заехал ли. Сестра Фекла сказывала, матушка моя, стоят там саней много из города.

Анисья. Анютка! а Анютка!

Анютка. Чего?

Анисья. Сбегай ты, донюшка, в трактир, посмотри, уж не туда ли он спьяна заехал?

Анютка (*спрыгивает с печи, одевается*). Сейчас.

Кума. И Акулину с собой взял?

Анисья. А то бы ехать незачем. Из-за нее дела нашлись. В банку, говорит, надо, получка вышла, а все только она его путает.

Кума (*качает головой*). Уж и что говорить,

Молчание.

Анютка (в дверях). А коли там, сказать что?
Анисья. Ты посмотри только, там ли?
Анютка. Ну что ж, я живо слетаю. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анисья, Митрич и кума. Долгое молчание.

Митрич (рычит). О господи, Микола милословый.

Кума (вздрагивая). Ох, напугал. Это кто ж?

Анисья. Да Митрич, работник.

Кума. Ох, натращал как! Я и забыла. А что, кума, сказывали, сватают Акулину-то.

Анисья (вылезает из-за стана к столу). Посыкнулись было из Дедлова, да, видно, слушок-то есть и у них, посыкнулись было, да и молчок; так и запало дело. Кому же охота?

Кума. А из Зуева-то Лизуновы?

Анисья. Засылка была. Да тоже не сошлось. Он и к себе не примаёт.

Кума. А отдавать бы надо.

Анисья. Уж как надо-то. Не чаю, кума, как со двора спихнуть, да не паит дело-то. Ему неохота. Да и ей тоже. Не нагулялся, видишь, еще с красивой-то с своей.

Кума. И-и-и! грехи. Чего вздумать нельзя. Вотчим ведь ей.

Анисья. Эх, кума. Оплели меня, обули так ловко, что и сказать нельзя. Ничего-то я сдуру не примечала, ничего-то я не думала, так и замуж шла. Ничегохонько не угадывала, а у них согласие уж было.

Кума. О-о, дело-то какое!

Анисья. Дальше — больше, вижу, от меня хорониться стали. Ах, кума, и уж тошно ж мне, тошно житье мое было. Добро б не любила я его.

Кума. Да что уж и говорить.

Анисья. И больно ж мне, кума, от него обиду такую терпеть. Ох, больно!

Кума. Что ж, сказывают, и на руку ерзок стал?

Анисья. Всего есть. Бывало, во хмелю смирен был. Зашибал он и допрежде того, да все, бывало,

хороша я ему была; а нынче как надуется, так и лезет на меня, стоптать ногами хочет. Намедни в косы руками увяз, насилиу вырвалась. А уж девка хуже змеи, и как только таких злющих земля родит.

Кума. О-о-о! Кума, болезная ж ты, погляжу я на тебя! Каково ж терпеть; нищего приняла, да он над тобой так измываться будет. Ты что ж ему укороту не сделаешь?

Анисья. Ох, кумушка милая! С сердцем своим что сделаю. Покойник на что строг был, а все ж я как хотела, так и вертела, а тут не могу, кумушка. Как увижу его, так и сердце все сойдет. Нет у меня против него и смелости никакой. Хожу перед ним, как куренок мокрый.

Кума. О-о, кума! Да это, видно, сделано над тобой что. Матрена-то, сказывают, этими делами занимается. Должно, она.

Анисья. Да уж я и сама, кума, думаю. Ведь как обидно другой раз. Кажется, разорвала б его. А увижу его, — нет, не поднимается на него сердце.

Кума. Видимое дело, напущено. Долго ль, матушка моя, испортить человека. То-то, погляжу я на тебя, куда что делось.

Анисья. Вовсе в лутошку ноги сошлись. А на дуру-то, на Акулину, погляди. Ведь растрепав-девка, нехалявая, а теперь погляди-ка. Откуда что взялось. Да нарядил сн ее. Расфуфырилась, раздулась, как пузырь на воде. Тоже, даром что дура, забрала себе в голову: я, говорит, хозяйка. Дом мой. Батюшка на мне его и женить хотел. А уж зла, боже упаси. Разозлится, с крыши солому роет.

Кума. О-ох, житье твое, кума, погляжу. Завидуют тоже люди. Богаты, говорят. Да, видно, матушка моя, и через золото слезы льются.

Анисья. Есть чему завидовать. Да и богатство-то все так прахом пройдет. Мотает денежки, страсть.

Кума. Да что ж ты, кума, больно просто пустила? Деньги твои.

Анисья. Кабы ты все знала. А то сделала я промашку одну.

Кума. Я бы, кума, на твоём месте прямо до начальника до большого дошла. Деньги твои. Как же он может мотать? Таких правов нет.

Анисья. На это нынче не взирают.

Кума. Эх, кума, посмотрю я на тебя. Ослабл ты.

Анисья. Ослабла, милая, совсем ослабла. Замочтал он меня. И сама ничего не знаю. О-о, головушка моя бедная!

Кума. Никак, идет кто? *(Прислушивается. Отворяется дверь, и входит Аким.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Аким.

Аким *(крестится, обивает лапти и раздевается)*. Мир дому сему. Здорово живете? Здорово, тетенька.

Анисья. Здорово, батюшка. Из двора, что ль? Проходи, раздевайся.

Аким. Думал, тае, дай, значит, схожу, тае, к сынку, к сынку пройду. Не рано пошел, пообедал, значит, пошел; ан снежно как, тае, тяжко, идти тяжко, вот и, тае, запоздал, значит. А сынок дома? Дома сынок то есть?

Анисья. Нетути; в городе.

Аким *(садится на лавку)*. Дельце до него, то есть, тае, дельце. Сказывал, значит, ему наемни, тае, значит, об нужде сказывал, лошаденка извелась, значит, лошаденка-то. Объегорить, тае, надоть, лошаденку-то какую ни на есть, лошаденку-то. Вот и, тае, пришел, значит.

Анисья. Сказывал Микита. Приедет, потолкуете. *(Встает к печи.)* Поужинай, а он подъедет. Митрич, иди ужинать, а Митрич?

Митрич *(рычит, просыпается)*. Чего?

Анисья. Ужинать.

Митрич. О господи, Микола милословый!

Анисья. Иди ужинать.

Кума. Я пойду. Прощайте. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Аким, Анисья и Митрич,

Митрич (слезает). И не видал, как заснул. О господи, Никола-угодник! Здорово, дядя Аким.

Аким. Э! Митрич! Ты что же, значит, тае?

Митрич. Да вот в работниках, у Никиты, у сына у твоего, живу.

Аким. Ишь ты! Значит, тае, в работниках у сына-то. Ишь ты!

Митрич. То в городе жил у купца, да пропился там. Вот и пришел в деревню. Причалу у меня нет, ну и нанялся. (Зевает.) О господи!

Аким. Что ж, тае, али, тае, Микишка-то что делает? Дело, значит, еще какое, что работника, значит, тае, работника нанял?

Анисья. Какое ему дело? То управлялся сам, а нынче не то на уме, вот и работника взял.

Митрич. Деньги есть, так что ж ему...

Аким. Это, тае, напрасно. Вот это совсем, тае, напрасно. Напрасно это. Баловство, значит.

Анисья. Да уж избаловался, избаловался, что и беда.

Аким. То-то, тае, думается, как бы получше, тае, а оно, значит, хуже. В богатстве-то избалуется человек, избалуется.

Митрич. С жиру-то и собака бесится. С жиру как не избаловаться! Я вон с жиру-то как крутил. Три недели пил без просыпу. Последние портки пропил. Не на что больше, ну и бросил. Теперь зарекся. Ну ее.

Аким. А старуха-то, значит, твоя где же?..

Митрич. Старуха, брат, моя к своему месту построена. В городе по кабакам сидит. Щеголиха тоже — один глаз выдран, другой подбит, и морда на сторону сворочена. А тверезая, в рот ей пирога с горохом, никогда не бывает.

Аким. О-о! Что же это?!

Митрич. А куда же солдатской жене место? К делу своему определена.

Молчание.

Аким (к Анисье). Что ж Никита-то в город, тае, повез что, продавать, значит, повез что?

Анисья (накрывает на стол и подает). Порожнем поехал. За деньгами поехал, в банке деньги брать.

Аким (ужинает). Что ж вы их, тае, деньги-то куда еще пределить хотите, деньги-то?

Анисья. Нет, мы не трогаем. Только двадцать или тридцать рублей; вышло, так взять надо.

Аким. Взять надо? Что ж их брать-то, тае, деньги-то? Нынче, значит, тае, возьмешь, завтра, значит, возьмешь, — так все их и, тае, переберешь, значит.

Анисья. Это окромя получай. А деньги все целы.

Аким. Целы? Как же, тае, целы? Ты бери их, а они, тае, целы. Как же, насыпь, ты, тае, муки, значит, и всё, тае, в рундук, тае, или амбар, да и бери ты от туда муку-то, — что ж она, тае, цела будет? Это, значит, не тае. Обманывают они. Ты это дознайся, а то обманут они. Как же целы? Ты, тае, бери, а они целы.

Анисья. Уж я и не знаю. Нам тогда Иван Мосеич присудил. Положите, говорит, деньги в банку — и деньги целее, и процент получать будете.

Митрич (кончил есть). Это верно. Я у купца жил. У них всё так. Положи деньги да и лежи на печи, получай.

Аким. Чудно, тае, говоришь ты. Как же, тае, получай, ты, тае, получай, а им, значит, тае, с кого же, тае, получать-то? Деньги-то?

Анисья. Из банки деньги дают.

Митрич. Это что? Баба, она раздробить не может. А ты гляди сюда, я тебе все толки найду. Ты помни. У тебя, примерно, деньги есть, а у меня, примерно, весна пришла, земля пустует, сеять нечем, али подашки, что ли. Вот я, значит, прихожу к тебе. Аким, говорю, дай красненькую, а я уберусь с поля, тебе к покрову отдам да десятину уберу за уваженье. Ты, примерно, видишь, что у меня есть с чего потянуть: лошаденка ли, коровенка, ты и говоришь: два ли, три ли рубля отдай за уваженье, да и всё. У меня óсел на шее, нельзя обойтись. Ладно, говорю, беру десятку. Осенью переверт делаю, приношу, а три рубля ты окроме с меня lupишь.

Аким. Да ведь это, значит, тае, мужики кривые как-то, тае, делают, коли кто, тае, бога забыл, значит. Это, значит, не к тому.

Митрич. Ты погоди. Она сейчас к тому же натрафит. Ты помни. Теперича, значит, ты так-то сделал, ободрал меня, значит, а у Анисьи деньги, примерно, залежные. Ей девать некуда, да и бабье дело — не знает, куда их пределить. Приходит она к тебе; нельзя ли, говорит, и на мои деньги пользу сделать. Что ж, можно, говоришь. Вот ты и ждешь. Прихожу я опять на лето. Дай, говорю, опять красенькую, а я с уважением... Вот ты и смекаешь: коли шкура на мне еще не ворочена, еще содрать можно, ты и даешь Анисьины деньги. А коли, примерно, нет у меня ни шиша, жрать нечего, ты, значит, разметку делаешь, видишь, что содрать нечего, сейчас и говоришь: ступай, брат, к богу, а изыскиваешь какого другого, опять даешь и свои и Анисьины пределяешь, того обдираешь. Вот это и значит самая банка. Так она кругом и идет. Штука, брат, умственная.

Аким (*разгорячась*). Да это что ж? Это, тае, значит, скверность. Это мужики, тае, делают так, мужики и то, значит, за грех, тае, почитают. Это, тае, не по закону, не по закону, значит. Скверность это. Как же ученые-то, тае...

Митрич. Это, брат, у них самое любезное дело. А ты помни. Вот кто поглупей, али баба, да не может сам деньги в дело произвести, он и несет в банку, а они, в рот им ситного пирога с горохом, цапают да этими денежками и облупляют народ-то. Штука умственная!

Аким (*вздыхая*). Эх, посмотрю я, тае, и без денег, тае, горе, а с деньгами, тае, вдвое. Как же так. Бог трудиться велел. А ты, значит, тае, положил в банку деньги, да и спи, а деньги тебя, значит, тае, поваля кормить будут. Скверность это, значит, не по закону это.

Митрич. Не по закону? Это, брат, нынче не разбирают. А как еще околузывают-то дочиста. То-то и дело-то.

Аким (*вздыхает*). Да уж, видно, время, тае, подходит. Тоже сортиры, значит, тае, посмотрел я в городе. Как дошли то есть. Выглажено, выглажено, значит, нарядно. Как трактир исделано. А ни к чему. Всё ни к чему. Ох, бога забыли. Забыли, значит. Забыли, забыли мы бога-то, бога-то. Спасибо, родная, сыт, доволен.

Вылезают из-за стола; Митрич лезет на печь.

Анисья (*убирает посуду и ест*). Хоть бы отец усо-вестил, да и сказывать-то стыдно,

Аким. Чего?

Анисья. Так, про себя.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Анютка. Анютка входит.

Аким. А! умница. Все хлопчешь! Перезябла, я чай?

Анютка. И то озябла страсть. Здорово, дедушка.

Анисья. Ну, что? Тама?

Анютка. Нету. Только Андриян там из города, сказывал, видел их еще в городе, в трактире. Батя, говорит, пьяный-распьяный.

Анисья. Есть хочешь, что ли? На вот.

Анютка (*идет к печи*). Уж и холодно же. И руки зашлись.

Аким разувается. Анисья перемывает ложки.

Анисья. Батюшка!

Аким. Чего скажешь?

Анисья. Что ж, Маришка-то хорошо живет?

Аким. Ничаво. Живет. Бабочка, тае, умная, смиренная, живет, значит, тае, старается. Ничаво. Бабочка, значит, истовая, и всё, тае, старательная и, тае, покорлива. Бабочка, значит, ничаво, значит.

Анисья. А что, сказывали, с вашей деревни, Маринкиному мужу родня, нашу Акулину сватать хотели. Что, не слыхать?

Аким. Это Мироновы? Болтали бабы чтой-то. Да невдомек, значит. Притаманно, значит, не знаю, тае. Старухи что-то сказывали. Да не памятьлив я, не памятьлив, значит. А что ж, Мироновы, тае, мужики, значит, тае, ничего.

Анисья. Уж не чаю, как просватать бы поскорее.

Аким. А что?

Анютка (*прислушивается*). Приехали,

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Никита. (*Входит Никита пьяный с мешком и узлом под мышкой и с покупками в бумаге, отворяет дверь и останавливается.*)

Анисья. Ну, не замай их. (*Продолжает мыть ложки и не поворачивает головы, когда отворяется дверь.*)

Никита. Анисья, жена! Кто приехал?

Анисья *взглядывает и отворачивается*. Молчит.

Никита (*грозно*). Кто приехал? Аль забыла?

Анисья. Будет форсить-то. Иди.

Никита (*еще-грознее*). Кто приехал?

Анисья (*подходит к нему и берет за руку*). Ну, муж приехал. Иди в избу-то.

Никита (*упирается*). То-то, муж. А как звать мужа-то? Говори правильно.

Анисья. Да ну тебя — Микитой.

Никита. То-то! Невежа — по отчеству говори.

Анисья. Акимыч. Ну!

Никита (*всё в дверях*). То-то. Нет, ты скажи, фамилия как?

Анисья (*смеется и тянет за руку*). Чиликин. Эка надулся!

Никита. То-то. (*Удерживается за косяк.*) Нет, ты скажи, какой ногой Чиликин в избу ступает?

Анисья. Ну, буде — настудишь.

Никита. Говори, какой ногой ступает? Обязательно сказать должна,

Анисья (*про себя*). Надоест теперь. Ну, левой. Иди, что ль.

Никита. То-то.

Анисья. Ты глянь-ка, в избе-то кто.

Никита. Родитель? Что ж, я родителем не гнушаюсь. Родителю могу уважение исделать. Здорово, батюшка. (*Кланяется ему и подает руку.*) Наше вам почтение.

Аким (*не отвечая*). Вино-то, вино-то, значит, что делает. Скверность!

Никита. Вино? Что выпил? Это окончательно виноват, выпил с приятелем, проздравил.

Анисья. Иди ложись, что ль.

Никита. Жена, где я стою, говори.

Анисья. Ну, ладно, иди ложись.

Никита. Я еще самовар с родителем пить буду. Ставь самовар. Акулина, иди, что ль.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Акулина.

Акулина (*нарядная, идет с покупками. К Никите*). Ты что ж все расшвырял. Пряжа-то где?

Никита. Пряжа? Пряжа там. Эй, Митрич! Где ты там? Заснул? Иди лошадь убери.

Аким (*не видит Акулины и глядит на сына*). Что делает-то! Старик, значит, тае, уморился, значит, молотил, а он, тае, надулся. Лошадь убери. Тьфу! Скверность!

Митрич (*слезает с печи, обувает валенки*). О господи милословый! На дворе лошадь-то, что ль? Уморил, я чай. Ишь, дуй его горой, наакался как. Доверху. О господи! Микола-угодник. (*Надевает шубу и идет на двор.*)

Никита (*садится*). Ты меня, батюшка, прости. Выпил, это точно, ну, что ж делать? И курица пьет. Так, что ль? А ты меня прости. Что ж, Митрич — он не обижается, он уберет.

Анисья. Вправду ставить самовар-то?

Никита. Ставь. Родитель пришел, я с ним говорить хочу, чай пить буду. (К Акулине.) Покупку-то всю вынесла?

Акулина. Покупку? Свое взяла, а то в саях. Вот это на, не моя. (Кидает на стол сверток и убирает в сундук покупку. Анютка смотрит, как Акулина укладывает; Аким не глядит на сына и убирает онучи и лапти на печь.)

Анисья (уходит с самоваром). И так полон сундук, — еще накупил.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Аким, Акулина, Анютка и Никита.

Никита (берет на себя трезвый вид). Ты, бабушка, на меня не обижайся. Ты думаешь, я пьян. Я положительно все могу. Потому пей, да ума не теряй. Я с тобой, бабушка, сейчас разговаривать могу. Все дела помню. Насчет денег приказывал, лошаденка извелась — помню. Это все возможно. Это все у нас в руках. Если бы сумма денег требовалась огромная, тогда можно бы повременить, а то это все могу! Вот они!

Аким (продолжает возиться с оборками). Эх, малый, тае, значит, вешний путь, тае, не дорога...

Никита. Это ты к чему? С пьяным речь не беседа? Да ты не сумлевайся. Чайку попьем. А я все могу, положительно все дела исправить могу.

Аким (качает головой). Э, эх-хе-хе!

Никита. Деньги, вот они. (Лезет в карман, достает бумажник, вертит бумажки, достает десятирублевую.) Бери на лошадь. Бери на лошадь, я родителя не могу забыть. Обязательно не оставлю. Потому родитель. На, бери. Очень просто. Не жалею. (Подходит и сует Акиму деньги. Аким не берет денег.)

Никита (хватает за руку). Бери, говорят, когда даю, я не жалею.

Аким. Не могу, значит, тае, брать и не могу, тае, говорить с тобой, значит. Потому в тебе, тае, образа нет, значит.

Никита. Не пущу, Бери. *(Сует Акиму в руку деньги.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Анисья,

Анисья *(входит и останавливается)*. Да ты уж возьми. Ведь не отстанет.

Аким *(берет, качая головой)*. Эх, вино-то! Не человек, значит...

Никита. Вот так-то лучше. Отдашь — отдашь, а не отдашь — бог с тобой. Я вот как! *(Видит Акулину.)* Акулина, покажь гостинцы-то.

Акулина. Чего?

Никита. Покажь гостинцы.

Акулина. Гостинцы-то? Что их показывать. Я уж убрала.

Никита. Достань, говорю: Анютке поглядеть лестно. Покажь, говорю, Анютке. Полушалчик-то развяжи. Подай сюда.

Аким. О-ох, смотреть тошно! *(Лезет на печь.)*

Акулина *(достает и кладет на стол)*. Ну на, что их смотреть-то?

Анютка. Уж хороша же! Эта не хуже Степанидиной.

Акулина. Степанидиной? Куда Степанидина против этой годится. *(Оживляясь и развертывая.)* Глянь-ка сюда, доброта-то... Французская.

Анютка. И ситец же нарядный! У Машутки такой, только тот светлее, по лазоревому полю. Эта страсть хороша.

Никита. То-то!

Анисья проходит сердито в чулан, возвращается с трубой и столешником и подходит к столу.

Анисья. Ну вас, разложили.

Никита. Ты глянь-ка сюда!

Анисья. Чего мне глядеть! Не видала я, что ль? Убери ты. *(Смахивает рукой на пол полушальчик.)*

Акулина. Ты что швыряешься? Ты своим швыряй. *(Поднимает.)*

Никита. Анисья! Мотри!

Анисья. Чего смотреть-то?

Никита. Ты думаешь, я тебя забыл. Гляди сюда. *(Показывает сверток и садится на него).* Тебе гостинец. Только заслужи. Жена, где я сижу?

Анисья. Будет куражиться-то. Не боюсь я тебя. Что ж, ты на чьи деньги гуляешь да своей жирехе гостинцы купляешь? На мои.

Акулина. Как же, твои! Украсть хотела, да не пришлось. Уйди, ты! *(Хочет пройти, толкает.)*

Анисья. Ты что толкаешься-то? Я те толкану.

Акулина. Толкану? Ну-ка, сунься. *(Напирает на нее.)*

Никита. Ну, бабы, бабы. Буде! *(Становится между ними.)*

Акулина. Тоже лезет. Молчала бы, про себя бы знала. Ты думаешь, не знают?

Анисья. Что знают? Сказывай, сказывай, что знают!

Акулина. Дело про тебя знаю.

Анисья. Шлюха ты, с чужим мужем живешь.

Акулина. А ты своего извела.

Анисья *(бросается на Акулину)*. Брешьешь.

Никита *(удерживает)*. Анисья! Забыла?

Анисья. Что страшась? Не боюсь я тебя.

Никита. Вон! *(Поворачивает Анисью и выталкивает.)*

Анисья. Куда я пойду? Не пойду я из своего дома.

Никита. Вон, говорю. И ходить не смей.

Анисья. Не пойду. *(Никита толкает. Анисья плачет и кричит, цепляясь за дверь.)* Что ж это, из своего дома взащей гонят? Что ж ты, злодей, делаешь? Думаешь, на тебя и суда нет. погоди ж ты!

Никита. Ну, ну!

Анисья. К старосте, к уряднику пойду.

Никита. Вон! говорю. *(Выталкивает.)*

Анисья *(из-за двери)*. Удавлюсь!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Никита, Акулина, Анютка и Аким.

Никита. Небось.

Анютка. О-о-о! Матушка милая, родимая. (Плачет.)

Никита. Как же, испугался я ее очень. Ты чего плачешь? Придет небось! Поди самовар погляди.

Анютка выходит.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Никита, Аким и Акулина.

Акулина (собирает покупку, складывает). Ишь, подлая, загваздала как! Погоди ж ты, я ей безрукавку изрежу. Пра, изрежу.

Никита. Выгнал я ее, ну чего ж ты?

Акулина. Новую шаль испачкала. Пра, сука, кабы она не ушла, я бельмы-то бы ей повыдрала.

Никита. Будет серчать. Тебе что серчать-то? Кабы я ее любил?

Акулина. Любил? Есть кого любить, толстомордую-то. Бросил бы ее тогда, ничего б не было. Согнал бы ее к черту. А дом все равно мой и деньги мои. Тоже хозяйка, говорит, хозяйка, какая она мужу хозяйка? Душегубка она, вот кто. С тобой то же сделает.

Никита. Ох, бабий кадык не заткнешь ничем. Что болтаешь, сама не знаешь.

Акулина. Нет, знаю. Не стану с ней жить. Сгоню со двора. Не может она со мной жить. Хозяйка тоже. Не хозяйка она, осторожная шкура.

Никита. Да буде. Чего тебе с ней делить? Ты на нее не гляди. На меня гляди. Я хозяин. Что хочу, то и делаю. Ее разлюбил, тебя полюбил. Кого хочу, того люблю. Моя власть. А ей арест. Она у меня вот где. (Показывает под ноги.) Эх, гармошки нет!

На печи калачи,
На приступке каша,
А мы жить будем
И гулять будем;
А смерть придет,
Помирать будем.
На печи калачи,
На приступке каша...

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Митрич (входит, раздевается и лезет на печь).

Митрич. Подрались, видно, опять бабы-то! Поцупались. О господи! Микола милословый.

Аким (сидит с краю на печи, достает онучи, лапти и обувается). Пролезай, пролезай в угол-то.

Митрич (лезет). Все не разделят, видно. О господи!

Никита. Достань наливку-то. С чаем выпьем,

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Анютка.

Анютка (входит; к Акулине). Нянька, самовар уходить хочет.

Никита. А мать где?

Анютка. Она в сенцах стоит, плачет.

Никита. То-то. Зови ее, вели самовар несть. Да давай, Акулина, посуду-то.

Акулина. Посуду-то? Ну что ж. (Собирает посуду.)

Никита (достает наливку, баранки, селедки). Это, значит, себе, это бабе пряжа, карасин там в сенях. А вот и деньги. Постой. (Берет счеты.) Сейчас смекну. (Кидает.) Мука пшеничная восемь гривен, масло постное... Батюшке 10 рублей. Батюшка! Иди чай пить.

Молчание. Аким сидит на печи и перевивает обзоры.

Те же и Анисья.

Анисья (*вносит самовар*). Куда ставить-то?

Никита. Ставь на стол. Что, али сходила к старосте? То-то, говори да и откусывай. Ну, будет сердчать-то. Садись, пей. (*Наливает ей рюмку*.) А вот и гостинчик тебе. (*Подает сверток, на котором сидел. Анисья берет молча, качая головой*.)

Аким (*слезает и надевает шубу; подходит к столу, кладет на него бумажку*). На деньги твои. Прибери.

Никита (*не видит бумажку*). Куда собрался одеши-то?

Аким. А пойду, пойду я, значит, простите Христа ради. (*Берет шапку и кушак*.)

Никита. Вот-те на! Куда пойдешь-то ночным делом?

Аким. Не могу я, значит, тае, в вашем доме, тае, не могу, значит, быть, быть не могу, простите.

Никита. Да куда ж ты от чаю-то?

Аким (*подпоясывается*). Уйду, потому, значит, нехорошо у тебя, значит, тае, нехорошо, Микишка, в доме, тае, нехорошо. Значит, плохо ты живешь, Микишка, плохо. Уйду я.

Никита. Ну, буде толковать. Садись чай пить.

Анисья. Что ж это, батюшка, перед людьми стыдно будет. На что ж ты обижаешься?

Аким. Обиды мне, тае, никакой нет, обиды нет, значит, а только что, тае, вижу я, значит, что к погибели, значит, сын мой, к погибели сын, значит.

Никита. Да какая погибель? Ты докажь.

Аким. Погибель-то, погибель, весь ты в погибели. Я тебе летось что говорил?

Никита. Да мало ты что говорил.

Аким. Говорил я тебе, тае, про сироту, что обидел ты сироту, Марину, значит, обидел.

Никита. Эх помянул. Про старые дрожжи не поминать двжды, то дело прошло...

Аким (*разгорячась*). Прошло? Не, брат, это не прошло. Грех, значит, за грех цепляет, за собою тянет,

и завяз ты, Микишка, в грехе. Завяз ты, смотрю, в грехе. Завяз ты, погруз ты, значит.

Никита. Садись чай пить, вот и разговор весь.

Аким. Не могу я, значит, тае, чай пить. Потому от скверны от твоей, значит, тае, гнусно мне, дюже гнусно. Не могу я, тае, с тобой чай пить.

Никита. И, канителит. Иди к столу-то.

Аким. Ты в богатстве, тае, как в сетях. В сетях ты, значит. Ах, Микишка, душа надобна!

Никита. Какую ты имеешь полную праву в моем доме меня упрекать? Да что ж ты в самом деле пристал? Что я тебе мальчик дался, за виски драть! Нынче уж это оставили.

Аким. Это точно, слышал я нынче, что и тае, что и отцов за бороды трясут, значит, да на погибель это, на погибель, значит.

Никита (*сердито*). Живем, у тебя не просим, а ты ж к нам пришел с нуждой.

Аким. Деньги? Деньги твои вон они. Побираться, значит, пойду, а не тае, не возьму, значит.

Никита. Да буде. И что серчаешь, компанию расстраиваешь. (*Удерживает за руку.*)

Аким (*взвизгивает*). Пусти, не останусь. Лучше под забором переночую, чем в пакости в твоей. Тьфу, прости господи! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Никита, Акулина, Анисья и Митрич.

Никита. Вот на!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Аким.

Аким (*отворяет дверь*). Опамятуйся, Микита. Душа надобна. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Никита, Акулина, Анисья и Митрич.

Акулина (*берет чашки*). Что ж, наливать, что ль?

Все молчат.

Митрич (*рычит*). О господи, помилуй мя грешного!

Все вздрагивают.

Никита (*ложится на лавку*). Ох, скучно, скучно, Акулька! Где ж гармошка-то?

Акулина. Гармошка-то? Ишь, хватился. Да ты ее чинить отдал. Я налила, пей.

Никита. Не хочу я. Тушите свет... Ох, скучно мне, как скучно! (*Плачет.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА ЧЕТВЕРТОГО ДЕЙСТВИЯ

Никита.
Матрена.
Анисья.
Анютка.

Митрич.
Соседка.
Кума.
Сват — угрюмый мужик.

Осень. Вечер. Месяц светит. Внутренность двора. В середине сенцы, направо теплая изба и ворота, налево холодная изба и погреб. В избе слышны говор и пьяные крики. Соседка выходит из сеней, манит к себе Анисью куму.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кума и соседка.

Соседка. Чего ж Акулина-то не вышла?

Кума. Чего не вышла? И рада бы вышла, да недосуг, слышь. Приехали сваты невесту смотреть, а она, матушка моя, в холодной лежит и глаз не кажет, сердечная.

Соседка. Да что ж так?

Кума. С глазу, говорит, живот схватило.

Соседка. Да неужто?!

Кума. А то что ж. (*Шепчет на ухо.*)

Сосѣдка. Ну? Вот грех-то. А ведь дознаются сваты.

Кума. Где ж им дознаться. Пьяные все. Да больше за приданым гонятся. Легко ли, дают за девкой-то две шубы, матушка моя, расстегаев шесть, шаль французскую, холстов тоже много что-то да денег, сказывали, две сотни.

Сосѣдка. Ну, уж это и деньгам не рад будешь. Срамота такая.

Кума. Шш... Сват, никак.

Замолкают и входят в сени.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сват один выходит из сеней, икает,

Сват. Упарился. Жарко страсть. Простудиться маленько. (*Стоит, отдувается.*) И бог е знает как... что-то не того, не радуется... Ну, да как старуха..,

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сват и Матрена,

Матрена (*выходит из сеней же*). А я смотрю: где сват, где сват? А ты, родной, во где... Ну, что ж, родимый, слава те господи, всё честь честью. Сватать не хвастать. А я хвастать и не училась. А как пришли вы за добрым делом, так, даст бог, и век благодарить будете. А невеста-то, ведашь, на редкость. Такой девки в округе поискать.

Сват. Оно так, да насчет денег не сморгать бы.

Матрена. А насчет денег не толкуй. Что ей от родителей награждение было, все при ней. По нынешнему времени, легко ли, три полста.

Сват. Мы и не обижаемся, а свое детище. Все как получше хочется.

Матрена. Я тебе, сват, истинно говорю: кабы не я, в жисть бы тебе не найти. У них от Кормилиных

тоже засылка была, уж я застояла. А насчет денег — верно сказываю: как покойник, царство небесное, помирал, так и приказывал, чтоб в дом вдова Микиту приняла, потому мне через сына все известно, а денежки, значит, Акулине. Ведь другой бы покорыствовался, а Микита все дочиста отдает. Легко ли, деньжищи какие.

С в а т. Народ болтает, денег больше за ней приказано. Малый-то тоже провор.

М а т р е н а. И, голубчики белые. В чужих руках ломоть велик; что было, то и дают. Я тебе сказываю, ты все четки брось. Закрепляй тверже. Девка-то какая; как бобочек хорошая.

С в а т. Оно так. Мы одно с бабой мекаем насчет девки-то. Что ж не вышла? Думаем, что ж, как хвораю?

М а т р е н а. И, и... Она-то хвораю? Да против ней в округе нет. Девка как литая — не ущипнешь. Да ведь ты намедни видел. А работать страсть. С глушинкой она, это точно. Ну, да червоточинка красному яблочку не покор. А что не вышла-то, это, ведашь, с глазу. Сделано над ней. И знаю, чья сука смастерила. Знали, ведашь, что сговор, ну, и напущено. Да я отговор знаю. Завтра встанет девка. Ты насчет девки не сумлевайся.

С в а т. Да что ж, дело полагено.

М а т р е н а. То-то, ты уж того, и не пьтсья. Да меня не забудь. Хлопотала я тоже. Уж ты не оставь...

Г о л о с б а б ы и з с е н е й. Ехать так ехать, иди, что ли, Иван.

С в а т. Сейчас. (Уходит.)

Толпятся в сенях, уезжают,

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анисья и Анютка.

А н ю т к а (выбегает из сеней и манит к себе Анисью). Матушка!

А н и с ь я (оттуда). Чего?

А н ю т к а. Мамушка, подь сюда, а то услышат. (Отходит с ней под сарай.)

А н и с ь я. Ну чего? Где Акулина-то?

Анютка. Она в амбар ушла. Что она там делает, страсть! Однава дыхнуть, нет, говорит, мочи терпеть. Закричу, говорит, на весь голос. Однава дыхнуть.

Анисья. Авось подождет. Дай гостей проводим.

Анютка. Ох, мамушка! Тяжко ей как. Да и серчает. Напрасно, говорит, они меня пропивают. Я, говорит, не пойду замуж, я, говорит, помру. Мамушка, как бы она не померла! Страсть, я боюсь!

Анисья. Небось не помрет; а ты не ходи к ней. Иди.

Анисья и Анютка уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Митрич (один; идет от ворот и принимается подбирать натрушенное сено). О господи, Микола милослeвый! Винища-то что выдули. Да и духу же напустили. Аж во дворе воняет. Да нет, не хочу, ну его! Вишь, нашвыряли сено-то! Есть не едят — только копают. Глядишь, вязанка. Дух-то! Ровно под носом. Ну его! (Зевает.) Спать время. Да неохота в избу идти. Так вокруг носу и вьется. Духовита ж, проклятая.

Слышно — уезжают.

Ну, уехали. О господи, Микола милослeвый! Тоже хомутаются, друг дружку околпачивают. А пустое все.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Митрич и Никита.

Никита (входит). Митрич! Иди, что ли, на печку, я подберу.

Митрич. Ну что ж; ты овцам кинь. Что ж, проводили?

Никита. Проводили, да неладно все. Уж и не знаю, как быть.

Митрич. Эка дерьма! Чего ж тут. На то спитeльный. Там кто хошь его вырони, он все подберет. Давай сколько хошь, не спрашивают. Да еще деньги дают. Только поди в кормилицы. Нынче это просто.

Никита. Ты, Митрич, смотри, если что, лишнего не болтай.

Митрич. А мне что. Заметай след, как знаешь. Эка винищем от тебя разит как. Пойти в избу. (Уходит, зевая.) О господи!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Никита долго молчит; садится на сани.

Никита. Ну дела!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Никита и Анисья.

Анисья (выходит). Ты где ж тут?

Никита. Здесь.

Анисья. Чего сидишь? Ждать неколи. Сейчас выносить надо.

Никита. Что ж делать будем?

Анисья. Я тебе сказывала что. То и делай.

Никита. Да вы бы в воспитательный, коли что.

Анисья. Возьми да и неси, коли тебе охота. На пакости-то лаком. А на разделку-то слаб, вижу.

Никита. Что делать-то?

Анисья. Говорю, поди в погреб, яму вырой.

Никита. Ды вы бы так как-нибудь.

Анисья (передразнивая его). Так как-нибудь. Нельзя, видно, так-то. А ты бы загодя думал. Иди, куда посылают.

Никита. Ах, дела, дела!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Анютка.

Анютка. Мамушка! Бабка зовет. Должно, у няньки робеночек, одна дыхнуть, закричал.

Анисья. Что брешешь, пралик тебя расшиби. Котята там пищат. Иди в избу да спи. А то я тебя.

Анютка. Мамушка, милая, пра, ей-богу...

Анисья (*замахивается на нее*). Я тебя! Чтоб духу твоего не слыхала!

Анютка убегает.

Анисья (*Никите*). Поди, делай, что говорят. А то смотри! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Никита один, долго молчит.

Никита. Ну, дела! Ох, эти бабы. Беда! Ты, говорит, загодя думал бы. Когда загодя думать-то? Когда думать-то? Что ж, летось пристала эта Анисья. Ну, что ж? Разве я монах? Помер хозяин, что ж, я и грех прикрыл, как должно. Тут моей причины нет. Разве мало бывает так-то? А тут порошки эти. Разве я на это склонял ее? Да кабы я знал, я бы ее, суку, убил тогда! Право, убил бы! Участником в этих пакостях сделала, паскудница! И опостылела ж она мне с этого раза. Как мне мать сказала тогда, опостылела, опостылела она мне, не смотрели б на нее глаза. Ну, как с ней жить? И пошло это у нас!.. Стала эта девка вешаться. Что ж мне? Не я, так другой. А оно вон что! Опять-таки моей причины нет никакой. Ох, дела!.. (*Сидит задумавшись.*) Смелы ж эти бабы, — что придумали. Да не пойду я на это.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Никита и Матрена (с фонарем и скребкой впопыхах выходит).

Матрена. Ты что ж сидишь, как курица на насесте? Тебе что баба велела? Готовь дело-то.

Никита. Да вы что ж делать-то будете?

Матрена. Да мы знаем, что делать. Ты-то свое дело справляй.

Никита. Запутяете вы меня.

Матрена. Ты что ж? Али пятиться думаешь? До чего дошло, ты и пятиться.

Никита. Ведь это какое дело! Живая душа тоже.

Матрена. Э, живая душа! Чего там, чуть душа держится. А куда его деть-то? Поди, понеси в воспитательный, — все одно помрет, а помолвка пойдет, сейчас расславят, и сядет у нас девка на руках.

Никита. А как узнают?

Матрена. В своем дому да не сделать дела? Так сделаем, что и не попахнет. Только делай, что велю. А то наше дело бабье, тоже без мужика никак нельзя. На-ка скребочку-то, да слезь, да и справь там. А я посвечу.

Никита. Что справлять-то?

Матрена (*шепотом*). Ямку выкопай. А тогда вынесем и живо приберем там. Вон она опять кличет. Иди, что ль! А я пойду.

Никита. А что ж, помер он?

Матрена. Известно, помер. Только живей надо. А то народ не полегся. Услышат, увидят, — им все, подлым, надо. А урядник вечер проходил. А ты вот что. (*Подает скребку.*) Слезь в погреб-то. Там в уголку выкопай ямку, земляца мягкая, тогда опять заровняешь. Земля-матушка никому не скажет, как корова языком слижет. Иди же. Иди, родной.

Никита. Запутляете вы меня. Ну вас совсем. Право, уйду. Делайте одни, как знаете,

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Анисья,

Анисья (*из двери*). Что ж, выкопал он, что ли?

Матрена. Ты что ж ушла? Куда дела-то его?

Анисья. Веретьем прикрыла. Не слышать будет. Что ж он, выкопал?

Матрена. Не хочет!

Анисья (*выскакивает в бешенстве*). Не хочет! А в остроге вшей кормить хочет?! Сейчас пойду, все уряднику скажу. Пропадать заодно. Сейчас все скажу.

Никита (*оторопевши*). Что скажешь-то?
Анисья. Что? Все скажу! Деньги кто взял? Ты!

Никита молчит.

А яду кто давал! Я давала! Да ты знал, знал, знал!
С тобой в согласье была!

Матрена. Да будет. Ты, Микишка, что костри-
чишься? Ну, что ж делать? Потрудиться надо. Иди,
ягодка.

Анисья. Ишь ты, чистяк какой! Не хочет! Надру-
гался ты надо мной, да будет. Поездил ты на мне, да и
мой черед пришел. Иди, говорю, а то я то сделаю!.. На
скребку-то, на! Иди!

Никита. Да ну же; что пристала? (*Берет скребку,
но жметса.*) Не захочу — не пойду.

Анисья. Не пойдешь? (*Начинает кричать.*) На-
род! Э-э!

Матрена (*закрывает ей рот*). Что ты! Очумела!
Он пойдет... Иди, сынок, иди, роженный.

Анисья. Сейчас караул закричу.

Никита. Да будет! Эх, народ этот. Да вы живей,
что ли. Уж заодно. (*Идет к погребу.*)

Матрена. Да, уж дело такое, ягодка: умел гулять,
умей и концы хоронить.

Анисья (*всё в волнении*). Измывался он надо
мной с висюгой своей! Да будет! Пусть не я одна.
Пусть-ка и он душегубец будет. Узнает, каково.

Матрена. Ну, ну, распалилась. А ты, деушка, не
серчай, а потихоньку да помаленьку, как получше. Иди
к девке-то. Он потрудится. (*Идет за ним с фонарем.*
Никита влезает в погреб.)

Анисья. Ему и задушить велю отродье свое пога-
ное. (*Всё в волнении.*) Измучалась я одна, Петровы
кости-то дергаючи. Пускай и он узнает. Не пожалею
себя; сказала, не пожалею!

Никита (*из погреба*). Посвети-ка, что ль!

Матрена (*светит; к Анисье*). Копают. Иди неси.

Анисья. Постой над ним. А то он, подлый, уйдет.
А я пойду вынесу.

Матрена. Мотри, окрестить не забудь. А то я потружусь. Крестик-то есть?
Анисья. Найду, я знаю как. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Матрена (одна) и Никита (в погребе).

Матрена. Тоже острабучилась как баба. Да и то сказать, обидно. Ну, да слава богу, дай это дело прикроем, и концы в воду. Спихнем девку без греха. Останется сынок жить покойно. Дом, слава богу, полная чаша. Тоже и меня не забудет. Без Матрены что б они были? Ничего б им не обдумать. (В погреб.) Готово, что ли, сынок?

Никита (вылезает, голова видна). Чего ж там? Несите, что ль! Что валандаетесь? Делать так делать.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Анисья. Матрена идет к сеним и встречает Анисью. Анисья выходит с ребенком, завернутым в тряпье.

Матрена. Что ж, окрестила?

Анисья. А то как же? Насилу отняла, — не дает. (Подходит и подает Никите.)

Никита (не берет). Да ты сама снеси.

Анисья. На, бери, говорю. (Кидает ему ребенка.)

Никита (подхватывает). Живой! Матушка родимая, шевелится! Живой! Что ж я с ним буду...

Анисья (выхватывает ребенка у него из рук и кидает в погреб). Задуши скорей, не будет живой. (Сталкивает Никиту вниз.) Твое дело, ты и прикончи.

Матрена (садится на приступку.) Жалостлив он. Трудно ему, сердечному. Ну, да что ж! Его грех тоже. (Анисья стоит над погребом. Матрена садится на приступок крыльца, поглядывает на нее и рассуждает.) И-и-и как испужался! Ну, да что ж? хоть и трудно, помимо-то нельзя. Куда денешься-то? Тоже, подумаешь,

как другой раз просят детей! Ан, глядь, бог не дает, всё мертвеньких рожают. Вон хоть бы попадья. А тут не надо его, тут и живой. *(Глядит к погребу.)* Должно, покончил. *(К Анисье.)* Ну что?

Анисья *(глядя в погреб)*. Доской прикрыл, на доску сел. Кончил, должно.

Матрена. О-ох! И рад бы не грешить, а что сделаешь?

Никита *(вылезает, трясется весь)*. Жив все! Не могу! Жив!

Анисья. А жив, так куда ж ты? *(Хочет остановить его.)*

Никита *(бросается на нее)*. Уйди ты! Убью я тебя! *(Схватывает ее за руку, она вырывается, он бежит за ней с скрежкой. Матрена бросается к нему навстречу, останавливает его. Анисья убегает на крыльцо. Матрена хочет отнять скрежку. Никита на мать.)* Убью, и тебя убью, уйди! *(Матрена убегает к Анисье на крыльцо. Никита останавливается.)* Убью. Всех убью!

Матрена. С испугу это. Ничего, сойдет это с него.

Никита. Что ж это они сделали? Что они со мной сделали? Пищал как... Как захрустит подо мной. Что они со мной сделали! И жив, все, право, жив! *(Молчит и прислушивается.)* Пищит... Во пищит. *(Бежит к погребу.)*

Матрена *(к Анисье)*. Идет, видно, зарыть хочет. Микита, тебе бы фонарь.

Никита *(не отвечая, слушает у погребца)*. Не слышать. Примстилось. *(Идет прочь и останавливается.)* И как захрустят подо мной косточки. Кр... кр... Что они со мной сделали? *(Опять прислушивается.)* Опять пищит, право, пищит. Что ж это? Матушка, а матушка! *(Подходит к ней.)*

Матрена. Что сынок?

Никита. Матушка родимая, не могу я больше. Ничего не могу. Матушка родимая, пожалей ты меня!

Матрена. Ох, напугался же ты, сердечный. Поди, поди. Винца, что ль, выпей для смелости.

Никита. Матушка родимая, дошло, видно, до ме-

ня. Что вы со мной сделали? Как захрустят эти косточки, да как запищит!.. Матушка родимая, что вы со мной сделали! (Отходит и садится на сани.)

Матрена. Поди, родной, выпей. Оно, точно, ночным делом жутость берет. А дай срок, ободняет, да, ведашь, денек-другой пройдет, и думать забудешь. Дай срок, девку отдадим и думать забудем. А ты выпей, выпей поди. Я уж сама приберу в погребето.

Никита (встряхивается). Вино осталось там? Не запью ли?! (Уходит. Анисья, стоявшая все время у сени, молча сторонится.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Матрена и Анисья.

Матрена. Иди, иди, ягодка, а уж я потружусь, полезу сама, закопаю. Скребку-то куда он тут бросил? (Находит скребку, спускается в погреб до половины.) Анисья, подь-ка сюда, посвети, что ль?

Анисья. А он-то что ж?

Матрена. Да напугался больно. Напорно уж больно ты налегла на него. Не замай, опамятуется. Бог с ним, уж я сама потружусь. Фонарь-то поставь тут. Я увижу. (Матрена скрывается в погребе.)

Анисья (на дверь, куда ушел Никита). Что, догулялся? Широкий ты был, теперь, погоди, сам узнаешь каково. Пыху-то сбавишь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же и Никита (выскакивает из сеней к погребу).

Никита. Матушка, а матушка?

Матрена (высовывается из погреба). Чего, сынок?

Никита (прислушивается). Не зарывай, живой он. Разве не слышишь? Живой! Во... пищит. Во, внятно...

Матрена. Да где ж пищать-то? Ведь ты его в блин расплющил. Всю головку раздребезжил.

Никита. Что ж это? *(Затыкает уши.)* Все пищит! Решился я своей жизни. Решился! Что они со мной сделали?! Куда уйду я?! *(Садится на приступки.)*

Занавес

ВАРИАНТ

Вместо явлений двенадцатого — четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого действия четвертого можно читать следующий вариант.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Изба первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анютка раздетая лежит на коннике под кафтаном, Митрич сидит на хорах и курит.

Митрич. Ишь, духу-то напустили, в рот им ситного пирога с горохом. Мимо лили добро-то. И табаком не заглушишь. Так в носу и вертит. О господи! Спать, видно. *(Подходит к лампочке, хочет завернуть.)*

Анютка *(вскакивает, садится)*. Дедушка, не туши, голубчик!

Митрич. Чего не тушить?

Анютка. А на дворе-то гомонили как. *(Прислушивается.)* Слышишь, опять в амбар пошли?

Митрич. Тебе-то чего? Авось тебя не спрашивают. Ложись да и спи. А я вот заверну свет. *(Завертывает.)*

Анютка. Дедушка, золотой! не гаси совсем. Хоть в мышинный глазок оставь, а то жуть.

Митрич (смеется). Ну, ладно, ладно. (Присаживается подле нее.) Чего жутко-то?

Анютка. Как не жутко, дедушка! Нянька как билась. Об рундук головой билась. (Шепотом.) Я ведь знаю... У ней робеночек родиться хочет... Родился уж, никак...

Митрич. Эка егоза, залягай тебя лягушки. Все тебе знать надо. Ложись, да и спи.

Анютка ложится.

Вот так-то. (Закрывает ее.) Вот так-то. А то много знать будешь, скоро состаришься.

Анютка. А ты на печку пойдешь?

Митрич. А то куды ж? То-то глупая, посмотрю я. Все ей знать надо. (Закрывает ее еще и поднимается идти.) Вот так-то лежи, да и спи. (Идет к печи.)

Анютка. Разочек крикнул, а теперь не слышать.

Митрич. О господи, Микола милослевый!.. Чего не слышать-то?

Анютка. Робеночка.

Митрич. А нет его, так и не слышать.

Анютка. А я слышала, одна дыхнуть, слышала. Тоооненько так.

Митрич. Много ты слышала. А слышала так, как вот такую-то девчонку, как ты, детосека в мешок посадил, да и ну ее.

Анютка. Какой такой детосека?

Митрич. А вот такой самый. (Лезет на печь.) И хороша ж печка нынче, тепла. Любо! О господи, Микола милослевый!

Анютка. Дедушка! Ты заснешь?

Митрич. А то что ж ты думала — песни играть буду?

Молчание.

Анютка. Дедушка, а дедушка! Копают! Ей-богу, копают, в погребе копают, слышь! Одна дыхнуть, копают!

Митрич. Чего не вздумает. Ночью копают. Кто копает? Корова чешется, а ты — копают! Спи, говорю, а то сейчас свет потушу.

Анютка. Голубчик, дедушка, не туши. Не буду. Ей-богу, не буду, одна дыхнуть, не буду. Страшно мне.

Митрич. Страшно? Ты не бойся ничего, вот и не будет страшно. А то сама боится и страшно, говорит. Как же не страшно, как ты боишься? Эка девчонка глупая какая.

Молчание. Сверчок.

Анютка (*шепотом*). Дедушка! А дедушка! Ты заснул?

Митрич. Ну, чего еще?

Анютка. Кака же така детосека?

Митрич. А вот така. Вот как попадется такая же, как ты, — не спит, он придет с мешком, да девчонку шварк в мешок, да сам туда же с головой, подымет ей рубашонку, да и ну хлестать.

Анютка. Да чем же он хлестает?

Митрич. А веник возьмет.

Анютка. Да он там не увидит, в мешке-то.

Митрич. Небось увидит.

Анютка. А я его укушу.

Митрич. Нет, брат, его не укусишь.

Анютка. Дедушка, идет кто-то! Кто это? Ай, матушки родимые! Кто это?

Митрич. Идет, так идет. Чего ж ты? Мать, я чай, идет,

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Анисья (*входит*).

Анисья. Анютка!

Анютка притворяется, что спит.

Митрич!

Митрич. Чего?

Анисья. Что свет-то жжете? Мы в холодной ляжем.

Митрич. Да вот только убрался. Я потушу.

Анисья (*ищет в сундуке и ворчит*). Как надо, его никак и не найдешь.

Митрич. Да ты чего ищешь-то?

Анисья. Крест ищу, Окрестить надо. Помилуй бог, помрет! Некрещеный-то! Грех ведь!

Митрич. А то как же, известно, порядок надо... Что, нашла?

Анисья. Нашла. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Митрич и Анютка.

Митрич. То-то, а то бы я свой дал. О господи!

Анютка (*вскакивает и дрожит*). О-о, дедушка! Не засыпай ты, Христа ради. Страшно как!

Митрич. Да чего страшно-то?

Анютка. Помрет, должно, робеночек-то? У тетки Арины так же бабка окрестила, — он и помер.

Митрич. Помрет — похоронят.

Анютка. Да, может, он бы и не помер, да бабка Матрена тут. Ведь я слышала, что бабка-то говорила, однаво дыхнуть, слышала.

Митрич. Чего слышала? Спи, говорю. Закройся с головой, да и все.

Анютка. А кабы жив был, я б его нянчила.

Митрич (*рычит*). О господи!

Анютка. Куды ж они его денут?

Митрич. Туда и денут, куда надо. Не твоя печаль. Спи, говорю. Вот мать придет — она тебя!

Молчание.

Анютка. Дедушка! А ту девчонку, ты сказывал, ведь не убили же?

Митрич. Про ту-то? О, та девчонка в дело вышла.

Анютка. Как ты, дедушка, сказывал, нашли-то ее?

Митрич. Да так и нашли.

Анютка. Да где ж нашли? Ты скажи.

Митрич. В ихнем доме и нашли. Пришли в деревню, стали солдаты шарить по домам, глядь — эта самая девчонка на пузе лежит. Хотели ее пришибить. Да так мне скучно стало, взял я ее на руки. Так ведь не дается. Отяжелела, как пять пудов в ней сделалось; а руками цапается за что попало, не отдерешь никак. Ну, взял я ее, да по головке, по головке. А шаршавая, как еж. Гладить, гладить — затихла. Помочил сухарика, дал ей. Поняла-таки. Погрызла. Что с ней делать? Взяли ее. Взяли, стали кормить да кормить, да так привыкла, с собой в поход взяли, так с нами и шла. Хороша девчонка была.

Анютка. Что ж, а некрещеная?

Митрич. А кто е знает. Сказывали, что не вполне. Потому народ ненашенский.

Анютка. Из немцов?

Митрич. Эка ты: из немцов. Не из немцов, а азиаты. Они всё равно как жида, а не жида тоже. Из поляков, а азиаты. Крудлы, круглы прозвище им. Да уж забыл я. Девчонку-то мы Сашкой прозвали. Сашка, а хороша была. Ведь вот все забыл, а на девчонку, в рот ей ситного пирога с горохом, как сейчас гляжу. Только и помню из службы из всей. Как пороли, помню, да вот девчонка в памяти. Повиснет, бывало, на шее, и несешь ее. Такая девчонка была, что надо лучше, да некуда. Отдали потом. Ротного жена в дочери взяла. И в дело вышла. Жалели как солдаты!

Анютка. А вот, дедушка, тоже батя, я помню, как помирал. Ты еще не жил у нас. Так он позвал Микиту, да и говорит, прости меня, говорит, Микита... а сам заплакал. *(Вздыхает.)* Тоже как жалостно.

Митрич. А вот то-то и оно-то...

Анютка. Дедушка, а дедушка. Вот опять шумят чтой-то в погребе. Ай, матушки, сестрицы-голубушки! Ох, дедушка, сделают они что над ним. Загубят они его. Махонький ведь он... О-о! *(Закрывается с головой и плачет.)*

Митрич *(прислушивается)*. И впрямь что-то пакостят, дуй их горой. А пакостницы же бабы эти!

Мужиков похвалить нельзя, а уж бабы... Эти как звери лесные. Ничего не боятся.

А н ю т к а (поднимается). Дедушка, а дедушка!

М и т р и ч. Ну, чего еще?

А н ю т к а. Намедни прохожий ночевал, сказывал, что младенец помрет — его душа прямо на небу пойдет. Правда это?

М и т р и ч. Кто е знает, должно так. А что?

А н ю т к а. Да хоть бы и я померла. (Хнычет.)

М и т р и ч. Помрешь, из счета вон.

А н ю т к а. До десяти годов все младенец, душа к богу, может, еще пойдет, а то ведь изгадишься.

М и т р и ч. Еще как изгадишься-то! Вашей сестре как не изгадиться? Кто вас учит? Чего ты увидишь? Чего услышишь? Только гнусность одну. Я хоть немного учен, а кое-что да знаю. Не твердо, а все не как деревенска баба. Деревенска баба что? Слякоть одна. Вашей сестры в России большие миллионы, а все, как кроты слепые, — ничего не знаете. Как коровью смерть опаживать, привороты всякие, да как под насест ребят носить к курам — это знают.

А н ю т к а. Мамушка и то носила.

М и т р и ч. А то-то и оно-то. Миллионов сколько баб вас да девок, а все, как звери лесные. Как выросла, так и помрет. Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужик — тот хоть в кабаке, а то и в замке, случаем, али в солдатстве, как я, узнает кое-что. А баба что? Она не то что про бога, она и про пятницу-то не знает толком, какая такая. Пятница, пятница, а спроси какая, она и не знает. Так, как щенята слепые ползают, головами в навоз тычатыся. Только и знают песни свои дурацкие: го-го, го-го. А что го-го, сами не знают...

А н ю т к а. А я, дедушка, Вотчу до половины знаю.

М и т р и ч. Знаешь ты много! Да и спросить с вас тоже нельзя. Кто вас учит? Только пьяный мужик когда вожжами поучит. Только и ученья. Уж и не знаю, кто за вас отвечать будет. За рекрутов так с дядьки или с старшого спросят. А за вашу сестру и спросить не с кого. Так, беспастушная скотина, озорная самая,

бабы эти. Самое глупое ваше сословие. Пустое самое ваше сословие.

А н ю т к а. А как же быть-то?

М и т р и ч. А так и быть. Завернись с головой да и спи. О господи!

Молчание. Сверчок.

А н ю т к а (*вскакивает*). Дедушка! Кричит кто-то, не путем кто-то! Ей-богу, право, кричит. Дедушка, милый, сюда идет.

М и т р и ч. Говорю, с головой укройся.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е, Никита и Матрена.

Никита (*входит*). Что они со мной сделали? Что они со мной сделали?!

Матрена. Выпей, выпей, ягодка, винца-то. (*Достает вино и ставит.*) Что ты?

Никита. Давай. Не запью ли?

Матрена. Тише! Не спят ведь. На, выпей.

Никита. Что ж это? Зачем вы это вздумали? Снесли бы куда.

Матрена (*шепотом*). Посиди, посиди тут, выпей еще, а то покури. Оно разобьет мысль-то.

Никита. Матушка родимая, дошло, видно, до меня. Как запищит, да как захрустят эти косточки — кр... кр... не человек я стал.

Матрена. И-и! Что говоришь несуразно совсем. Оно точно — ночным делом жутость берет, а дай ободняет, денек-другой пройдет, и думать забудешь. (*Подходит к Никите, кладет ему руку на плечо.*)

Никита. Уйди от меня. Что вы со мной сделали?

Матрена. Да что ты, сынок, в самом деле. (*Берет его за руку.*)

Никита. Уйди ты от меня! Убью! Мне теперь всё нипочем. Убью!

Матрена. Ах, ах, напугался как! Да иди, что ль, спать-то.

Никита. Некуда мне идти. Пропал я!

Матрена (*качает головой*). Ох, ох, пойти убрать, а он обседится, сойдет это с него. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Никита, Митрич, Анютка.

Никита (*сидит, закрыв лицо руками. Митрич и Анютка замерли*). Пищит, право, пищит, во, во... внятно. Зароет она его, право, зароет! (*Бежит в дверь.*) Матушка, не зарывай, живой он..,

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Матрена.

Матрена (*возвращаясь, шепотом*). Да что ты, Христос с тобой! И что не примстится. Где же живому быть! Ведь и косточки-то все раздребезжены.

Никита. Давай еще вина. (*Пьет.*)

Матрена. Иди, сынок. Заснешь теперь, ничего.

Никита (*стоит, слушает*). Жив все... во... пищит. Разве не слышишь? Во!

Матрена (*шепотом*). Да нет же!

Никита. Матушка родимая! Решился я своей жизни. Что вы со мной сделали! Куда уйду я? (*Выбегает из избы, и Матрена за ним.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Митрич и Анютка.

Анютка. Дедушка, милый, голубчик, задушили они его!

Митрич (*сердито*). Спи, говорю. Ах ты, лягай тебя лягушки! Вот я тебя веником! Спи, говорю.

Анютка. Дедушка, золотой! Хватает меня ктой-то

за плечушки, хватает ктой-то, лапами хватает. Дедушка, милый, снова дыхнуть, пойду сейчас. Дедушка, золотой, пусти ты меня на печь! Пусти ты меня ради Христа... Хватает... хватает... А-а! *(Бежит к печке.)*

Митрич. Ишь натращали девчонку как. То-то пакостницы, лягай их лягушки. Ну! пролезай, что ль.

Анютка *(лезет на печь)*. Да ты не уходи.

Митрич. Куда я пойду? Лезь, лезь! О господи, Микола-угодник, мать пресвятая богородица казанская... Натращали девчонку как. *(Прикрывает ее.)* То-то дурочка, право, дурочка... Натращали, право, паскудницы, в рот им ситного пирога с горохом,

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА ПЯТОГО ДЕЙСТВИЯ

Никита.	2-я девка.
Анисья.	Урядник.
Акулина.	Извозчик.
Аким.	Дружко.
Матрена.	Сваха.
Анютка.	Жених Акулины.
Марина.	Староста.
Муж Марины.	Гости, бабы, девки,
1-я девка.	народ на свадьбе.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гумно. На первом плане одонье, слева ток, справа сарай гумennyй. Открыты ворота сарая; в воротах солома; в глубине виден двор и слышны песни и бубенцы. Идут по дорожке мимо сарая к избе две девки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Две девки.

1-я девка. Вот видишь, как прошли, и полусапожек не замарали, а слободой-то беда! — грязно...

Останавливаются, отирают соломой ноги,

1-я девка (*глядит в солому и видит что-то*). Это что ж тут?

2-я девка (*разглядывает*): Митрич это, работник ихний. Вишь, налился как.

1-я девка. Да он не пил, никак?

2-я девка. До поднесенного дня, видно.

1-я девка. Глянь-ка, он, видно, сюда за соломой пришел. Вишь, и веревка в руках, да так и заснул.

2-я девка (*прислушивается*). Всё еще величают. Должно, еще не благословляли. Акулина-то, сказывали, и выть не выла.

1-я девка. Мамушка сказывала, неохотой идет. Ей вотчим пригрозил, а то бы в жисть не пошла. Ведь про нее что болтали!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Марина догоняет девок.

Марина. Здорово, деушки!

Девки. Здорово, тетенька!

Марина. На свадьбу, миленькие?

1-я девка. Да уж отошла. Так, поглядеть.

Марина. Покличьте вы моего старика, Семена из Зуева. Знаете, я чай?

1-я девка. Как не знать? Родня он жениху, никак.

Марина. Как же, племянник моему хозяину-то жених-от.

2-я девка. Что ж сама не идешь? На свадьбу да не идти.

Марина. Неохота, деушка, да и недосуг. Ехать надо. Мы не на свадьбу и сбирались. Мы с овсом в город. Покормить остановились, а старика-то моего и зазвали.

1-я девка. Вы к кому же заехали? К Федорочу?

Марина. У него. Так я здесь постою, а ты покличь, миленькая, старика-то моего. Вызови, касатка. Скажи: баба твоя, Марина, велела ехать; товарищи запрягают.

1-я девка. Что ж, ладно, коли сама не пойдешь.

Девки уходят по тропинке ко двору. Слышны песни и бубенцы.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М а р и н а одна.

М а р и н а (*задумывается*). Пойти бы ничего, да неохота, потому не видалась я с ним с той самой поры, как отказался он. Другой год. А взглянула бы глазком, как живет он с своей с Анисьей. Говорят люди — нелады у них. Баба она грубая, характерная. Поминал, я чай, не раз. Позарился на прокладную жизнь. Меня променял. Ну да бог с ним, я зла не помню. Тогда обидно было. Ах, больно было! А теперь перетерлось на себе — и забыла. А поглядела б его... (*Смотрит ко двору, видит Никиту.*) Вишь ты! Чего ж это он идет? Али девки ему сказали? Что ж это он от гостей ушел? Уйду я,

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

М а р и н а и Н и к и т а (*идет сначала повеся голову и, махая руками, бормочет*).

М а р и н а. Да и сумрачный же какой!

Н и к и т а (*видит Марину, узнает*). Марина! Друг любезный, Маринушка! Ты чего!

М а р и н а. Я за стариком за своим.

Н и к и т а. Что ж на свадьбу не пришла? Посмотрела б, посмеялась на меня.

М а р и н а. Чего ж мне смеяться-то? Я за хозяином пришла.

Н и к и т а. Эх, Маринушка! (*Хочет ее обнять.*)

М а р и н а (*сердито отстраняется*). А ты, Микита, эту ухватку оставь. То было, да прошло. За хозяином пришла. У вас он, что ль?

Н и к и т а. Не поминать, значит, старого? Не велишь?

М а р и н а. Старое нечего поминать. Что было, то прошло.

Н и к и т а. И не воротится, значит?

М а р и н а. И не воротится. Да ты что ж ушел-то? Хозяин, да со свадьбы ушел,

Никита (*садится на солому*). Что ушел-то? Эх, кабы знала ты да ведала!.. Скучно мне, Марина, так скучно, не глядели б мои глаза. Вылез из-за стола и ушел, от людей ушел, только бы не видать никого.

Марина (*подходит к нему ближе*). Что ж так?

Никита. А то, что в еде не заем, в питье не запью, во сне не засплю. Ах, тошно мне, так тошно! А пуще всего тошно мне, Маринушка, что один я и не с кем мне моего горя размыкать.

Марина. Без горя, Микита, не проживешь. Да я свое переплакала — и прошло.

Никита. Это про прежнее, про старинное. Эх, друг, переплакала ты, а мне вот дошло!

Марина. Да что ж так?

Никита. А то, что опостылело мне все мое житье. Сам себе опостылел. Эх, Марина, не умела ты меня держать, погубила ты меня и себя тоже! Что ж, разве это житье?

Марина (*стоит у сарая, плачет и удерживается*). Я на свое житье, Никита, не жалюсь. Мое житье — дай бог всякому. Я не жалюсь. Покаялась я тогда старику моему. Простил он меня. И не попрекает. Я на свою жизнь не обижаюсь. Старик смирный и желанный до меня; я его детей одеваю, обмываю. Он меня тоже жалест. Что ж мне жалиться. Так, видно, бог присудил. А твое житье что ж? В богатстве ты...

Никита. Мое житье!.. Только свадьбу тревожить не хочется, а вот взял бы веревку, вот эту (*берет в руки веревку с соломы*), да на перемете вот на этом перекинул бы. Да петлю расправил бы хорошенько, да влез на перемет, да головой туда. Вот моя жизнь какая!

Марина. Полно, Христос с тобой!

Никита. Ты думаешь, я в шутку? Думаешь, что пьян? Я не пьян. Меня нынче и хмель не берет. А тоска, съела меня тоска на отделку. Так заела, что ничто мне не мило! Эх, Маринушка, только я пожил, как с тобою, помнишь, на чугунке ночи коротали?

Марина. Ты, Микита, не вереди, где наболело. Я закон приняла и ты тож. Грех мой прощенный, а старое не вороши...

Никита. Что ж мне с своим сердцем делать? Куда деваться-то?

Марина. Чего делать-то? Жена у тебя есть, на других не зарься, а свою береги. Любил ты Анисью, так и люби.

Никита. Эх, эта мне Анисья — полынь горькая, только она мне, как худая трава, ноги оплела.

Марина. Какая ни есть — жена. Да что толковать! Поди лучше к гостям да мне мужа покличь.

Никита. Эх, кабы знала ты все дела... Да что говорить!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Никита, Марина, муж ее и Анютка.

Муж Марины (*выходит от двора красный, пьяный*). Марина! Хозяйка! Старуха! Здесь ты, что ль?

Никита. Вот и твой хозяин идет, тебя кличет. Иди.

Марина. А ты что ж?

Никита. Я? Я полежу тут. (*Ложится в соломе.*)

Муж Марины. Где ж она?

Анютка. А вон она, дяденька, дле сарая.

Муж Марины. Чего стоишь? Иди на свадьбу-то! Хозяева велят тебе идти, честь сделать. Сейчас поедет свадьба, и мы пойдем.

Марина (*выходит навстречу мужу*). Да неохота было.

Муж Марины. Иди, говорю. Выпьешь стаканчик. Петрунькю-шельмеца проздравишь. Хозяева обижаются, а мы во все дела пспеем. (*Муж Марины обнимает ее и, шатаясь, с ней вместе уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Никита и Анютка.

Никита (*поднимается и садится на соломе*). Эх, увидал я ее, еще тошней стало. Только и было жизни, что с нею. Ни за что про что загубил свой век; погубил

я свою голову! (Ложится.) Куда денусь? Ах! Расступись, мать сыра земля!

Анютка (видит Никиту и бежит к нему). Батюшка, а батюшка! Тебя ищут. Все уже, и крестный, благословили. Одна дыхнуть, благословили. Уж серчают.

Никита (про себя). Куда денусь.

Анютка. Ты чего? Чего говоришь-то?

Никита. Ничего я не говорю. Что пристала?

Анютка. Батюшка! пойдём, что ль? (Никита молчит. Анютка тянет за руку.) Батя, иди благословлять-то! Право слово, серчают, ругаются.

Никита (выдерживает руку). Оставь!

Анютка. Да ну же!

Никита (грозит ей вожжами). Ступай, говорю. Вот я тебя.

Анютка. Так я ж мамушку пришлю. (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Никита один,

Никита (поднимается). Ну как я пойду? Как я образ возьму? Как я ей в очи гляну? (Ложится опять.) Ох, кабы дыра в землю, ушел бы. Не видали б меня люди, не видал бы никого. (Опять поднимается.) Да не пойду я... Пропадай они совсем. Не пойду. (Снимает сапоги и берет веревку; делает из нее петлю, прикидывает на шею.) Так-то вот.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Никита и Матрена. Никита видит мать, снимает веревку с головы и ложится опять в солому.

Матрена (подходит впопыхах). Микита! А, Микита? Вишь ты, и голоса не подает. Микита, что ж ты, аль захмелел? Иди, Микитушка, иди, иди, ягодка. Заждался народ.

Никита. Ах, что вы со мной сделали? Не человек я стал.

Матрена. Да чего ты? Иди, родной, честь честью благословенье сделай, да и к стороне. Ждет ведь народ-от.

Никита. Как мне благословлять-то?

Матрена. Известно как. Разве не знаешь?

Никита. Знаю я, знаю я. Да кого благословлять-то буду? Что я с ней сделал?

Матрена. Что сделал? Эка вздумал поминать! Никто не знает: ни кот, ни кошка, ни поп Ерощка. А девка сама идет.

Никита. Как идет-то?

Матрена. Известно, из-под страху идет-то. Да идет же. Да что же делать-то? Тогда бы думала. А теперь ей упираться нельзя. И сватам тоже обиды нет. Смотрели два раза девку-то, да и денежки за ней. Все шито-крыто.

Никита. А в погребе-то что?

Матрена (смеется). Что в погребе? Капуста, грибы, картошки, я чай. Что старое поминать?

Никита. Рад бы не поминал. Да не могу я. Как заведешь мысль, так вот и слышу. Ох, что вы со мной сделали?

Матрена. Да что ты в сам деле ломаешься?

Никита (переворачивается ничком). Матушка! Не томи ты меня. Мне вот по куда дошло.

Матрена. Да все ж надо. И так болтает народ, а тут вдруг ушел отец, нейдет, благословлять не насмелится. Сейчас прикладать станут. Как заробеешь, сейчас догадываться станут. Ходи тором, не положат вором. А то бежишь от волка, напхаешься на ведмедя. Пуще всего виду не показывай, не робь, малый, а то хуже вознают.

Никита. Эх, запутляли вы меня!

Матрена. Да буде, пойдем. А выдь да благослови; всё как должно, честь честью, и делу конец.

Никита (лежит ничком). Не могу я.

Матрена (сама с собой). И что сделалось? Все ничего, ничего, да вдруг нашло. Напущение, видно. Микитка, вставай! Гляди, вон и Анисья идет, гостей побросала,

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Никита, Матрена и Анисья.

Анисья (*нарядная, красная, выпивши*). И хорошо как, матушка. Так хорошо, честно! И как народ доволен. Где ж он?

Матрена. Здесь, ягодка, здесь. В солому лег, да и лежит. Нейдет.

Никита (*глядит на жену*). Ишь, тоже пьяная! Гляжу, так с души прёт. Как с ней жить? (*Поворачивается ничком.*) Убью я ее когда-нибудь. Хуже будет.

Анисья. Вишь куда, в солому забрался. Аль хмель изнял? (*Смеется.*) Полежала бы я с тобой тут, да неколи. Пойдем, доведу. А уж как хорошо в домето! Лестно поглядеть. И гармония! Играют бабы, хорошо как. Пьяные все. Уж так почестно, хорошо так!

Никита. Что хорошо-то?

Анисья. Свадьба, веселая свадьба. Все люди говорят, на редкость свадьба такая. Так честно, хорошо все. Иди же. Вместе пойдем... я выпила, да доведу. (*Берет за руку.*)

Никита (*отдергивается с отвращением*). Иди одна. Я приду.

Анисья. Чего кауришься-то! Все беды избыли, разлучницу сбыли, жить нам только, радоваться. Всё так честно, по закону. Уж так я рада, что и сказать нельзя. Ровно я за тебя в другой замуж иду. И-и! народ как доволен! Все благодарят. И гости всё хорошие. И Иван Мосеич — тоже и господин урядник. Также повеличали.

Никита. Ну, и сиди с ними, — зачем пришла?

Анисья. Да и то идти надо. А то к чему пристало? Хозяева ушли и гостей побросали. А гости всё хорошие.

Никита (*встает, обирает с себя солому*). Идите, а я сейчас приду.

Матрена. Ночная-то кукушка денную перекуко-

вала. Меня не послушал, а за женой сейчас пошел. (Матрена и Анисья идут.) Идешь, что ль?

Никита. Сейчас приду. Вы идите, я следом. Приду, благословлять буду...

Бабы останавливаются.

Идите... а я следом. Идите же!

Бабы уходят. Никита глядит им вслед задумавшись.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Никита один, потом Митрич.

Никита (садится и разувается). Так и пошел я! Как же! Нет, вы поищите, на перемете нет ли. Распростал петлю да прыгнул с перемета, и ищи меня. И вожжи, спасибо, тута. (Задумывается.) То бы размыкал. Какое ни будь горе, размыкал бы! А то вон оно где — в сердце оно, не вынешь никак. (Приглядывается ко двору.) Никак, опять идет. (Передразнивает Анисью.) «Хорошо, и хорошо как! Полежу с тобой!» У! шкуреха подлая! На ж тебе, обнимайся со мной, как с перемета снимут. Один конец. (Схватывает веревку, дергает ее.)

Митрич (пьяный поднимается, не пуская веревку). Не дам. Никому не дам. Сам принесу. Сказал, принесу солому — принесу! Микита, ты? (Смеется.) Ах, черт! Аль за соломой?

Никита. Давай веревку.

Митрич. Нет, ты погоди. Послали меня мужики. Я принесу... (Поднимается на ноги, начинаст сгребать солому, но шатается, справляется и под конец падает.) Ее верх. Пересилила...

Никита. Давай вожжи-то.

Митрич. Сказал, не дам. Ах, Микишка, глуп ты, как свиной пуп. (Смеется.) Люблю тебя, а глуп ты. Ты глядишь, что я запил. А мне черт с тобой! Ты думаешь, ты мне нужен... Ты гляди на меня. Я унтер! Дурак, не умеешь сказать: унтер-офицер гренадерского

ее величества самого первого полка. Царю, отечеству служил верой и правдой. А кто я? Ты думаешь, я воин? Нет, я не воин, а я самый последний человек, сирота я, заблудший я. Зарекся я пить. А теперь закурил!.. Что ж, ты думаешь, я боюсь тебя? Как же! Никого не боюсь. Запил, так запил! Теперь недели две смолить буду, картошку под орех разделаю. До креста пропьюсь, шапку пропью, билет заложу и не боюсь никого. Меня в полку пороли, чтоб не пил я. Стегали, стегали... «Чго, говорят, будешь?» Буду, говорю. Чего бояться дерьма-то? Вон он я! Какой есть, такого бог зародил. Зарекся не пить. Не пил. Теперь запил — пью. И не боюсь никого. Потому не вру, а как есть... Чего бояться, дерьма-то? На-те, мол, вот он я. Мне поп один сказывал. Дьявол — он самый хвастун. Как, гсворит, начал ты хвастать, сейчас ты и заробеешь. А как стал робеть от людей, сейчас он, беспятый-то, сейчас и сцапал тебя и попер, куда ему надо. А как не боюсь я людей-то, мне и легко! Начхаю ему в бороду, лопатому-то, — матери его поросятины! Ничего он мне не сделает. На, мол, выкуси!

Никита (*крестится*). И что ж это я в самом деле? (*Бросает веревку.*)

Митрич. Чего?

Никита (*поднимается*). Не велишь бояться людей?

Митрич. Есть чего бояться, дерьма-то. Ты их в бане-то погляди. Все из одного теста. У одного потолще брюхо, а то потоньше, только и различки в них. Вона! кого бояться, в рот им ситного пирога с горохом!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Никита, Митрич, Матрена (*выходит из двора*).

Матрена (*кличет*). Что, идешь, что ли?

Никита. Ох! Да и лучше так-то. Иду. (*Идет ко двору.*)

Занавес

СЦЕНА ВТОРАЯ

Перемена декорации. Изба первого действия, полна народом, сидящим за столами, и стоящими. В переднем углу Акулина с женихом. На столе иконы и хлеб. В числе гостей Марина, муж ее и урядник. Бабы поют песни. Анисья разносит вино. Песни замолкают,

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анисья, Марина, муж Марины, Акулина, жених, извозчик, урядник, сваха, дружка, Матрена, гости и народ.

Извозчик. Ехать так ехать, а церковь разве близко.

Дружка. А вот дай срок, вотчим благословит. Да где ж он?

Анисья. Идет. Сейчас идет, миленькие. Кушайте еще по стаканчику, не обижайте.

Сваха. Что ж долго? Уж с какого времени ждем.

Анисья. Придет. Сейчас придет. Стриженная девка косы не заплетет, тут будет. Кушайте, миленькие. *(Подносит вино.)* Сейчас идет. Поиграйте еще, красавицы, пока что.

Извозчик. Да уж все песни пропели ожидавши.

Бабы поют, Посередине песни входят Никита и Аким.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Никита и Аким,

Никита *(держит Акима за руку и подталкивает вперед себя)*. Иди, батюшка, без тебя нельзя.

Аким. Не люблю я, значит, тае...

Никита *(на баб)*. Буде, замолчите. *(Оглядывает всех в избе.)* Марина, ты тут?

Сваха. Иди, бери образ, благословляй.

Никита. Погоди, дай срок. *(Оглядывается.)* Акулина, ты здесь?

Сваха. Да что ты народ перекликаешь? Где ж ей быть-то? Что он чудной какой...

Анисья. Батюшки родимые! Да что ж он разутый!

Никита. Батюшка! ты здесь? Гляди на меня. Мир православный, вы все здесь, и я здесь! Вот он я! *(Падает на колени.)*

Анисья. Микитушка, чтой-то ты? О, головушка моя!

Сваха. Вот на!

Матрена. Я и говорю: перепил он французского, что ли, много. Опамятуйся, что ты? *(Хотят поднять его, он не обращает ни на кого внимания, глядит перед собой.)*

Никита. Мир православный! Виноват я, каяться хочу.

Матрена *(тащит его за плечо)*. Что ты, с ума спятил? Миленькие, у него ум зашелся. Увести его надо.

Никита *(отстраняет ее плечом)*. Оставь! А ты, батюшка, слушай. Первое дело: Маринка, гляди сюда. *(Кланяется ей в ноги и поднимается.)* Виноват я перед тобой, обещал тебя замуж взять, соблазнил тебя. Тебя обманул, кинул, прости меня Христа ради! *(Опять кланяется в ноги.)*

Анисья. И чего разлопоушился? Не к лицу совсем. Что никто не спрашивает. Встань ты, что озорничаешь?

Матрена. О-ох, напущено это на него. И что это сделалось? Попорчен он. Встань. Что пустое болтаешь! *(Тянет его.)*

Никита *(моргает головой)*. Не тронь! Прости, Марина, грех мой перед тобой. Прости Христа ради.

Марина закрывается руками, молчит.

Анисья. Встань, говорю, что озорничаешь. Вспоминать вздумал. Буде форсить. Стыдно! О, головушка моя! Что это, очумел совсем.

Никита *(отталкивает жену, поворачивается к Акулине)*. Акулина, к тебе речь теперь. Слушайте, мир православный! Окаянный я. Акулина! виноват я перед

тобой. Твой отец не своею смертью помер. Ядом отравили его.

А н и с ь я (*вскрикивает*). Головушка моя! Да что он?

М а т р е н а. Не в себе человек. Уведите ж вы его.

Народ подходит, хочет взять его.

А к и м (*отстраняет руками*). Постой! Вы, ребята, тае, постой, значит.

Н и к и т а. Акулина, я его ядом отравил. Прости меня Христа ради.

А к у л и н а (*вскакивает*). Брешет он! Я знаю кто. Сваха. Что ты? Ты сиди.

А к и м. О господи! Грех-то, грех-то.

У р я д н и к. Берите его! А старосту пошлите да понятых. Надо акт составить. Встань-ка ты, поди сюда.

А к и м (*на урядника*). А ты, значит, тае, светлые пуговицы, тае, значит, погоди. Дай он, тае, скажет, значит.

У р я д н и к (*Акиму*). Ты, старик, смотри не мешайся. Я должен составить акт.

А к и м. Экий ты, тае. Погоди, говорю. Об ахте, тае, не толкуй, значит. Тут, тае, божье дело идет... кается человек, значит, а ты, тае, ахту...

У р я д н и к. Старосту!

А к и м. Дай божье дело отойдет, значит, тогда, значит, ты и, тае, справляй, значит.

Н и к и т а. Еще, Акулина, перед тобою грех мой великий: соблазнил я тебя, прости Христа ради! (*Кланяется ей в ноги.*)

А к у л и н а (*выходит из-за стола*). Пусти меня, не пойду замуж. Он мне велел, а теперь не пойду.

У р я д н и к. Повтори, что сказал.

Н и к и т а. Погодите, господин урядник, дайте до-сказать.

А к и м (*в восторге*). Говори, дитяtko, все говори, легче будет. Кайся богу, не бойся людей. Бог-то, бог-то! Он во!..

Н и к и т а. Отравил я отца, погубил я, пес, и дочь. Моя над ней власть была, погубил ее и ребеночка.

А к у л и н а. Правда это, правда.

Н и к и т а. На погребнице доской ребеночка ее за-

душил. Сидел на нем... душил... а в нем косточки хрустели. (Плачет.) И закопал в землю. Я сделал, одиня!

Акулина. Брешет. Я велела.

Никита. Не щити ты меня. Не боюсь я теперь никого. Прости меня, мир православный! (Кланяется в землю.)

Молчание.

Урядник. Вяжите его, свадьба ваша, видно, расстроилась.

Подходит народ с кушаками.

Никита. Погоди, поспеешь... (Отцу кланяется в ноги.) Батюшка родимый, прости и ты меня, окаянного! Говорил ты мне спервоначала, как я этой блудной скверной занялся, говорил ты мне: «Коготок увяз, и всей птичке пропасть», не послушал я, пес, твоего слова, и вышло по-твоему. Прости меня Христа ради.

Аким (в восторге). Бог простит, дитяtko родимое. (Обнимает его.) Себя не пожалел, он тебя пожалет, Бог-то, бог-то! Он во!..

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и староста.

Староста (входит). Понятых и здесь много, Урядник. Сейчас допрос снимем.

Никиту вяжут.

Акулина (подходит и становится рядом). Я скажу правду. Допрашивай и меня.

Никита (связанный). Нечего допрашивать. Все я один сделал. Мой и умысел, мое и дело, Ведите куда знаете. Больше ничего не скажу.

Занавес

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Леонид Федорович Звездинцев, отставной поручик конной гвардии, владетель 24 тысяч десятин в разных губерниях. Свежий мужчина, около 60 лет, мягкий, приятный, джентльмен. Верит в спиритизм и любит удивлять других своими рассказами.

Анна Павловна Звездинцева, его жена, полная, молодящаяся дама, озабоченная светскими приличиями, презирающая своего мужа и слепо верящая доктору. Дама раздражительная.

Бетси, их дочь, светская девица, лет 20-ти, с распушенными манерами, подражающими мужским, в *ripse-nez*¹. Кокетка и хохотунья. Говорит очень быстро и очень отчетливо, поджимая губы, как иностранка.

Василий Леонидыч, их сын, 25-ти лет, кандидат юридических наук, без определенных занятий, член общества велосипедистов, общества конских ристалищ и общества поощрения борзых собак. Молодой человек, пользующийся прекрасным здоровьем и несокрушимой самоуверенностью. Говорит громко и отрывисто. Либо вполне серьезен, почти мрачен, либо шумно-весел и хохочет громко.

Алексей Владимирович Кругосветлов, профессор. Ученый, лет 50-ти, с спокойными, приятно самоуверенными манерами и такою же медлительною, певучей речью. Охотно говорит. К несоглашающимся с собой относится кротко-презрительно. Много курит. Худой, подвижный человек.

¹ пенсне (франц.).

- Доктор, лет 40, здоровый, толстый, красный человек. Громогласен и груб. Постоянно самодовольно посмеивается.
- Марья Константиновна, девица лет 20-ти, воспитанница консерватории, учительница музыки, с махрами на лбу, в преувеличенно модном туалете, заискивающая и конфузющаяся.
- Петрищев, лет 28, кандидат филологических наук, ищущий деятельности, член тех же обществ, как и Василий Леонидыч, и, кроме того, общества устройства ситцевых и коленкоровых балов. Плешивый, быстрый в движениях и речи и очень учтивый.
- Баронесса, важная дама, лет 50-ти, неподвижная, говорит без интонаций.
- Княгиня, светская дама, гостья.
- Княжна, светская девица, гримасница, гостья.
- Графиня, древняя дама, насили движущаяся, с фальшивыми буклями и зубами.
- Гросман, брюнет еврейского типа, очень подвижный, нервный, говорит очень громко.
- Толстая барыня, Марья Васильевна Толбухина, очень важная, богатая и добродушная дама, знакомая со всеми замечательными людьми, прежними и тепершними. Очень толстая, говорит поспешно, стараясь переговорить других. Курит.
- Барон Клинген (Кокó), кандидат Петербургского университета, камер-юнкер, служащий при посольстве. Вполне соггест¹ и потому спокоен душою и тихо весел.
- Дама.
- Барин (без слов).
- Сахатов, Сергей Иванович, лет 50-ти, бывший товарищ министра, элегантный господин, широкого европейского образования, ничем не занят и всем интересуется. Держит себя достойно и даже несколько строго.
- Федор Иванович, камердинер, лет под 60. Образованный и любящий образование человек, злоупотребляющий употреблением рипсе-пез и носового платка, который он медленно разворачивает. Следит за политикой. Человек умный и добрый.

¹ корректный (франц.).

Григорий, лакей, лет 28, красавец собой, развратный, завистливый и смелый.

Яков, лет 40, буфетчик, суетливый, добродушный, живущий только деревенскими семейными интересами.

Семен, буфетный мужик, лет 20. Здоровый, свежий, деревенский малый, белокурый, без бороды еще, спокойный, улыбающийся.

Кучер, лет 35. Щеголь, с усами только, грубый и решительный.

Старый повар, лет 45, лохматый, небритый, раздутый, желтый, трясущийся, в нанковом летнем оборванном пальто и грязных штанах и опорках, говорит хрипло. Слова вырываются из него как бы через преграду.

Кухарка, говорунья, недовольная, лет 30.

Швейцар, отставной солдат.

Таня, горничная, лет 19-ти, энергичная, сильная, веселая и быстро изменяющая настроение девушка. В минуты сильного возбуждения радости взвизгивает.

1-й мужик, лет 60-ти, ходил старшиной, полагает, что знает обхождение с господами, и любит себя послушать.

2-й мужик, лет 45, хозяин, грубый и правдивый, не любит говорить лишнего. Отец Семена.

3-й мужик, лет 70-ти, в лаптях, нервный, беспокойный, топчется, робет и разговором заглушает свою робость.

1-й выездной лакей графини. Старик старого завета, с лакейской гордостью.

2-й выездной лакей, огромный, здоровый, грубый.

Артельщик из магазина. В синей поддевке, с чистым румяным лицом. Говорит твердо, внушительно и ясно.

Действие происходит в столице, в доме Звездинцевых.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет переднюю богатого дома в Москве. Три двери: наружная, в кабинет Леонида Федоровича и в комнату Василья Леонидыча. Лестница наверх, во внутренние покои; сзади нее проход в буфет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Григорий (молодой и красивый лакей, глядится в зеркало и прихорашивается).

Григорий. А жаль усов! Не годится, говорит, лакею усы! А отчего? Чтобы видно было, что ты лакей. А то как бы не превзошел сынка ее любезного. И есть кого! Хоть и без усов, а далеко ему... (*Вглядывается с улыбкой.*) И сколько их за мной волочатся! Только никто вот не нравится, как Таня эта! Простая горничная! Нда! А вот лучше барышни. (*Улыбается.*) Да и мила! (*Прислушивается.*) Вот, она и есть! (*Улыбается.*) Вишь, постукивает каблучками..., в-ва!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Григорий и Таня (с шубкой и ботинками).

Григорий. Татьяне Марковне мое почтение!

Таня. Что, смотрите всё? Думаете, очень из себя хороши?

Григорий. А что, неприятен?

Таня. Так, ни приятен, ни неприятен, а середка на половину. Что ж это у вас шубы-то повешаны?

Григорий. Сейчас, сударыня, уберу. *(Снимает шубу и накрывает ею Таню, обнимая ее.)* Таня, что я тебе скажу...

Таня. Ну вас совсем! И к чему это пристало! *(Сердито вырывается.)* Говорю же, оставьте!

Григорий *(оглядывается)*. Поцелуйте же.

Таня. Да что вы в самом деле пристали? Я вас так поцелую!.. *(Замахивается.)*

Василий Леонидыч. *(За сценой слышен звонок и потом крик.)* Григорий!

Таня. Вон, идите, Василий Леонидыч зовет.

Григорий. Подождет, он только глаза продрал. Слушай-ка, отчего не любишь?

Таня. И какие такие любви выдумали! Я никого не люблю.

Григорий. Неправда, Семку любишь. И нашла же кого, буфетного мужика сиволапого!

Таня. Ну, какой ни на есть, да вот вам завидно.

Василий Леонидыч *(за сценой)*. Григорий!

Григорий. Поспеешь!.. Есть чему завидовать! Ведь ты только начала образовываться и с кем связываешься? То ли дело меня бы полюбила... Таня...

Таня *(сердито и строго)*. Говорю, не будет вам ничего.

Василий Леонидыч *(за сценой)*. Григорий!!!

Григорий. Уж очень строго себя ведете.

Василий Леонидыч *(за сценой, упорно, ровно, во всю мочь кричит)*. Григорий! Григорий! Григорий!

Таня и Григорий смеются.

Григорий. Меня ведь какие любили!

Звонок.

Таня. Ну и идите к ним, а меня оставьте.

Григорий. Глупая ты, посмотри. Ведь я не Семен.

Таня. Семен жениться хочет, а не глупости.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Григорий, Таня и артельщик (несет большой картон с платьем).

Артельщик. С добрым утром!

Григорий. Здравствуйте. От кого?

Артельщик. От Бурде, с платьем, да вот записка барыне.

Таня (берет записку). Посидите тут, я подам. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Григорий, артельщик и Василий Леонидыч (высовывается из двери в рубашке и туфлях).

Василий Леонидыч. Григорий!

Григорий. Сейчас!

Василий Леонидыч. Григорий! разве не слышишь?

Григорий. Я только пришел.

Василий Леонидыч. Воды теплой и чаю.

Григорий. Сейчас Семен принесет.

Василий Леонидыч. А это что? От Бурды?

Артельщик. Так точно-с.

Василий Леонидыч и Григорий уходят. Звонок.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Артельщик и Таня (вбегает на звонок и отворяет дверь).

Таня (артельщику). Подождите.

Артельщик. И так дожидаюсь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Артельщик, Таня и Сахатов (входит в дверь).

Таня. Извините, сейчас вышел лакей. Да вы пожалуйте. Позвольте! (Снимает шубу.)

Сахатов (*оправляясь*). Дома Леонид Федорович? Встали?

Звонок.

Таня. Как же, давно уж!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Артельщик, Таня и Сахатов. Входит доктор.

Доктор (*ищет ласкея. Увидав Сахатова, с развязностью*). А? мое почтение!

Сахатов (*пристально вглядывается*). Доктор, кажется?

Доктор. А я думал, что вы за границей. К Леониду Федоровичу?

Сахатов. Да. А вы что же? Болен разве кто?

Доктор (*посмеиваясь*). Не то чтобы болен, а, знаете, с этими барынями беда! До трех часов каждый день сидит за винтом, а сама тянется в рюмку. А барыня сырая, толстая, да и годочков-то немало.

Сахатов. Вы так и Анне Павловне высказываете ваш диагноз? Ей не нравится, я думаю.

Доктор (*смеясь*). Что же, правда. Все эти штуки проделывают, а потом расстройство пищеварительных органов, давление на печень, нервы, — ну, и пошла писать, а ты ее подправляй. Беда с ними! (*Посмеивается.*) А вы что? Вы, кажется, спирт тоже?

Сахатов. Я? Нет, я не спирт тоже... Ну, мое почтение! (*Хочет идти, но доктор останавливает.*)

Доктор. Нет, ведь я тоже не отрицаю вполне, когда такой человек, как Кругосветлов, принимает участие. Нельзя же! Профессор, европейская известность. Что-нибудь да есть. Хотелось бы как-нибудь посмотреть, да все некогда, другое дело есть.

Сахатов. Да, да. Мое почтение! (*Уходит с легким поклоном.*)

Доктор (*Тане*). Встали?

Таня. В спальне. Да вы пожалуйста.

Сахатов и доктор расходятся в разные стороны.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Артельщик, Таня и Федор Иванович (входит с газетой в руках).

Федор Иванович (к артельщику). Вы что?

Артельщик. От Бурде, с платьем да с запиской. Велели подождать.

Федор Иванович. А, от Бурде! (К Тане.) Кто это прошел?

Таня. Сахатов, Сергей Иванович, и еще доктор. Они тут постояли, поговорили. Все о спиритичестве.

Федор Иванович (поправляя). Об спиритизме.

Таня. Да я и говорю об спиритичестве. А вы слышали, Федор Иванович, как прошлый раз удалось хорошо? (Смеется.) И стучало, и вещи перелетали.

Федор Иванович. А ты почему знаешь?

Таня. А Лизавета Леонидовна сказывали.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Таня, Федор Иванович, артельщик и Яков-буфетчик (бежит с стаканом чаю).

Яков (к артельщику). Здравствуйте!

Артельщик (грустно). Здравствуйте.

Яков стучит в дверь к Василью Леонидычу.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Григорий.

Григорий. Давай.

Яков. А стаканы вчерашние всё не принесли, да и поднос от Василья Леонидыча. Ведь с меня спросят.

Григорий. Поднос занят у него с сигарками.

Яков. Так вы переложите. Ведь с меня взыскивают.

Григорий. Принесу, принесу!

Яков. Вы говорите, принесу, а его нет. Намедни хватились, а подавать не на чем.

Григорий. Да принесу, говорю. Эка суета!

Яков. Вам хорошо так говорить, а я вот третий чай подавай да завтракать собирай. Треплешься, треплешься день-деньской. Есть ли у кого в доме больше моего дела? А все нехорош!

Григорий. Да уж чего лучше? Вишь, как хорош!

Таня. Вам все нехороши, только вы один...

Григорий (к Тане). Тебя не спросили! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Таня, Яков, Федор Иванович и артельщик.

Яков. Да что, я не обижаюсь, Татьяна Марковна, барыня не говорила ничего про вчерашнее?

Таня. Это об лампе-то?

Яков. И как это она вырвалась из рук, бог ее знает. Только стал обтирать, хотел перехватить, — вышмыгнула как-то... В мелкие кусочки! Все мое несчастье! Ему хорошо, Григорию-то Михайлычу, говорить, как он один головой, а вот как семья? Ведь тоже надо обдумать да прокормить. Я на труды не смотрю. Так ничего не говорила? Ну, и слава богу! А ложечки у вас, Федор Иванович, одна или две?

Федор Иванович. Одна, одна. (Читает газету.)

Яков уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Таня, Федор Иванович и артельщик. Слышен звонок. Входят Григорий с подносом и швейцар.

Швейцар (Григорию). Доложите барину, мужики из деревни.

Григорий (указывая на Федора Ивановича). Дворецкому доложи, а мне некогда. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Таня, Федор Иванович, швейцар и артельщик.

Таня. Откуда мужики?

Швейцар. Из Курской, кажется...

Таня (*взвизгивает*). Они... Это Семенов отец о земле. Пойду встречу. (*Бежит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Федор Иванович, швейцар и артельщик.

Швейцар. Так как скажете: пустить их сюда или как? Они говорят — об земле, барин знает.

Федор Иванович. Да, о покупке земли. Так, так. Гость у него теперь. Ты вот что: скажи, чтоб подождали.

Швейцар. Где ж ждать?

Федор Иванович. Пусть на дворе подождут, я тогда вышлю.

Швейцар уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Федор Иванович, Таня, за ней три мужика, Григорий и артельщик.

Таня. Направо. Сюда, сюда!

Федор Иванович. Я не велел пускать было сюда.

Григорий. То-то, егоза!

Таня. Да ничего, Федор Иванович, они тут с краюшка.

Федор Иванович. Натопчут.

Таня. Они ноги обтерли, да я и подотру. (*Мужикам.*) Вот тут и станьте.

Мужики входят, несут гостинцы в платках: кулич, яйца, полотенца, ищут, на что креститься. Крестятся на лестницу, кланяются Федору Ивановичу и становятся твердо.

Григорий (*Федору Ивановичу*). Федор Иванович! вот говорили, от Пироне фасонисты щиблетки, уж это чего лучше у энтого-то? (*Показывает на третьего мужика в чунях.*)

Федор Иванович. Все вам только пересмеивать людей!

Григорий уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Таня, Федор Иванович и три мужика.

Федор Иванович (*встает и подходит к мужикам*). Так вы самые курские, о покупке земли?

1-й мужик. Так точно. Происходит, примерно, насчет свершения продажи земли мы. Доложить бы как?

Федор Иванович. Да, да, знаю, знаю. Подождите здесь, я сейчас доложу. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Таня и три мужика. Василий Леонидыч (*за сценой*). Мужики оглядываются, не знают, куда деть гостинцы.

1-й мужик. Как же, значит, это, не знаю, как назвать, на чем бы подать? Хворменно, чтоб предмет исделать. Блюдце бы, что ли?

Таня. Сейчас, сейчас. Давайте сюда; покамест вот так. (*Ставит на диванчик.*)

1-й мужик. Это какого звания, примерно, почтенный подходил-то к нам?

Таня. Это камердин.

1-й мужик. Прямое дело, камардин. В распоряжении, значит, тоже. (*К Тане.*) А вы, примерно, тоже при услужении будете?

Таня. В горничных я. Ведь я тоже деменская. Я ведь вас знаю, и вас знаю, только этого дяньку не знаю. (Указывает на третьего мужика.)

3-й мужик. Тех вознала, а меня не вознала?

Таня. Бы Ефим Антоныч?

1-й мужик. Двистительно.

Таня. А вы Семенов родитель, Захар Трифониныч?

2-й мужик. Верно.

3-й мужик. А я, скажем, Митрий Чиликин. Вознала теперь?

Таня. Теперь и вас знать будем.

2-й мужик. Ты чья же будешь?

Таня. А Аксиньи, солдатки покойной, сирота.

1-й и 3-й мужики (с удивлением). Ну-у?!

2-й мужик. Недаром говорится: дай за поросенка грош, посади в рожь, он и будет хорош.

1-й мужик. Двистительно. Сходственно, вроде как мамзель.

3-й мужик. Это как есть. О господи!

Василий Леонидыч (за сценой звонит, а потом кричит). Григорий! Григорий!

1-й мужик. Кто ж это так очень себя беспокоит, примерно?

Таня. Молодой барин это.

3-й мужик. О господи! Сказывал, пока что, лучше бы наружу подождали.

Молчание.

2-й мужик. Тебя-то Семен замуж берет?

Таня. А разве он писал? (Закрывается фартуком.)

2-й мужик. Стало, писал! Да не дело задумал. Избаловался, вижу, малый.

Таня (живо). Нет, он ничего не избаловался. Послать его вам?

2-й мужик. Чего посылать-то. Дай срок. Успеем!

Слышны отчаянные крики Василья Леонидыча: «Григорий! черт тебя возьми!»

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же. Из двери Василий Леонидыч (в рубашке, надевает *pinse-pez*).

Василий Леонидыч. Вымерли все?

Таня. Нет его, Василий Леонидыч... Сейчас я пошлю. (*Направляется к двери.*)

Василий Леонидыч. Ведь я слышу, что разговаривают. Это что за чучелы явились? А, что?

Таня. Это мужички из курской деревни, Василий Леонидыч.

Василий Леонидыч (*на артельщика*). А это кто? А, да, от Бурдые!

Мужики кланяются. Василий Леонидыч не обращает на них внимания, Григорий встречается с Таней в дверях, Таня остается.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Григорий.

Василий Леонидыч. Я тебе говорил, — те ботишки. Не могу я эти носить!

Григорий. Да и те там же стоят.

Василий Леонидыч. Да где же там?

Григорий. Да там же.

Василий Леонидыч. Врешь!

Григорий. Да вот увидите.

Василий Леонидыч и Григорий уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Таня, три мужика и артельщик.

3-й мужик. А може, скажем, не время таперь, пошли бы на фатеру, обождали бы пока что.

Таня. Нет, ничего, подождите. Вот я вам сейчас тарелки для гостинцев принесу. (*Уходит.*)

Те же, Сахатов, Леонид Федорович, и за ними Федор Иванович. Мужики берут гостинцы и становятся в позы.

Леонид Федорович (мужикам). Сейчас, сейчас, подождите. (На артельщика.) А это кто?

Артельщик. От Бурде.

Леонид Федорович. А, от Бурдые!

Сахатов (улыбаясь). Да я не отрицаю; но, согласитесь, что, не видав всего того, что вы говорите, нашему брату, непосвященному, трудно верить.

Леонид Федорович. Вы говорите: я не могу верить. Но мы и не требуем веры. Мы требуем исследования. Ведь не могу же я не верить этому кольцу. А кольцо получено мною оттуда.

Сахатов. Как оттуда? Откуда?

Леонид Федорович. Из того мира. Да.

Сахатов (улыбаясь). Очень интересно, очень интересно!

Леонид Федорович. Но, положим, вы думаете, что я увлекающийся человек, воображающий себе то, чего нет, но ведь вот Алексей Владимирович Кругосветлов, кажется, не кто-нибудь, а профессор, и вот признает то же. Да не он один. А Крукс? А Валлас?

Сахатов. Да ведь я не отрицаю. Я говорю только, что это очень интересно. Интересно знать, как Кругосветлов объясняет?

Леонид Федорович. У него своя теория! Да вот приезжайте нынче вечером; он будет непременно. Сначала Гросман будет... знаете, известный угадыватель мыслей.

Сахатов. Да, я слышал, но ни разу не случилось видеть.

Леонид Федорович. Ну так приезжайте. Сначала Гросман, а потом Капчич, и наш сеанс медицинский... (Федору Ивановичу.) Не вернулся посланный от Капчича?

Федор Иванович. Нет еще.

Сахатов. Так как же бы мне узнать?

Леонид Федорович. Да вы приезжайте, все

равно приезжайте. Если Капчича и не будет, мы найдем своего медиума. Марья Игнатьевна — медиум; не такой сильный, как Капчич, но все-таки...

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Те же и Таня (входит с тарелками для гостинцев.
Прислушивается к разговору).

Сахатов (*улыбаясь*). Да, да. Но только вот обстоятельство: почему медиумы всегда из так называемого образованного круга? И Капчич и Марья Игнатьевна. Ведь если это особенная сила, то она должна бы встречаться везде, в народе, в мужиках.

Леонид Федорович. Так и бывает. Так часто бывает, что у нас в доме один мужик, и тот оказался медиумом. На днях мы позвали его во время сеанса. Нужно было передвинуть диван — и забыли про него. Он, вероятно, и заснул. И, представьте себе, наш сеанс уж кончился, Капчич проснулся, и вдруг мы замечаем, что в другом углу комнаты около мужика начинаются медиумические явления: стол двинулся и пошел.

Таня (*в сторону*). Это когда я из-под стола лезла.

Леонид Федорович. Очевидно, что он тоже медиум. Тем более, что лицом он очень похож на Юма. Вы помните Юма? — белокурый, наивный.

Сахатов (*пожимая плечами*). Вот как. Это очень интересно! Так вот вы его бы и испытали.

Леонид Федорович. И испытаем. Да и не он один. Медиумов бездна. Мы только не знаем их. Вот на днях одна больная старушка передвинула каменную стену.

Сахатов. Передвинула каменную стену?

Леонид Федорович. Да, да, лежала в постели и совсем не знала, что она медиум. Уперлась рукой о стену, а стена и отодвинулась.

Сахатов. И не завалилась?

Леонид Федорович. И не завалилась,

Сахатов. Странно! Ну, так я приеду вечером.
Леонид Федорович. Приезжайте, приезжайте! Сеанс будет во всяком случае.

Сахатов одевается. Леонид Федорович провожает его.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Те же, без Сахатова.

Артельщик (Тане). Доложите же барыне! Что же, мне ночевать, что ли?

Таня. Подождите. Оне едут с барышней, так скоро сами выйдут. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без Тани.

Леонид Федорович (подходит к мужикам, те кланяются и подают гостинцы). Не надо это!

1-й мужик (улыбаясь). Да уж это первым делом происходит. Как и мир нам предлагал.

2-й мужик. Уж это как водится.

3-й мужик. И не толкуй! Потому, как мы много довольны... Как родители наши, скажем, вашим родителям, скажем, служили, так и мы жалаем от души, а не то чтобы как... (Кланяется.)

Леонид Федорович. Да что вы? Чего вы именно желаете?

1-й мужик. К вашей милости, значит.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Те же и Петрищев (быстро вбегает в шинели).

Петрищев. Василий Леонидыч проснулся? (Увидев Леонида Федоровича, кланяется ему одной головой.)

Леонид Федорович. Вы к сыну?
Петрищев. Я? Да, я на минутку к Вово.
Леонид Федорович. Пройдите, пройдите.

Петрищев снимает шинель и скоро идет.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Т е ж е, без Петрищева.

Леонид Федорович (к мужикам). Да-с. Ну, так вы что ж?

2-й мужик. Прими гостинцы-то.

1-й мужик (улыбаясь). Значит, деревенские предложения.

3-й мужик. И не толкуй, — что там! Мы жалаем, как отцу родному. И не толкуй.

Леонид Федорович. Ну что ж... Федор, прими.

Федор Иванович. Ну, давайте сюда. (Берет гостинцы.)

Леонид Федорович. Так в чем же дело?

1-й мужик. Да к вашей милости мы.

Леонид Федорович. Вижу, что ко мне; да чего же вы желаете?

1-й мужик. А насчет совершения продажи земли движение исделать. Происходит...

Леонид Федорович. Что же, вы покупаете землю, что ли?

1-й мужик. Двистительно, это как есть. Происходит... значит, насчет покупки собственности земли. Так мир нас, примерно, и полномочил, чтобы взойтить, значит, как полагается, через государственную банку с приложением марки узаконенного числа.

Леонид Федорович. То есть вы желаете купить землю через посредство банка, — так, что ли?

1-й мужик. Это как есть, как летось вы нам предлог исделали. Происходит, значит, всей суммы полностью тридцать две тысячи восемьсот шестьдесят четыре рубля в покупке собственности земли.

Леонид Федорович. Это так, но как же приплату?

1-й мужик. А приплату предлагает мир, чтоб, как летось говорено, рассрочить, значит, в получении в наличностях, по законам положений, четыре тысячи рублей полностью.

2-й мужик. Четыре тысячи получи денежки теперь, значит, а остальные чтоб обождать.

3-й мужик (пока разворачивает деньги). Уж это будь в надежде, себя заложим, а того не сделаем, чтоб как-нибудь, а скажем, как-никак, а чтобы, скажем, того... как должнó.

Леонид Федорович. Да ведь я писал вам, что я согласен только в таком случае, коли соберете все деньги.

1-й мужик. Это, двистительно, приятнее бы, да не в возможностях, значит.

Леонид Федорович. Так что же делать?

1-й мужик. Мир, примерно, на то упевал, что как летось предлог исделали в отсрочке платежа...

Леонид Федорович. То было прошлого года; тогда я соглашался, а теперь не могу...

2-й мужик. Да как же так? Обнадежил, мы и бумагу выправили, и деньги собрали.

3-й мужик. Помилосердствуй, отец. Земля наша малая, не то что скотину, — курицу, скажем, и ту выпустить некуда. (Кланяется.) Не грехи, отец! (Кланяется.)

Леонид Федорович. Это, положим, правда, что прошлого года я соглашался отсрочить, да тут вышло обстоятельство... Так что мне теперь это неудобно.

2-й мужик. Нам без этой земли надо жизни решиться.

1-й мужик. Двистительно, без земли наше житьельство должно ослабнуть и в упадок произойти.

3-й мужик (кланяется). Отец! земля малая, не то что скотину, — куренка, скажем, и того выпустить некуда. Отец! помилосердствуй. Прими денежки, отец.

Леонид Федорович (просматривает пока бумагу). Я понимаю, мне самому хотелось бы вам сделать

доброе. Вы подождите. Я вам через полчаса ответ дам. Федор, скажи, чтоб никого не принимать.

Федор Иванович. Очень хорошо.

Леонид Федорович уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Те же, без Леонида Федоровича. Мужики в унынии.

2-й мужик. Ишь ты дело-то! Всё, говорит, подавай. А где их возьмешь?

1-й мужик. Кабы летось не обнадежил нас. А то мы так упевали, двистительно, что как летось говорено.

3-й мужик. О господи! Я было деньги раскутал. *(Завертывает деньги.)* Теперь что станем делать?

Федор Иванович. Да у вас в чем дело состоит?

1-й мужик. Дело у нас, почтенный, зависит, примерно, вот в чем: предлагал он нам летось рассрочить. Мир на то и взошел мнением и нас вполномочил; а теперь он, примерно, предлагает, чтобы всю сумму полностью. А выходит дело никак неспособно.

Федор Иванович. Денег-то много ль?

1-й мужик. Всей суммы в поступлении четыре тысячи рублей, значит.

Федор Иванович. Так что ж? — понатужьтесь, соберите еще.

1-й мужик. И так натурно собирали. Пороху в этих смыслах, господин, не хватает.

2-й мужик. Как их нет, зубами не натянешь.

3-й мужик. Мы бы всей душой, да, скажем, и так под метелочку и эти-то собрали.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев (в дверях, оба с папиросками).

Василий Леонидыч. Да уж я сказал, буду стараться. Так буду стараться, что как только возможно. А, что?

Петрищев. Ты пойми, что если ты не достанешь, то это черт знает какая гадость!

Василий Леонидыч. Да уж сказал — буду стараться, и буду. А, что?

Петрищев. Да ничего. Я только говорю, что будь непременно. Я подожду. *(Уходит, запирая дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Те же, без Петрищева.

Василий Леонидыч *(махая рукой)*. Черт знает что такое.

Мужики кланяются.

(Смотрит на артельщика Федору Иванычу.) Что это вы этого от Бурдые не отпустите? Он уж совсем жить к нам переехал. Смотрите, он заснул. А, что?

Федор Иваныч. Да подали записку, велели подождать. Когда Анна Павловна выйдут.

Василий Леонидыч *(смотрит на мужиков и воззривается на деньги)*. А это что? Деньги? Это кому? Нам деньги? *(К Федору Иванычу.)* Это кто такие?

Федор Иваныч. Это крестьяне курские, землю покупают.

Василий Леонидыч. Что ж, продали?

Федор Иваныч. Да нет, не сошлись еще. Вот скупятся они.

Василий Леонидыч. А? Это надо их уговорить. *(К мужикам.)* Вы что ж, покупаете, а?

1-й мужик. Двистительно, мы предлагаем, чтобы как приобрести собственность владения земли.

Василий Леонидыч. А вы не скупитесь. Вы знаете, я вам скажу, как земля мужичку нужна! А, что? Очень нужна.

1-й мужик. Двистительно, земля мужичку пристекает первая статья. Это как есть.

Василий Леонидыч. Ну, вот вы и не скупитесь. Ведь земля что? Можно ведь на ней пшеницу рядами, я вам скажу, посеять. Триста пудов можно взять, по рублю за пуд, триста рублей. А, что?.. А то мяту, так тысячу рублей, я вам скажу, можно с десятины слупить!

1-й мужик. Двистительно, это вполне, все продукты можно в действие произвести, кто понятие имеет.

Василий Леонидыч. Так непременно мяту. Ведь я учился про это. Это в книгах напечатано. Я вам покажу. А, что?

1-й мужик. Двистительно, что касающее вам по книгам виднее. Умственность, значит.

Василий Леонидыч. Так покупайте, не скужитесь, а давайте деньги. (Федору Иванычу.) Папа где?

Федор Иваныч. Дома. Они просили не беспокоить их теперь.

Василий Леонидыч. Что ж, вероятно, у духа спрашивает, продать ли землю, или нет? А, что?

Федор Иваныч. Этого не могу сказать. Знаю, что пошли в нерешительности.

Василий Леонидыч. Как ты думаешь, Федор Иваныч, есть у него деньги? А, что?

Федор Иваныч. Уж не знаю. Едва ли. А вам зачем? Ведь вы на прошлой неделе взяли куш не маленький.

Василий Леонидыч. Да ведь я за собак отдал. А теперь ведь ты знаешь: наше новое общество, и Петрищев выбран, а я брал у Петрищева деньги, а теперь надо внести за него и за себя. А, что?

Федор Иваныч. Это какое ваше новое общество? Велосипедистов?

Василий Леонидыч. Нет, я тебе сейчас скажу: это новое общество. Очень, я тебе скажу, серьезное общество. И ты знаешь, кто председатель? А, что?

Федор Иваныч. В чем же это новое общество?

Василий Леонидыч. Общество поощрения разведения старинных русских густопсовых собак. А, что? И я тебе скажу: нынче первое заседание и завтрак. А вот денег-то нет! Пойду к нему, попытаюсь. *(Уходит в дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТОЕ

Мужики, Федор Иванович и артельщик.

1-й мужик *(Федору Ивановичу)*. Это кто же, почтенный, будут?

Федор Иванович *(улыбаясь)*. Молодой барин.

3-й мужик. Наследник, скажем. О господи! *(Прячет деньги.)* Прибрать, видно, пока что.

1-й мужик. А нам сказывали, что военный, в заслуге кавалерии, примерно.

Федор Иванович. Нет, он, как единственный сын, уволен от воинской повинности.

3-й мужик. Для прокорму, скажем, родителей оставлен. Это правильно.

2-й мужик *(качает головой)*. Этот прокормит, что и говорить.

3-й мужик. О господи!

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Федор Иванович, три мужика, Василий Леонидыч, за ним в дверях Леонид Федорович.

Василий Леонидыч. Вот это всегда так. Право, удивительно. То говорят мне, отчего я ничем не занят, а вот когда я нашел деятельность и занят, основалось общество серьезное, с благородными целями, тогда жалко каких-нибудь триста рублей!..

Леонид Федорович. Сказал, что не могу, и не могу. Нет у меня.

Василий Леонидыч. Да ведь продали землю.

Леонид Федорович. Во-первых, не продал, и главное — оставь меня в покое. Ведь тебе сказали, что мне некогда. *(Захлопывает дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Те же, без Леонида Федоровича.

Федор Иванович. Я вам говорил, что теперь не время.

Василий Леонидыч. Вот, я вам скажу, положение, а? Пойду к мама, одно спасенье. А то сумасшествует с своим спиритизмом и всех забыл. (*Идет наверх.*)

Федор Иванович садится было за газету.

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Те же. Сверху сходят Бетси и Марья Константиновна.
За ними Григорий.

Бетси. Карета готова?

Григорий. Выезжает.

Бетси (*Марье Константиновне*). Пойдемте, пойдемте! Я видела, что это он.

Марья Константиновна. Кто он?

Бетси. Очень хорошо знаете, что Петрищев.

Марья Константиновна. Так где же он?

Бетси. У Вово сидит. Вот увидите.

Марья Константиновна. А вдруг не он?

Мужики и артельщик кланяются.

Бетси (*к артельщику*). А, вы от Бурдые, с платьем?

Артельщик. Так точно. Прикажите отпустить.

Бетси. Да я не знаю. Это мама.

Артельщик. Не могу знать кому. Нам приказано снести и деньги получить.

Бетси. Ну так подождите.

Марья Константиновна. Это все тот же костюм для шарады?

Бетси. Да, прелестный костюм. А мама не берет и не хочет платить.

Марья Константиновна. Отчего же?

Бетси. А вот спросите у мама. Для Вово за

собак заплатить пятьсот рублей не дорого, а платье сто рублей дорого. А не могу же я играть чучелой! *(На мужиков.)* А это кто такие?

Григорий. Мужики, землю покупают какую-то.

Бетси. А я думала, охотники. Вы не охотники?

1-й мужик. Никак нет-с, госпожа. Мы насчет свершения продажи акта земли, к Леониду Федоровичу.

Бетси. Как же, к Вово должны были прийти охотники? Да вы наверное не охотники?

Мужики молчат.

Какие глупые! *(Подходит к двери.)* Вово! *(Хохочет.)*

Марья Константиновна. Да ведь мы его встретили сейчас.

Бетси. Охота вам помнить!.. Вово, ты здесь?

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Петрищев.

Петрищев. Вово нет, но я готов исполнить за него все, что потребуется. Здравствуйте! Здравствуйте, Марья Константиновна! *(Трясет руку сильно и долго Бетси, а потом Марье Константиновне.)*

2-й мужик. Вишь, ровно воду накачивает.

Бетси. Заменить не можете, но все-таки лучше, чем ничего. *(Хохочет.)* Какие это у вас дела с Вово?

Петрищев. Дела? Дела фи-нансовые, то есть они, дела наши — фи! и вместе с тем нансовые, и кроме еще финансовые.

Бетси. Что же значит нансовые?

Петрищев. Вот вопрос! В том-то и штука, что ничего не значит!

Бетси. Ну, это не вышло, совсем не вышло! *(Хохочет.)*

Петрищев. Нельзя ведь, чтобы всякий раз выходило. Это вроде аллегри. Аллегри, аллегри, а потом и выигрыш.

Федор Иванов уходит в кабинет Леонида Федоровича.

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ

Те же, без Федора Ивановича.

Бетси. Ну, это не вышло; а скажите, вы вчера были у Мергасовых?

Петрищев. Не столько у mère Gassof, сколько у père Gassof, и даже не père Gassof, а у fils Gassof¹.

Бетси. Не можете без jeu de mots?² Это болезнь. И цыгане были? (Смеется.)

Петрищев (поет). На фартучках петушки, золотые гребешки!..

Бетси. Экие счастливые! А мы скучали у Фофó.

Петрищев (продолжая напевать). И божилась, и клялась — побывать ко мне... Как дальше? Марья Константиновна, как дальше?

Марья Константиновна. Ко мне на час...

Петрищев. Как? Как, Марья Константиновна? (Хочет.)

Бетси. Cessez, vous devenez impossible!³

Петрищев. J'ai cessé, j'ai bébé, j'ai dédédé...⁴

Бетси. Я вижу одно средство избавиться от ваших остроумий — это заставить вас петь. Пойдемте к Вово в комнату, у него и гитара есть. Пойдемте, Марья Константиновна, пойдемте!

Бетси, Марья Константиновна и Петрищев уходят в комнату Василия Леонидыча.

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Григорий, три мужика и артельщик.

1-й мужик. Это чьи же?

Григорий. Одна — барышня, а другая — мамзель, музыки учит.

¹ Игра слов: Не столько у мамы Гасовой, сколько у папы Гасова, и даже не папы Гасова, а у сына Гасова.

² игры слов? (франц.)

³ Перестаньте, вы становитесь невыносимы! (франц.)

⁴ J'ai cessé (франц.) — я перестал. Далее игра созвучий. J'ai bébé (франц.) — буквально — я имею малютку.

1-й мужик. В науку производит, значит. А как аккуратна. Настоящий патрет.

2-й мужик. Что же замуж не выдают? Года-то уж небось вышли?

Григорий. Разве как у вас, пятнадцать лет?

1-й мужик. А мужчинка-то тот, примерно, из музыканщиков?

Григорий (*передразнивая*). Из музыканщиков!.. Ничего-то вы не понимаете!

1-й мужик. Это, двистительно, глупость наша, значит, необразованность.

3-й мужик. О господи!

Слышно пение цыганских песен с гитарой из комнаты Василия Леонидыча.

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Григорий, три мужика, артельщик, входит Семен и вслед за ним Таня. Таня наблюдает за встречей отца с сыном.

Григорий (*к Семену*). Ты чего?

Семен. К господину Капчичу посылали.

Григорий. Ну, что?

Семен. На словах приказали сказать, нынче никак быть не могут.

Григорий. Хорошо, я доложу. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Т е ж е, без Григория.

Семен (*отцу*). Здорово, батюшка! Дяде Ефиму, дяде Митрию — почтение! Дома здоровы ли?

2-й мужик. Здорово, Семен.

1-й мужик. Здорово, братец.

3-й мужик. Здорово, малый. Жив ли?

Семен (*улыбаясь*). Что ж, батюшка, пойдем, что ль, чайку попить?

2-й мужик. Погоди, отделаемся, — разве не видишь, недосуг таперь?

Семен. Ну, ладно, я у крыльца ждать буду (Уходит.)

Таня (бежит за ним). Ты что ж ничего не сказал?

Семен. Как же теперь говорить при народе? Дай срок, пойдем чай пить, я и скажу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Те же, без Семена, Федор Иванович выходит и садится к окну с газетой.

1-й мужик. Ну что ж, почтенный, как дело наше происходит?

Федор Иванович. Погодите, сейчас выйдет, кончает.

Таня (к Федору Ивановичу). А вы почему, Федор Иванович, знаете, что кончает?

Федор Иванович. А я знаю, когда он вопросы окончит, то он вслух перечитывает вопрос и ответ.

Таня. Неужели ж правда, что блюдечком можно разговаривать с духами?

Федор Иванович. Стало быть, можно.

Таня. Ну что ж, они ему скажут подписать — он и подпишет?

Федор Иванович. А то как же?

Таня. Да ведь они словами не говорят?

Федор Иванович. Азбукой. Против какой буквы остановится, он и замечает.

Таня. Ну, а если в сиансе?..

ЯВЛЕНИЕ Сороковое

Те же и Леонид Федорович.

Леонид Федорович. Ну, друзья мои, не могу. Очень бы желал, но никак не могу. Если все деньги, то другое дело.

1-й мужик. Это, двистительно, чего б лучше. Да маломочен народ, никак невозможно.

Леонид Федорович. Не могу, не могу никак. Вот и бумага ваша. Не могу подписать.

3-й мужик. А ты пожалей, отец, помилосердствуй!

2-й мужик. Что ж так делать? Обида это.

Леонид Федорович. Обиды, братцы, нету. Я вам тогда летом говорил: коли хотите, делайте. Вы не захотели, а теперь мне нельзя.

3-й мужик. Отец! смилосердуйся. Как жить таперица? Земля малая, не то что скотину — курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Леонид Федорович идет и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ СОРОК ПЕРВОЕ

Те же, барыня и доктор сходят сверху. Занимает Василий Леонидыч, в веселом и игривом настроении духа, укладывает деньги в бумажник.

Барыня (*затянутая, в шляпке*). Так принять?

Доктор. Коли повторные явления будут, непременно принять. А главное — ведите себя лучше. А то как же вы хотите, чтобы густой сироп прошел через тоненькую волосяную трубочку, когда еще мы эту трубочку зажмем? Нельзя? Так и желчепровод. Все ведь это очень просто.

Барыня. Ну, хорошо, хорошо.

Доктор. То-то хорошо, а все по-старому; а так, барыня, нельзя, нельзя. Ну, прощайте!

Барыня. Не прощайте, а до свиданья. Вечером я вас все-таки жду; без вас я не решусь.

Доктор. Ладно, ладно. Коли время будет, заверну. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СОРОК ВТОРОЕ

Те же, без доктора.

Барыня (*увидав мужиков*). Это что? Что это? Что это за люди?

Мужики кланяются.

Федор Иванович. Это крестьяне из Курской о покупке земли к Леониду Федоровичу.

Барыня. Я вижу, что крестьяне, да кто их пустил?

Федор Иванович. Леонид Федорович приказали. Они с ними сейчас говорили о продаже земли.

Барыня. И какая продажа? Совсем не нужно продавать. А главное — как же пускать людей с улицы в дом! Как пускать людей с улицы! Нельзя пускать в дом людей, которые ночевали бог знает где... (*Разговаривается все более и более.*) В одеждах, я думаю, всякая складка полна микроб: микробы скарлатины, микробы оспы, микробы дифтерита! Да ведь они из Курской, из Курской губернии, где повальный дифтерит!.. Доктор, доктор! Воротите доктора!

Леонид Федорович уходит, закрывая дверь. Григорий выходит за доктором.

ЯВЛЕНИЕ СОРОК ТРЕТЬЕ

Те же, без Леонида Федоровича и Григория.

Василий Леонидыч (*курит на мужиков*). Ничего, мама, хотите я их окурю так, что всем микробам капут? А, что?

Барыня строго молчит, ожидая возвращения доктора.

(*К мужикам.*) А вы свиной выкармливаете? Вот выгодно-то!

1-й мужик. Двистительно, пускаем когда и по свиной части.

Василий Леонидыч. Таких... Иу, иу! (*Хрюкает поросенком.*)

Барыня. Вово, Вово! перестань!

Василий Леонидыч. Похоже? А, что?

1-й мужик. Двистительно, сходственно.

Барыня. Вово, перестань, я тебе говорю!

2-й мужик. Это к чему же?

3-й мужик. Сказывал, на фатеру бы пока что.

ЯВЛЕНИЕ СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, доктор и Григорий.

Доктор. Ну, что еще? Что такое?

Барыня. Да вот вы говорите, чтобы не волноваться. Ну как тут быть спокойной? Я сестру не вижу два месяца, я остерегаюсь всякого сомнительного посетителя. И вдруг люди из Курска, прямо из Курска, где повальный дифтерит, — в середине моего дома!

Доктор. То есть вот эти молодцы-то?

Барыня. Ну да, прямо из дифтеритной местности!

Доктор. Да, коли из дифтеритной местности, то, разумеется, неосторожно, но все-таки очень-то волноваться незачем.

Барыня. Да ведь вы сами же предписываете осторожность?

Доктор. Ну да, ну да, только волноваться-то очень незачем.

Барыня. Да ведь как же? Полную дезинфекцию надо.

Доктор. Нет, что ж полную, это дорого слишком, рублей триста, а то и больше станет. А я вам дешево и сердито устрою. Возьмите-ка на большую бутылку воды...

Барыня. Отварной?

Доктор. Все равно. Отварной лучше... Так на бутылку воды столовую ложку салициловой кислоты, да и велите перемыть все, чего касались даже, а их самих, молодцов этих, разумеется, вон. Вот и все. Тогда смело. Да того же состава через пульверизатор в воздух пропустите, стаканчика два, три, и посмотрите, как хорошо будет. Совершенно безопасно!

Барыня. Таня где? Позовите Таню!

ЯВЛЕНИЕ СОРОК ПЯТОЕ

Те же и Таня.

Таня. Что прикажете?

Барыня. Знаешь большую бутылку в уборной?

Таня. Из которой прачку вчера брызгали?

Барыня. Ну да, а то какая же! Так вот возьми ты эту бутылку и вымой прежде, где они стоят, мылом, потом этим...

Таня. Слушаю-с. Я знаю как.

Барыня. Да потом возьми пульверизатор... Впрочем, я вернусь, сама сделаю.

Доктор. Так и сделайте, и не бойтесь. Ну, так до свиданья, до вечера. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СОРОК ШЕСТОЕ

Те же, без доктора.

Барыня. А их вон, вон, чтоб их духу не было. Вон, вон. Идите, что смотрите?

1-й мужик. Двистительно, мы как по глупости, как нам предлагать...

Григорий *(выпроваживая мужиков)*. Ну, ну, идите, идите.

2-й мужик. Платок-то мой дай!

3-й мужик. О господи! Говорил я — на фатеру бы покуда что.

Григорий выталкивает его.

ЯВЛЕНИЕ СОРОК СЕДЬМОЕ

Барыня, Григорий, Федор Иванович, Таня,
Василий Леонидыч и артельщик.

Артельщик *(несколько раз порывавшийся говорить)*. Будет ответ какой?

Барыня. А, это от Бурдые? *(Горячась.)* Никакого, никакого, и несите назад. Я ей говорила, что я такого костюма не заказывала и дочери своей носить не позволю.

Артельщик. Не могу знать, меня послали.

Барыня. Ступайте, ступайте и несите назад. Я сама заеду.

Василий Леонидыч (торжественно). Господин посланник от Бурдые, ступайте!

Артельщик. Давно бы сказали. Что ж я пять часов сидел?

Василий Леонидыч. Посланец Бурдые, ступайте!

Барыня. Перестань, пожалуйста.

Артельщик уходит.

ЯВЛЕНИЕ СОРОК ВОСЬМОЕ

Те же, без артельщика.

Барыня. Бетси! Где она? Вечно ее ждать.

Василий Леонидыч (кричит во все горло).
Бетси! Петрищев! Идите скорей! Скорей! Скорей!
А, что?

ЯВЛЕНИЕ СОРОК ДЕВЯТОЕ

Те же, Петрищев, Бетси и Марья Константиновна.

Барыня. Вечно тебя ждешь.

Бетси. Напротив, я вас жду.

Петрищев кланяется одной головой и целует руку барыне.

Барыня. Здравствуйте! (К Бетси.) Всегда отвечать!

Бетси. Если вы, мама, не в духе, так лучше я не поеду.

Барыня. Едем или не едем?

Бетси. Да едемте, что ж делать?

Барыня. Видела от Бурдые?

Бетси. Видела и очень была рада. Я заказывала костюм и надену, когда заплатят за него деньги.

Барыня. Я не заплачу и не позволю надеть неприличный костюм.

Бетси. Отчего он стал неприличный? То был приличен, а то на вас *gruderie*¹ нашла.

Барыня. Не *gruderie*, а переделать весь лиф, тогда можно.

Бетси. Мама, право, это невозможно.

Барыня. Ну, одевайся же.

Садятся. Григорий надевает ботики.

Василий Леонидыч. Марья Константиновна! А вы видите, какая пустота в передней?

Марья Константиновна. А что? (*Вперед смеется.*)

Василий Леонидыч. А от Бурдые ушел. А, что? Хорошо? (*Хочет громко.*)

Барыня. Ну, едем. (*Выходит в дверь и тотчас же возвращается.*) Таня!

Таня. Что прикажете?

Барыня. Фифку без меня чтоб не простудить. Если будет проситься выпускать, то непременно надеть капотец желтенький. Она не совсем здорова.

Таня. Слушаю-с.

Барыня, Бетси и Григорий уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТИДЕСЯТОЕ

Петрищев, Василий Леонидыч, Таня и Федор Иванович.

Петрищев. Ну что же, добыл?

Василий Леонидыч. Я тебе скажу, с трудом. Сначала сунулся к родителю, — зарычал и прогнал. Я к родительнице, — ну, и добился. Тут! (*Хлопает по карману.*) Уж если я возьмусь, от меня не уйдешь... Мертвая хватка. А, что? А нынче ведь приведут моих волкодавов.

Петрищев и Василий Леонидыч одеваются и уходят. Таня идет за ними.

¹ преувеличенная стыдливость (*франц.*).

Федор Иванович один.

Федор Иванович. Да, все неприятности. И как это они не могут в согласии жить? Да и правду сказать, молодое поколение — не то. А царство женщин? Как давеча Леонид Федорович хотели было вступить, да увидали, что она в экстазе, захлопнули дверь. Редкой доброты человек! Да, редкой доброты... Это что? Таня-то их опять ведет.

Федор Иванович, Таня и три мужика.

Таня. Идите, идите, дяденьки, ничего.

Федор Иванович. Зачем же ты их опять привела?

Таня. Да как же, Федор Иванович, батюшка, надо же как-нибудь похлопотать за них. А я уж вымою заодно.

Федор Иванович. Да ведь не сойдется дело, я уж вижу.

1-й мужик. Как же, поштенный, наше дело в действии произвесть? Вы, ваше степенство, побеспокойтесь как-нибудь, а уж мы в награждение хлопот от миру благодарность представить можем вполне.

3-й мужик. Постарайся, соколик, жить нам нельзя. Земля малая, — не то что скотину, а курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Кланяются.

Федор Иванович. И жалко мне вас, да не знаю, братцы. Я ведь очень понимаю. Да ведь отказал он. Теперь как же? Да и барыня еще несогласна. Едва ли! Ну, да давайте бумагу, — пойду, попытаюсь, попрошу его. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕ

Таня и три мужика (вздыхают).

Таня. Да вы мне скажите, дяденьки, в чем дело-то стало?

1-й мужик. Да вот только бы подписом приложения руки.

Таня. Только чтоб барин бумагу подписал, да?

1-й мужик. Только всего, приложить руку и деньги взять, вот бы и развязка.

3-й мужик. Написал бы только: как мужички, скажем, жалают, так, скажем, и я жалаю. И всего дела: взял, подписал, и крышка.

Таня. Только подписать? На бумаге только чтоб барин подписал? (*Задумывается.*)

1-й мужик. Двистительно, только всего и зависит дело. Подписал, значит, и больше никаких.

Таня. Вы погодите, что вот Федор Иванович скажет. Если он не уговорит, я попытаю одну штуку.

1-й мужик. Объегоришь?

Таня. Попытаю.

3-й мужик. Ай, деушка, хлопотать хочет. Только выхлопочи ты дело, всю жизнь, скажем, кормить миром обяжемся. Во как!

1-й мужик. Кабы в действие произвесть такое дело, двистительно озолотить можно.

2-й мужик. Да уж что говорить!

Таня. Верно не обещаю; как это говорится, попытка — не шутка, а...

1-й мужик. А спрос — не беда. Это двистительно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Федор Иванович.

Федор Иванович. Нет, братцы, не выходит ваше дело, не согласился и не согласится. Берите бумагу. Идите, идите.

1-й мужик (*берет бумагу, к Тане*). Так уж на тебя, примерно, упевать станем.

Таня. Сейчас, сейчас. Вы идите, на улице подождите, а я сию минутую выбегу, скажу что.

Мужики уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТОЕ

Федор Иванович и Таня.

Таня. Федор Иванович, голубчик, доложите барину, чтоб он ко мне вышел. Мне ему словечко сказать надо.

Федор Иванович. Это что за новости?

Таня. Да нужно, Федор Иванович. Доложите, пожалуйста, худого ничего, ей-богу.

Федор Иванович. Какое такое дело?

Таня. Да секрет маленький. Я вам после открою. Вы доложите только.

Федор Иванович (*улыбаясь*). И что ты строишь, не пойму! Да ну, скажу, скажу. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЕ

Таня одна.

Таня. Право, сделаю. Ведь он сам говорил, что сила в Семене есть, а ведь я все знаю, как делать. Тогда никто не догадался. А теперь научу Семена. А не выйдет дело, не беда. Разве грех какой?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЕ

Таня, Леонид Федорович и за ними Федор Иванович.

Леонид Федорович (*улыбаясь*). Вот просительница-то! Что это у тебя за дело?

Таня. Секрет маленький, Леонид Федорович. Позвольте мне один на один сказать.

Леонид Федорович. Что так? Федор, выдь на минутку.

Леонид Федорович и Таня.

Таня. Как я жила, выросла в вашем доме, Леонид Федорович, и как благодарна вам за все, я как отцу родному откроюсь. Живет у вас Семен, и хочет он на мне жениться.

Леонид Федорович. Вот как!

Таня. Открываюсь перед вами, как перед богом. Посоветоваться мне не с кем, как сирота я.

Леонид Федорович. Что ж, отчего же! Он, кажется, малый хороший.

Таня. Это точно, он все бы ничего, только одно я сумлеваюсь. И спросить хотела вас, что есть за ним одно дело, а я и понять не могу... как бы не худое что.

Леонид Федорович. Что ж, он пьет?

Таня. Нет, помилуй бог! А как я знаю, что спиритичество есть...

Леонид Федорович. Знаешь?

Таня. Как же-с! Я очень понимаю. Другие, точно, по необразованию не понимают этого...

Леонид Федорович. Ну так что ж?

Таня. Да вот опасаясь насчет Семена. С ним это бывает.

Леонид Федорович. Что бывает?

Таня. Да вот вроде, как спири...тичество. Это у людей спросите. Как только он задремлет у стола, сейчас стол затрясется, весь заскрипит так: тук, ту... тук! Все и люди слышали.

Леонид Федорович. Вот как раз то, что я утром Сергею Ивановичу говорил. Ну?..

Таня. А то... когда это было?.. Да, в среду. Сели обедать. Только он сел за стол, а ложка сама к нему в руку — прыг!

Леонид Федорович. А, это интересно! И в руку прыг? Что ж, он задремал?

Таня. Вот уж не заметила. Кажется, что задремал.

Леонид Федорович. Ну?..

Таня. Ну, вот я и опасаюсь и об этом спросить хотела, что не будет ли от этого вреда? Тоже век жить, а в нем такое дело.

Леонид Федорович (*улыбаясь*). Нет, не бойся, тут худого ничего нет. А это значит только то, что он медиум, — просто медиум. Я и прежде знал, что он медиум.

Таня. Вот что... А я-то боялась!

Леонид Федорович. Нет, не бойся, ничего. (*Сам с собой.*) Вот и прекрасно. Капчича не будет, мы его нынче и испытаем... Нет, ты, милая, не бойся, он и хороший муж будет, и всё... А это особенная сила, она во всех есть. Только в одних слабей, в других сильней.

Таня. Покорно вас благодарю. Я теперь и думать не буду. А то я боялась... Что значит неученье-то наше!

Леонид Федорович. Нет, нет, не бойся. Федор!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЕ

Те же и Федор Иванович.

Леонид Федорович. Я пойду со двора. К вечеру приготэвь все для сеанса.

Федор Иванович. Да ведь Капчич не изволит быть.

Леонид Федорович. Ничего, все равно. (*Надевает шинель.*) Пробный сеанс будет с своим медиумом. (*Уходит. Федор Иванович провожает его.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТИДЕСЯТОЕ

Таня одна.

Таня. Поверил, поверил! (*Взвизгивает, прыгает.*) Ей-богу, поверил! Вот чудо-то! (*Взвизгивает.*) Теперь сделаю, только бы Семен не сбобел.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВОЕ

Таня и Федор Иванович (возвращается).

Федор Иванович. Ну что же, сказала свой секрет?

Таня. Сказала. Да я и вам открою, только после... А у меня и к вам, Федор Иванович, просьба есть.

Федор Иванович. Какая же это ко мне-то просьба?

Таня (*стыдливо*). Вы мне как второй отец были, я вам как перед богом откроюсь.

Федор Иванович. Да ты не вилай, прямо к делу.

Таня. Да что дело? Дело то, что Семен на мне жениться хочет.

Федор Иванович. Вот как! То-то я замечаю...

Таня. Да что ж мне скрывать? Мое дело сиротское, а вы сами знаете здешнее городское заведение: всякий пристаёт; хоть бы Григорий Михайлыч, проходу от него нету. Тоже и этот... знаете? Они думают, что у меня души нет, что я только им для забавы далась...

Федор Иванович. Умница, хвалю! Ну, так что же?

Таня. Да Семен писал отцу, а он, отец-то, нынче меня увидал, да сейчас и говорит: избаловался, — про сына-то. Федор Иванович! (*Кланяется.*) Будьте мне заместо отца, поговорите с стариком, с Семеновым отцом. Я бы их в кухню провела, а вы бы зашли, да и поговорили старику.

Федор Иванович (*улыбаясь*). Это сватом я, значит, буду? Что ж, можно.

Таня. Федор Иванович, голубчик, будьте заместо отца родного, а я век за вас буду бога молить.

Федор Иванович. Хорошо, хорошо; пройду ужю. Обещаю, так сделаю. (*Берет газету.*)

Таня. Второй отец мне будете.

Федор Иванович. Хорошо, хорошо.

Таня. Так я буду в надежде... (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЕ

Федор Иванович один.

Федор Иванович (*кивает головой*). А ласковая девочка, хорошая. А ведь сколько их таких пропадает, подумаешь! Только ведь промахнись раз один — пошла по рукам... Потом в грязи ее уж не сыщешь. Не хуже, как Наталья сердечная... А тоже была хорошая, тоже мать родила, лелеяла, выращивала... (*Берет газету.*) Ну-ка, что Фердинанд наш, как изворачивается?..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет внутренность людской кухни. Мужики, раздевшись и запотев, сидят у стола и пьют чай. Федор Иванович с сигарой на другом конце сцены. На печке старый повар, не видный первые четыре явления.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Три мужика и Федор Иванович.

Федор Иванович. Мой совет, ты ему не препятствуй. Если его желание есть и ее тоже, так и с богом. Девушка хорошая, честная. На это не смотри, что она щеголиха. Это по-городски, нельзя без этого. А девушка умная.

2-й мужик. Что ж, коли его охота есть. Ему жить с ней, а не мне. Только уж очень чиста. Как ее в избу введешь? Свекрови-то она и погладиться не дастся.

Федор Иванович. Это, братец ты мой, не от чистоты, а от характера. Коли доброго характера, так будет покорна и уважительна.

2-й мужик. Да уж возьму, коли так малый уселся, чтобы беспрерывно ее взять. Также с немилой жить беда! Со старухой посоветуюсь, да и с богом.

Федор Иванович. Ну, и по рукам.

2-й мужик. Да уж видно, что так.

1-й мужик. И как тебе фортунит, Захар: приехал

за совершением дела, а глядь — сноху за сына какую крадю высватал. Только бы sprыснуть, значит, чтобы хворменно было.

Федор Иванович. Этого совсем не нужно.

Неловкое молчание.

Я ведь вашу жизнь крестьянскую очень понимаю. Я, вам скажу, сам подумываю, где бы землицы купить. Домик построил бы да крестьянствовал. Хоть бы в вашей стороне.

2-й мужик. Разлюбезное дело!

1-й мужик. Двистительно, при деньгах можно в деревне себе всякое удовольствие получить.

3-й мужик. Что и говорить! Деревенское дело, скажем, во всяком разе слободно, не то, что в городе.

Федор Иванович. Что ж, примете в общество, коли у вас поселюсь?

2-й мужик. Отчего же не принять? Вина старикам выставишь, сейчас примут.

1-й мужик. Да питейное заведение, примерно, или трактир откроете, житье такое будет, что умирать не надо. Царствуй, и больше никаких.

Федор Иванович. Там видно будет. А только хочется на старости лет спокойно пожить. Жить мне и здесь хорошо — жалко и оставить: Леонид Федорович ведь редкой доброты человек.

1-й мужик. Это двистительно. Да что же он наше-то дело? Ужели ж так, без последствий?

Федор Иванович. Он-то бы рад.

2-й мужик. Видно, он жены боится.

Федор Иванович. Не боится, а тоже согласия нет.

3-й мужик. А ты бы, отец, постарался, а то как нам жить? Земля малая...

Федор Иванович. Да вот посмотрим, что выйдет от Татьянинных хлопот. Ведь она взялась.

3-й мужик (пьет чай). Отец, помилосердствуй! Земля малая, не токмо скотину, — курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Федор Иванович. Да кабы в моих руках дело было. (Ко 2-му мужику.) Так так, братец, сваты мы с тобой будем. Кончено дело об Тане-то?

2-й мужик. Да уж сказал коли я, и без пропою назад не попячусь. Только бы дело наше вышло.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, входит кухарка, заглядывает на печку, делает туда знаки и тотчас же начинает оживленно говорить с Федором Ивановичем.

Кухарка. Сейчас из белой кухни позвали Семена вверх; барин да энтот, что вызывает с ним, лысый-то, посадили его да велели на место Капчица действовать.

Федор Иванович. Что ты врешь!

Кухарка. Как же! сейчас Тане Яков сказывал.

Федор Иванович. Чудно это!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и кучер.

Федор Иванович. Ты что?

Кучер (к Федору Ивановичу). Так и скажите, что я не нанимался с собаками жить. Пускай другой кто живет, а я с собаками жить не согласен.

Федор Иванович. С какими собаками?

Кучер. Да привели от Василья Леонидыча трех кобелей к нам в кучерскую. Напакостили, воют, а приступиться нельзя — кусаются. Злые, черти! — того и гляди, сожрут. И то хочу поленом ноги им перебить.

Федор Иванович. Да когда же это?

Кучер. Да нынче привели с выставки, какие-то дорогие, пустопсовые, что ль, леший их знает! Либо собакам в кучерской, либо кучерам жить. Так и скажите.

Федор Иванович. Да, это непорядок. Я пойду спрошу.

Кучер. Их бы сюда, что ль, к Лукерье.

Кухарка (*горячо*). Тут люди обедают, а ты кобелей запереть хочешь. Уж и так...

Кучер. А у меня кафтаны, полости, сбруя. А чистоту спрашивают. Ну, в дворницкую, что ль.

Федор Иванович. Надо Василью Леонидычу сказать.

Кучер (*сердито*). Повесил бы себе на шею кобелей этих, да и ходил бы с ними, а то сам-то небось на лошадях ездить любит. Красавчика испортил ни за что. А лошадь была!.. Эх, жите! (*Уходит, хлопая дверью.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без кучера.

Федор Иванович. Да, непорядки, непорядки! (*К мужикам.*) Ну, так так-то, пока прощайте, ребята! Мужики. С богом.

Федор Иванович уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, без Федора Ивановича. Как только Федор Иванович уходит, на печке слышно кряхтенье.

2-й мужик. Уж и гладок же, ровно анарал.

Кухарка. Да что и говорить! Горница особая, стирка на него вся от господ, чай, сахар — это все господское, и пища со стола.

Старый повар. Как черту не жить, — накрал!

2-й мужик. Это чей же, на печке-то?

Кухарка. Да так, человек один.

Молчание.

1-й мужик. Ну, да и у вас, посмотрел я давеча, ужинали, капиталец дюже хорош.

Кухарка. Жаловаться нельзя. На это она не скупа. Белая булка по воскресеньям, рыба в постные дни по праздникам, а кто хошь, и скоромное ешь.

2-й мужик. Разве постом лопают кто?

Кухарка. Э, да все почитай. Только и постятся, что кучер (не этот, что приходил, а старый), да Сема, да я, да икономка, а то все скоромное жрут.

2-й мужик. Ну, а сам-то?

Кухарка. Э, хватился! да он и думать забыл, какой такой пост есть.

3-й мужик. О господи!

1-й мужик. Дело господское, по книжкам дошли. Потому умственность!

3-й мужик. Ситник-то каждый день, я чай?

Кухарка. О, ситник! Не видали они твоего ситника! Посмотрел бы пищу у них: чего-чего нет!

1-й мужик. Господская пища, известно, воздушная.

Кухарка. Воздушная-то, воздушная, — ну, да и здоровы жрать.

1-й мужик. В аппеките, значит.

Кухарка. Потому запивают. Вин этих сладких, водок, наливок шипучих, к каждому кушанью — свое. Ест и запивает, ест и запивает.

1-й мужик. Она, значит, в препорцию и проносит пищу-то.

Кухарка. Да уж как здоровы жрать — беда! У них ведь нет того, чтоб сел, поел, перекрестился да встал, а бесперечь едят.

2-й мужик. Как свиньи, в корыто с ногами.

Мужики смеются.

Кухарка. Только, господи благослови, глаза продерут, сейчас самовар, чай, кофе, щиколрад. Только самовара два отопьют, уж третий ставь. А тут завтрак, а тут обед, а тут опять кофий. Только отвалятся, сейчас опять чай. А тут закуски пойдут: конфеты, жамки — и конца нет. В постели лежат — и то едят.

3-й мужик. Вот так так. (Хохочет.)

1-й и 2-й мужики. Да ты чего?

3-й мужик. Хоть бы денек так пожить!

2-й мужик. Ну, а когда же дела делают?

Кухарка. Какие у них дела? В карты да в фортепьяны — только и делов. Барышня, так та, бывало,

как глаза продерет, так сейчас к фортепьянам, и валяй! А эта, что живет, учительша, стоит, ждет, бывало, скоро ли опростаются фортепьяны; как отделалась одна, давай эта закатывать. А то двое фортепьян поставят, да по двое, вчетвером запузыривают. Так-то запузыривают, аж здесь слышно.

3-й мужик. Ох, господи!

Кухарка. Ну, вот только и делов: в фортепьяны, а то в карты. Как только съехались, сейчас карты, вино, закурят — и пошло на всю ночь. Только встанут — поесть опять!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Семен.

Семен. Чай да сахар!

1-й мужик. Милости просим, садись.

Семен (подходит к столу). Благодарю покорно.

1-й мужик наливает ему чай.

2-й мужик. Где был?

Семен. Вверху был.

2-й мужик. Что ж, какие же там дела?

Семен. Да и не поймешь. Не знаю, как сказать.

2-й мужик. Да что ж, дело какое?

Семен. Да и не знаю, как сказать, силу какую-то во мне пытали. Да я не пойму. Татьяна говорит: делай, мы, говорит, нашим мужикам землю охлопочем, продаст.

2-й мужик. Да как же она сделает-то?

Семен. Да не пойму от нее, она не рассказывает. Только, говорит, делай, как я велю!

2-й мужик. Что ж делать-то?

Семен. Да сейчас ничего. Посадили меня, свет потушили, велели спать. А Татьяна тут же схоронилась. Они не видят, а я вижу.

2-й мужик. Что ж это, к чему?

Семен. А бог их знает — не поймешь.

1-й мужик. Известно, для разгулки времени.

2-й мужик. Ну, видно, этих делов не разберем мы с тобой. А вот ты сказывай: денег ты много забрал?

Семен. Я не брал, все зажито, двадцать восемь рублей, должно.

2-й мужик. Это ладно. Ну, а коли бог даст, о земле сладимся, ведь я тебя, Семка, домой возьму.

Семен. С моим удовольствием.

2-й мужик. Набаловался ты, я чай. Пахать не захочешь?

Семен. Пахать-то? Давай сейчас. Косить, пахать, это все из рук не вывалится.

1-й мужик. А все, примерно, после городского жительства не поманится.

Семен. Ничего, и в деревне жить можно.

1-й мужик. А вот дядя Митрий на твое место охотится, на великатную жизнь.

Семен. Ну, дядя Митрий, наскучит. Оно, глядеться, легко, а беготни тоже много. Замотаешься.

Кухарка. Вот ты бы, дядя Митрий, посмотрел балы у них. Вот подивился бы!

3-й мужик. А что ж, едят всё?

Кухарка. Куды тебе? Посмотрел бы, что было! Меня Федор Иваныч провел. Посмотрела я: барыни — страсть! Разряжены, разряжены, что куда тебе! А по сих мест голые, и руки голые.

3-й мужик. О господи!

2-й мужик. Тьфу, скверность!

1-й мужик. Значит, клеймат так позволяет.

Кухарка. Так-то и я, дяденька, глянула: что ж это? — все телешом. Веришь ли, старые — наша барыня, у ней, мотри, внуки, — тоже оголились.

3-й мужик. О господи!

Кухарка. Так ведь что: как вдарит музыка, как взыграли, — сейчас это господа подходят каждый к своей, обхватит и пошел кружить.

2-й мужик. И старухи?

Кухарка. И старухи.

Семен. Нет, старухи сидят.

Кухарка. Толкуй, я сама видела!

Семен. Да нет же.

Старый повар (*высовываясь, хрипло*). Полькамазурка это. Э, дура, не знает! — танцуют так...

Кухарка. Ну, ты, танцорщик, помалкивай знай. Во, идет кто-то.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Григорий. Старый повар поспешно скрывается.

Григорий (*кухарке*). Давай капусты кислой!

Кухарка. Только с погреба пришла, опять лезть. Кому это?

Григорий. Барышням тюрю. Живо! С Семеном пришли, а мне некогда.

Кухарка. Вот наедятся сладко так, что больше не лезет, их и потянет на капусту.

1-й мужик. Для прочистки, значит.

Кухарка. Ну да, опростают место, опять валяй! (*Берет чашку и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без кухарки.

Григорий (*мужикам*). Вишь, расселись. Вы смотрите: барыня узнает, она вам такую задаст трепку, не хуже утрешнего. (*Смеется и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Три мужика, Семен и старый повар (*на печке*).

1-й мужик. Двистительно, штурму сделала давеча — беда!

2-й мужик. Давеча хотел он, видно, вступиться, а потом как глянул, что она крышу с избы рвет, захлопнул дверь: будь ты, мол, неладна.

3-й мужик (*махая рукой*). Все одно положение. Тоже моя старуха, скажем, другой раз распалится — страсть! Уж я из избы вон иду. Ну ее совсем! Того гляди, скажем, рогачом зашибет. О господи!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Яков (*вбегает с рецептом*.)

Яков. Сема, беги в аптеку, живо, возьми порошки вот барыне!

Семен. Да ведь он не велел уходить.

Яков. Успеешь. Твое дело еще, поди, после чаю... Чай да сахар!

1-й мужик. Милости просим.

Семен уходит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, без Семена.

Яков. Некогда, да уж налейте чашечку для компании.

1-й мужик. Да вот предлагается разговорка, как давеча ваша госпожа очень как себя гордо повела.

Яков. О, эта горяча — страсть! Так горяча — сама себя не помнит. Другой раз заплачет даже.

1-й мужик. А что, примерно, я спросить хотел? Она что-то давеча предлагала макроту. Макроту, макроту, говорит, занесли. К чему это приложить, макроту эту самую?

Яков. О, это макровы. Это, они говорят, такие козявки есть, от них, мол, и болезни все. Так вот, мол, что на вас они. Уж они после вас мыли-мыли, брызгали-брызгали, где вы стояли. Такая специя есть, от ней дохнут они, козявки-то.

2-й мужик. Так где же они на нас, козявки-то эти?

Яков (*пьет чай*). Да они, сказывают, такие махонькие, что и в стекла не видать.

2-й мужик. А почему она знает, что они на мне?
Може, на ней этой пакости больше моего.

Яков. А вот поди, спроси их!

2-й мужик. А я полагаю, пустое это.

Яков. Известно, пустое; надо же дохтурам выдумывать, а то за что бы им деньги платить? Вот к нам каждый день ездит. Приехал, поговорил — десятку.

2-й мужик. Вре?..

Яков. А то один есть такой, что сотенную.

1-й мужик. Ну! и сотенную?

Яков. Сотенную? Ты говоришь: сотенную, — по тысяче берет, коли за город ехать. Давай, говорит, тысячу, а не дашь — издыхай себе!

3-й мужик. О господи!

2-й мужик. Что ж, он слово какое знает?

Яков. Должно, что знает. Жил я прежде у генерала, под Москвой, сердитый был такой, гордый — страсть, генерал-то! Так заболела у него дочка. Сейчас послали за этим. Тысячу рублей — приеду... Ну, сговорились, приехал. Так что-то не потрафили ему. Так, батюшки мои, как цыкнет на генерала. А! говорит, так так-то ты меня уважаешь, так-то? Так не стану ж лечить! — Так куда тебе! генерал-то и гордость свою забыл, всячески улещает. Батюшка! только не бросай!

1-й мужик. А тысячу-то отдали?

Яков. А то как же?..

2-й мужик. То-то шальные деньги-то. Что б мужик на эти деньги наделал!

3-й мужик. А я думаю, пустое все. Как у меня тады нога прела. Лечил, лечил, скажем, рублей пять пролечил. Бросил лечить, а она и зажила.

Старый повар на печке кашляет.

Яков. Опять тут, сердешный!

1-й мужик. Какой такой мужчинка будет?

Яков. Да нашего барина повар был, к Лукерье ходит.

1-й мужик. Кухмистер, значит. Что ж, здесь проживает?

Яков. Не... Здесь не велят. А где день, где ночь. Есть три копейки — в ночлежном доме, а пропьет все — сюда придет.

2-й мужик. Как же он так?

Яков. Да так, ослаб. А тоже человек какой был, как барин! При золотых часах ходил, по сорока рублей в месяц жалованья брал. А теперь давно с голоду бы помер, кабы не Лукерья.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и кухарка (с капустой).

Яков (к Лукерье). А я вижу, Павел Петрович опять тут?

Кухарка. Куда ж ему деться — замерзнуть, что ли?

3-й мужик. Что делает винцо-то! Винцо-то, скажем... (*Щелкает языком с соболезнаванием.*)

2-й мужик. Известно, окрепнет человек — крепче камня; ослабнет — слабее воды.

Старый повар (*слезает с печи, дрожит и ногами и руками*). Лукерья! Говорю, дай рюмочку.

Кухарка. Куда лезешь! Я те дам такую рюмочку!..

Старый повар. Боишься ты бога? Умираю. Братцы, пяточок...

Кухарка. Говорю, полезай на печь.

Старый повар. Кухарка! пор-рюмочки. Христа ради, говорю, понимаешь ты — Христом прошу!

Кухарка. Иди, иди. Чаю вот на!

Старый повар. Что чай? Что чай? Пустое питье, слабое. Винца бы, только глоточек... Лукерья!

3-й мужик. Ах, сердешный, мается как.

2-й мужик. Да дай ему, что ль.

Кухарка (*достает в поставце и наливает рюмку*). На вот, больше не дам.

Старый повар (*хватает, пьет дрожа*). Лукерья! Кухарка! Я выпью, а ты понимай...

Кухарка. Ну, ну, разговаривай! Лезь на печку, и чтобы духа твоего не слышно было.

Старый повар лезет покорно и не переставая ворчит что-то себе под нос.

2-й мужик. Что значит — ослаб человек!

1-й мужик. Двистительно, слабость-то человеческая.

3-й мужик. Да что и говорить.

Старый повар укладывается и все ворчит. Молчание.

2-й мужик. Ну, что я хотел спросить: эта вот девушка живет у вас с нашей стороны — Аксинья-то. Ну что? Как? Как она живет, значит, честно ли?

Яков. Девушка хорошая, похвалить можно.

Кухарка. Я тебе, дядя, истину скажу, как я здешнее заведение твердо знаю: хочешь ты Татьяну зысына брать — бери скорее, пока не изгадилась, а то не миновать.

Яков. Да, это истинно так. Вот летось Наталья, у нас девушка жила. Хорошая девушка была. Так ни за что пропала, не хуже этого... *(Показывает на повару.)*

Кухарка. Потому тут нашей сестры пропадает — плотину пруди. Всякому манится на легонькую работу да на сладкую пищу. Ан глядь, со сладкой-то пищи сейчас и свихнулась. А свихнулась, им уж такая не нужна. Сейчас эту вон — свеженькую на место. Так-то Наташа сердешная: свихнулась — сейчас прогнали. Родила, заболела, весной прошлой в больнице и померла. И какая девушка была!

3-й мужик. О господи! Народ слабый. Жалеть надо.

Старый повар. Как же, пожалеют они, черти! *(Спускает с печи ноги.)* Я у плиты тридцать лет прожарился. А вот не нужен стал: издыхай, как собака!.. Как же, пожалеют!

1-й мужик. Это двистительно, положения известная.

2-й мужик. Пили, ели, кудрявчиком звали: попили, поели — прощай, шелудяк!

3-й мужик. О господи!

Старый повар. Понимаешь ты много. Что значит: сотей а ла бамон? Что значит: бавасари? Что я сделать мог! Мысли! Император мою работу кушал! А теперь не нужен стал чертям. Да не поддамся я!

Кухарка. Ну, ну, разговорился. Вот я тебя!.. Залезай в угол, чтоб не видать тебя было, а то Федор Иваныч зайдет или еще кто, и выгонят меня с тобой совсем.

Молчание.

Яков. Так знаете мою сторону-то, Вознесенское?

2-й мужик. Как же не знать. От нас верст семнадцать, больше не будет, а бродом меньше. Ты что же, землю-то держишь?

Яков. Брат держит, а я посылаю. Я сам хоть здесь, а умираю об доме.

1-й мужик. Двистительно.

2-й мужик. Анисим, значит, брат тебе?

Яков. Как же, брат родный! На том конце.

2-й мужик. Как не знать — третий двор.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Таня (вбегает).

Таня. Яков Иваныч! что вы тут прохлаждаетесь? Зовет!

Яков. Сейчас. Что там?

Таня. Фифка лает, есть хочет; а она ругается на вас: какой, говорит, он злой. Жалости, говорит, в нем нет. Ей давно обедать пора, а он не несет!.. (Смеется.)

Яков (хочет уходить). О, сердита? Как бы чего не вышло!

Кухарка (Якову). Капусту-то возьмите.

Яков. Давай, давай! (Берет капусту и уходит.)

Т е ж е, без Якова.

1-й мужик. Кому же это обедать теперь?

Таня. А собаке. Собака эта ее... (*Присаживается и берется за чайник.*) Чай-то есть ли? а то я принесла еще. (*Всыпает.*)

2-й мужик. Обедать собаке?

Таня. Как же! Коклетку особенную делают, чтобы не жирная была. Я на нее. на собаку-то, белье стираю.

3-й мужик. О господи!

Таня. Как тот барин, что собаку хоронил.

2-й мужик. Это как же так?

Таня. А так, — рассказывал один человек, — издох у него пес, у барина-то. Вот он и поехал зимой хоронить его. Похоронил, едет и плачет, барин-то. А мороз здоровый, у кучера из носу течет, и он утирается... Дайте налью. (*Наливает чай.*) Из носу-то течет, а он все утирается. Увидал барин: «Что, говорит, о чем ты плачешь?» А кучер говорит: «Как же, сударь, не плакать, какая собака была!» (*Хохочет.*)

2-й мужик. А сам, я чай, думает: хоть бы ты и сам издох, так я бы плакать не стал... (*Хохочет.*)

Старый повар (*с печки*). Это правильно, верно!

Таня. Хорошо, приехал домой барин, сейчас к барыне: «Какой, говорит, наш кучер добрый: он всю дорогу плакал, — так ему жаль моего Дружка. Позовите его: на, мол, выпей водки, а вот тебе награда — рубль». Так-то и она, что Яков собаки ее не жалеет.

Мужики хохочут.

1-й мужик. Хворменно!

2-й мужик. Вот так так!

3-й мужик. Ай, девушка, насмешила!

Таня (*наливает еще чай*). Кушайте еще!.. То-то, оно так кажется, что жизнь хорошая, а другой раз противно все эти гадости за ними убирать. Тьфу! В деревне лучше.

Мужики перевертывают чашки.

(*Наливает.*) Кушайте на здоровье, Ефим Антоныч! Я налью, Митрий Власьевич!

3-й мужик. Ну, налей, налей.

1-й мужик. Ну как же, умница, дело наше происходит?

Таня. Ничего, идет...

1-й мужик. Семен сказывал...

Таня (быстро). Сказывал?

2-й мужик. Да не понять от него!

Таня. Мне сказать теперь нельзя, а только стараюсь, стараюсь. Вот она — и бумага ваша! (Показывает бумагу за фартуком.) Только бы одна штука удалась... (Взвизгивает.) Уж как бы хорошо было!

2-й мужик. Ты смотри, бумагу-то не затеряй. За нее тоже денежки плачены.

Таня. Будьте покойны. Ведь только чтобы подписал он?

3-й мужик. А то чего же еще? Подписал, скажем, и крышка. (Перевертывает чашку.) Да будет уж.

Таня (сама с собой). Подпишет, вот увидите, подпишет. Еще кушайте. (Наливает.)

1-й мужик. Только охлопочи насчет свершения продажи земли, миром и замуж можем отдать. (Откачивается от чая.)

Таня (наливает и подает). Кушайте.

3-й мужик. Только сделай: и замуж отдадим и на свадьбу, скажем, плясать приду. Хоть отродясь не плясывал, плясать буду!

Таня (смеется). Да уж я буду в надежде.

Молчание.

2-й мужик (оглядывая Таню). Так-то так, а не гожаешься ты для мужицкой работы.

Таня. Я-то? Что ж, вы думаете, силы нету? Вы бы посмотрели, как я барыню затягиваю. Другой мужик так не потянет.

2-й мужик. Да куда ж ты ее затягиваешь?

Таня. Да так на костях исделано, как куртка, по сих пор. Ну, на шнуры и стягиваешь, как вот запрягают, еще в руки плюют.

2-й мужик. Засупониваешь, значит?

Таня. Да, да, засупониваю. А ногой в нее ведь не упрешься. (Смеется.)

2-й мужик. Зачем же ты ее затягиваешь?

Таня. А вот затем.

2-й мужик. Что ж, она обрелась, что ль?

Таня. Нет, для красоты.

1-й мужик. Пузу, значит, ей утягивает для хвормы.

Таня. Так так стянешь, что у нее глаза вон лезут, а она говорит: «Еще». Так все руки обожжешь, а вы говорите: силы нет.

Мужики смеются и качают головами.

Однако я заболталась. (*Убегает, смеясь.*)

3-й мужик. Вот так девушка, насмешила!

1-й мужик. Да уж как аккуратна!

2-й мужик. Ничего.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Три мужика, кухарка, старый повар (на печке). Входят Сахатов и Василий Леонидыч. У Сахатова в руках ложка чайная.

Василий Леонидыч. Не то чтобы обед, а *déjeuner dînatoire*¹. И прекрасный, я вам скажу, был завтрак: пороссячьи окорочка — прелесть! Рулье отлично кормит. Я ведь только сейчас приехал. (*Увидев мужиков.*) А мужики опять здесь?

Сахатов. Да, да, это все прекрасно, но мы пришли спрятать предмет. Так куда же спрятать?

Василий Леонидыч. Виноват, я сейчас. (*К кухарке.*) А собаки где же?

Кухарка. В кучерской собаки. Разве можно в людскую?

Василий Леонидыч. А, в кучерской? Ну, хорошо.

Сахатов. Я жду.

Василий Леонидыч. Виноват, виноват. А, что? спрятать? Да, Сергей Иванович, так вот что я вам

¹ плотный завтрак (*франц.*).

скажу: мужику, одному из этих, в карман. Вот хоть этому. Ты послушай. А, что? Где у тебя карман?

3-й мужик. А на что тебе карман! Ишь ты, карман! У меня в кармане деньги.

Сахатов. Ну, где кошель?

3-й мужик. А тебе на что?

Кухарка. Что ты! Молодой барин это.

Василий Леонидыч (хохочет). А вы знаете, отчего он испугался так? Я вам сейчас скажу: у него денег пропасть. А, что?

Сахатов. Да, да, понимаю. Ну, так вот что: вы поговорите с ними, а я покамест незаметно положу вон в эту сумку — так, чтоб и они не знали, не могли ничем указать ему. Поговорите с ними.

Василий Леонидыч. Сейчас, сейчас. Ну, так как же, ребяташки, купите землю-то? А, что?

1-й мужик. Мы-то предлагаем как всей душой. Да вот все не происходит в движение делу.

Василий Леонидыч. А вы не скупитесь. Земля — дело важное. Я вам говорил — мятую. А то можно табак еще.

1-й мужик. Это двистительно, всякие продукты можно.

3-й мужик. А ты, отец, попроси батюшку. А то как жить? Земля малая, — курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Сахатов (положил ложку в сумку 3-го мужика). *C'est fait*¹. Готово. Пойдемте. (Уходит.)

Василий Леонидыч. А вы не скупитесь. А? Ну, прощайте. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Три мужика, кухарка и старый повар (на печке).

3-й мужик. Я говорил: на фатеру. Ну, по гривне, скажем, отдали бы, по крайности покойно, а тут помилуй бог. Деньги, говорит, давай. К чему это?

¹ Готово (франц.).

2-й мужик. Должно, выпимши.

Мужики переворачивают чашки, встают и крестятся.

1-й мужик. А ты помни, как он слово закинул, чтоб мяту сеять? Тоже понимать надо.

2-й мужик. Как же, мяту сей, вишь. Ты попытай-ка, горбом поворочай — запросишь мяты небось... Ну, благодарим покорно!.. А что ж, умница, где нам лечь тут?

Кухарка. Ложитесь — на печку один, а то по лавкам.

3-й мужик. Спаси Христос. (Молится богу.)

1-й мужик. Кабы бог дал свершения дела. (Ложится.) Завтра после обеда на машину бы закатились, во вторник и дома бы.

2-й мужик. Свет-то тушить будете?

Кухарка. Где тушить! Всё прибегать будут: то того, то другого... Да вы ложитесь, я заверну.

2-й мужик. На малой земле как проживешь? Я нынче ведь с рождества хлеб покупаю. И солома овсяная дошла. А то закатил бы четыре десятинки, Семку бы домой взял.

1-й мужик. Твое дело семейное. Без нужды! Землю уберешь, только подавай. Только бы свершилось дело.

3-й мужик. Царицу небесную просить надо. Авось смилосердуется.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Тишина, вздохи. Потом слышны топот шагов, шум голосов, двери растворяются настежь, и стремительно вваливаются: Гросман с завязанными глазами, держащий за руку Сахатова, профессор и доктор, толстая барыня и Леонид Федорович. Бетси и Петрищев, Василий Леонидыч и Марья Константиновна, барыня и баронесса, Федор Иваныч и Таня. Три мужика, кухарка и старый повар (невидим). Мужики вскакивают. Гросман входит быстрыми шагами, потом останавливается.

Толстая барыня. Вы не заботьтесь: я слежу, я взялась следить и строго исполняю свою обязанность. Сергей Иваныч, вы не ведете?

Сахатов. Да нет же.

Толстая барыня. Вы не ведите, но и не противьтесь. (К Леониду Федоровичу.) Я знаю эти опыты. Я сама их делала. Я, бывало, чувствую истечение, и как только почувствую...

Леонид Федорович. Позвольте попросить соблюдать тишину.

Толстая барыня. Ах, я это очень понимаю! Я это на себе испытала. Как только внимание развлеклось, я уж не могу...

Леонид Федорович. Шшш...

Ходят, ищут около 1-го и 2-го мужика и подходят к 3-му.
Гросман спотыкается на скамейку.

Баронесса. Mais dites moi, on le paye? ¹

Барыня. Je ne saurais vous dire ².

Баронесса. Mais c'est un monsieur? ³

Барыня. Oh, oui ⁴.

Баронесса. Ça tient du miraculeux. N'est-ce pas? Comment est-ce qu'il trouve? ⁵

Барыня. Je ne saurais vous dire. Mon mari vous l'expliquera. (Увидав мужиков, оглядывается и видит кухарку.) Pardon... ⁶ Это что?

Баронесса подходит к группе.

(Кухарке.) Кто пустил мужиков?

Кухарка. Яков привел.

Барыня. Якову кто приказал?

Кухарка. Не могу знать. Федор Иваныч их видели.

Барыня. Леонид!

Леонид Федорович не слышит, занят отыскиванием и шикает.

¹ Скажите, ему платят? (франц.)

² Не смогу вам сказать (франц.).

³ Он из господ? (франц.)

⁴ О, да (франц.).

⁵ Это сверхъестественно. Не правда ли? Как это он находит? (франц.)

⁶ Не смогу вам сказать. Мой муж вам это объяснит... Простите... (франц.)

Федор Иванович! Это что значит? Разве вы не видали, что я дезинфицировала всю переднюю, а теперь вы мне всю кухню заразили, черный хлеб, квас...

Федор Иванович. Я полагал, что здесь не опасно; а люди по делу. Идти им далеко, а из своей деревни.

Барыня. В том-то и дело, что из курской деревни, где, как мухи, мрут от дифтерита. А главное — я приказывала, чтоб их не было в доме!.. Приказывала я или нет? (*Подходит к кучке, собравшейся около мужиков.*) Осторожнее! Не дотрогивайтесь до них: они все в дифтеритной заразе!

Никто ее не слушает; она с достоинством отходит и неподвижно стоит, дожидаясь.

Петрищев (*сопит громко носом*). Дифтеритная — не знаю, а некоторая другая зараза в воздухе есть. Вы слышите?

Бетси. Полноте врать! Вово, в какой сумке?

Василий Леонидыч. В той, той! Подходит, подходит.

Петрищев. Что это тут, духи или дүхи?

Бетси. Вот когда ваши папироски кстати. Курите, курите, ближе ко мне.

Петрищев нагибается и окуривает.

Василий Леонидыч. Добирается, я вам скажу. А, что?

Гросман (*с беспокойством шарит около 3-го мужика*). Здесь, здесь. Я чувствую, что здесь.

Толстая барыня. Истечение чувствуете?

Гросман нагибается к сумочке и достает ложку.

Все. Браво!

Общий восторг

Василий Леонидыч. А? так вот где наша ложечка нашлась! (*На мужика.*) Так ты так-то?

3-й мужик. Чего так-то? Не брал я твоей ложечки. И что путает? Не брал я, и не брал, и душа моя не знает. А вольно ему! Я видел, он приходил не за добрым.

Кошель, говорит, давай. А я не брал, вот те Христос, не брал.

Молодежь обступает и смеется.

Леонид Федорович (*сердито на сына*). Вечно глупости! (*3-му мужику*.) Да не беспокойся, дружок! Мы знаем, что ты не брал; это опыт был.

Гросман (*снимает повязку и делает вид, как бы очнулся*). Воды, если можно... позвольте.

Все хлопочут около него.

Василий Леонидыч. Пойдемте отсюда в кучерскую. Я вам покажу, какой кобель один там у меня. *Epatant!*¹ А, что?

Бетси. И какое слово гадкое. Разве нельзя сказать: собака?

Василий Леонидыч. Нельзя. Ведь нельзя про тебя сказать: какая Бетси человек *épatant*? Надо сказать: девица; так и это. А, что? Марья Константиновна, правда? Хорошо? (*Хохочет*.)

Марья Константиновна. Ну, пойдем.

Марья Константиновна, Бетси, Петрищев и Василий Леонидыч уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же, без Бетси, Марьи Константиновны, Петрищева и Василия Леонидыча.

Толстая барыня (*Гросману*). Что? Как? Отдохнули? (*Гросман не отвечает. К Сахатову*.) Вы, Сергей Иванович, чувствовали истечение?

Сахатов. Я ничего не чувствовал. Да, прекрасно, прекрасно. Вполне удачно.

Баронесса. *Admirable! Ça ne le fait pas souffrir?*²

Леонид Федорович. *Pas le moins du monde*³.

¹ Поразительный! (*франц.*)

² Восхитительно! Ему не больно? (*франц.*)

³ Ничуть (*франц.*).

Профессор (Гросману). Позвольте вас попросить. (Подает термометр.) При начале опыта было тридцать семь и две. (Доктору.) Так, кажется? Да будьте добры, пульс проверьте. Трата неизбежна.

Доктор (Гросману). Ну-ка, господин, позвольте ваш пульс. Проверим, проверим. (Вынимает часы и держит его за руку.)

Толстая барыня (к Гросману). Позвольте. Но ведь то состояние, в котором вы находились, нельзя назвать сном?

Гросман (устало). Тот же гипноз.

Сахатов. Стало быть, надо понимать так, что вы сами гипнотизировали себя?

Гросман. А отчего же нет? Гипноз может наступить не только при ассоциации, при звуке тамтам, например, как у Шаркò, но и при одном вступлении в гипногенную зону.

Сахатов. Это так, положим, но все-таки желательно точнее определить, что такое гипноз?

Профессор. Гипноз есть явление превращения одной энергии в другую.

Гросман. Шаркò не так определяет.

Сахатов. Позвольте, позвольте. Таково ваше определение, но Либò мне сам говорил...

Доктор (оставляя пульс). А, хорошо, хорошо, только температуру теперь.

Толстая барыня (вмешиваясь). Нет, позвольте! Я согласна с Алексеем Владимировичем. И вот вам лучше всех доказательств. Когда я после своей болезни лежала без чувств, то на меня нашла потребность говорить. Я вообще молчалива, но тут явилась потребность говорить, говорить, и мне говорили, что я так говорила, что все удивлялись. (К Сахатову.) Впрочем, я вас перебила, кажется?

Сахатов (достойно). Нисколько. Сделайте одолжение.

Доктор. Пульс восемьдесят два, температура повысилась на ноль целых три десятых.

Профессор. Ну, вот вам и доказательство! Так и должно было быть. (Вынимает записную книжку и

записывает.) Восемьдесят два, так? И тридцать семь и пять десятых? Как только вызван гипноз, так непременно усиленная деятельность сердца.

Доктор. Я как врач могу засвидетельствовать то, что ваше предсказание вполне подтвердилось.

Профессор (к Сахатову). Так вы говорили?..

Сахатов. Я хотел сказать, что Либò мне сам говорил, что гипноз есть только особенное психическое состояние, увеличивающее внушаемость.

Профессор. Это так, но все-таки главное — закон эквивалентности.

Гросман. Кроме того, Либò — далеко не авторитет, а Шаркò всесторонне исследовал и доказал, что гипноз, производимый ударом, травмою...

Сахатов. Да я и не отрицаю трудов Шаркò. Я его тоже знаю; я говорю только то, что говорил мне Либò.

Гросман (*горячась*). В Сальпетриере три тысячи больных, и я прослушал полный курс.

Профессор. Позвольте, господа, не в этом дело.

Толстая барыня (*вмешиваясь*). Я в двух словах вам объясню. Когда мой муж был болен, то все доктора отказались...

Леонид Федорович. Пойдемте, однако, в дом. Баронесса, пожалуйста!

Все уходят, говоря вместе и перебивая друг друга.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДАТОЕ

Три мужика, кухарка, Федор Иванович. Таня, старый повар (на печке). Леонид Федорович и барыня.

Барыня (*останавливает за рукав Леонида Федоровича*). Сколько раз я вас просила не распоряжаться в доме! Вы знаете только свои глупости, а дом на мне. Вы заразите всех.

Леонид Федорович. Да кто? Что? Ничего не понимаю.

Барыня. Как? Люди больные в дифтерите ночуют в кухне, где постоянное сношение с домом.

Леонид Федорович. Да я...

Барыня. Что я?

Леонид Федорович. Да я ничего не знаю.

Барыня. Надо знать, коли вы отец семейства. Нельзя этого делать.

Леонид Федорович. Да я не думал... Я думал...

Барыня. Слушать вас противно!

Леонид Федорович молчит.

(К Федору Ивановичу.) Сейчас вон! Чтоб их не было в моей кухне! Это ужасно. Никто не слушает, всё назло... Я отсюда их прогоню, они их сюда пустят. (Все больше и больше волнуется и доходит до слез.) Всё назло! Всё назло! И с моей болью... Доктор! Доктор! Петр Петрович!.. И он ушел! (Всхлипывает и уходит, за ней Леонид Федорович.)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Три мужика, Таня, Федор Иванович, кухарка и старый повар (на печке). Картина. Все стоит долго молча.

3-й мужик. Ну их к богу совсем! Тут, того гляди, в полицию попадешь. А я в жизнь не судился. Пойдем на фатеру, ребята!

Федор Иванович (Тане). Как же быть-то?

Таня. Да ничего, Федор Иванович. В кучерскую их.

Федор Иванович. Да как же в кучерскую? И то кучер жаловался, там полно собак.

Таня. Ну, так в дворницкую.

Федор Иванович. А как узнают?

Таня. Ничего не узнают. Уж будьте покойны, Федор Иванович. Разве можно их ночью гнать? Они и не найдут теперь.

Федор Иванович. Ну, делай как знаешь, только бы тут их не было. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Три мужика, Таня, кухарка и старый повар.
Мужики собирают сумки.

Старый повар. Вишь, черти проклятые! С жиру-то! Черти!..

Кухарка. Молчи уж ты-то. Спасибо, не увидали.

Таня. Так пойдёмте, дяденьки, в дворницкую.

1-й мужик. Ну, а что же дело-то наше? Как же, примерно, насчет подписки, руки приложения? Что ж, в надежде нам быть?

Таня. Вот через час всё узнаем.

2-й мужик. Исхитришься?

Таня (смеется). Как бог даст.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Действие происходит вечером того же дня, в маленькой гостиной, где всегда производятся у Леонида Федоровича опыты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Леонид Федорович и профессор.

Леонид Федорович. Так как же, рискнуть сеанс с нашим новым медиумом?

Профессор. Непременно. Медиум несомненно сильный. Главное же, желательно, чтобы медиумический сеанс у нас был нынче же и с тем же персоналом. Гросман непременно должен отозваться на влияние медиумической энергии, и тогда связь и единство явлений будут еще очевиднее. Вы увидите, что если медиум будет так же силен, как сейчас, то Гросман будет вибрировать.

Леонид Федорович. Так я, знаете, пошлю за Семеном и приглашу желающих.

Профессор. Да, да, я только сделаю себе некоторые заметки. *(Вынимает записную книжку и записывает.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Сахатов.

Сахатов. Там у Анны Павловны сели в винт, а я, как остающийся за штатом... да, кроме того, интересующийся сеансом, вот являюсь к вам... Что ж, будет сеанс?

Леонид Федорович. Будет, непременно будет!
Сахатов. Как же, и без медиумической силы господина Капчича?

Леонид Федорович. Vous avez la main heureuse¹. Представьте себе, тот самый мужик, о котором я вам говорил, оказался несомненный медиум.

Сахатов. Вот как! О, да это особенно интересно!

Леонид Федорович. Да, да. Мы после обеда сделали с ним маленький предварительный опыт.

Сахатов. Успели сделать и убедиться?..

Леонид Федорович. Вполне, и оказался замечательной силы медиум.

Сахатов (*недоверчиво*). Вот как!

Леонид Федорович. Оказывается, что в людской давно уж замечали. Он сядет к чашке, ложка сама вскакивает ему в руку. (*К профессору.*) Вы слышали?

Профессор. Нет, этого, собственно, я не слышал.

Сахатов (*профессору*). Но все-таки и вы допускаете возможность таких явлений?

Профессор. Каких явлений?

Сахатов. Ну, вообще, спиритических, медиумических, вообще сверхъестественных явлений.

Профессор. Дело в том, что мы называем сверхъестественным? Когда не живой человек, а кусок камня притянул к себе гвоздь, то каким показалось это явление для наблюдателей: естественным или сверхъестественным?

Сахатов. Да, конечно; но только такие явления, как притяжение магнита, постоянно повторяются.

Профессор. То же самое и здесь. Явление повторяется, и мы его подвергаем исследованию. Мало того, мы подводим исследуемые явления под общие другим явлениям законы. Явления ведь кажутся сверхъестественными только потому, что причины явлений приписываются самому медиуму. Но ведь это неверно. Явления производимы не медиумом, но духовной энергией через медиума: а это разница большая. Все дело — в законе эквивалентности.

Сахатов. Да, конечно, но...

¹ У вас счастливая рука (*франц.*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Таня (входит и становится за портьеру).

Леонид Федорович. Одно только знайте, что как с Юмом и с Капчицем, так и теперь с этим медиумом вперед ни на что рассчитывать нельзя. Может быть неудача, а может быть и полная материализация.

Сахатов. Даже и материализация? Какая же может быть материализация?

Леонид Федорович. А такая, что придет умерший человек: отец ваш, дед, возьмет вас за руку, даст вам что-нибудь; или кто-нибудь вдруг подыметя на воздух, как прошлый раз у нас с Алексеем Владимировичем.

Профессор. Конечно, конечно. Но главное дело — в объяснении явлений и подведении их под общие законы.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и толстая барыня.

Толстая барыня. Анна Павловна мне позволила пройти к вам.

Леонид Федорович. Милости просим!

Толстая барыня. Но как, однако, Гросман устал. Он не мог чашки держать. Вы заметили, как он побледнел (к профессору) в ту минуту, как приблизился? Я сейчас же заметила, я первая сказала Анне Павловне.

Профессор. Несомненно, трата жизненной энергии.

Толстая барыня. Вот и я говорю, что этим злоупотреблять нельзя. Как же, гипнотизатор внушил одной моей знакомой, Верочке Коншиной, — да вы ее знаете, — чтоб она перестала курить, а у ней спина заболела.

Профессор (хочет начать говорить). Измерение температуры и пульс очевидно показывают...

Толстая барыня. Я сию минуту, позвольте. Я ей и говорю: уж лучше курить, но не страдать так нер-

вами. Разумеется, что курить вредно, и я бы желала отвыкнуть, но, что хотите, не могу. Я раз две недели не курила, а потом не выдержала.

Профессор (*опять делает попытку говорить*). Показывают несомненно...

Толстая барыня. Да нет, позвольте! Я в двух словах. Вы говорите, что трата сил? И я хотела сказать, что когда я ездила на почтовых... Дороги тогда были ужасные, вы этого не помните, а я замечала, и, как хотите, наша нервность вся от железных дорог. Я, например, в дороге спать не могу, — хоть убейте, а не засну.

Профессор (*опять начинает, но толстая барыня не дает ему говорить*). Трата сил...

Сахатов (*улыбаясь*). Да, да.

Леонид Федорович звонит.

Толстая барыня. Я одну, другую, третью ночь не буду спать, а все-таки не засну.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Григорий.

Леонид Федорович. Скажите, пожалуйста, Федору приготовить все для сеанса и позовите Семена сюда — буфетного мужика, Семена, слышите?

Григорий. Слушаю-с! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Леонид Федорович, профессор, толстая барыня и Таня (*спрятанная*).

Профессор (*к Сахатову*). Измерение температуры и пульс показали трату жизненной энергии. То же будет и при медиумических проявлениях. Закон сохранения энергии...

Толстая барыня. Да, да. Я только еще хотела сказать, что я очень рада, что простой мужик оказался

медиум. Это прекрасно. Я всегда говорила, что славянофилы...

Леонид Федорович. Пойдемте пока в гостиную.

Толстая барыня. Позвольте, я в двух словах... Славянофилы правы, но я всегда говорила своему мужу, что ни в чем не надо преувеличивать. Золотая середина, знаете. А то как же утверждать, что в народе все хорошо, когда я сама видела...

Леонид Федорович. Неудобно ли в гостиную?

Толстая барыня. Вот такой мальчик и уж пьет. Я его сейчас же разбранила. И он благодарен был потом. Они — дети, а детям, я всегда говорила, нужна и любовь и строгость.

Все уходят, разговаривая.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Таня (одна выходит из-за двери).

Таня. Ах, удалось бы только! (*Завязывает нитки.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Таня и Бетси (входит поспешно).

Бетси. Папá нет тут? (*Вглядываясь в Таню.*) Ты что тут?

Таня. А я так, Лизавета Леонидовна, вошла, хотела... так вошла... (*Смущается.*)

Бетси. Да ведь тут сеанс сейчас будет? (*Замечает, что Таня собирает нитки, пристально смотрит на нее и вдруг заливается хохотом.*) Таня! это ведь ты все делаешь? Да уж не отпирайся. И тот раз ты? Ведь, ты, ты?

Таня. Лизавета Леонидовна, голубушка!

Бетси (*в восторге*). Ах, как это хорошо! Вот не ожидала! Зачем же ты это делала?

Таня. Барышня, милая, да вы не выдайте!

Бетси. Да нет, ни за что. Я ужасно рада! Да как же ты делаешь?

Таня. Да так и делаю: спрячусь, а потом, как потушат, вылезу и делаю.

Бетси (*показывая на нитку*). А это зачем? Да, не говори, понимаю, задеваешь...

Таня. Лизавета Леонидовна, голубушка, я только вам откроюсь. Прежде я так шалила, а теперь дело хочу сделать.

Бетси. Как, что? Какое дело?

Таня. Да вот, видели, мужики пришли, хотят землю купить, а папаша не продают и бумагу не подписали и им назад отдали. Федор Иванович говорит: духи ему запретили. Вот я и вздумала.

Бетси. Ах, какая же ты умница! Делай, делай. Да как же ты будешь делать?

Таня. Да я так придумала: как они свет потушат, сейчас я начну стучать, швырять, ниткой их по головам, а под конец бумагу об земле — она у меня — и брошу на стол.

Бетси. Ну и что ж?

Таня. А как же? Они удивятся. Бумага была у мужиков, и вдруг здесь. А тут же велю...

Бетси. Да ведь Семен нынче медиум!

Таня. Так я ему велю... (*Не может говорить от смеха.*) Велю давить руками, кто под рукой будет. Только не папашу, — это он не посмеет, — и пусть давит кого других, пока подпишут.

Бетси (*смеется*). Да ведь так не делают. Медиум сам ничего не делает.

Таня. Да ничего, это все одно, — авось и так выйдет.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Таня и Федор Иванович. Бетси делает знаки Тане и уходит.

Федор Иванович (*Тане*). Ты что тут?

Таня. Да я к вам, Федор Иванович, батюшка!..

Федор Иванович. Чего же ты?

Таня. Да об деле моем, к вам, что я просила.

Федор Иванович (*смеясь*). Сосватал, сосватал, и по рукам ударили. Только не пили.

Таня (*взвизгивает*). Неужто заправду?

Федор Иванович. Да уж я тебе говорю. Он говорит: с старухой посоветуюсь, да и с богом.

Таня. Так и сказал?.. (*Взвизгивая.*) Ах, голубчик, Федор Иванович, век за вас буду бога молить!

Федор Иванович. Ну, ладно, ладно. Теперь некогда. Велено убирать для сеанса.

Таня. Дайте я вам пособию. Как же убирать?

Федор Иванович. Да как? Да вот: стол посреди комнаты, стулья, гитару, гармонию. Лампу не надо — свечи.

Таня (*устанавливает все с Федором Ивановичем*). Так, что ли? Сюда гитару, сюда чернильницу... (*Ставит.*) Так?

Федор Иванович. Да неужели в самом деле Семена посадят?

Таня. Должно быть. Ведь уж сажали.

Федор Иванович. Удивление! (*Надевает pinset.*) Да чист ли он?

Таня. Почему я знаю!

Федор Иванович. Так ты вот что...

Таня. Что, Федор Иванович?

Федор Иванович. Поди ты, возьми щеточку ногтяную и мыла Тридас, — хоть у меня возьми... И все ты ему остриги когти и вымой чисто-на́чисто.

Таня. Он и сам вымоет.

Федор Иванович. Ну так скажи только. Да бельё вели надеть чистое.

Таня. Хорошо, Федор Иванович. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Федор Иванович один, садится в кресло.

Федор Иванович. Учены, ученые, хоть бы Алексей Владимирович, профессор он, а все другой раз сильно сомнение берет. Народные суеверия, грубые, истребляются, суеверия домовых, колдунов, ведьм... А ведь если вникнуть, ведь это такое же суеверие. Ну, разве

возможно это, чтобы души умерших и говорили бы и на гитаре играли бы? А дурачит их кто-нибудь или сами себя. А уж это с Семеном и не поймешь что. (*Рассматривает альбом.*) Ведь вот их альбом спиритический. Ну, возможное ли это дело, чтобы фотографию с духа снять? А вот изображение — турок и Леонид Федорович сидят. Удивительна слабость человеческая!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Федор Иванович и Леонид Федорович.

Леонид Федорович (*входя*). Что, готово?

Федор Иванович (*встает не торопясь*). Готово. (*Улыбаясь*.) Только не знаю, как бы ваш новый медиум не скомпрометовал вас, Леонид Федорович.

Леонид Федорович. Нет, мы испытывали с Алексеем Владимировичем. Удивительно сильный медиум!

Федор Иванович. Уж этого не знаю. Только чист ли он? Вы вот не позаботились руки ему велеть вымыть. А то все-таки неудобно.

Леонид Федорович. Руки? Ах, да. Нечисты, ты думаешь?

Федор Иванович. Да как же, мужик. А тут дамы, и Марья Васильевна.

Леонид Федорович. Ну и прекрасно.

Федор Иванович. Да еще я хотел вам доложить: Тимофей, кучер, приходил жаловаться, что нельзя ему чистоту соблюсти от собак.

Леонид Федорович (*устанавливая предметы на столе, рассеянно*). Каких собак?

Федор Иванович. Да Василью Леонидычу нынче борзых привели тройку, в кучерскую поместили.

Леонид Федорович (*досадливо*). Скажи Анне Павловне, как она хочет, а мне и некогда.

Федор Иванович. Да ведь вы знаете их пристрастие...

Леонид Федорович. Ну, как хочет она, так и делает. А от него мне, кроме неприятностей... да и некогда.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Семен (в поддевке, входит, улыбается).

Семен. Приказали прийти?

Леонид Федорович. Да, да. Покажи руки. Ну, и прекрасно, прекрасно. Так вот, дружок, ты так же делай, как давеча, садись и отдавайся чувству. А сам ничего не думай.

Семен. Чего ж думать? Что думать, то хуже.

Леонид Федорович. Вот, вот, вот. Чем менее сознательно, тем сильнее. Не думай, а отдавайся настроению: хочется спать — спи, хочется ходить — ходи; понимаешь?

Семен. Как не понять? Хитрости тут несколько.

Леонид Федорович. И главное — не смущайся. А то ты сам можешь удивиться. Ты пойми, что как мы живем, так невидимый мир духов тут же живет.

Федор Иванович (поправляя). Незримые существа, понимаешь?

Семен (смеется). Как не понять? Как вы сказывали, так это очень просто.

Леонид Федорович. Можешь подняться на воздух или еще что-нибудь, то ты не робей.

Семен. Чего ж робеть? Это все можно.

Леонид Федорович. Ну, так я пойду позову всех. Все готово?

Федор Иванович. Кажется, всё.

Леонид Федорович. А грифельные доски?

Федор Иванович. Внизу, сейчас принесу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Леонид Федорович и Семен.

Леонид Федорович. Ну, так хорошо. Так ты не смущайся и будь свободнее.

Семен. Нешто поддевку снять: оно слободнее будет.

Леонид Федорович. Поддевку? Нет, нет, не надо. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Семен один.

Семен. Опять то же велела делать, а она опять будет свое швырять. И как она не боится?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Семен и Таня (входит без ботинок, в платье цвета обой);
Семен хохочет.

Таня (*шикает*). Шш!.. Услышат! Вот на пальцы спички наклеи, как давеча. (*Наклеивает.*) Что же, все помнишь?

Семен (*загибая пальцы*). Перво-наперво спички намочить. Махать — раз. Другое дело — зубами трещать, вот так... — два. Вот третье забыл.

Таня. А третье-то пуше всего. Ты помни: как бумага на стол падет — я еще в колокольчик позвоню, — так ты сейчас же руками вот так... Разведи шире и захватывай. Кто возле сидит, того и захватывай. А как захватишь, так жми. (*Хохочет.*) Барин ли, барыня ли, знай — жми, все жми, да и не выпускай, как будто во сне, а зубами скрыпи али рычи, вот так... (*Рычит.*) А как я на гитаре заиграю, так как будто просыпайся, потянись, знаешь, так, и проснись... Все помнишь?

Семен. Все помню, только смешно больно.

Таня. А ты не смейся. А засмеешься — это еще не беда. Они подумают, что во сне. Одно только, вправду не засни, как они свет-то потушат.

Семен. Небось, я себя за уши щипать буду.

Таня. Так ты смотри, Семочка, голубчик. Только делай все, не робей. Подпишет бумагу. Вот увидишь. Идут... (*Лезет под диван.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Семен и Таня. Входят Гросман, профессор, Леонид Федорович, толстая барыня, доктор, Сахатов, барыня. Семен стоит у двери.

Леонид Федорович. Милости просим, все неверующие! Несмотря на то, что медиум новый, случайный, я нынче жду очень знаменательных проявлений.

Сахатов. Очень, очень интересно.

Толстая барыня (на Семена). Mais il est très bien¹.

Барыня. Как буфетный мужик, да, но только...

Сахатов. Жены всегда не верят в дело своих мужей. Вы совсем не допускаете?

Барыня. Разумеется, нет. В Капчиче, правда, есть что-то особенное, но уж это бог знает что такое!

Толстая барыня. Нет, позвольте, Анна Павловна, это нельзя так решать. Когда еще я была не замужем, видела один замечательный сон. Сны, знаете, бывают такие, что вы не знаете, когда начинается, когда кончается; так я видела именно такой сон...

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев входят.

Толстая барыня. И мне многое было открыто этим сном. Нынче уж эти молодые люди (указывает на Петрищева и на Василья Леонидыча) всё отрицают.

Василий Леонидыч. А я никогда, я вам скажу, ничего не отрицаю. А, что?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же. Входят Бетси и Марья Константиновна и вступают в разговор с Петрищевым.

Толстая барыня. А как же можно отрицать сверхъестественное? Говорят: не согласно с разумом. Да разум-то может быть глупый, тогда что? Ведь вот на

¹ А он очень хорош (франц.).

Садовой, — вы слышали? — каждый вечер являлось. Брат моего мужа — как это называется?.. не beau-frère¹, а по-русски... не свекор, а еще как-то? Я никогда не могу запомнить этих русских названий, — так он ездил три ночи сряду и все-таки ничего не видал, так я и говорю...

Леонид Федорович. Так кто же да кто остается?

Толстая барыня. Я, я!

Сахатов. Я!

Барыня (к доктору). Неужели вы остаетесь?

Доктор. Да, надо хоть раз посмотреть, что тут Алексей Владимирович находит. Отрицать бездоказательно тоже нельзя.

Барыня. Так решительно принять нынче вечером?

Доктор. Кого принять?.. Ах да, порошок. Да, примите, пожалуй. Да, да, примите... Да я зайду.

Барыня. Да, пожалуйста. (Громко.) Когда кончите, messieurs et mesdames, милости просим ко мне отдохнуть от эмоций, да и винт докончим.

Толстая барыня. Непременно.

Сахатов. Да, да!

Барыня уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же, без барыни.

Бетси (Петрищеву). Я вам говорю, оставайтесь. Я вам обещаю необыкновенные вещи. Хотите пари?

Марья Константиновна. Да разве вы верите?

Бетси. Нынче верю.

Марья Константиновна (Петрищеву). А вы верите?

Петрищев. «Не верю, не верю обетам коварным». Ну, да если Елизавета Леонидовна велит...

Василий Леонидыч. Останемся, Марья Константиновна. А, что? Я что-нибудь такое épatant придумаю.

¹ деверь (фр.ц.).

Марья Константиновна. Нет, вы не смешите. Я ведь не могу удержаться.

Василий Леонидыч (*громко*). Я — остаюсь!

Леонид Федорович (*строго*). Прошу только тех, кто остается, не делать из этого шутки. Это дело серьезное.

Петрищев. Слышишь? Ну, так останемся. Вово, садись сюда, да смотри не робей.

Бетси. Да, вы смеетесь, а вот увидите, что будет.

Василий Леонидыч. А что как в самом деле? Вот штука-то будет! А, что?

Петрищев (*дрожит*). Ой, боюсь, боюсь. Марья Константиновна, боюсь!.. дрожки ножат.

Бетси (*смеется*). Тише!

Все садятся.

Леонид Федорович. Садитесь, садитесь. Садись, Семен!

Семен. Слушаю-с. (*Садится на край стула.*)

Леонид Федорович. Садись хорошенько.

Профессор. Садитесь правильно, на середину стула, совершенно свободно. (*Усаживает Семена.*)

Бетси, Марья Константиновна и Василий Леонидыч хохочут.

Леонид Федорович (*возвышая голос*). Прошу тех, кто остается, не шалить и относиться к делу серьезно. Могут быть дурные последствия. Вово, слышишь? Если не будешь сидеть смирно, уйди.

Василий Леонидыч. Смирно! (*Прячется за спину толстой барыни.*)

Леонид Федорович. Алексей Владимирович, вы усыпите.

Профессор. Нет, зачем же я, когда Антон Борисович тут? У него гораздо больше и практики в этом отношении и силы... Антон Борисович!

Гросман. Господа! я, собственно, не спирит. Я только изучал гипноз. Гипноз я изучал, правда, во всех его известных проявлениях. Но то, что называется спиритизмом, мне совершенно неизвестно. От усыпления субъекта я могу ожидать известных мне явлений гипноза: летаргии, абулий, анестезии, анелгезии, катаlepsии

и всякого рода внушений. Здесь же предполагаются к исследованию не эти, а другие явления, и потому желательнó бы было знать, какого рода эти ожидаемые явления и какое они имеют научное значение.

Сахатов. Вполне присоединяюсь к мнению господина Гросмана. Такое разъяснение было бы очень и очень интересно.

Леонид Федорович (к профессору). Я думаю, Алексей Владимирович, вы не откажетесь объяснить вкратце.

Профессор. Отчего ж, я могу объяснить, если этого желают. (К доктору.) А вы, пожалуйста, измерьте температуру и пульс. Объяснение мое будет неизбежно поверхностно и кратко.

Леонид Федорович. Да, вкратце, вкратце...

Доктор. Сейчас. (Вынимает термометр и подает.) Ну-ка, молодец!.. (Устанавливает.)

Семен. Слушаю-с.

Профессор (вставая и обращаясь к толстой барыне, а потом садясь). Господа! Явление, которое мы исследуем, представляется обыкновенно, с одной стороны, как нечто новое, с другой стороны, как нечто выходящее из ряда естественных условий. Ни то, ни другое не справедливо. Явление это не ново, а старо, как мир, и не сверхъестественно, а подлежит все тем же вечным законам, которым подлежит и все существующее. Явление это определялось обыкновенно как общение с миром духовным. Определение это неточно. По определению этому мир духовный противопоставляется миру материальному, но это несправедливо: противоположения этого нет. Оба мира так тесно соприкасаются, что нет никакой возможности провести демаркационную линию, отделяющую один мир от другого. Мы говорим: материя слагается из молекул...

Петрищев. Скучная материя!

Шепот, хохот.

Профессор (остановившись и потом продолжая). Молекулы — из атомов, но атомы, не имея протяжения, суть, в сущности, не что иное, как точки приложения сил. То есть, строго говоря, не сил, а энергии — той самой

энергии, которая так же едина и неуничтожима, как и материя. Но как материя одна, а виды ее различны, так точно и энергия. До последнего времени нам были известны только четыре превращающиеся один в другой вида энергии. Нам известны энергии: динамическая, термическая, электрическая и химическая. Но четыре вида энергии далеко не исчерпывают всего разнообразия ее проявлений. Виды проявления энергии многообразны, и один из таких новых, малоизвестных видов энергии и исследуется нами. Я говорю об энергии медиумизма:

Опять шепот и хохот в углу молодежи.

(Останавливается и, строго оглянувшись, продолжает.)

Медиумическая энергия известна человечеству давным-давно: предсказания, предчувствия, виденья и многие другие — все это не что иное, как проявления медиумической энергии. Явления, производимые ею, известны давным-давно. Но самая энергия не признавалась таковой до самого последнего времени, до тех пор, пока не было признано той среды, колебания которой и производят медиумические явления. И точно так же, как явления света были необъяснимы до тех пор, пока не было признано существование невесомого вещества, эфира, — точно так же и медиумические явления казались таинственными до тех пор, пока не была признана та несомненная теперь истина, что в промежутках частиц эфира находится другое, еще более тонкое, чем эфир, невесомое вещество, не подлежащее закону трех измерений...

Опять шепот, хохот и повизгивание.

(Опять оглядывается строго.) И точно так же, как математические вычисления подтвердили неопровержимо существование невесомого эфира, дающего явления света и электричества, точно так же блестящий ряд самых точных опытов гениального Германа Шмита и Иосифа Шмацофена несомненно подтвердили существование того вещества, которое наполняет вселенную и может быть названо духовным эфиром.

Толстая барыня. Да, теперь я понимаю. Как я благодарна...

Леонид Федорович. Да; но нельзя ли, Алексею Владимирович, несколько... сократить?

Профессор (*не отвечая*). Итак, ряд строго научных опытов и исследований, как я имел честь сообщить вам, выяснили нам законы медиумических явлений. Опыты эти выяснили нам то, что погружение некоторых личностей в гипнотическое состояние, отличающееся от обыкновенного сна только тем, что при погружении в этот сон деятельность физиологическая не только не понижается, но всегда повышается, как это мы сейчас видели, — оказалось, что погружение в это состояние какого бы то ни было субъекта неизменно влечет за собой некоторые пертурбации в духовном эфире — пертурбации, совершенно подобные тем, которые производит погружение твердого тела в жидкое. Пертурбации же эти и суть то, что мы называем медиумическими явлениями...

Хохот, шепот.

Сахатов. Это совершенно справедливо и понятно; но позвольте спросить: если, как вы изволите говорить, погружение медиума в сон производит пертурбации духовного эфира, то почему же эти пертурбации выражаются всегда, как это подразумевается обыкновенно в спиритических сеансах, проявлением деятельности душ умерших личностей?

Профессор. А потому, что частицы этого духовного эфира суть не что иное, как души живых, умерших и неродившихся, так что всякое сотрясение этого духовного эфира неизбежно вызывает известное движение его частиц. Частицы же эти суть не что иное, как души людей, входящие этим движением в общение между собою.

Толстая барыня (*к Сахатову*). Что же тут не понимать? Это так просто... Очень, очень благодарю вас!

Леонид Федорович. Мне кажется, что теперь все ясно, и мы можем приступить.

Доктор. Малый в самых нормальных условиях: температура тридцать семь и две десятых, пульс семьдесят четыре.

Профессор (*вынимает книжку и записывает*). Подтверждением того, что я имел честь сообщить, может служить то, что погружение медиума в сон неизбежно, как мы сейчас и увидим, вызовет подъем температуры и пульса, точно так же, как и при гипнозе.

Леонид Федорович. Да, да, виноват, я только хотел сказать Сергею Иванычу на то, что он спрашивал: почему мы узнаем, что с нами общаются души умерших? Мы узнаем это потому, что тот дух, который приходит, прямо нам говорит, — просто, как я говорю, — говорит нам, кто он и зачем пришел, и где он, и хорошо ли ему? Последний сеанс был испанец Дон Кастильос, и он все сказал нам. Он сказал нам, кто он, и когда умер, и то, что ему тяжело за то, что он участвовал в инквизиции. Мало того, он сообщил нам то, что с ним случилось в то самое время, как он говорил с нами, а именно то, что в то самое время, как он говорил с нами, он должен был вновь рождаться на землю и потому не мог закончить начатого с нами разговора. Да вот вы сами увидите...

Толстая барыня (*перебивая*). Ах, как интересно! Может быть, испанец у нас в доме родился и маленький теперь.

Леонид Федорович. Очень может быть.

Профессор. Я думаю, пора бы начинать.

Леонид Федорович. Я только хотел сказать...

Профессор. Поздно уж.

Леонид Федорович. Ну, хорошо. Так можем приступить. Пожалуйста, Антон Борисович, усыпите медиума...

Гросман. Как вы желаете, чтоб я усыпил субъекта? Есть много употребительных приемов. Есть способ Бреда, есть египетский символ, есть способ Шарко.

Леонид Федорович (*к профессору*). Это все равно, я думаю.

Профессор. Безразлично.

Гросман. Так я употребляю свой способ, который я демонстрировал в Одессе.

Леонид Федорович. Пожалуйста!

Гросман машет руками над Семеном, Семен закрывает глаза и потягивается.

Гросман (*приглядывается*). Засыпает, заснул. Замечательно быстрое наступление гипноза. Очевидно, субъект уже вступил в анестетическое состояние. Замечательно, необыкновенно восприимчивый субъект и мог бы быть подвергнут интересным опытам!.. (*Садится, встает, опять садится.*) Теперь можно бы проколоть ему руки. Если желаете...

Профессор (*к Леониду Федоровичу*). Замечаете, как сон медиума действует на Гросмана? Он начинает вибрировать.

Леонид Федорович. Да, да... Теперь можно тушить?

Сахатов. Но почему же нужна темнота?

Профессор. Темнота? А потому, что темнота есть одно из условий, при которых проявляется медиумическая энергия, так же как известная температура есть условие известных проявлений химической или динамической энергии.

Леонид Федорович. И не всегда. Многим, и мне, являлись и при свечах, и при солнце.

Профессор (*перебивая*). Можно тушить?

Леонид Федорович. Да, да. (*Тушит свечи.*) Господа! теперь прошу вниманья.

Таня вылезает из-под дивана и берет в руки нитку, привязанную к бра.

Петрищев. Нет, мне понравился испанец. Как он, в середине разговора, вниз головой... что называется: *ricquer une tête*¹.

Бетси. Нет, вы подождите, посмотрите, что будет!

Петрищев. Я одного боюсь: как бы Вово не захрюкал поросенком.

Василий Леонидыч. Хотите? Я хвачу...

Леонид Федорович. Господа! прошу не разговаривать, пожалуйста...

Тишина. Семен лижет палец, мажет им косточки на руке и машет ими.

Свет! Видите свет?

Сахатов. Свет! Да, да, вижу; но позвольте...

¹ кувырком (*франц.*).

Толстая барыня. Где, где? Ах, не видала! Вот он. Ах!..

Профессор (к Леониду Федоровичу шепотом, указывая на Гросмана, который двигается). Вы заметьте, как он вибрирует. Двойная сила.

Опять показывается свет.

Леонид Федорович (к профессору). А ведь это он.

Сахатов. Кто он?

Леонид Федорович. Грек Николай. Его свет. Не правда ли, Алексей Владимирович?

Сахатов. Что такое грек Николай?

Профессор. Некий грек, монашествовавший при Константине в Царьграде и посещавший нас последнее время.

Толстая барыня. Где же он? Где же он? Я не вижу.

Леонид Федорович. Его нельзя еще видеть. Алексей Владимирович, он всегда особенно благосклонен к вам. Спросите его.

Профессор (особенным голосом). Николай! Ты это?

Таня стучит два раза о стену.

Леонид Федорович (радостно). Он! Он!

Толстая барыня. Ай, ай! Я уйду.

Сахатов. Почему же предполагается, что это он?

Леонид Федорович. А два удара. Утвердительный ответ: иначе было бы молчание.

Молчание. Сдержанный хохот в углу молодежи. Таня бросает на стол колпак с лампы, карандаш, утиралку перьев.

(Шепотом.) Замечайте, господа, вот колпак с лампы. Еще что-то. Карандаш! Алексей Владимирович, карандаш.

Профессор. Хорошо, хорошо. Я слежу и за ним и за Гросманом. Вы замечаете?

Гросман встает и оглядывает предметы, упавшие на стол.

Сахатов. Позвольте, позвольте. Я бы желал посмотреть, не производит ли всего этого сам медиум?

Леонид Федорович. Вы думаете? Так сядьте подле, держите его за руки. Но будьте уверены, он спит.

Сахатов (*подходит, задевает головой за нитку, которую спускает Таня, и испуганно нагибается*). Да... а-а!.. Странно, странно. (*Подходит, берет за локоть Семена. Семен рычит.*)

Профессор (*к Леониду Федоровичу*). Слышите, как действует присутствие Гросмана? Новое явление, надо записать... (*Выбегает и записывает, потом возвращается.*)

Леонид Федорович. Да... Но нельзя же оставлять Николая без ответа, надо начинать...

Гросман (*встает, подходит к Семену, поднимает и опускает его руку*). Теперь интересно бы произвести контрактуру. Субъект в полном гипнозе.

Профессор (*к Леониду Федоровичу*). Вы видите, видите?

Гросман. Если вы желаете...

Доктор. Да уж позвольте, батюшка, Алексею Владимировичу распорядиться, штука-то выходит серьезная.

Профессор. Оставьте его. Он говорит уже во сне.

Толстая барыня. Как я рада теперь, что решилась присутствовать. Страшно, но все-таки я рада, потому что я мужу всегда говорила...

Леонид Федорович. Прошу помолчать.

Таня проводит ниткой по голове толстой барыни.

Толстая барыня. Ай!

Леонид Федорович. Что? Что?

Толстая барыня. Он меня за волосы взял.

Леонид Федорович (*шепотом*). Не бойтесь, ничего, подайте ему руку. Рука бывает холодная, но я это люблю.

Толстая барыня (*прячет руку*). Ни за что!

Сахатов. Да, странно, странно!

Леонид Федорович. Он здесь и ищет общения. Кто хочет спросить что-нибудь?

Сахатов. Позвольте, я спрошу.

Профессор. Сделайте одолжение.

Сахатов. Верю я или нет?

Таня стучит два раза.

Профессор. Ответ утвердительный.

Сахатов. Позвольте, я еще спрошу. Есть у меня в кармане десятирублевая бумажка?

Таня стучит много раз и проводит ниткой по голове Сахатова.

Ах!.. (Хватает нитку и обрывает ее.)

Профессор. Я бы просил присутствующих не делать неопределенных или шутливых вопросов. Ему неприятно.

Сахатов. Нет, позвольте, у меня в руке нитка.

Леонид Федорович. Нитка? Держите ее. Это часто бывает; не только нитка, но шелковые шнуры, самые древние.

Сахатов. Нет, однако откуда же нитка?

Таня бросает в него подушкой.

Позвольте, позвольте! Что-то мягкое ударило меня в голову. Позвольте свет, — тут что-нибудь...

Профессор. Мы просим вас не нарушать проявления.

Толстая барыня. Ради бога, не нарушайте! И я хочу спросить, можно?

Леонид Федорович. Можно, можно. Спрашивайте.

Толстая барыня. Я хочу спросить о своем желудке. Можно? Я хочу спросить, что мне принимать, аконит или белладонну?

Молчание, шепот в стороне молодых людей, и вдруг Василий Леонидыч кричит, как грудной ребенок: «Уа! уа!» Хохот. Захватывая носы и рты и фыркая, девицы с Петрищевым убегают.

Ах, это верно, и этот монах опять родился!

Леонид Федорович (в бешенстве, гневным шепотом). Кроме глупости, от тебя ничего! Если не умеешь держать себя прилично, то уйди.

Василий Леонидыч уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Леонид Федорович, профессор, толстая барыня, Сахатов, Гросман, доктор, Семен и Таня.
Темнота, молчание.

Толстая барыня. Ах, как жаль! Теперь уж нельзя спрашивать. Он родился.

Леонид Федорович. Нисколько. Это глупости Вово. А он тут. Спрашивайте.

Профессор. Это часто бывает; эти шутки, насмешки — самое обыкновенное явление. Я полагаю, что он здесь еще. Впрочем, мы можем спросить. Леонид Федорович, вы?

Леонид Федорович. Нет, пожалуйста, вы. Меня это расстроило. Так неприятно! Эта бестактность!..

Профессор. Хорошо, хорошо!.. Николай! ты здесь еще?

Таня стучит два раза и звонит в колокольчик. Семен начинает рычать и разводить руками. Захватывает Сахатова и профессора и давит их.

Какое неожиданное проявление! Воздействие на самого медиума. Этого не бывало. Леонид Федорович, наблюдайте, мне неловко. Он давит меня. Да смотрите, что Гросман? Теперь нужно полное внимание.

Таня бросает мужицкую бумагу на стол.

Леонид Федорович. Что-то упало на стол.

Профессор. Смотрите, что упало.

Леонид Федорович. Бумага! Сложенный лист бумаги.

Таня бросает дорожную чернильницу.

Чернильница!

Таня бросает перо.

Перо!

Семен рычит и давит.

Профессор (задавленный). Позвольте, позвольте, совершенно новое явление: не вызванная медиумическая

энергия действует, а сам медиум. Однако откройте чернильницу и положите на бумагу перо, он напишет, напишет.

Таня заходит сзади Леонида Федоровича и бьет его по голове гитарой.

Леонид Федорович. Ударил меня по голове! (Смотрит на стол.) Перо не пишет еще, и бумага сложена.

Профессор. Посмотрите, что за бумага, делайте скорей; очевидно, двойная сила: его и Гросмана — производит пертурбации.

Леонид Федорович (выходит с бумагой в дверь и тотчас возвращается). Необычайно! Бумага эта — договор с крестьянами, который я нынче утром отказался подписать и отдал назад крестьянам. Вероятно, он хочет, чтоб я подписал его?

Профессор. Разумеется! Разумеется! Да вы спросите.

Леонид Федорович. Николай! Или ты желеешь...

Таня стучит два раза.

Профессор. Слышите? Очевидно, очевидно!

Леонид Федорович берет перо и выходит. Таня стучит, играет на гитаре и гармонии и лезет опять под диван. Леонид Федорович возвращается. Семен потягивается и прокашливается.

Леонид Федорович. Он просыпается. Можно зажечь свечи.

Профессор (поспешно). Доктор, доктор, пожалуйста, температуру и пульс. Вы увидите, что сейчас обнаружится повышение.

Леонид Федорович (зажигает свечи). Ну что, господа неверующие?

Доктор (подходя к Семену и вставляя термометр). Ну-ка, молодец. Что, поспал? Ну-ка, это вставь и давай руки. (Смотрит на часы.)

Сахатов (пожимает плечами). Могу утверждать, что медиум не мог делать всего того, что происходило. Но нитка?.. Я бы желал объяснения нитки.

Леонид Федорович. Нитка, нитка! Тут были явления посерьезнее.

Сахатов. Не знаю. Во всяком случае — *je réserve mon opinion*¹.

Толстая барыня (к Сахатову). Нет, как же вы говорите: *je réserve mon opinion*. А младенец-то с крылышками? Разве вы не видали? Я сначала подумала, что это кажется; но потом ясно, ясно, как живой...

Сахатов. Могу говорить только о том, что видел. Я не видал этого, не видал.

Толстая барыня. Ну как же! Совсем ясно было видно. А с левой стороны монах в черном одеянье, еще нагнулся к нему...

Сахатов (отходит). Какое преувеличение!

Толстая барыня (обращается к доктору). Вы должны были видеть. Он с вашей стороны поднимался.

Доктор, не слушая ее, продолжает считать пульс.

(Гросману.) И свет, свет от него, особенно вокруг личика. И выраженье такое кроткое, нежное, что-то вот этакое небесное! (Сама нежно улыбается.)

Гросман. Я видел свет фосфорический, предметы изменяли место, но более я ничего не видел.

Толстая барыня. Ну, полноте! Это вы так. Это оттого, что вы, ученые школы Шарко, не верите в загробную жизнь. А меня никто теперь, никто в мире не разуверит в будущей жизни.

Гросман уходит от нее.

Нет, нет, что ни говорите, а это одна из самых счастливых минут в моей жизни. Когда Саразате играл, и эта... Да! (Никто ее не слушает. Она подходит к Семену.) Ну, ты мне скажи, ты, дружок, что чувствовал? Очень тебе было тяжело?

Семен (смеется). Так точно.

Толстая барыня. Все-таки терпеть можно?

Семен. Так точно. (К Леониду Федоровичу.) Прикажете идти?

Леонид Федорович. Иди, иди.

¹ я остаюсь при своем мнении (франц.).

Доктор (к профессору). Пульс тот же, но температура понизилась.

Профессор. Понизилась? (Задумывается и вдруг догадывается.) Так и должно было быть, — должно было быть понижение! Двойная энергия, пересекаясь, должна была произвести нечто вроде интерференции. Да, да.

Леонид Федорович. Мне одно жалко, что полной материализации не было. Но все-таки... господа, милости просим в гостиную.

Толстая барыня. Особенно меня поразило, когда он взмахнул крылышками, и видно было, как он поднимается.

Гросман (Сахатову). Если бы держаться одного гипноза, можно бы произвести полную эпилепсию. Успех мог бы быть совершенный.

Сахатов. Интересно, но не вполне убедительно! — все, что могу сказать.

Говорят все вместе, уходя.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Леонид Федорович с бумагой. Входит Федор Иванович.

Леонид Федорович. Ну, Федор, какой сеанс был — удивительный! Оказывается, что землю-то надо уступить крестьянам на их условиях.

Федор Иванович. Вот как!

Леонид Федорович. Да как же? (Показывает бумагу.) Представь, бумага, которую я им отдал, оказалась на столе. Я подписал.

Федор Иванович. Как же она попала сюда?

Леонид Федорович. Да вот попала. (Уходит.)

Федор Иванович уходит за ним.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Таня одна, вылезает из-под дивана и смеется.

Таня. Батюшки мои! Голубчики! Набралась я страху, как он за нитку поймал. (Визжит.) Ну, да все-таки вышло, — подписал!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Таня и Григорий.

Григорий. Так это ты их дурачила?

Таня. А вам что?

Григорий. А что ж, думаешь, барыня за это похвалит? Нет, шалишь, теперь попалась. Расскажу твои плутни, коли по-моему не сделаешь.

Таня. И по-вашему не сделаю, и ничего вы мне не сделаете.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет декорацию первого действия,

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Два выездных лакея в ливреях. Федор Иванович и Григорий.

1-й лакей (с седыми бакенбардами). Нынче к вам к третьим. Спасибо, в одной стороне приемные дни. У вас прежде по четвергам было.

Федор Иванович. Затем переменили на субботу, чтобы заодно: у Головкиных, у Граде-фон-Грабе...

2-й лакей. У Щербаковых так-то хорошо, что как бал, так лакеям угощение.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Сверху сходят княгиня с княжной. Бетси провожает их. Княгиня глядит в книжечку, на часы и садится на ларь. Григорий надевает ей ботики.

Княжна. Нет, ты, пожалуйста, приезжай. А то ты откажешься, Додо откажется — ничего и не выйдет.

Бетси. Не знаю. К Шубиным надо непременно. Потом репетиция.

Княжна. Успеешь. Нет, ты пожалуйста. Ne vous fais pas faux bond¹. Федя будет и Коко.

Бетси. J'en ai par dessus la tête de votre Coco².

Княжна. Я думала, что я его здесь найду. Ordinairement il est d'une exactitude...³

Бетси. Он непременно будет.

Княжна. Когда я его вижу с тобой, мне кажется, что он только что сделал или вот сделает предложение.

Бетси. Да уж, вероятно, придется пройти через это. И так неприятно!

Княжна. Бедный Коко! Он так влюблен.

Бетси. Cessez, les gens⁴.

Княжна садится на диванчик, разговаривая шепотом. Григорий надевает ей ботики.

Княжна. Так до вечера.

Бетси. Постараюсь.

Княгиня. Так скажите папа, что я ничему не верю, но приеду посмотреть его нового медиума. Чтоб он дал знать. Прощайте, ma toute belle⁵. (*Целует и уходит с княжной.*)

Бетси уходит наверх.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Два лакея, Федор Иванович и Григорий.

Григорий. Не люблю старух обувать: не перегнется никак, от живота не видит, тычет мимо всё; то ли дело молоденькую — приятно и ножку в руки взять.

2-й лакей. Тоже разбирает!

1-й лакей. Нашему брату этого разбирать не полагается.

Григорий. Отчего ж не разбирать, разве мы не люди? Это они думают, что мы не понимаем; как

¹ Не обмани (*франц.*).

² Мне до смерти надоел ваш Коко (*франц.*).

³ Обычно он точен... (*франц.*).

⁴ Перестань, прислуга (*франц.*).

⁵ моя красавица (*франц.*).

сейчас разговорились, взглянули на меня, сейчас: ле жан.

2-й лакей. А это что ж?

Григорий. А это значит по-русски: не говори, поймут. За обедом то же; а я понимаю. Вы говорите: разница, — никакой нет.

1-й лакей. Разница большая, кто понимает.

Григорий. Разницы нет никакой. Нынче я лакей, а завтра, может, и не хуже их жить буду. И за лакеев замуж выходят, разве не бывало? Пойти покурить. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без Григория.

2-й лакей. А смелый этот у вас молодой человек.

Федор Иванович. Пустой малый, неспособен к службе; в конторщиках был, набаловался. Я и не советовал брать, да барыне понравился — виден для выезда.

1-й лакей. Я бы его к нашему графу, он бы его поставил в точку. Ох! не любит таких вертунов. Лакей, так будь лакей, звание свое оправдай; а эта гордость не пристала.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, сверху сбегает Петрищев и достает папироску. Навстречу ему входит Коко Клинген в *pinse-nez*.

Петрищев (*в задумчивости*). Да, да. Мое второе то же, что «ка». Кар-тож-ка. Мое всё... Да, да... А, Кокоша-Картоша! Откуда?

Коко Клинген. От Щербаковых. Ты вечно глупости...

Петрищев. Нет, ты слушай, шарада: мое первое то же, что «кин», мое второе то же, что «ка», а мое всё далеко гоняет телят.

Коко Клинген. Не знаю, не знаю. И некогда.

Петрищев. А куда тебе еще?

Коко Клинген. Как куда? К Ивиным, спевка, надо быть. Потом к Шубиным, потом на репетицию. Ведь и ты должен быть?

Петрищев. Как же, непременно. И на репетиции и на морковетиции. Ведь то я был дикий, а теперь я и дикий и генерал.

Коко Клинген. Ну, а сеанс вчерашний что?

Петрищев. Умора! Мужик был; но главное дело — всё в темноте. Вово младенцем пищал. Профессор объяснял, а Марья Васильевна разъясняла. Потеха! Жаль, что ты не был.

Коко Клинген. Боюсь, *mon cher*; ¹ ты как-то это умеешь шутками отделяваться, а мне всё кажется, что чуть скажу словечко, сейчас повернут так, что я сделал предложение. *Et ça ne m'arrange pas du tout, du tout. Mais du tout, du tout!* ²

Петрищев. А ты делай предложение с сказуемым, вот ничего и не будет. Так заходи к Вово, вместе поедем на редькотицию.

Коко Клинген. Не понимаю, как ты можешь водиться с таким дураком. Уж так глуп, вот уж истинно шалолай!

Петрищев. А я его люблю. Люблю Вово, но «странную любовью», «к нему не зарастет народная тропа»... *(Уходит в комнату Василья Леонидыча.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Два лакея, Федор Иваныч и Коко Клинген.

Бетси провожает даму. Коко значительно кланяется.

Бетси *(трясет ему руку, боком к даме)*. Вы не знакомы?

Дама. Нет.

Бетси. Барон Клинген. Что ж вы вчера не были?

Коко Клинген. Никак не мог, не успел.

¹ Мой дорогой *(франц.)*.

² А это мне нисколько не улыбается, нисколько, нисколько *(франц.)*

Бетси. Жаль, очень было интересно. (Смеется.)
Вы бы увидели, какие были manifestations¹. Ну что же,
наша шарада подвигается?

Коко Клинген. О да! Стихи на mon second² готовы, Ник сочинил, а я музыку.

Бетси. Как же, как? Скажите.

Коко Клинген. Позвольте, как?.. Да! Рыцарь поет Нанне. (Поет.)

Как прекрасна натура,
Льет на душу мне надежду...
Нанна, Нанна! на, на, на!

Дама. Это mon second на, а mon premier³ что же?

Коко Клинген. Mon premier — это Аре, — имя дикарки.

Бетси. Аре, это, видите, дикарка, которая хочет съесть предмет своей любви... (Хохочет.) Она ходит, тоскует и поет:

Ах, аппетит...

Коко (перебивая). Меня мутит...

Бетси (подхватывает).

Кого-то есть желаю.
Хожу, брожу...

Коко Клинген.

Не нахожу...

Бетси.

Кого жевать — не знаю...

Коко Клинген.

Вдали вот плот...

Бетси.

Сюда плывет;
На нем два генерала...

¹ проявления (франц.).

² мое второе (франц.).

³ мое первое (франц.).

Коко Клинген.

Мы два генерала,
Судьба нас связала,
На остров послала.

И опять refrain: ¹

Судьба нас связала,
На остров посла-а-ла.

Дама. Charmant! ²

Бетси. Вы поймите, как глупо!

Коко Клинген. В том-то и прелесть.

Дама. Кто же Аре?

Бетси. Я, я костюм сделала, а мама говорит: «Неприлично». А нисколько не неприличнее, чем на бале. (К Федору Ивановичу.) Что, здесь от Бурдые?

Федор Иванович. Здесь, на кухне сидит.

Дама. Ну, а арена как же?

Бетси. Да вы увидите. Не хочу вам портить удовольствия. Au revoir ³.

Дама. Прощайте! (Раскланиваются. Дама уходит.)

Бетси (к Коко Клингену). Пойдемте к тапан.

Бетси и Коко Клинген уходят наверх.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Федор Иванович, два лакея и Яков (выходит из буфета с подносом, чаем, печеньем; запыхавшись идет через переднюю).

Яков (лакеям). Мое почтение, мое почтение!

Лакеи кланяются.

(Федору Ивановичу.) Хоть бы вы приказали Григорью Михайлычу подсобить. Замучился на отделку... (Уходит.)

¹ припев (франц.).

² Прелестно! (франц.)

³ До свиданья (франц.).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т е ж е, без Якова.

1-й лакей. Старательный это у вас человек.

Федор Иванович. Хороший малый, да вот не нравится барыне, — не виден, говорит, из себя. А тут еще наклепали на него вчера, что он мужиков в кухню пустил. Как бы не разочли! А малый хороший.

2-й лакей. Каких мужиков?

Федор Иванович. Да пришли из нашей курской деревни землю покупать; дело ночное, да и земляки. Один буфетному мужику отец. Ну и провели их в кухню. А тут случись угадыванье мыслей; спрятали вещь в кухню, пришли все господа, увидала их барыня — беда! Как, говорит, люди, может быть, зараженные, а их в кухню!.. Очень она напугана заразой этой.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Т е ж е и Григорий.

Федор Иванович. Пойдите, Григорий, подсобите Якову Ивановичу, а я здесь побуду один. Один не поспевает.

Григорий. Неловок, оттого и не поспевает. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т е ж е, без Григория.

1-й лакей. И что это за новая мода пошла нынче — эти заразы!.. Так и ваша боится?

Федор Иванович. Пуще огня! У нас только заботы теперь, что окуривать, обмывать, обрызгивать.

1-й лакей. То-то я слышу дух такой тяжелый. (С оживлением.) Ни на что не похоже, какие грехи с этими заразами. Скверно совсем! Даже бога забыли. Вот у нашего барина сестры, княгини Мосоловой, дочка

умирала. Так что же? Ни отец, ни мать и в комнату не вошли, так и не простились. А дочка плакала, звала проститься, — не вошли! Доктор какую-то заразу нашел. А ведь ходили же за нею и горничная своя и сиделка — и ничего, обе живы остались.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев (выходят из двери с папиросками).

Петрищев. Да пойдем же, я только Кокошу-Картошу захвачу.

Василий Леонидыч. Болван твой Кокоша! Я тебе скажу, терпеть его не могу. Вот пустой-то малый, настоящий полотер! Ничем не занят, только шляется. А, что?..

Петрищев. Ну, так погоди, все-таки я прошусь.

Василий Леонидыч. Ну, хорошо, я пойду собак посмотрю, в кучерскую. Кобель один, так так зол, что кучер говорит, чуть не съел его. А, что?

Петрищев. Кто кого съел? Неужели кучер съел кобеля?

Василий Леонидыч. Ну, ты вечно... (Одевается и уходит.)

Петрищев (задумчиво.) Ма-кин-тож, кар-тожка... Да, да. (Идет наверх.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Два лакея, Федор Иванович и Яков (пробегают через сцену в начале и конце явления).

Федор Иванович (Якову). Чего еще?

Яков. Тартинок нет! Я говорил... (Уходит.)

2-й лакей. А вот еще у нас барчук заболел. Так сейчас свезли его в гостиницу с нянькой, так там без матери и помер.

1-й лакей. То-то греха не боятся! Я полагаю, что от бога никуда не уйдешь.

Федор Иванович. И я так думаю.

Яков бежит наверх с тартинками.

1-й лакей. И то возьмите во внимание, что ежели теперь так всех бояться, то надо запереться в четырех стенах, как в тюрьме ровно, да так и сидеть.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Т е ж е и Т а н я, потом Я к о в.

Т а н я (кланяется лакеям). Здравствуйте!

Лакеи кланяются.

Федор Иванович! мне вам два слова сказать.

Федор Иванович. Ну, что?

Т а н я. Да пришли, Федор Иванович, мужички опять...

Федор Иванович. Ну так что же? Бумагу-то ведь я Семену отдал...

Т а н я. Бумагу я им отдала. Уж как благодарят-то, и не знаю как. Теперь только просят деньги от них принять.

Федор Иванович. Да где они?

Т а н я. Тут, у крыльца стоят.

Федор Иванович. Ну что ж, я скажу.

Т а н я. Да еще просьба моя к вам, батюшка Федор Иванович.

Федор Иванович. Что еще?

Т а н я. Да что, Федор Иванович, мне уж оставаться нельзя здесь. Попросите, чтоб отпустили меня.

Яков вбегает.

Федор Иванович (Якову). Что ты?

Яков. Самовар другой да апельсины.

Федор Иванович. У экономки спроси.

Яков убегает.

Это что ж так?

Таня. Да ведь как же! Теперь мое дело такое.

Яков (*убегая*). Апельсинов мало.

Федор Иванович. Подай, что есть.

Яков убегает.

Не время ты выбрала: ведь видишь, суета...

Таня. Да ведь сами знаете, Федор Иванович, этой суете угомону не бывает, сколько ни жди, — вы сами знаете, — а ведь мое дело навек... Вы, батюшка Федор Иванович, как мне добро такое сделали, будьте отец родной, выберите времечко, скажите. А то рассердится, билет не даст.

Федор Иванович. Да что же тебе так загорелось?

Таня. Да как же, Федор Иванович, дело теперь сладилось... Я бы к маменьке, к крестной поехала, приготовилась бы. А на красную горку и свадьба. Скажите, батюшка Федор Иванович!

Федор Иванович. Ступай теперь — не место тут.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДАТОЕ

Сверху сходит барин (пожилой) и молча уходит со 2-м лакеем. Таня уходит. Федор Иванович, 1-й лакей и Яков (входит).

Яков. Что же, Федор Иванович, это обида живая! Теперь меня расчесть хочет. Ты, говорит, все колотишь, Фифку забыл и против моего приказанья мужиков в кухню пустил. А вы сами знаете: я ничего знать не знаю! Только сказала мне Татьяна: проведи в кухню, а я не знаю, по чьему приказу.

Федор Иванович. Что ж, разве она говорила?

Яков. Сейчас говорила. Уж вы заступитесь, Федор Иванович! А то семейство только стало поправляться, а тут сойдешь с места, когда-то опять попадешь. Федор Иванович, пожалуйста!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Федор Иванович, 1-й лакей и барыня провожают старую графиню с фальшивыми волосами и зубами. Графиню одевает 1-й лакей.

Барыня. Непременно, как же? Я так истинно тронута.

Графиня. Кабы не нездоровье, я бы чаще у вас бывала.

Барыня. Право, возьмите Петра Петровича. Он груб, но никто так не может успокоить; так просто, ясно у него все.

Графиня. Нет, уж я привыкла.

Барыня. Осторожнее.

Графиня. Merci, mille fois merci¹.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же и Григорий, растрепанный в волнении, выскакивает из буфета. За ним виден Семен.

Семен. А ты к ней не приставай.

Григорий. Я тебя, мерзавца, научу, как драться! Ах ты, негодяй!

Барыня. Что это такое? Что вы, в кабаке, что ли?

Григорий. Не могу жить от этого мужика грубого.

Барыня (с досадой). Вы с ума сошли, разве вы не видите? (К графине.) Merci, mille fois merci. А mardi².

Графиня и 1-й лакей уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Федор Иванович, барыня, Григорий и Семен.

Барыня (к Григорию). Что такое?

Григорий. Я хоть в должности лакея, но я имею свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать.

¹ Благодарствуйте, тысячу раз благодарствуйте (франц.).

² Благодарствуйте, тысячу раз благодарствуйте. До вторника (франц.).

Барыня. Да что такое случилось?

Григорий. Да вот Семен ваш набрался храбрости, что он с господами сидел. Драться лезет.

Барыня. Что такое? За что?

Григорий. А бог его знает.

Барыня (к Семену). Что это такое значит?

Семен. Что ж он к ней пристаёт?

Барыня. Да что у вас было?

Семен (улыбаясь). Да так, он Таню, горничную, все хватает, а она не хочет. Вот я его отстранил рукой... так, маленечко.

Григорий. Хорошо отстранил, чуть ребра не сломал. И фрак разорвал. Да ведь он что говорит: «На меня, говорит, по-вчерашнему, сила нашла», и начал давить.

Барыня (к Семену). Как ты смеешь драться в моем доме?

Федор Иванович. Позвольте доложить, Анна Павловна, надо вам сказать, что Семен имеет чувства к Тане, и как они теперь сосватаны, а Григорий — что ж, надо правду сказать — обращается нехорошо, неблагоприятно. Ну, вот Семен, я полагаю, и обиделся на него.

Григорий. Совсем нет; это из-за злобы, что я плутовство их все открыл.

Барыня. Какое плутовство?

Григорий. А в сеансе. Все вчерашние штуки не Семен, а Татьяна делала. Я сам видел, как она из-под дивана лезла.

Барыня. Что такое из-под дивана лезла?

Григорий. Честное слово могу дать. Она и бумагу принесла и кинула на стол. Кабы не она, бумагу не подписали бы и мужикам землю не продали бы.

Барыня. Вы сами видели?

Григорий. Своими глазами. Прикажете позвать ее, она не отопрется.

Барыня. Позовите ее.

Григорий уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же, без Григория. За сценой шум, голос швейцара: «Нельзя, нельзя!» Показывается швейцар, мимо него врываются три мужика. Впереди 2-й мужик, 3-й мужик спотыкается, падает и хватается за нос.

Швейцар. Нельзя, идите!

2-й мужик. Авось не беда. Разве мы за худым чем? — мы денежки отдать.

1-й мужик. Двистительно, как за подписью руки приложенья, дело в окончании, мы только денежки предоставить с нашей благодарностью.

Барыня. Погодите, погодите благодарить, все это был обман. Еще не кончено. Не продано еще. Леонид! Позовите Леонида Федоровича.

Швейцар уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Леонид Федорович выходит, но, увидав барыню и мужиков, хочет уйти назад.

Барыня. Нет, нет, пожалуйста сюда! Я говорила вам, что нельзя продавать землю в долг, и все вам говорили. А вас обманывают, как самого глупого человека.

Леонид Федорович. То есть в чем? Я не понимаю, какой обман.

Барыня. Стыдились бы вы! Вы седой, а вас, как мальчишку, обманывают и смеются над вами. Жалеете для сына какие-нибудь триста рублей для его общественного положения, а самих вас, как дурака, проводят на тысячи.

Леонид Федорович. Да ты, Annette, успокойся.

1-й мужик. Мы только в получении суммы, значит...

3-й мужик (достаёт деньги). Отпусти ты нас, ради Христа!

Барыня. Погодите, погодите.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Те же, Григорий и Тан

Барыня (*строго к Тане*). Ты была вчера вечером во время сеанса в маленькой гостиной?

Таня, вздыхая, оглядывается на Федора Ивановича, Леонида Федоровича и Семена.

Григорий. Да уж нечего вилять, когда я сам видел...

Барыня. Говори, была? Я знаю все, признавайся. Я тебе ничего не сделаю. Мне только хочется уличить вот его (*указывает на Леонида Федоровича*), барина... Ты кинула бумагу на стол?

Таня. Я не знаю, что и ствечать. Одно, что нельзя ли меня домой отпустить?

Барыня (*к Леониду Федоровичу*). Вот видите, вас дурачат.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Те же. Входит Бетси в начале явления и стоит незамеченная.

Таня. Отпустите меня, Анна Павловна!

Барыня. Нет, милая! Ты ведь, может быть, убытку сделала на несколько тысяч. Продали землю, которую не надо было продавать.

Таня. Отпустите меня, Анна Павловна.

Барыня. Нет, ты ответишь. Плутовать нельзя. К мировому судье подам.

Бетси (*выступая*). Отпустите ее, мама. А коли вы хотите ее судить, то и меня вместе с ней, — я с ней вместе вчера все делала.

Барыня. Ну, да уж когда ты, то, кроме самого гадкого, ничего и быть не могло.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Те же и профессор.

Профессор. Здравствуйте, Анна Павловна! Здравствуйте, барышня! А я вам несу, Леонид Федорович, отчет о тринадцатом съезде спиритуалистов в Чикаго. Удивительная речь Шмита.

Леонид Федорович. А, очень интересно!

Барыня. Я вам гораздо интереснее расскажу. Оказывается, что и вас и мужа дурачила эта девчонка. Бетси на себя говорит, но это чтоб дразнить меня; а дурачила вас безграмотная девчонка, а вы верите! Вчера никаких ваших медиумических явлений не было, а это она (указывая на Таню) все делала.

Профессор (раздеваясь). Как, то есть?

Барыня. Да так, что она в темноте и на гитаре играла, и мужа по голове била, и все глупости ваши делала, и сейчас призналась.

Профессор (улыбаясь). Так что же это доказывает?

Барыня. Доказывает, что ваш медиумизм — вздор! Вот что доказывает.

Профессор. Оттого, что эта девушка хотела обманывать, от этого медиумизм — вздор, как вы изволите выражаться? (Улыбаясь.) Странное заключение! Очень может быть, что девушка эта хотела обманывать: это часто бывает; может быть, она что-нибудь и делала, но то, что она делала, — делала она, то, что было проявлением медиумической энергии, — было проявлением медиумической энергии. Даже весьма вероятно, что то, что делала эта девушка, вызывало, солицитировало, так сказать, проявление медиумической энергии, давало ей определенную форму.

Барыня. Опять лекция!..

Профессор (строго). Вы говорите, Анна Павловна, что эта девушка, может быть, и эта милая барышня что-то делали; но свет, который мы все видели, а в первом случае понижение, а во втором — повышение температуры, а волнение и вибрирование Гросмана, — что же, это тоже делала эта девушка? А это факты, факты, Анна Павловна! Нет, Анна Павловна, есть вещи, которые надо исследовать и вполне понимать, чтобы говорить о них, — вещи слишком серьезные, слишком серьезные...

Леонид Федорович. А дитя, которое ясно видела Марья Васильевна! Да и я видел... Это не могла же сделать эта девушка.

Барыня. Вы думаете, что вы умны, а вы — дурак!

Леонид Федорович. Ну, я уйду. Алексей Владимирович, пойдите ко мне. (Уходит в кабинет.)

Профессор (пожимая плечами, идет за ним). Да, как еще мы далеки от Европы!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Барыня, три мужика, Федор Иванович, Таня, Бетси, Григорий, Семен и Яков (входит).

Барыня (вслед Леониду Федоровичу). Обманули его, как дурака, а он ничего не видит. (Якову.) Тебе что?

Яков. На много ли персон прикажете накрывать?

Барыня. На много ли?.. Федор Иванович! Принять от него серебро! Вон сейчас! От него всё. Этот человек меня в гроб сведет. Вчера чуть-чуть не заморил собачку, которая ничего ему не сделала. Мало ему этого, он же зараженных мужиков вчера в кухню завел, и опять они здесь. От него всё! Вон, сейчас вон! Расчет, расчет! (Семену.) А если ты себе вперед позволишь шуметь в моем доме, я тебя, скверного мужика, выучу!

2-й мужик. Да что же, коли он скверный мужик, так и держать его нечего, а давай расчет, вот и все.

Барыня (слушая его, взглядывается в 3-го мужика). Да смотрите: у этого сыпь на носу, сыпь! Он больной, он резервуар заразы!! Ведь я вчера говорила, чтобы их не пускать, и вот они опять тут. Гоните их вон!

Федор Иванович. Что же, не прикажете деньги принять?

Барыня. Деньги? Деньги возьми, но их, особенно этого больного, вон, сию минуту вон! Он совсем гнилой!

3-й мужик. Напрасно ты, мать, ей-богу, напрасно. У моей старухи, скажем, спроси. Какой я гнилой? Я, как стеклышко, скажем.

Барыня. Еще разговаривает?.. Вон, вон! Все на-
зло!.. Нет, я не могу, не могу! Пошлите за Петром
Петровичем. (*Убегает, всхлипывая.*)

Яков и Григорий уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без барыни, Якова и Григория.

Таня (*к Бетси*). Барышня, голубушка, как же мне
быть теперь?

Бетси. Ничего, ничего. Поезжай с ними, я устрою.
(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Федор Иванович, три мужика, Таня и швейцар.

1-й мужик. Как же, почтенный, получение суммы
теперича?

2-й мужик. Отпусти ты нас.

3-й мужик (*мнетя с деньгами*). Кабы знать, я ни
в жисть не взялся бы. Это засушит хуже лихой болести.

Федор Иванович (*швейцару*). Проводи их ко мне,
там и счета есть. Там и получу. Идите, идите.

Швейцар. Пойдемте, пойдемте.

Федор Иванович. Да благодарите Таню. Кабы
не она, быть бы вам без земли.

1-й мужик. Двистительно, как изделала предлог,
так и в действие произвела.

3-й мужик. Она нас людьми изделала; а то бы
что? земля малая, не то что скотину, — курицу, ска-
жем, и ту выпустить некуда. Прощевай, умница! При-
едешь на село, приходи мед есть.

2-й мужик. Дай домой приеду, свадьбу готовить
стану, пиво варить. Только приезжай.

Таня. Приеду, приеду! (*Визжит.*) Семен! то-то хо-
рошо-то!

Мужики уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Федор Иванович, Таня и Семен.

Федор Иванович. С богом. Ну, смотри, Таня, когда домком заживешь, я приеду к тебе погостить. Примешь?

Таня. Голубчик ты мой, как отца родного примем!
(Обнимает и целует его.)

Занавес

КОНЕЦ

И СВЕТ ВО ТЪМЕ СВЕТИТ.

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Николай Иванович Сарынцев.
Марья Ивановна Сарынцева, его жена.
Степа } сыновья их.
Ваня }
Люба } их дочери.
Мисси }
Катя }
Митрофан Ермилович, учитель Вани.
Гувернантка Сарынцевых.
Няня Сарынцевых.
Александра Ивановна Коховцева, сестра Марьи Ивановны.
Петр Семенович Коховцев, ее муж
Лизанька, их дочь.
Княгиня Черемшанова.
Борис, ее сын.
Тоня, ее дочь.
Девочка, ее дочь.
Василий Никанорович, молодой священник.
Александр Михайлович Старковский, жених Любы.
Отец Герасим, священник.
Нотариус.
Иван Зябрев, мужик.
- Малашка, его дочь, с малым.
Баба, его жена.
Ермил, мужик.
Другой мужик.
Севастьян, мужик.
Петр, мужик.
Баба, его жена.
Сотский.
Мужики с косами, бабы с граблями.
Сотляр.
Генерал.
Адъютант генерала.
Полковник.
Писарь полковой канцелярии.
Часовой.
Двое конвойных.
Жандармский офицер.
Писарь жандармского офицера.
Полковой священник.
Старший доктор отделения для душевнобольных в военном госпитале.
Младший доктор того же отделения.
Сторожа того же отделения.
Больной офицер.
Тапер.
Графиня.
Александр Петрович.
Лакеи Сарынцевых.
Студенты, дамы.
Танцующие пары.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет крытую террасу в деревне в богатом доме. Перед террасой цветники, lawn-tennis¹ и крокет-граунд. На крокете играют дети с гувернанткой. На террасе сидят: Марья Ивановна Сарынцева, сорока лет, красивая, элегантная. Ее сестра, Александра Ивановна Коховцева, сорока пяти лет, толстая, решительная и глупая, и ее муж, Петр Семенович Коховцев, в летнем платье, толстый, обрюзгший, в pince-nez². Сидят за накрытым столом; самовар и кофе. Пьют кофе, и Петр Семенович курит.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Ивановна, Александра Ивановна и Петр Семенович.

Александра Ивановна. Если бы ты мне была не сестра, а чужая, и Николай Иванович не твой муж, а знакомый, я бы находила, что это оригинально и очень мило, и, может быть, сама бы поддакивала ему. J'aurais trouvé tout ça très gentil³. Но когда я вижу, что твой муж дурит, прямо дурит, то я не могу не сказать тебе, что думаю. И ему скажу, твоему мужу. Je lui dirai son fait, au cher⁴ Николаю Ивановичу. Я никого не боюсь.

¹ лаун-теннис (англ.).

² пенсне (франц.).

³ Я бы находила это очень милым (франц.).

⁴ Я ему скажу всю правду, дорогому (франц.).

Марья Ивановна. Да я нисколько не обижаюсь. Разве я не вижу сама. Но только я не думаю, чтобы это было так важно.

Александра Ивановна. Да, ты не думаешь, а я тебе скажу, что если ты оставишь все так, то вы можете остаться нищими, *du train que cela va*¹.

Петр Семенович. Ну, уж нищими, с их состоянием.

Александра Ивановна. Да, нищими. Ты, мой милый, пожалуйста, не перебивай меня. Для тебя, что мужчины делают, то всегда хорошо...

Петр Семенович. Да я не знаю, я говорю...

Александра Ивановна. Да ты всегда не знаешь, что ты говоришь, потому что если ваша братья, мужчины, начнут дурить, *il n'y a pas de raison que ça finisse*². Я только говорю, что я на твоём месте не позволила бы этого. *J'aurais mis bon ordre à toutes ces lubies*³. Что ж это такое? Муж, глава семейства, и ничем не занимается, все бросил и все раздает *et fait le généreux à droite et à gauche*⁴. Я знаю, чем это кончается. *Nous en savons quelque chose*⁵.

Петр Семенович (к Марье Ивановне). Да растолкуйте мне, Marie, что такое это новое направление. Ну, либералы: земство, конституция, школы, читальни и *tout ce qui s'en suit*⁶, — это я понимаю. Ну, социалисты: *les grèves*⁷, восьмичасовой день, — я тоже понимаю. Ну, а это что же? Растолкуйте мне.

Марья Ивановна. Да ведь он вам вчера говорил.

Петр Семенович. Я, признаюсь, не понял. Евангелие, нагорная проповедь, церкви не надо... Да как же молиться и всё...

Марья Ивановна. Вот это-то и главное, что он все разрушает и ничего не ставит на место.

¹ Судя по тому, как идет дело (франц.).

² нет причины, чтобы это кончилось (франц.).

³ Я бы положила конец всем этим выдумкам (франц.).

⁴ и великодушичает направо и налево (франц.).

⁵ Мы знаем об этом немножко (франц.).

⁶ все то, что из этого следует (франц.).

⁷ стачки (франц.).

Петр Семенович. Как же это началось?

Марья Ивановна. Началось это прошлого года, со смерти его сестры. Он очень любил ее, и смерть эта очень повлияла на него. Он тогда стал очень мрачен, все говорил о смерти и сам заболел, как вы знаете. И вот тут, после тифа, он уже совсем переменялся.

Александра Ивановна. Ну, все-таки он весной еще приезжал в Москву к нам и был мил и в винт играл. Il était très gentil et comme tout le monde¹.

Марья Ивановна. Да, но уж он был совсем другой.

Петр Семенович. То есть что же именно?

Марья Ивановна. А совершенное равнодушие к семье и прямо *idée fixe*² — Евангелие. Он читал целыми днями, по ночам не спал, вставал, читал, делал заметки, выписки, потом стал ездить к архиереям, к старцам, все советоваться об. религии.

Александра Ивановна. И что ж, он говел?

Марья Ивановна. Перед этим он со времени женитьбы не говел, стало быть двадцать пять лет. А тут один раз говел в монастыре и тотчас же после говенья решил, что говеть не нужно, в церковь ходить не нужно.

Александра Ивановна. Я и говорю, что нет никакой последовательности.

Марья Ивановна. Да, месяц тому назад он ни одной службы не пропускал, все посты, а потом вдруг ничего этого не надо. Да вот с ним и поговори.

Александра Ивановна. И говорила и поговорию.

Петр Семенович. Да. Но это еще ничего...

Александра Ивановна. Да для тебя все ничего, потому что у мужчин нет никакой религии.

Петр Семенович. Да позволь мне сказать. Я говорю, что все-таки не в этом дело. Если он отвергает церковь, то к чему же тут Евангелие?

¹ Он был очень мил и как все (франц.).

² навязчивая идея (франц.).

Марья Ивановна. А то, что надо жить по Евангелию, по нагорной проповеди, все отдавать.

Александра Ивановна. Вечно крайности.

Петр Семенович. Да как же жить, если все отдавать?

Александра Ивановна. Ну, а где же он нашел в нагорной проповеди, что надо shake hands¹ с лакеями делать? Там сказано: блаженны кроткие, а об shake hands ничего нет.

Марья Ивановна. Да, разумеется, он увлекается, как всегда увлекался, как одно время увлекался музыкой, охотой, школами. Но мне-то не легче от этого.

Петр Семенович. Он зачем же поехал в город?

Марья Ивановна. Он мне не сказал, но я знаю, что он поехал по делу порубки у нас. Мужики срубили наш лес.

Петр Семенович. Это сажены ельник?

Марья Ивановна. Да, их присудили заплатить и в тюрьму, и нынче, он мне говорил, их дело на съезде, и я уверена, что он за этим поехал.

Александра Ивановна. Он этих простит, а они завтра приедут парк рубить.

Марья Ивановна. Да так и начинается. Все яблони обломали, зеленые поля все топчут; он все прощает.

Петр Семенович. Удивительно.

Александра Ивановна. От этого-то я и говорю, что этого нельзя так оставить. Ведь если это пойдет все так же, tout y passera². Я думаю, что ты обязана, как мать, prendre tes mesures³.

Марья Ивановна. Что ж я могу сделать?

Александра Ивановна. Как что? Остановить, объяснить, что так нельзя. У тебя дети. Какой же пример им?

¹ рукопожатие (англ.).

² он все промотает (франц.).

³ принять свои меры (франц.).

Марья Ивановна. Разумеется, тяжело, но я все терплю и надеюсь, что это пройдет, как прошли прежние увлечения.

Александра Ивановна. Да, но *aide-toi, et dieu t'aidera*¹. Надо ему дать почувствовать, что он не один и что так нельзя жить.

Марья Ивановна. Хуже всего то, что он не занимается больше детьми. И я должна все решать одна. А у меня, с одной стороны, грудной, а с другой — старшие, и девочки и мальчики, которые требуют надзора, руководства. И я во всем одна. Он прежде был такой нежный, заботливый отец. А теперь ему все равно. Я ему вчера говорю, что Ваня не учится и опять провалится; а он говорит, что гораздо лучше бы было, чтобы он совсем вышел из гимназии.

Петр Семенович. Но куда же?

Марья Ивановна. Никуда. Вот этим-то и ужасно, что все нехорошо, а что делать — он не говорит.

Петр Семенович. Это странно.

Александра Ивановна. Что же тут странного? Это самая ваша обыкновенная манера: все осуждать и самим ничего не делать.

Марья Ивановна. Теперь Степа кончил курс, должен избрать карьеру, а отец ничего не говорит ему. Он хотел поступить в канцелярию министра — Николай Иванович сказал, что это не нужно; он хотел в кавалергарды — Николай Иванович совсем не одобрил. Он спросил: что же мне делать? не пахать же. А Николай Иванович сказал: отчего же не пахать; гораздо лучше, чем в канцелярии. Ну, что же ему делать? Он приходит ко мне и меня спрашивает, а я все должна решать. А распоряжения все в его руках.

Александра Ивановна. Ну, и надо ему прямо все это сказать.

Марья Ивановна. Да, надо, я поговорю.

Александра Ивановна. И скажи прямо, что ты так не можешь, что ты исполняешь свои обязанности, и он должен исполнять свои, а нет — пускай передаст все тебе.

¹ помогай себе сам, и бог тебе поможет (франц.).

Марья Ивановна. Ах, это так неприятно.

Александра Ивановна. Я скажу ему, если хочешь. Je lui dirai son fait¹.

Входит молодой священник, сконфуженный и взволнованный, с книжкой, здоровается за руку со всеми.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и молодой священник.

Священник. Я к Николаю Ивановичу, так сказать, книжку принес.

Марья Ивановна. Он уехал в город. Он скоро будет.

Александра Ивановна. Какую ж это вы книжку брали?

Священник. А это господина Ренана, так сказать, сочинение «Жизнь Иисуса».

Петр Семенович. Вот как! Какие вы книжки читаете.

Священник (*в волнении закуривает папироску*). Николай Иванович, они мне дали прочесть.

Александра Ивановна (*презрительно*). Николай Иванович вам дал прочесть. Что же, вы согласны с Николаем Ивановичем и с господином Ренаном?

Священник. Конечно, не согласен. Если бы, так сказать, я был согласен, то не был бы, как говорится, служителем церкви.

Александра Ивановна. А если вы, как говорится, служитель церкви верный, то что же вы не убедите Николая Ивановича?

Священник. У каждого, можно сказать, свои мысли об этих предметах, и Николай Иванович много, можно сказать, справедливо утверждают, но в главном заблуждаются, насчет, можно сказать, церкви.

Александра Ивановна (*презрительно*). А что же много справедливого утверждают Николай Иванович? Что ж, справедливо то, что, по нагорной пропо-

¹ Я скажу ему всю правду (*франц.*).

веди, надо раздавать свое имение чужим, а семью пустить по миру?

Священник. Церковь освящает, что ли, так сказать, семью, и отцы церковные, благословляли, что ли, семью, но высшее совершенство требует, так сказать, отречения от земных благ.

Александра Ивановна. Да, подвижники так поступали, но простым смертным, я думаю, надо поступать просто, как подобает всякому доброму христианину.

Священник. Никто не может знать, к чему он призван.

Александра Ивановна. Ну, а вы, разумеется, женаты?

Священник. Как же.

Александра Ивановна. И дети есть

Священник. Двое.

Александра Ивановна. Так отчего же вы не отказываетесь от земных благ, а вот папироски курите.

Священник. По слабости своей, можно сказать, недостойнству.

Александра Ивановна. Да, я вижу, что, вместо того чтобы образумить Николая Ивановича, поддерживаете его. Нехорошо это. Я вам прямо скажу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и няня.

Няня (*входит*). Что же, вы и не слышите? Никулушка кричит. Пожалуйста кормить.

Марья Ивановна. Иду, иду. (*Встает и выходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без няни и Марьи Ивановны.

Александра Ивановна. А мне так ужасно жаль сестру. Я вижу, как она мучается. Не шутка вести дом. Семь человек детей, один грудной, а тут еще эти

какие-то выдумки. И мне прямо кажется, что тут неладно. (Показывает на голову.) Я вас спрашиваю: какую такую вы нашли новую религию?

Священник. Я не пойму, так сказать...

Александра Ивановна. Перестаньте, пожалуйста, со мной хитрить. Вы очень хорошо понимаете, что я спрашиваю.

Священник. Да позвольте...

Александра Ивановна. Я спрашиваю про то, какая такая есть вера, по которой выходит, что надо со всеми мужиками за ручку здороваться и давать им рубить лес и раздавать деньги на водку, а семью бросить?

Священник. Мне это неизв...

Александра Ивановна. Он говорит, что это христианство; вы священник православный, стало быть, должны знать и должны сказать, велит ли христианство поощрять воровство.

Священник. Да меня...

Александра Ивановна. А то на что же вы священник и волосы длинные носите и рясу?

Священник. Да нас, Александра Ивановна, не спрашивают...

Александра Ивановна. Как не спрашивают? Я спрашиваю. Он вчера мне говорит, что в Евангелии сказано: просящему дай. Так ведь это надо понимать в каком смысле?

Священник. Да я думаю, в простом смысле.

Александра Ивановна. А я думаю, не в простом смысле, а как нас учили, что всякому свое назначено богом.

Священник. Конечно. Однако...

Александра Ивановна. Да вот и видно, что и вы на его стороне, как мне и говорили. И это дурно, я прямо скажу. Если ему будет поддакивать учительница или какой-нибудь мальчишка, а вы в вашем сане должны помнить, какая лежит на вас ответственность.

Священник. Я стараюсь...

Александра Ивановна. Какая же это религия, когда он в церковь не ходит и не признает таин-

ства. А вы, вместо того чтобы образумить его, читаете с ним Ренана и толкуете по-своему Евангелие.

Священник (*в волнении*). Я не могу отвечать. Я, так сказать, поражен и замолкаю.

Александра Ивановна. Ох, кабы я была архиерей, я бы вас научила Ренана читать и папироски курить.

Петр Семенович. Mais cessez au nom du ciel. De quel droit? ¹

Александра Ивановна. Пожалуйста, меня не учи. Я уверена, что батюшка на меня не сердится. Что ж, я сказала все. Хуже бы было, если бы я зло держала. Правда?

Священник. Извините, если я не так выразался, извините.

Неловкое молчание. Священник идет к стороне и, раскрывая книгу, читает. Входят Люба с Лизанькой. Люба, 20-летняя красивая, энергичная девушка, дочь Марьи Ивановны, Лизанька, постарше ее, дочь Александры Ивановны. Обе с корзинами, повязанные платками, идут за грибами. Здравуются — одна с теткой и дядей, Лизанька с отцом и матерью — и со священником.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Люба и Лизанька.

Люба. А где мамà?

Александра Ивановна. Только что ушла кормить.

Петр Семенович. Ну, смотрите приносите больше. Нынче девочка принесла чудесные белые. И я бы пошел с вами, да жарко.

Лизанька. Пойдем, папà.

Александра Ивановна. Поди, поди, а то толстеешь.

Петр Семенович. Ну, пожалуй, только папиросы взять. (*Уходит.*)

¹ Но перестаньте, бога ради. По какому праву? (*франц.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, без Петра Семеновича.

Александра Ивановна. Где же вся молодежь?

Люба. Степа уехал на велосипеде на станцию, Митрофан Ермилыч с papà уехал в город, мелкота в крокет играют, а Ваня тут, на крыльце, что-то с собаками возится.

Александра Ивановна. Что ж, Степа решил что-нибудь?

Люба. Да, он повез сам прошение в вольноопределяющиеся. Вчера он препротивно нагрубил papà.

Александра Ивановна. Ну, да ведь и ему трудно. Il n'a pas de patience qui tienne¹. Малому надо начинать жить, а ему говорят: ступай пахать.

Люба. Papà не сказал ему так. Он сказал...

Александра Ивановна. Ну, все равно. Только Степе надо начинать жить, и что он ни задумает, все нехорошо. Да вот он и сам.

Степа въезжает на велосипеде.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Степа.

Александра Ивановна. Quand on parle du soleil, on en voit les rayons². Только что об тебе говорили. Люба говорит, ты нехорошо поговорил с отцом.

Степа. Нисколько. Ничего особенного не было. Он мне сказал свое мнение, а я сказал свое. Я не виноват, что наши убеждения не сходятся. Люба ведь ничего не понимает и обо всем судит.

Александра Ивановна. Ну и что же решили?

Степа. Я не знаю, что papà решил; я боюсь, что он сам хорошенько не знает, но про себя я решил, что поступаю в кавалергарды вольноопределяющимся. Это

¹ Всякое терпение лопнет (франц.).

² Когда говорят о солнце, видят лучи от него (франц.).

у нас изо всего делают какие-то особенные затруднения. А все это очень просто. Я кончил курс, мне надо отбывать повинность. Отбывать ее с пьяными и грубыми офицерами в армии неприятно, и потому я поступаю в гвардию, где у меня приятели.

Александра Ивановна. Да, но папà почему не соглашался?

Степа. Папà? Да что же про него говорить. Он теперь под влиянием своей *idée fixe* ничего не видит, кроме того, что ему хочется видеть. Он говорит, что военная служба есть самая подлая служба и что поэтому надо не служить; а потому он мне денег не даст.

Лизанька. Нет, Степа, он не так сказал, я ведь была тут. Он сказал, что если нельзя не служить, то надо идти по набору, а что идти вольноопределяющимся значит самому избирать эту службу.

Степа. Да ведь я буду служить, а не он. Он служил же.

Лизанька. Да, но он говорит, что он не то что не даст денег, а не может участвовать в деле, противном его убеждениям.

Степа. Никаких тут нет убеждений, а надо служить, вот и все.

Лизанька. Я только сказала, что я слышала.

Степа. Я знаю, ты во всем согласна с папà. Тетя, вы знаете, Лиза совсем во всем на стороне папà.

Лизанька. Что справедливо...

Александра Ивановна. Да уж это я знаю, что Лиза всегда на стороне всякой глупости. Она чует, где глупость. *Elle flaire cela de loin*¹.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Ваня.

Вбегает Ваня в красной рубахе, с собаками, с телеграммой.

Ваня (к Любе). Угадай, кто приезжает?

Люба. Нечего угадывать кто. Давай телеграмму. (Тянется. Ваня не дает.)

¹ Она нюхом чует это (франц.).

Ваня. Не дам и не скажу. Тот, от кого ты покраснеешь.

Люба. Глупости! От кого телеграмма?

Ваня. Вот и покраснела, покраснела. Тетя Алина, правда, покраснела?

Люба. Какие глупости! От кого? Тетя Алина, от кого?

Александра Ивановна. Черемшановы.

Люба. А-а!

Ваня. То-то! — А! А отчего краснеешь?

Люба. Тетя, покажите телеграмму. (*Читает.*) «Будем с почтовым троём. Черемшановы». Значит, княгиня, Борис и Тоня. Ну что ж, я очень рада.

Ваня. То-то очень рада! Степа, смотри, как покраснела.

Степа. Ну полно приставать, все одно и то же.

Ваня. Да, оттого, что и ты за Тоней приударяешь. Так уж вы киньте жребий, а то нельзя брату на сестре, а сестре за брата.

Степа. Полно врать. Лучше не трогай. Сколько раз тебе говорили.

Лизанька. Да если с почтовым, так они сейчас придут.

Люба. И то правда. Так мы не пойдем.

Входит Петр Семенович с папиросами,

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Петр Семенович.

Люба. Дядя Петя, так мы не пойдем.

Петр Семенович. А что?

Люба. Черемшановы сейчас приезжают. Лучше сыграем пока один сет в теннис. Степа, будешь?

Степа. Пожалуй.

Люба. Я с Ваней против тебя с Лизанькой. Согласны? Так я пойду шары возьму и ребят приведу. (*Уходит.*)

Т е ж е, без Любы.

Петр Семенович. Ну, вот и остался.

Священник (*хочет уходить*). Мое почтение!

Александра Ивановна. Нет, подождите, батюшка, мне хочется поговорить с вами. Да и Николай Иванович подъедет.

Священник (*садится и опять закуривает*). Может быть, долго?

Александра Ивановна. Да вот кто-то подъехал. Должно быть, он.

Петр Семенович. Какая же это Черемшанова? Неужели урожденная Голицына?

Александра Ивановна. Ну да. Та самая Черемшанова, которая жила в Риме с теткой.

Петр Семенович. Вот рад буду увидеть. Не виделись с Рима, когда она пела со мной дуэты. Премило пела. Ведь у нее двое детей, кажется?

Александра Ивановна. Да она с ними и приезжает.

Петр Семенович. Я не знал, что они так близки с Сарынцевыми.

Александра Ивановна. Не близки, а они жили вместе прошлого года за границей. И мне кажется, что *la princesse a des vues sur Louba pour son fils. C'est une fine mouche, elle flaire une jolie dot*¹.

Петр Семенович. Да ведь Черемшановы сами были богаты.

Александра Ивановна. Были. Князь жив, но промотал все и спился с кругу. Она подавала на высочайшее имя и спасла кое-какие крохи и оставила его. Но зато прекрасно воспитала детей. *Il faut lui rendre cette justice*². Дочь прекрасная музыкантша, а сын кончил университет и очень мил. Только Маша, я думаю, не очень рада. Некстати теперь ей гости. А вот и Nicolas.

Входит Николай Иванович.

¹ княгиня подумывает о Любе для своего сына. Она себе на уме; она чует большое приданое (*франц.*).

² Надо ей отдать справедливость (*франц.*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Николай Иванович.

Николай Иванович. Здравствуй, Алина, Петр Семенович. А (к священнику), Василий Никанорович! (Здоровается.)

Александра Ивановна. Кофе есть еще. Налить? Немного холоден, но можно подогреть. (Звонит.)

Николай Иванович. Нет, благодарствуй. Я поел. А где Маша?

Александра Ивановна. Кормит.

Николай Иванович. И здорова?

Александра Ивановна. Ничего. Что ж, ты сделал свои дела?

Николай Иванович. Сделал, да. Впрочем, если есть чай или кофей, дай. (К священнику.) А, принесли книгу. Прочли? А я всю дорогу об вас думал.

Входит лакей, здоровается. Николай Иванович подает ему руку. Александра Ивановна пожимает плечами и переглядывается с мужем.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и лакей.

Александра Ивановна. Подогрейте, пожалуйста, самовар.

Николай Иванович. Не надо, Алина. Я не хочу, а если захочу, то и так выпью.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Те же и Мисси.

Мисси (увидев отца, прибегает с крокета и вешается ему на шею). Папа, пойдём со мной.

Николай Иванович (лаская ее). Сейчас, сейчас, дай поем. Иди играй, я приду.

Т е ж е, без Мисси.

Александра Ивановна. Что же, на съезде обвинили крестьян?

Николай Иванович садится за стол, жадно пьет чай и ест.

Что же, обвинили?

Николай Иванович. Да, обвинили, да они и сами признались. *(К священнику.)* Я думал, что Ренан для вас малоубедителен...

Александра Ивановна. Но ты не согласился с решением?

Николай Иванович *(досадливо)*. Разумеется, не согласился. *(К священнику.)* Вопрос для вас ведь не в божественности Христа и не в истории христианства, а в церкви...

Александра Ивановна. То есть как же: они признались, et vous leur avez donné un démenti¹. Они не украли, а взяли.

Николай Иванович *(начинает говорить священнику, но решительно оборачивается к Александре Ивановне)*. Алина, голубушка, не преследуй меня шпильками и намеками.

Александра Ивановна. Да я нисколько...

Николай Иванович. А если хочешь серьезно знать, почему я не могу судиться с крестьянами за срубленный ими и нужный им лес...

Александра Ивановна. Я думаю, им и самовар этот нужен...

Николай Иванович. Так если ты хочешь, чтобы я тебе сказал, почему я не могу допустить, чтобы эти люди сидели в тюрьме и были разорены из-за того, что они срубили десять деревьев в лесу, который считается моим...

¹ а ты опроверг их показания *(франц.)*.

Александра Ивановна. Считается всеми.

Петр Семенович. Ну, опять споры. Пойду лучше с собаками в сад. (Сходит с террасы.)

Николай Иванович. Даже если бы и считать, чего я никак не могу, что этот лес мой, то у нас девятьсот десятин леса, на десятине около пятисот деревьев, стало быть четыреста пятьдесят тысяч (так кажется?) деревьев. Они срубили десять, то есть одну сорокапятитысячную часть, — ну стоит ли, можно ли из-за этого оторвать человека от семьи и посадить в острог?

Степа. Да, но если не взыскивать за эту одну сорокапятитысячную, то очень скоро все 44999/45000 будут тоже срублены.

Николай Иванович. Да это я только для тети сказал, а, в сущности, я никакого права не имею на этот лес — земля принадлежит всем, то есть не может принадлежать никому. А труда мы на эту землю не положили никакого.

Степа. Нет, ты сделал сбережения, караулил.

Николай Иванович. Каким путем я приобрел эти сбережения? И караулил лес я не сам... Ну, да этого нельзя доказать, если человек не чувствует стыда за то, что он прибьет другого.

Степа. Да никто не бьет.

Николай Иванович. Точно так же, если не чувствует стыда, что он, не трудясь, пользуется чужим трудом, то доказывать этого нельзя, и вся та политическая экономия, которую ты учил в университете, только затем и нужна, чтобы оправдать то положение, в котором мы себя находим.

Степа. Напротив, наука разрушает всякие предвзятые мысли.

Николай Иванович. Ну, впрочем, это для меня неважно. Для меня важно то, что я знаю, что, если бы я был на месте Ефима, я бы сделал то же самое, что он, а сделав это, был бы в отчаянии, если бы меня сажали в тюрьму, а потому — так как я хочу поступать с другими так, как желал бы, чтобы поступали со мной, — то я не могу его обвинять и делаю, что могу, чтобы его избавить.

Петр Семенович. Но если так, то нельзя ничем владеть.

Александра Ивановна. Тогда гораздо выгоднее воровать, чем работать.

Степа. Ты всегда не отвечаешь на доводы. Я говорю, что тот, кто сделал сбережение, имеет право им пользоваться.

Николай Иванович (улыбаясь). Ну, уж я не знаю, кому отвечать. (К Петру Семеновичу.) И нельзя ничем владеть.

Александра Ивановна. А если нельзя ничем владеть, нельзя иметь ни одежды, ни куска хлеба, а надо все отдать, то нельзя жить.

Николай Иванович. И нельзя жить так, как мы живем.

Степа. То есть надо умереть. Стало быть, учение это для жизни не годится.

Николай Иванович. Нет, оно дано только для жизни. Да, надо все отдать. Да не то что отдать лес, которым мы не пользуемся и никогда не видали, но надо отдать, да, и свою одежду, и свой хлеб.

Александра Ивановна. И детский?

Николай Иванович. Да, и детский, и не только хлеб, но самого себя отдать. В этом все учение Христа. Надо все силы употреблять, чтобы отдать себя.

Степа. Значит, умереть...

Николай Иванович. Да, если ты умрешь за други свои, то это будет прекрасно и для тебя и для других, но в том-то и дело, что человек не один дух, а дух во плоти. И плоть тянет жить для себя, а дух просвещения тянет жить для бога, для других, и жизнь идет у всех не животная, по равнодействующей, и чем ближе к жизни для бога, тем лучше. И потому, чем больше мы будем стараться жить для бога, тем лучше, а жизнь животная уже сама за себя постарается.

Степа. Зачем же середину, равнодействующую; если хорошо жить так, то надо все отдать и умереть.

Николай Иванович. И будет прекрасно. Постарайся сделать это, и будет хорошо и тебе и другим.

Александра Ивановна. Нет, это неясно, не просто. *C'est tiré par les cheveux*¹.

Николай Иванович. Ну, что же делать. Этого нельзя словами растолковать. Ну, впрочем, довольно.

Степа. Действительно, довольно, и я не понимаю. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же, без Степы.

Николай Иванович (обращается к священнику). Так какое же впечатление произвела на вас книга?

Священник (в волнении). Как сказать: ну, историческая сторона разработана достаточно, но убедительности, достоверности, что ли, полной нет, потому что материалов, что ли, слишком недостаточно. Ни божественность, ни небожественность, что ли, Христа нельзя доказать исторически; есть одно доказательство непрекаемое...

Во время разговора сначала дамы, а потом Петр Семенович уходят, и остаются один священник с Николаем Ивановичем.

Николай Иванович. То есть церковь.

Священник. Ну, само собою, церковь, свидетельство, что ли, лиц, ну, достоверных, святых, что ли.

Николай Иванович. Понятно, что это было бы прекрасно, если бы существовал такой орден непогрешимый, которому мы могли бы верить, желательно, чтобы был такой. Но то, что это желательно, не доказывает того, что он есть.

Священник. Я полагаю, именно доказывает это самое. Не мог господь, ну, предоставить, что ли, свой закон возможности искажений, перетолкований, а должен был основать такую, ну, блюстительницу, что ли, своих истин, при которой истины эти не могут уж подвергнуться искажениям.

Николай Иванович. Да, хорошо. Но ведь то

¹ Это притянута за волосы (франц.).

вам надо было доказать самые истины, а теперь надо доказывать истинность хранильницы истины.

Священник. Тут надо, ну, верить, что ли.

Николай Иванович. Верить — надо верить, без веры нельзя, но не верить в то, что мне скажут другие, а в то, к вере во что вы приведены сами ходом своей мысли, своим разумом... Вера в бога, в истинную вечную жизнь.

Священник. Разум может обмануть, у каждого свой разум.

Николай Иванович (горячо). Вот это-то ужасное кощунство. Богом дано нам одно священное орудие для познания истины, одно, что может всех нас соединить воедино. А мы ему-то не верим.

Священник. Да как же верить, когда, ну, разногласия, что ли.

Николай Иванович. Где же разногласия: то, что дважды два четыре, и что другому не надо делать, чего себе не хочешь, и что всему есть причина и тому подобные истины, мы признаем все, потому что все они согласны с нашим разумом. А вот то, что бог открылся на горе Синае Моисею, или что Будда улетел на солнечном луче, или что Магомет летал на небо, и Христос улетел туда же, в этих и тому подобных делах мы все врозь.

Священник. Нет, мы не врозь все, кто в истине; мы все соединены в одну веру в бога, Христа.

Николай Иванович. Да и тут даже не соединены, а все разошлись. А потом, почему я буду верить вам больше, чем ламе буддийскому. Только оттого, что я родился в вашей вере?

Опять спор между играющими.

— Аут.

— Нет, не аут.

Ваня. Я видел.

Во время разговора лакеи устанавливают стол, опять чай, кофе.

Николай Иванович. Вы говорите: церковь дает единение. Напротив, самое ужасное разъединение всегда было от церкви. «Сколько раз хотел я собрать вас, как насадка цыплят...»

Священник. Это было до Христа, а Христос и собрал.

Николай Иванович. Христос-то собрал, да мы разъединили, потому что навыворот поняли его. Он разрушал всякие церкви.

Священник. А как же: «скажи церкви?»

Николай Иванович. Не в словах дело, — да слова эти ничего и не говорят о церкви, — но дело в духе учения. Учение Христа всемирное и включает в себя все верования и не допускает ничего исключительного: ни воскресенья, ни божественности Христа, ни таинств, ничего такого, что разделяет.

Священник. Да тогда это — ну, ваше, что ли, толкование Христова учения, а Христово учение все основано на его божественности и воскресении.

Николай Иванович. Вот этим-то и ужасны церкви. Они разделяют тем, что они утверждают, что они в обладании полной, несомненной, непогрешимой истины. «Изволися нам и святому духу». Это началось еще с первого собора апостолов. С этого времени начали утверждать, что они находятся в обладании полной и исключительной истины. Ведь если я скажу, что есть бог, начало мира, со мной согласятся все; и это признание бога соединит нас; но если я скажу, что есть бог Брама, или еврейский, или троица, то такое божество разъединит. Люди хотят соединиться и для этого придумывают средства соединения, а пренебрегают одним несомненным средством соединения — стремлением к истине. Вроде того как если бы люди в огромном здании, где свет падает сверху в середине, старались соединяться по углам кучками, вместо того чтобы всем идти к свету. Тогда, не думая о соединении, все бы соединились.

Священник. Но как же руководить народом, не имея, ну, определенной, что ли, истины?

Николай Иванович. Вот в этом-то и ужас. Нам, каждому, надо спасти душу, делать самому дело божие, а мы озабочены о том, чтобы спасти, учить людей. И чему же мы учим? Ведь это ужасно подумать. Учим теперь, в конце девятнадцатого столетия, тому, что бог сотворил мир в шесть дней, потом сделал потоп, посадил туда всех зверей, и все глупости, гадости Вет-

хого завета, и потом тому, что Христос велел всех крестить водой, или верить в нелепость и мерзость искупления, без чего нельзя спастись, и потом улетел на небо и сел там, на небе, которого нет, одесную отца. Мы привыкли к этому, но ведь это ужасно. Ребенок, свежий, открытый к добру и истине, спрашивает, что такое мир, какой его закон, и мы, вместо того чтобы открыть ему переданное нам простое учение любви и истины, старательно начинаем ему вбивать в голову всевозможные ужасающие нелепости и мерзости, приписывая их богу. Ведь это ужас. Ведь это такое преступление, хуже которого нет в мире. И мы, и вы с вашей церковью совершаете это. Простите меня.

Священник. Да, если смотреть так, ну, рационалистически, что ли, на учение Христа, то это так.

Николай Иванович. Как ни смотреть, все то же будет.

Молчание. Входит Александра Иваковна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же и Александра Ивановна.

Священник откланивается.

Александра Ивановна. Прощайте, батюшка, собьет он вас с толку, не слушайте его.

Священник. Нет, испытайте писание. Дело слишком важное, чтобы, ну, пренебрегать, что ли. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же, без священника.

Александра Ивановна. Право, ты, Nicolas, его не жалеешь. Хоть он и священник, а ведь он еще мальчик, не может иметь твердых убеждений, не утвердился...

Николай Иванович. Дать ему время утвердиться, загрузить в обмане. Нет, зачем же. Да и он хороший, искренний человек.

Александра Ивановна. Но что же бы с ним было, если бы он поверил тебе?

Николай Иванович. Мне верить нечего, а если бы он увидел истину, это было бы хорошо, и для него и для всех хорошо.

Александра Ивановна. Да если бы это было хорошо, то все бы тебе поверили, а теперь, напротив, никто тебе не верит, и жена твоя меньше всех. И не может поверить.

Николай Иванович. Кто же тебе сказал?

Александра Ивановна. Да вот ты растолкуй ей это. Она никогда не поймет, да и я не пойму, и никто в мире не поймет, чтобы надо было заботиться о чужих людях, а своих детей бросить. Вот это ты Маше растолкуй.

Николай Иванович. И Маша непременно поймет. И — прости меня, Алина, но если бы не было чужих влияний, на которые она очень склонна поддаваться, она бы поняла меня и шла бы со мной вместе.

Александра Ивановна. В том, чтобы обездолить своих детей в пользу пьяного Ефима et compagnie? Никогда. А то, что ты на меня сердисься, то, ты меня извини, я не могу не сказать.

Николай Иванович. Я не сержусь. Напротив, даже я очень рад, что ты сказала все свое и дала мне случай, вызвала меня на то, чтобы самому высказать ей весь мой взгляд. Я дорогой нынче думал об этом и сейчас скажу ей, и увидишь, что она согласится, потому что она умна и добра.

Александра Ивановна. Ну, в этом позволь усумниться.

Николай Иванович. Нет, я не сомневаюсь. Ведь это не какая-нибудь моя выдумка, а это только то, что мы все знали и что Христос открыл нам.

Александра Ивановна. Да, по-твоему, Христос это открыл, а по-моему — другое.

Николай Иванович. Не может быть другого.

Крик между играющими.

Люба. Out (аут).

Ваня. Нет, мы не видали.

Лизанька. Я видела, вот куда упал.

Люба. Аут, аут, аут.

Ваня. Неправда.

Люба. Во-первых, неучтиво говорить «неправда».

Ваня. А по-моему, неучтиво говорить неправду.

Николай Иванович. Да ты постой, ты не спорь, а выслушай.

Александра Ивановна. Ну, слушаю.

Николай Иванович. Ведь правда, что мы все каждую минуту можем умереть и уйти или в ничто, или к богу, который требует от нас жизни по его воле?

Александра Ивановна. Ну?

Николай Иванович. Ну, что же я могу делать в этой жизни иного, как только то, чего требует от меня высший судья в моей душе, совесть, бог. И совесть, бог требует, чтоб я считал всех равными, всех любил, всем служил.

Александра Ивановна. И своим детям.

Николай Иванович. Разумеется, и своим, но чтобы я делал все, что велит совесть. Главное — то, чтобы понять, что жизнь моя принадлежит не мне и твоя — не тебе, а богу, который послал нас и который требует от нас, чтобы мы делали его волю. А воля его...

Александра Ивановна. И ты в этом убедишь Машу?

Николай Иванович. Непременно.

Александра Ивановна. И она перестанет воспитывать детей, как надобно, а бросит их... Никогда!

Николай Иванович. Не только она поймет, — ты поймешь, что больше делать нечего.

Александра Ивановна. Никогда!

Входит Марья Ивановна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Марья Ивановна.

Николай Иванович. Ну, что, Маша? Я не разбудил тебя нынче утром?

Марья Ивановна. Нет, я не спала. Что же, ты хорошо съездил?

Николай Иванович. Да, очень хорошо.

Марья Ивановна. Что же ты пьешь холодное все? Кстати, надо приготовить гостям. Ты знаешь, приезжает Черемшанова с сыном и дочерью.

Николай Иванович. Ну что ж, если они тебе приятны, я очень рад.

Марья Ивановна. Я люблю ее и молодых людей. Только немножко не вовремя.

Александра Ивановна (*встает*). Вот и поговори с ним, а я пойду посмотрю их игру. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же, без Александры Ивановны.

Молчание, после которого Николай Иванович и Марья Ивановна начинают говорить вместе.

Марья Ивановна. Некстати, потому что нам надо поговорить.

Николай Иванович. Я сейчас говорил Алине...

Марья Ивановна. Что?

Николай Иванович. Нет, говори ты.

Марья Ивановна. Да я хотела про Степу говорить. Ведь надо решить что-нибудь. Он, бедный, томится, не знает, что с ним будет. Он приходит ко мне, а не могу же я решить.

Николай Иванович. Да что же решить. Он сам может решать.

Марья Ивановна. Да ведь ты знаешь, что он хочет поступить вольноопределяющимся в гвардию, и для этого ему надо от тебя свидетельство, и нужно ему содержать себя, а ты не даешь ему. (*Волнуется.*)

Николай Иванович. Маша, ради бога, не волнуйся, а выслушай меня. Я ничего ни даю, ни не даю. Поступать в военную службу охотой я считаю или глупым, безумным поступком, свойственным дикому человеку, если он не понимает всей гнусности этого дела, или подлым, если это делается для расчета...

Марья Ивановна. Да ведь теперь для тебя все дикое и глупое. Ведь ему надо жить. Ты жил.

Николай Иванович (*горячась*). Я жил, когда не понимал, когда никто не сказал мне, но дело не во мне. А в нем.

Марья Ивановна. Как не в тебе, ты не даешь ему денег.

Николай Иванович. Я не могу дать то, что мне не принадлежит.

Марья Ивановна. Как не принадлежит?

Николай Иванович. Не принадлежат мне труды других людей. Деньги, которые я дам ему, я должен взять с других. Я не имею права, не могу. Пока я распорядитель имения, я не могу распоряжаться им иначе, как мне велит моя совесть. Не могу я дать труды из последних сил работающих крестьян на лейб-гусарские кутежи. Возьмите у меня имение, и тогда я не буду ответствен.

Марья Ивановна. Да ты знаешь, что я этого не хочу, да и не могу. Я должна и воспитывать, и кормить, и рожать. Это жестоко...

Николай Иванович. Маша, голубушка! Ведь все дело не в том. Когда ты начала говорить, я тоже начал и хотел поговорить с тобой совсем по душе. Ведь нельзя же так. Мы живем вместе и не понимаем друг друга. Иногда как будто нарочно не понимаем друг друга.

Марья Ивановна. Я хочу понять, но не понимаю, не понимаю тебя. Не понимаю, что с тобой случилось.

Николай Иванович. Ну вот и пойми. Хоть не время теперь. Да бог знает, когда будет время. Ты пойми не столько меня, но себя, свою жизнь пойми. Ведь нельзя жить так, не зная, зачем мы живем.

Марья Ивановна. Жили же мы так, и очень хорошо жили. (*Замечает выражение досады.*) Ну, хорошо, ну, я слушаю.

Николай Иванович. Я и жил так, так, то есть не думая о том, зачем я живу, но пришло время, и я ужаснулся. Ну, хорошо, живем мы чужими трудами, заставляя других на себя работать, рождая детей и воспитывая их для того же. Ну, придет старость, смерть, и я спрошу себя: зачем я жил? Чтоб расплодить таких же паразитов, как я? Да и главное, не весела эта жизнь.

Ведь это еще сносно, пока, как у Вани, из тебя брызжет энергия жизни.

Марья Ивановна. Да ведь все живут так.

Николай Иванович. И все несчастны.

Марья Ивановна. Да нисколько.

Николай Иванович. Я по крайней мере увидел, что я несчастен ужасно и делаю несчастье твое и детей, и спросил себя: неужели так для этого нас сотворил бог? И как только я подумал об этом, я сейчас же почувствовал, что нет. Спросил себя: для чего же нас сотворил бог?

Входит лакей.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Те же, и лакей.

Марья Ивановна (*не слушает мужа и обращается к лакею*). Сливки кипяченых принесите.

Николай Иванович. И в Евангелии я нашел ответ, что живем мы никак не для себя. Открылось это мне ясно, когда я раз стал думать над притчей о виноградарях. Знаешь?

Марья Ивановна. Знаю, да, работники.

Николай Иванович. Эта притча почему-то мне яснее всего показала, в чем была моя ошибка. Я думал, как те виноградари, что сад их собственность, что моя жизнь — моя, и все было ужасно; но только что я понял, что жизнь моя — не моя, но что я послан в мир, чтоб делать дело божье.

Марья Ивановна. Да что ж, это мы все знали.

Николай Иванович. Ну, если знали, так не можем же мы продолжать жить, как мы живем, когда вся жизнь наша не только не есть исполнение воли его, а, напротив, беспрестанное нарушение ее.

Марья Ивановна. Да чем же она нарушает, когда мы живем, не делая никому зла?

Николай Иванович. Как не делаем никому зла? Вот это-то и есть понимание жизни, как те виноградари. Ведь мы...

Марья Ивановна. Да я знаю притчу. Ну, что он всем дал поровну.

Николай Иванович (*после молчания.*) Нет, это не то. Но одно, Маша, подумай о том, что жизнь только одна и что мы можем или прожить ее свято, или погубить ее.

Марья Ивановна. Я не могу думать и рассуждать. Я ночи не сплю, я кормлю, я весь дом веду, и вместо того чтобы мне помочь, ты мне говоришь то, чего я не понимаю.

Николай Иванович. Маша!

Марья Ивановна. Вот теперь еще эти гости.

Николай Иванович. Нет, мы договоримся. (*Целует ее.*) Да?

Марья Ивановна. Да, только ты будь такой, как прежде.

Николай Иванович. Я не могу, но ты послушай.

Слышен звук бубенчиков и подъезжающего экипажа.

Марья Ивановна. Теперь некогда, приехали. Я пойду к ним. (*Уходит за угол дома. Туда же идут Степа, Люба.*)

Ваня (*перепрыгивает через скамейку*). Я не бросаю. Мы доиграем. Люба! Ну, что?

Люба (*серьезно*). Пожалуйста, без глупостей.

Александра Ивановна с мужем и Лизанькой входят на террасу. Николай Иванович ходит в раздумье.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Николай Иванович, Александра Ивановна, Петр Семенович и Лизанька.

Александра Ивановна. Ну что же, убедил?

Николай Иванович. Алина! То, что происходит между нами, великое дело. И шутки тут неуместны. Не я убеждаю, а жизнь, а истина, а бог, вот кто убеждает, и потому она не может не убедиться, не нынче, так завтра, не завтра, так... Ужасно то, что всегда всем некогда. Это кто же приехал?

Петр Семенович. Черемшановы, Сатиче Черемшанова, которую я не видал восемнадцать лет. Последний раз мы виделись с ней, когда вместе пели «La si darem la mano». (Поет.)

Александра Ивановна (на мужа). Пожалуйста, ты не перебивай и не воображай, что я с Nicolas поссорюсь. Я говорю правду. (К Николаю Ивановичу.) Я несколько не смеюсь, но мне странно было то, что ты хотел убеждать Машу тогда, когда она именно решилась поговорить с тобой.

Николай Иванович. Ну, хорошо, хорошо. Вот они идут. Скажи, пожалуйста, Маше, что я буду у себя. (Уходит.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же в деревне, через неделю. Сцена представляет большую залу. Накрытый стол: самовар, чай и кофе. У стены рояль, шкафчик с нотами. За столом сидят: Марья Ивановна, княгиня и Петр Семенович.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Ивановна, Петр Семенович и княгиня.

Петр Семенович. Да, княгиня. Давно ли, кажется, вы пели Розину, а я... Теперь я и в дон Базилио не гожусь...

Княгиня. Теперь дети могли бы петь. Только другие времена.

Петр Семенович. Да, позитивные... Но ваша княжна очень серьезно — хорошо играет. Что же они, неужели спят еще?

Марья Ивановна. Да вчера ездили верхом при лунном свете. Вернулись очень поздно. Я кормила и слышала.

Петр Семенович. А когда моя благоверная возвращается? Вы послали за ней?

Марья Ивановна. Да рано еще, уехали. Она скоро должна быть.

Княгиня. Неужели Александра Ивановна только затем и поехала, чтобы привезти отца Герасима?

Марья Ивановна. Да, вчера ей пришла эта мысль, и тотчас же полетела.

Княгиня. *Quelle énergie! Je l'admire*¹.

Петр Семенович. *Oh, pour ceci ce n'est pas ce qui vous manque*². (*Вынимает сигару.*) Впрочем, пойду курить и с собаками гулять по парку, пока молодежь встанет. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Марья Ивановна и княгиня.

Княгиня. Я не знаю, милая Марья Ивановна, но мне кажется, что вы слишком берете все это к сердцу. Я понимаю его. Это такое высокое настроение. Ну и что ж, если он и будет раздавать бедным? Мы и так слишком много о себе думаем.

Марья Ивановна. Да если бы это ограничилось этим, но вы не знаете его, не знаете всего. Это не помощь бедным, а это полный переворот, уничтожение всего.

Княгиня. Мне не хотелось бы вторгаться в вашу семейную жизнь, но если позволите...

Марья Ивановна. Нет, я считаю вас своею семейною, особенно теперь.

Княгиня. Я бы советовала вам прямо и откровенно сказать свои требования и войти в соглашение с ним, до каких пределов...

Марья Ивановна (*взволнованно*). Тут нет пределов, он все хочет отдать. Он хочет, чтоб я теперь, в мои года, стала кухаркой, прачкой.

Княгиня. Да не может быть! Это удивительно!

Марья Ивановна (*достает письмо*). Вот мы одни, и я рада все сказать вам. Вчера он написал мне это письмо. Я прочту вам.

Княгиня. Как, живет с вами в одном доме и пишет письма? Как странно!

¹ Какая энергия! Я восхищаюсь ею (*франц.*).

² Чего, чего, а этого у нас хватает (*франц.*).

Марья Ивановна. Нет, это я понимаю. Он так волнуется, когда говорит. Я последнее время боюсь за его здоровье.

Княгиня. Что же он пишет?

Марья Ивановна. Да вот. *(Читает.)* «Ты меня упрекаешь в том, что я разрушаю прежнюю жизнь и не даю ничего нового, не говорю, как я хотел бы устроить семью. Когда мы начинаем говорить, мы волнуемся, и потому пишу. Почему я не могу продолжать жить так, как жил, я уже говорил много раз, и убедить тому, что так не надо жить, а надо жить по-христиански, в письме я не могу. Ты можешь сделать одно из двух: или поверить истине и свободно идти за мной, или поверить мне и отдаться мне и по доверию идти за мной» *(Прерывает чтение.)* Не могу я ни того, ни другого. Не считаю, чтоб нужно было жить, как он хочет, мне детей жалко, и не могу ему довериться. *(Читает.)* «План мой вот какой. Все наши земли мы отдадим крестьянам, оставим себе пятьдесят десятин и весь сад, огород и заливной луг. Будем стараться сами работать, но не будем принуждать ни себя, ни детей. То, что мы оставим, может нам все-таки приносить около пятисот рублей».

Княгиня. С семьёю человеками детей жить на пятьсот рублей! Это невозможно.

Марья Ивановна. Ну, тут весь план, как отдать дом под школу и самим жить в садовниковой избе, в двух комнатах.

Княгиня. Да, я начинаю тоже думать, что это что-то болезненное. Что ж вы ответили?

Марья Ивановна. Я сказала, что не могу, что одна я пошла бы повсюду за ним, но с детьми... Ведь подумайте только, я Николеньку кормлю. Я говорю: нельзя так ломать все. Ведь разве я на это шла. Я уже слаба и стара. Ведь девять детей родить, кормить...

Княгиня. Да. Я никак не думала, чтобы это так далеко зашло.

Марья Ивановна. Так и осталось, и я не понимаю, что будет. Он вчера простил аренду мужикам из Дмитровки и хочет им совсем отдать землю.

Княгиня. Я думаю, что вы не должны допускать этого. Вы обязаны защитить детей. Если он не может владеть имением, пусть отдаст вам.

Марья Ивановна. Да я не хочу этого.

Княгиня. Вы должны это сделать для детей. Пускай переведет имение на ваше имя.

Марья Ивановна. Саша, сестра, говорила ему. Он сказал, что не имеет права, что земля тех, кто работает на ней, и что он обязан отдать ее крестьянам.

Княгиня. Да, теперь я понимаю, что это гораздо серьезнее, чем я думала.

Марья Ивановна. Священник, священник на его стороне.

Княгиня. Да, я заметила вчера.

Марья Ивановна. Вот сестра и поехала в Москву, хотела переговорить с нотариусом, а главное, привезти отца Герасима, чтобы он убедил его.

Княгиня. Да, я думаю, что христианство не в том, чтобы губить свою семью.

Марья Ивановна. Но он не поверит и отцу Герасиму. Он так тверд, и когда он говорит, вы знаете, я не могу возражать ему. То и ужасно, что мне кажется, что он прав.

Княгиня. Это оттого, что вы любите его.

Марья Ивановна. Не знаю отчего, только ужасно, ужасно. Все так и остается нерешенным. Вот и христианство.

Входит няня.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и няня.

Няня. Пожалуйте, Николенька зовет, проснулся.

Марья Ивановна. Сейчас. Я встревожена, и у него животик разболелся. Иду, иду.

Из другой двери входит Николай Иванович с бумагой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марья Ивановна, княгиня и Николай Иванович.

Николай Иванович. Нет, это невозможно.

Марья Ивановна. Что такое!

Николай Иванович. А то, что за нашу какую-то елку Петра сажают в тюрьму.

Марья Ивановна. Как?

Николай Иванович. А так. Он срезал, подали к мировому, тот приговорил на три месяца в острог. Его жена пришла.

Марья Ивановна. Ну, что ж, разве нельзя?

Николай Иванович. Теперь нельзя. Одно можно: не иметь леса. И я не буду иметь его. Но что же делать? Пойду к нему посмотреть, нельзя ли помочь тому, что мы же сделали. *(Идет на террасу и встречается с Борисом и Любой.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Борис и Люба.

Люба. Здравствуй, папá! *(Целует.)* Ты куда?

Николай Иванович. С деревни и опять на деревню. Там теперь тащат в тюрьму голодного человека за то, что он...

Люба. Верно, Петр.

Николай Иванович. Да, Петр. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, без Николая Ивановича.

Люба. *(садится за самовар)*. Вам кофе или чаю?

Борис. Все равно.

Люба. Все то же. Я не вижу этому конца.

Борис. Я не понимаю его. Я знаю, что народ беден, темен, что надо помочь ему, но не тем же, чтобы поощрять воров.

Люба. Чем же?

Борис. Всей нашей деятельностью. Все свои знания положить на служение ему, но жизнь свою нельзя отдавать.

Люба. А папá говорит, что именно это-то и нужно.

Борис. Не понимаю. Можно служить народу, не губя свою жизнь. Я так хочу устроить свою жизнь. Если ты только...

Люба. Я хочу того, что ты хочешь, и ничего не боюсь.

Борис. А эти сережки, это платье?

Люба. Сережки продать, а платье не такое, но все-таки можно быть не уродом.

Борис. Мне хочется еще поговорить с ним. Как ты думаешь, я не стесню его, если приду к нему на деревню?

Люба. Нисколько. Я вижу, что он полюбил тебя и все больше к тебе обращался вчера.

Борис (допивает кофе). Так я пойду.

Люба. Ну, иди, а я пойду будить Лизаньку и Тоню.

Оба расходятся.

Занавес

Сцена переменяется. Улица. У избы лежит Иван Зябрев, накрыт тулупом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иван Зябрев один.

Иван. Малашка!

Из-за избы выходит крошечная девочка с малым на руках. Мальый кричит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван Зябрев и Малашка с малым.

Иван. Воды. Испить.

Малашка уходит в избу, слышно там крик ребенка, выносит ковш воды.

Что ты малого все бьешь, что он орет. Вот я матери скажу.

Малашка. Говори матери. С голоду ореть.

Иван (плет). А молока бы попросила у Демкиных.

Малашка. Ходила, нету. Да и дома никого нету.

Иван. Ах, хоть бы смерть пришла. Звонили к обеду, что ль?

Малашка. Голомя. Звонили. Вон барин идет.

Входит Николай Иванович.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Николай Иванович.

Николай Иванович. Ты что же сюда вышел?

Иван. Да муха там, да и жарко.

Николай Иванович. Что ж, согрелся?

Иван. Огнем жжет теперь всего.

Николай Иванович. А Петр где, дома?

Иван. Где дома, в такую пору. В поле за снопами поехал.

Николай Иванович. Что же мне сказывали, что его в острог?

Иван. Как же, сотский в поле за ним пошел.

Приходит брюхатая баба с снопом овса и граблями.

И тотчас же бьет по затылку Малашку.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и баба.

Баба. Ты чего малого бросила? Вишь, орет. Только на улицу бегать.

Малашка (ревет). Я только вышла. Батя пить просил.

Баба. Я те дам! (*Видит барина.*) Здравствуйте, батюшка Николай Иванович. Грех с ними. Измучалась, одна во все дела. Последнего работника в острог ведут. А тут этот лодырь валяется.

Николай Иванович. Что ты говоришь, ведь он болен.

Баба. Болен он, а я не больна? Как работать, так болен. А гулять не болен да мне косы рвать. Издыхай он, как пес. Мне что!

Николай Иванович. Как тебе не грех!

Баба. Знаю, что грех, да сердца своего не уйму. Ведь я тяжела, а работаю за двоих. Люди убрались, а у нас два осьминника не кошены. Надо бы довязать, а нельзя, домой надо, этих ребят поглядеть.

Николай Иванович. Овес скосят, я найму и связать тоже.

Баба. Да это что, связать я сама, только бы скорее смахнуть. А что, Николай Иванович, помрет он, должно. Уж больно плох.

Николай Иванович. Не знаю я. Ох, точно что плох. Я думаю свезти его в больницу.

Баба. О господи! (*Начинает выть.*) Не увози ты его, пускай здесь помрет. (*К мужу.*) Чего ты?

Иван. Хочу в больницу. Здесь хуже собаки.

Баба. Уж я и не знаю. Ума решилась. Малашка, обедать собери.

Николай Иванович. А что у вас обедать?

Баба. Да что, картошки да хлеб. Да и еды нет. (*Идет в избу. Слышен визг свиньи, крик детей.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, без бабы.

Иван (*стонет*). Ох, господи, хоть бы смерть.

Входит Борис.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Борис.

Борис. Не могу ли я вам быть полезен?

Николай Иванович. Полезным тут ничем нельзя быть другим. Зло слишком застарело. Полезным можно быть только себе, чтобы видеть то, на чем мы строим свое счастье. Вот семья: пять детей, жена брюхатая и больной муж, и есть нечего, кроме картофеля, и сейчас решается вопрос, быть ли сытым будущий год, или нет. И помочь нельзя. Чем помочь? Я найму ей работника. А кто работник? Такой же бросающий свое хозяйство от пьянства, нужды.

Борис. Так, простите меня, что ж вы делаете тут?

Николай Иванович. Узнаю свое положение, узнаю, кто нам чистит сад, строит дома, делает нашу одежду, кормит, одевает нас.

Приходят мужики с косами и бабы с граблями, кланяются.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и мужики и бабы.

Николай Иванович (*останавливает одного*). Ермил, что, не наймешься ли скосить вот им?

Ермил (*покачивая головой*). И рад бы душой, да никак нельзя: своя не вожена, вот бежим повозиться. А что же, помирает Иван-то?

Другой мужик. Вот дядя Севастьян не возьмется ли. Дядя Севастьян, вот нанимают косить.

Севастьян. Наймись сам. Нынче день год кормит.

Проходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без мужиков и баб.

Николай Иванович. Все это — полуголодные, на одном хлебе с водой, больные, часто старые. Вон тот старик, у него грыжа, от которой он страдает, а он с

четырёх часов утра до десяти вечера работает и еле жив. А мы? Ну разве можно, поняв это, жить спокойно, считая себя христианином? Ну, не христианином, а просто не зверем.

Борис. Но что же делать?

Николай Иванович. Не участвовать в этом зле, не владеть землей, не есть их трудов. А как это устроить, я не знаю. Тут дело в том... по крайней мере так со мной было. Я жил и не понимал, как я живу, не понимал того, что я сын бога, и все мы сыны бога и братья. Но когда я понял это, понял, что все имеют равные права на жизнь, вся жизнь моя перевернулась. Впрочем, теперь я не могу вам объяснить этого. Одно скажу: что прежде я был слеп, как слепы мои дома, а теперь глаза открылись. И я не могу не видеть. А видя, не могу продолжать так жить. Впрочем, после. Теперь надо сделать, что можно.

Идут сотский, Петр и его жена и мальчик.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, сотский, Петр, его жена и мальчик.

Петр (*падает в ноги Николаю Ивановичу*). Прости Христа ради, погибать мне теперь. Бабе где управить. Хоть бы на поруки, что ль.

Николай Иванович. Я поеду, напишу. (*К сотскому*.) А нельзя теперь оставить?

Сотский. Нам приказано доставить в стан.

Николай Иванович. Ты ступай, я найму, сделаю, что можно. Это уж прямо я. Как же жить так? (*Уходит.*)

Занавес

Сцена переменяется. Там же в деревне.

Тоня сыграла Шумана сонату и сидит за роялем. У рояля стоит Степа. Сидят Люба, Борис, Лизанька, Митрофан Ермилович, священник. После игры все, кроме Бориса, остаются в волнении.

Люба. Andante что за прелесть!

Степа. Нет, скерцо. Да все прелестно.

Лизанька. Очень хорошо.

Степа. Но я никак не думал, что вы такой артист. Это настоящая, мастерская игра. Видно, что трудностей уже не существует, а вы только думаете о выражении и выражаете так удивительно тонко.

Люба. И благородно.

Тоня. А я так чувствую, что не то, что хочется... Недостает еще многого.

Лизанька. Чего ж лучше? Удивительно!

Люба. Шуман хорош, но все-таки Chopin больше хватает за сердце.

Степа. Лиризма больше.

Тоня. Нельзя сравнивать.

Люба. Помнишь prélude его?

Тоня. Этот так называемый жорж-зандовский. (Играет начало.)

Люба. Нет, не этот. Этот прекрасен, но заигран. Но доиграй этот, пожалуйста.

Тоня играет, если может, а то обрывает.

Нет в gé mineur.

Тоня. Ах, этот, это чудная вещь. Это что-то стихийное, до сотворения мира.

Степа (смеется). Да, да. Ну, сыграйте, пожалуйста. Впрочем, нет, вы устали. И так мы провели чудное утро благодаря вас.

Тоня (встает и смотрит в окно). Опять мужики.

Люба. Вот этим-то драгоценна музыка. Я понимаю Саула. Меня не мучает бес, но я понимаю его. Никакое искусство не может так заставить забыть все, как музыка. (Подходит к окну.) Кого вам?

Мужики. Послали к Николаю Ивановичу.

Люба. Его нет, подождите.

Тоня. И выходишь замуж за человека, который ничего не понимает в музыке.

Люба. Да не может быть.

Борис (рассеянно). Музыка... Нет, я люблю музыку или, скорее, не люблю. Но предпочитаю что-нибудь попроще — песни люблю.

Тоня. Нет, ну эта соната разве не прелестна?

Борис. Главное, это неважно, и мне немножко обидно за жизнь другую, что приписывают важность этому.

На столе конфеты. Все едят.

Лизанька. Вот как хорошо, что жених, и конфеты есть.

Борис. Ну, я в этом не виноват. Это мама.

Тоня. И прекрасно делает.

Люба. Музыка тем дорога, что она овладевает, схватывает и уносит из действительности. Вот все как мрачно было, а вдруг ты заиграла — и просветлело. Право, просветлело.

Лизанька. А вальсы Chopin избиты, но все-таки...

Тоня. Этот... (Играет.)

Входит Николай Иванович, здоровается с Тоней, с Степой, Лизанькой, Любой, Митрофаном Ермиловичем и священником.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Николай Иванович.

Николай Иванович. Где мамà?

Люба. Кажется, в детской.

Степа зовет лакея.

Папà, как Тоня играет чудно. А ты где был?

Николай Иванович. На деревне.

Входит лакей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и лакей.

Степа. Принеси самовар другой.

Николай Иванович (здоровается и с лакеем, подает ему руку). Здравствуй!

Лакей робеет и уходит. Николай Иванович уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без лакея и Николая Ивановича.

Степа. Несчастный Афанасий! Смущен ужасно. Не понимаю. Точно мы в чем-то виноваты.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Николай Иванович.

Николай Иванович (возвращается в комнату). Я прошел было к себе, не высказав вам своего чувства. И это нехорошо, я думаю. (К Тоне.) Если вас, гостью, оскорбит, что я скажу, простите, но я не могу не сказать. Ты говоришь, Люба, что княжна хорошо играет. Вы все здесь, семь, восемь здоровых, молодых мужчин и женщин, спали до десяти часов, пили, ели, едите еще и играете и рассуждаете про музыку, а там, откуда я сейчас пришел с Борисом Александровичем, встали с трех часов утра, — другие и не спали в ночном, и старые, больные, слабые, дети, женщины с грудными и беременные из последних сил работают, чтобы плоды их трудов проживали мы здесь. И мало этого. Сейчас одного из них, последнего, единственного работника в семье, сейчас тащат в тюрьму за то, что он в так называемом моем лесу срубил весной одну из ста тысяч елок, которые растут там. А мы здесь обмытые, одетые, бросив по спальням наши нечистоты на заботу рабов, едим, пьем, рассуждаем про Шумана и Chopin, который

больше нас трогает, разгоняет нашу скуку. Я думал это, проходя мимо вас, и потому сказал вам. Ну, подумайте, разве можно так жить? (*Стоит волнуйсь.*)

Лизанька. Правда, правда.

Люба. Если так думать, нельзя жить.

Степа. Отчего? Я не вижу, почему нельзя говорить про Шумана, если народ беден. Одно не исключает другого. Если люди...

Николай Иванович (*зло*). Если у кого нет сердца, кто деревянный...

Степа. Ну, я замолчу.

Тоня. Вопрос ужасный, вопрос нашего времени, и его не надо бояться, надо прямо в глаза смотреть действительности, чтобы разрешить вопрос.

Николай Иванович. Ждать разрешения вопроса общими мерами некогда. Каждый из нас нынче, завтра умрет. Как прожить мне, не страдая от внутреннего разлада?

Борис. Разумеется, одно средство: не принимать участия.

Николай Иванович. Ну, простите, коли я вас обидел. Я не мог не сказать, что чувствую. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, без Николая Ивановича.

Степа. Как же не принимать участия? Вся жизнь наша связана.

Борис. От этого он и говорит, что надо прежде всего не иметь собственности, изменить всю свою жизнь, жить не так, чтобы мне надо было служить, а жить, служа другим.

Тоня. Ну, я вижу, ты совсем перешел на сторону Николая Ивановича.

Борис. Да, я в первый раз понял, и потом то, что я видел на деревне... Надо только снять те какие-то очки, сквозь которые мы смотрим на жизнь народа, и понять связь их страданий с нашими радостями, и конечно.

Митрофан Ермилович. Да, но только средство для этого не в том, чтобы губить свою жизнь.

Степа. Удивительно, как мы с Митрофаном Ермиловичем стоим на двух разных полюсах и вместе с тем сходимся: это мои слова — не губить жизнь.

Борис. Понятно. Оба вы хотите жить приятно и для этого желаете иметь устройство жизни, которое бы обеспечивало вам эту приятность. Вы (к Степе) хотите удержать теперешнее устройство, а Митрофан Ермилович хочет нового.

Люба с Тоней шепчутся. Тоня идет к роялю и играет ноктюрн Chopin. Все замолкают.

Степа. Вот и прекрасно. Это все разрешает.

Борис. Все затемняет и откладывает.

Во время игры тихо входят Марья Ивановна и княгиня и садятся, слушая. Перед концом ноктюрна слышны бубенчики.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Марья Ивановна и княгиня.

Люба. Это тетя. (*Идет ей навстречу, и Марья Ивановна.*)

Продолжается музыка. Входят Александра Ивановна и отец Герасим, священник в наперсном кресте, и нотариус. Все встают.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Александра Ивановна, отец Герасим и нотариус.

Герасим. Прошу продолжать. Приятно.

Княгиня подходит под благословение, также и священник.

Александра Ивановна. Я как себе сказала, что сделаю, так все и сделала. Отца Герасима застала и вот уговорила захватить. Он едет в Курск, и свое дело

сделала. И нотариус вот. У него бумага готова. Только подписать.

Марья Ивановна. Не угодно ли позавтракать?

Нотариус кладет на стол бумаги и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, без нотариуса.

Марья Ивановна. Я очень благодарна отцу Герасиму.

Герасим. Что делать, хоть и не путь мне, но по-христиански счел долгом посетить.

Александра Ивановна шепчет молодежи. Молодежь сговаривается, и уходят на террасу все, кроме Бориса. Священник тоже хочет уходить.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Марья Ивановна, Александра Ивановна, княгиня, отец Герасим, священник и Борис.

Герасим. Что же, побудьте, вы, как пастырь и отец духовный, можете пользу и получить и принести. Оставайтесь, если Марья Ивановна не имеет чего против.

Марья Ивановна. Нет, я отца Василья люблю, как своего семейного. Я и с ним советовалась, но он слишком мало имеет, по годам своим, авторитета.

Герасим. Всеконечно, всеконечно.

Александра Ивановна (*подходит*). Так вот видите, отец Герасим, вы одни можете помочь и вразумить. Человек он умный, ученый, но, вы знаете, ученость только может повредить. У него сделалось какое-то затмение. Он утверждает, что по христианскому закону человек не должен ничего иметь. Но разве это можно?

Герасим. Прелесть, гордость ума, самоволие. Отцы церкви вопрос разъяснили достаточно. Но как же это все сделалось?

Марья Ивановна. А если все вам рассказывать, то, когда мы женились, он был совершенно равнодушен к религии, и так мы жили, и прекрасно жили, лучшие годы, первые двадцать лет. Потом он стал думать. Может быть, имела влияние на него сестра или чтение, только он стал думать, читать Евангелие и тогда вдруг стал крайне религиозен, стал ходить в церковь, ездить по монахам. И потом вдруг бросил это все и изменил во всем свою жизнь, начал сам работать, не допускает себе служить прислуге и, главное, теперь раздает имение. Он вчера отдал лес с землей. Я боюсь, у меня шесть человек детей, поговорите с ним. Я пойду спрошу его, хочет ли он вас видеть. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, без Марьи Ивановны.

Герасим. Ноне многие стали отступать. Что ж, имущество-то его или супруги?

Княгиня. Его. В том-то и беда.

Герасим. А чин его какой?

Княгиня. Чин небольшой. Кажется, ротмистр. Он военный был.

Герасим. Многие так уклоняются. В Одессе так дама была в увлечении спиритизма и много начала вредного делать. То все-таки бог помог возвратить ее к церкви.

Княгиня. Главное, вы поймите: сын мой теперь женится на дочери. Я согласилась, но девушка привыкла к роскоши и потому должна иметь свое обеспечение, а не лечь всей тяжестью на моего сына. Он, положим, работник и замечательный молодой человек.

Выходят Марья Ивановна и Николай Иванович.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же, Марья Ивановна и Николай Иванович.

Николай Иванович. Здравствуйте, княгиня. Здравствуйте... Извините, как ваше имя отчество?

Герасим. Благословения не желаете?

Николай Иванович. Нет, не желаю.
Герасим. Герасим Федоров. Очень приятно.

Лакей приносит завтрак и вино.

Приятная погода. И для уборки хлебов благоприятная.

Николай Иванович. Я предполагаю, что вы приехали по приглашению Александры Ивановны, с тем чтобы отвлечь меня от моих заблуждений и направить на путь истинный. Если это так, то не будем ходить вокруг да около, а прямо приступим к делу. Я не отрицаю, что я не согласен с учением церкви, был согласен, а потом перестал. Но всей душой желаю быть в истине и тотчас же приму ее, если вы покажете мне ее.

Герасим. Как же так вы говорите, что не верите учению церкви. Чему же верить, коли не церкви?

Николай Иванович. Богу и его закону, данному нам в Евангелии.

Герасим. Церковь и поучает этому закону.

Николай Иванович. Если бы она поучала, я бы верил ей; а то она поучает противному.

Герасим. Церковь не может поучать противному, потому что она утверждена от самого господя. Сказано: «Даю вам власть... и врата ада не одолеют ее».

Николай Иванович. Это совсем не к этому сказано. Да если бы и признать, что Христос установил церковь, то почему я знаю, что церковь эта ваша?

Герасим. А потому что сказано: «Где двое и трое собрались во имя...»

Николай Иванович. Да и это не к тому сказано и ничего не доказывает.

Герасим. Как же отрицать церковь? Она одна имеет благодать.

Николай Иванович. Я и не отрицал ее до тех пор, пока не убедился, что она поддерживает все противное христианству.

Герасим. Не может она ошибаться, потому что в ней одна истина. Заблуждаются те, кто отошли от нее, а церковь свята.

Николай Иванович. Ведь я вам уже сказал, что я не признаю этого. А не признаю потому, что, как

в Евангелии сказано: по делам их познаете их, по плодам познаете; я узнал, что церковь благословляет клятву, убийство, казни.

Герасим. Церковь признает и освящает власти, постановленные от бога.

Во время разговора входят понемногу Степа, Люба, Лизанька, Тоня, Борис, Александра Ивановна и все рассаживаются и расстановливаются и слушают.

Николай Иванович. Я знаю, что в Евангелии сказано: не только не убий, но не гневайся, а церковь благословляет войска. В Евангелии сказано: «Не клянись!» — церковь приводит к клятве; в Евангелии сказано...

Герасим. Позвольте, когда Пилат сказал: «Заклинаю тебя богом живым», Христос признал клятву, сказав: «Да, это я».

Николай Иванович. Ну, что вы говорите. Ведь это смешно.

Герасим. Потому-то и не благословляет церковь каждому человеку толковать Евангелие, чтобы он не заблудился, а, как мать, печется о детище и дает им по силам только толкование. Нет, позвольте мне досказать. Церковь не накладывает на своих детей бремена непосильные, а требует исполнения заповедей: люби, не убий, не укради, не прелюбодействуй.

Николай Иванович. Да, не убий меня, не украдь у меня моего краденого. Мы все обокрали народ, украли у него землю, а потом закон установили — закон, чтобы не красть. И церковь все благословляет это.

Герасим. Прелесть, гордость ума говорит в вас. Покорить надо свой гордый ум.

Николай Иванович. Да нет, я вас спрашиваю, как по христианскому закону надо поступить мне, когда я познал свой грех ограбления народа и порабощения его землю? Как поступить: продолжать владеть землей, пользуясь трудами голодных, отдавая их вот на это? (Указывает на лакея, вносящего завтрак и вино.) Или отдать землю тем, у кого ограбили ее мои предки?

Герасим. Должны поступать так, как надлежит сыну церкви. У вас семья, дети, должны соблюдать и воспитать их прилично их сану.

Николай Иванович. Почему?

Герасим. Потому что вас бог поставил в такое положение. И если хотите благотворить, то благотворите, отдавая часть имущества, посещайте бедных.

Николай Иванович. Ну, а как же сказано богатому юноше, что нельзя войти богатому в царство небесное?

Герасим. Сказано, если хочешь быть совершен.

Николай Иванович. Да я и хочу быть совершен. В Евангелии сказано: будьте совершенны, как отец ваш небесный.

Герасим. Тоже надо понимать, что к чему сказано.

Николай Иванович. Я и стараюсь понимать, и все то, что сказано в нагорной проповеди, просто и понятно.

Герасим. Гордость ума.

Николай Иванович. Да какая же гордость, когда сказано, что то, что скрыто от мудрых, открыто младенцам.

Герасим. Открыто смиренным, а не гордым.

Николай Иванович. Да кто же гордый: я ли, который считаю, что я такой же человек, как все, и который поэтому должен жить, как все, своими трудами, в такой же нужде, как и его братья, — или те, которые считают себя особенными людьми, священными, знающими всю истину и не могущими заблуждаться и по своему толкующими слова Христа?

Герасим (*обидевшись*). Простите, Николай Иванович, я не считаться с вами приехал, кто прав, и не поучения слушать, а по просьбе Александры Ивановны заехал побеседовать. Вы все лучше моего знаете, и потому я лучше прекращу беседу. Только в последний раз именем бога прошу вас: одумайтесь, вы жестоко заблуждаетесь и губите себя. (*Встает.*)

Марья Ивановна. Не угодно ли закутить?

Герасим. Благодарю вас. (*Уходит с Александрой Ивановной.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Марья Ивановна, княгиня, Николай Иванович, священник и Борис.

Марья Ивановна (к священнику). Ну, что ж после этого?

Священник. Что ж, на мое мнение, Николай Иванович говорили правильно, и отец Герасим никаких доводов не привел.

Княгиня. Ему говорить не дали, и главное, ему не понравилось, что сделали какой-то турнир. Все слушают. Он из скромности своей удалился.

Борис. Нисколько не скромность, а все, что он говорил, так ложно. Так очевидно, что ему нечего сказать.

Княгиня. Да я уже вижу, что ты, по своей всегдашней вертлявости, уже теперь во всем начинаешь соглашаться с Николаем Ивановичем. Если ты так думаешь, то тебе не надо жениться.

Борис. Я только говорю: что правда, то правда, и не могу не говорить.

Княгиня. Тебе-то уж никак нельзя говорить этого.

Борис. Отчего?

Княгиня. Оттого, что ты беден и тебе нечего отдавать. Впрочем, все это не наше дело. (Уходит, за ней и все остальные, кроме Николая Ивановича и Марьи Ивановны.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Николай Иванович и Марья Ивановна.

Николай Иванович (сидит задумавшись, потом улыбается своим мыслям). Маша! Для чего это? Для чего ты пригласила этого жалкого, заблудшего человека? Для чего эта шумная женщина и этот священник участвуют в нашей самой интимной жизни? Разве мы не можем сами разобрать наши дела.

Марья Ивановна. Да что же мне делать, когда ты хочешь оставить детей без ничего. Не могу я этого спокойно перенести. Ведь ты знаешь, что я не корыстна и что мне ничего не нужно.

Николай Иванович. Знаю, знаю и верю. Но горе в том, что ты не веришь ни истине, — ведь я знаю, ты видишь ее, но не решаешься поверить в нее, — ни истине не веришь, ни мне. А веришь всей толпе, княгине и другим.

Марья Ивановна. Верю тебе, всегда верила, но когда ты хочешь пустить детей по миру...

Николай Иванович. Это-то и значит, что не веришь. Ты думаешь, я не боролся, не боялся? Но потом я убедился, что это не только можно, но должно, что это одно нужно, хорошо для детей. Ты всегда говоришь, что если бы не было детей, ты бы пошла за мной; а я говорю: если б не было детей, можно бы жить, как мы живем, мы губили бы одних себя, а мы губим их.

Марья Ивановна. Ну, что же мне делать, коли я не понимаю?

Николай Иванович. И мне что же делать? Ведь я знаю, зачем выписали этого жалкого, наряженного в эту рясу, человека с крестом и зачем Алина привезла нотариуса. Вы хотите, чтоб я перевел именье на тебя. Не могу. Ведь ты знаешь, что я люблю тебя двадцать лет нашей жизни, люблю и хочу тебе добра, и поэтому не могу подписывать тебе. Если подписывать, то тем, у кого отнята, крестьянам. А так не могу. Я должен отдать им. И я рад нотариусу и должен сделать это.

Марья Ивановна. Нет, это ужасно! За что такая жестокость? Ну, ты считаешь грехом. Ну, отдай мне. *(Плачет.)*

Николай Иванович. Ты не знаешь, что ты говоришь. Если я отдам тебе, я не могу оставаться жить с тобой, я должен уйти. Не могу я продолжать жить в этих условиях. Не могу я видеть, как не моим уж, а твоим именем будут выжимать сок из крестьян, сажать их в острог. Выбери.

Марья Ивановна. Как ты жесток! Какое же это христианство? Это злость. Ведь не могу я жить, как ты хочешь, не могу я оторвать от своих детей и отдать кому-то. И за это ты хочешь бросить меня. Ну и бросай. Я вижу, что ты разлюбил. И даже знаю почему.

Николай Иванович. Ну, хорошо. Я подпишу. Но, Маша, ты требуешь от меня невозможного. (*Подходит к столу, подписывает.*) Ты хотела этого. Я не могу так жить. (*Уходит.*)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Действие происходит в Москве. Большая комната, в ней верстак, стол с бумагами, шкаф с книгами, зеркало и картина, заставлена досками.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Николай Иванович в фартуке работает у верстака. Строгает. Столяр-мастер.

Николай Иванович (*вынимает доску*). Так хорошо?

Столяр (*налаживает рубанок*). Не больно. Вы смелей, вот так.

Николай Иванович. Да хорошо бы смелее. Да все не ладится.

Столяр. Да и на что вашей милости столярное мастерство? И нашего брата развелось столько, что жить не дают.

Николай Иванович (*опять работает*). Совесть-но жить праздно: не...

Столяр. Ваше дело такое. Вам бог дал именье.

Николай Иванович. Вот то-то и есть, что я считаю, что бог ничего не дал, а люди сами забрали, у своих братьев отобрали.

Столяр (*в недоумении*). Это так. А все же вам ни к чему,

Николай Иванович. Я понимаю, что вам странно видеть, что в этом доме, где столько лишнего, я хочу зарабатывать.

Столяр (смеется). Нет, что ж, господа известное дело. Всего хотят доходить. Вот теперь шерхебелем пройдите.

Николай Иванович. Вы не поверите, смеяться будете, а я все-таки скажу, что жил я прежде так, не стыдился, а теперь я поверил Христову закону, что все мы братья, и мне стыдно так жить.

Столяр. Стыдно, так раздайте.

Николай Иванович. Хотел, да не удалось, жене передал.

Столяр. Да вам и нельзя. Привыкли.

Из-за двери голос: «Папà, можно?»

Николай Иванович. Можно, можно, всегда можно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Люба.

Люба (входит). Здравствуйте, Яков.

Столяр. Здравия желаю, барышня.

Люба. Борис поехал в полк. Я боюсь, что он там сделает, скажет что-нибудь. Как ты думаешь?

Николай Иванович. Что я могу думать? Сделает то, что есть в нем.

Люба. Ведь это ужасно. Ему так мало остается, и вдруг он погубит себя.

Николай Иванович. Он хорошо сделал, что не зашел ко мне; он знает, что я ничего ему иного не могу сказать, как то, что он сам знает. Он сам говорил мне, что оттого и вышел в отставку, что понимает, что нет более не только беззаконной, жестокой, зверской деятельности, как та, которая вся направлена только на убийство, но что нет унижительнее, подлее ее — подчиняться во всем и беспрекословно первому встречному, старшему чином; он все это знает,

Люба. Того-то я боюсь, что он знает это и захочет сделать что-нибудь.

Николай Иванович. Это решит его совесть, тот бог, который есть в нем. Если бы он пришел ко мне, я бы ему одно посоветовал: не делать ничего по рассуждению, а только тогда, когда этого требует все существо. А то нет хуже. Вот я хотел сделать так, как велит Христос: оставить отца, жену, детей и идти за ним, и ушел было, и чем же кончилось? Кончилось тем, что вернулся и живу с вами в городе в роскоши. Потому что я захотел сделать сверх сил. И вышло то мое унижительное, бессмысленное положение. Я хочу жить просто, работать, а в этой обстановке с лакеями и швейцарами это выходит какое-то ломанье. Сейчас вот Яков Никанорович, вижу, смеется надо мной...

Столяр. Что мне смеяться? Вы мне платите, чайком поите. Я благодарю.

Люба. Я думаю, не поехать ли мне к нему.

Николай Иванович. Милая, голубушка, знаю, что тебе тяжело, страшно, хотя не должно бы быть страшно. Ведь я человек, понявший жизнь. Ничего дурного быть не может. Все, что кажется дурным, только радует сердце. Но ты пойми одно: что человеку, пошедшему по этому пути, предстоит выбор. И бывают положения, когда весы божеского и дьявольского становятся ровно и колеблются. И тут совершается величайшее дело божие — и тут всякое вмешательство чужое страшно опасно и мучительно. Как бы сказать, — человек делает страшные усилия перетянуть тяжесть, и тут прикосновение пальцем может сломать ему спину.

Люба. Да ведь зачем же страдать?

Николай Иванович. Все равно как мать скажет: зачем страдать? Роды не бывают без страданий. То же и в духовной жизни. Одно тебе скажу: Борис истинный христианин и потому свободен. И если ты не можешь еще быть тем, чем он, — не можешь, как он, верить в бога, через него — верь в него, верь в бога.

Марья Ивановна (из-за двери). Можно?

Николай Иванович. Всегда можно. Вот нынче какой у меня раут.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Марья Ивановна.

Марья Ивановна. Приехал наш священник, наш Василий Никанорович. Он едет к архиерею, отказался от прихода.

Николай Иванович. Не может быть!

Марья Ивановна. Он тут. Люба, позови его. Он хочет тебя видеть.

Люба идет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без Любы.

Марья Ивановна. А еще я пришла к тебе сказать про Ваню. Ужасно себя ведет и учится так, что ни за что не перейдет. Я стала говорить ему — грубит.

Николай Иванович. Маша, ведь ты знаешь, что я не сочувствую всему тому складу жизни, который вы ведете, и их воспитанию. Это для меня страшный вопрос: имею ли я право видеть, как на моих глазах гибнут...

Марья Ивановна. Тогда надо что-нибудь другое, определенное, а что ты даешь?

Николай Иванович. Я не могу сказать что. Я одно говорю, первое: надо освободиться от этой развращающей роскоши.

Марья Ивановна. Чтоб они были мужиками — не могу я на это согласиться.

Николай Иванович. Ну, так не спрашивай меня. То, что тебя огорчает, так и должно быть.

Входит священник. Целуются с Николаем Ивановичем.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, священник и Люба.

Николай Иванович. Неужели покончили?

Священник. Не мог больше.

Николай Иванович. Не ждал я этого так скоро.

Священник. Да ведь нельзя. В нашем быту нельзя быть безразличным. Надо исповедовать, причащать, а когда познал, что это не истинно...

Николай Иванович. Ну и как же теперь?

Священник. Теперь еду к архиерею на испытание. Боюсь, что сошлют в Соловецкий. Думал одно время за границу бежать, вас просить, потом раздумал: малодушие. Одно — жена.

Николай Иванович. Где она?

Священник. Уехала к отцу. Теща была у нас и сынишку увезла. Это больно. Очень хотелось... (Остнавливается, сдерживает слезы.)

Николай Иванович. Ну, помогай бог. Что же, вы у нас остановились?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и княгиня.

Княгиня (*вбегает в комнату*). Ну, вот и дождались! Он отказался и взят под арест. Я сейчас была там, меня не пустили. Николай Иванович, поезжайте вы.

Люба. Как отказался? Почему вы знаете?

Княгиня. Я сама была там. Мне все рассказал Василий Андреевич. Он член присутствия. Он прямо вошел и объявил, что он служить не будет, присягать не будет. Ну, все это, чему Николай Иванович его научил.

Николай Иванович. Княгиня! Разве можно научить?

Княгиня. Я не знаю, только не в этом христианство. Разве в этом христианство? Вот хоть вы, батюшка, скажите.

Священник. Я уж не батюшка.

Княгиня. Ну, все равно. Да и вы такой же. Да вам хорошо. Нет, я не оставляю этого так. И что за проклятое христианство, от которого люди страдают и погибают! Ненавижу я это ваше христианство. Вам хорошо, когда вы знаете, что вас не тронут. А у меня один сын, и вы погубили.

Николай Иванович. Да успокойтесь, княгиня.

Княгиня. Вы, вы погубили его. Вы погубили, вы и спасайте. Поезжайте, уговорите его, чтобы он бросил эти глупости. Это можно богатым людям, а не нам.

Люба (плачет). Папà, что же делать?

Николай Иванович. Я поеду. Может быть, я могу помочь. (Снимает фартук.)

Княгиня (помогает ему одеваться). Меня не пустили, но мы поедem вместе, и я добьюсь теперь.

Уходят.

Занавес

Сцена переменяется. Канцелярия. Сидит один писарь, и ходит часовой у противоположной двери. Входит генерал с адъютантом, писарь вскакивает, солдат отдает честь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Генерал, адъютант и писарь.

Генерал. Где полковник?

Писарь. Прошли к новобранцу, ваше превосходительство.

Генерал. А, хорошо. Попросите его ко мне.

Писарь. Слушаю, ваше превосходительство.

Генерал. А это что вы переписываете, не показанные новобранца?

Писарь. Так точно-с.

Генерал. Дайте сюда.

Писарь подает и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, без писаря.

Генерал (подает адъютанту). Прочтите, пожалуйста.

Адъютант (читает). «На поставленные мне вопросы о том: 1) почему я не принимаю присягу и 2) по-

чему отказываюсь исполнять требования правительства и что побудило меня произнести оскорбительные не только для военного сословия, но и для высшей власти слова, — отвечаю на первый вопрос: не принимаю я присяги потому, что я исповедую учение Христа. В учении же Христа присяга прямо и определенно запрещена, как в Евангелии Матфея V, 33—38, так и в послании Якова V, 12».

Генерал. Тоже рассуждают, по-своему толкуют.

Адъютант (*читает далее*). «В Евангелии сказано: «Не клянись вовсе. Но да будет слово ваше: да, да, нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого». В послании Якова: «Прежде же всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землей и никакой другою клятвой; но да будет у вас: да, да и нет, нет, дабы вам не подпасть осуждению». Но мало того, что в Евангелии есть такое точное указание того, что не должно клясться. Если бы и не было такового, я не мог бы клясться в том, что буду исполнять волю людей, так как я, по христианскому закону, должен всегда исполнять волю бога, которая может не сойтись с волей людей».

Генерал. Тоже рассуждают. Кабы меня слушали, ничего бы этого не было.

Адъютант (*читает*). «Отказываюсь же я от исполнения требования людей, называющих себя правительством, потому что...»

Генерал. Какая дерзость!

Адъютант. «...потому что требования эти преступные и злые. От меня требуют, чтобы я поступил в войско и обучался и готовился к убийству, а это мне запрещено и Ветхим и Новым заветом, и, главное, моей совестью. На третий вопрос...»

Входит полковник с писарем. Генерал подает ему руку.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и полковник с писарем.

Полковник. Читаете показание?

Генерал. Да. Непростительно дерзкие слова. Ну, продолжайте.

Адъютант. «На третий вопрос: что побудило меня говорить в присутствии оскорбительные слова, отвечаю, что побудило меня к этому желание служить богу и обличать обман, который совершается во имя его. Это желание я надеюсь удержать до самой моей смерти. И потому...»

Генерал. Ну, довольно, всю эту болтовню не переслушаешь. Тут дело в том, что надо это искоренить и сделать так, чтобы не развратить людей. (К полковнику.) Вы говорили с ним?

Полковник. Все время говорил. Старался усюветить его, убедить, что для него же хуже, что ничего он этим не сделает. Говорил об его семье. Он очень взволнован, но все свое говорит.

Генерал. Напрасно много говорили. Мы на то военные, чтобы не рассуждать, но исполнять. Призовите его сюда.

Адъютант с писарем уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Генерал и полковник.

Генерал (садится). Нет-с, полковник. Это не то. С такими молодцами не так надо обходиться. Тут надо решительные меры, чтобы отсечь больной член. Одна паршивая овца все стадо портит. Тут нельзя миндальничать; что он князь и мать у него и невеста, это все до нас не касается. Перед нами солдат. И мы должны исполнить высочайшую волю.

Полковник. Я только думаю, что скорее убеждением можно поколебать.

Генерал. Отнюдь. Решительностью, только решительностью. У меня были такие. Надо, чтобы он чувствовал, что он ничтожность, что он песчинка под колесницей и не может задержать ее.

Полковник. Да, можно испытать.

Генерал (начинает горячиться). Нечего испытывать. Мне нечего испытывать. Я сорок четыре года

служу своему государю, жизнь свою отдавал и отдам этому служению, и вдруг меня мальчишка учить станет, богословские тексты мне будет вычитывать. Это он пускай с попами разводит. А со мной одно: он солдат или арестант. Вот и все.

Входит Борис с двумя конвойными, за ним адъютант и писарь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Борис с двумя конвойными, адъютант и писарь.

Генерал (*указывает пальцем*). Тут поставьте его. Борис. Меня нечего ставить. Я стану или сяду, где хочу, потому что я вашей власти над собой не...

Генерал. Молчать! Не признаешь власти. Я тебя заставлю признавать.

Борис (*садится на стул*). Как вы дурно делаете, что кричите.

Генерал. Поднять его и поставить.

Солдаты поднимают Бориса.

Борис. Это вы можете. Можете и убить меня, но заставить повиноваться вам...

Генерал. Молчать, я сказал! Слушай, что я буду говорить.

Борис. Совсем не хочу слушать, что ты, ты будешь говорить.

Генерал. Да он сумасшедший. Его надо в госпиталь на испытание. Больше делать нечего.

Полковник. Был приказ допросить его в жандармском управлении.

Генерал. Ну, что же, отправьте его. Только одеть его.

Полковник. Он не дается.

Генерал. Связать. (*К Борису*.) Слушайте же, что я вам скажу. Мне все равно, что с вами будет. Но для вас самих советую вам: одумайтесь. Вы сгниете в кре-

пости. И ничего никому не сделаете. Бросьте это. Ну, вы погорячились, и я погорячился. (*Ударяет его по плечу.*) Подите присягните и бросьте все это. (*К адъютанту.*) Здесь батюшка? (*К Борису.*) Ну, что же?

Борис молчит.

Что же вы не отвечаете? Право, лучше так. Плетью обуха не перешибешь. Мысли эти ваши при вас останутся, отслужите. Мы вас не будем принуждать. Ну, что же?

Борис. Мне говорить больше нечего, я все сказал.

Генерал. Вы вот пишете, что в Евангелии там такой и такой стих. Ведь это попы знают. Вы поговорите с батюшкой, а потом подумайте. Так-то лучше будет. Прощайте, надеюсь до свиданья, когда поздравлю с царской службой. Пошлите батюшку. (*Уходит, за ним полковник и адъютант.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Борис, писарь и солдаты.

Борис (*к писарю и солдатам*). Вот видите, как они говорят. Они сами знают, что обманывают вас. Не поддавайтесь им. Бросьте ружья. Уйдите. Пускай вас в дисциплинарном батальоне заперют, все легче, чем быть слугой этих обманщиков.

Писарь. Как же тоже без военного сословия? Нельзя же.

Борис. Это нам не рассуждать. Нам надо рассуждать, чего от нас бог хочет. А бог хочет, чтоб мы...

Один из солдат. А как же сказано: «христолюбивое воинство»...

Борис. Это нигде не сказано. Это обманщики выдумали.

Солдат. Как же так, архиереи, должно, знают.

Входит жандармский офицер с писарем.

Те же и жандармский офицер с писарем.

Жандармский офицер (к писарю). Здесь содержится князь Черемшанов, новобранец?

Писарь. Так точно-с. Вот они.

Жандармский офицер. Пожалуйте сюда. Вы князь Борис Александрович Черемшанов, отказавшийся от присяги?

Борис. Я самый.

Жандармский офицер (садится, показывая место против себя). Пожалуйста, садитесь.

Борис. Я думаю, что наш разговор будет совершенно бесполезен.

Жандармский офицер. Не думаю. Для вас по крайней мере не бесполезен. Извольте видеть. Мне сообщено, что вы отказываетесь от военной службы и присяги, потому есть подозрение, что вы принадлежите к революционной партии. И вот это-то я должен исследовать. Если это справедливо, то мы должны будем изъять вас из военной службы и заточить или изгнать, смотря по степени вашего участия в революции. Если же нет, то мы оставляем вас военному начальству. Извольте видеть, я откровенно вам высказываюсь и надеюсь, что вы так же отнесетесь к нам с доверием.

Борис. Доверия я не могу иметь, во-первых, к людям, носящим вот это; во-вторых, самая должность ваша такая, что я не только не уважаю ее, но имею к ней величайшее отвращение. Но отвечать на ваши вопросы не отказываюсь. Что вы хотите знать?

Жандармский офицер. Во-первых, позвольте: ваше имя, звание, исповедание?

Борис. Это вы все знаете, и я отвечать не буду. Один только вопрос очень важный для меня: я не так называемый православный.

Жандармский офицер. Какой же веры?

Борис. Я никак не определяю.

Жандармский офицер. Но все-таки?

Борис. Ну, христианской по учению нагорной проповеди.

Жандармский офицер. Пишите. (*Писарь пишет. К Борису.*) Но все-таки вы признаете себя принадлежащим к какому-либо государству, сословию?

Борис. Нет, не признаю. Признаю себя человеком, рабом Божиим.

Жандармский офицер. Почему же вы не признаете себя членом русского государства?

Борис. Потому что не признаю никаких государств.

Жандармский офицер. Что значит не признаете? Желаете разрушения?

Борис. Без сомнения. Желая и работаю для этого.

Жандармский офицер (*писарю*). Пишите. Какими же путями вы работаете?

Борис. Обличением обмана, лжи, распространением истины. Я сейчас, как вы вошли, говорил этим солдатам, чтобы они не верили обману, в который их вовлекли.

Жандармский офицер. Но, кроме этих средств обличения и убеждения, признаете вы какие-либо другие?

Борис. Нет. Не только не признаю, но признаю всякое насилие величайшим грехом. Не только насилие, но всякую скрытность, хитрость...

Жандармский офицер. Пишите. Хорошо-с. Теперь позвольте узнать ваши знакомства. Знакомы вы с Ивашенковым?

Борис. Нет.

Жандармский офицер. С Клейном?

Борис. Слышал про него, но никогда не видал.

Входит священник.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и священник.

Жандармский офицер. Ну, я думаю, я могу кончить. Я признаю вас не опасным и не подлежащим нашему ведомству. Желая вам скорого освобождения. Мое почтение. (*Жмет руку.*)

Борис. Одно мне хочется сказать вам. Простите меня, но я не могу не сказать: зачем вы избрали это дело дурное, злое? Я бы советовал вам оставить его.

Жандармский офицер (*улыбаясь*). Благодарю вас за совет. На это есть причины. Мое почтение. Батюшка, уступаю вам место. (*Уходит с писарем.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, без жандармского офицера и его писаря.

Священник. И как же вы так огорчаете начальство, не хотите исполнить долг христианина, послужить царю и отечеству?

Борис (*улыбаясь*). Я именно хочу исполнить долг христианина, оттого и не хочу быть воином.

Священник. Отчего же не желаете? Сказано: «положить жизнь за други своя», то истинный христианин...

Борис. Да, положить жизнь, но не чужую взять. Я самое это и хочу — положить жизнь.

Священник. Не так вы, молодой человек, судите. А Иоанн Креститель сказал воинам...

Борис (*улыбаясь*). Это доказывает только то, что и тогда солдаты грабили, и он им не велел.

Священник. Ну, а почему же вы не хотите присягать?

Борис. Вы знаете, в Евангелии запрещено.

Священник. Нисколько. А как же, когда Пилат сказал: «Заклинаю тебя богом живым, ты ли Христос?» Господь Иисус Христос провозгласил: «Я самый». Значит, клятва не запрещена.

Борис. Неужели вам не совестно? Вы старый человек...

Священник. Не упорствуйте, советую вам. Нам не переделать мир. А вот примите присягу, и покойно будет. А уж что грех, что не грех, предоставьте знать церкви.

Борис. Вам? И неужели вам не страшно? Столько греха брать на себя?

Священник. Какой же грех? Как я воспитан в твердой вере и как прожил тридцать лет священствуя, не может быть на мне греха.

Борис. На ком же грех, что вы обманываете стольких людей. Ведь что у них в головах? (*Показывает на часового.*)

Священник. Этого мы с вами, молодой человек, не рассудим. А нам подобает послушание старшим.

Борис. Оставьте меня. Мне жалко вас и, каюсь, гадко слушать вас. Если бы вы были, как тот генерал, а то вы с крестом, с Евангелием, во имя Христа приходите уговаривать меня отречься от Христа. Уйдите. (*Взволнованно.*) Уйдите, оставьте меня. Уйдите. Отведите меня, чтобы не видать никого. Я устал. Ужасно устал.

Священник. Прощайте, коли так.

Входит адъютант.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и адъютант. Борис сидит в заду сцены.

Адъютант. Ну что же?

Священник. Упорство великое. Непокорность.

Адъютант. Так что не согласился присягнуть и служить?

Священник. Ни в каком виде.

Адъютант. Стало быть, надо везти в госпиталь.

Священник. Что же, больным сделать? Оно, конечно, удобнее. А то пример соблазнительный.

Адъютант. На испытание в отделение душевнобольных. Так приказано.

Священник. Конечно. Мое почтение. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, без священника.

Адъютант (*подходит к Борису*). Пожалуйста. Мне велено свезти вас.

Борис. Куда?

Адъютант. На время теперь в госпиталь, где вам будет покойнее и где вы будете иметь время обдумать...

Борис. Я давно уже прежде обдумал. Ну что ж, поедемте.

Уходят.

Занавес

Сцена переменяется. Приемная комната в госпитале.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Доктора, старший и младший. Больной офицер в халате. Сторожа в блузах.

Больной офицер. Я говорю вам, что вы меня хуже губите. Я несколько раз уже чувствовал себя совсем здоровым.

Старший доктор. Да вы не волнуйтесь. Я согласен вас выписать. Но ведь вы сами знаете, что вам опасна свобода. Если бы я знал, что за вами будет уход.

Больной. Вы думаете, что я опять пить стану? Нет, уже я научен. А всякий лишний день, проведенный здесь, губит меня. Вы делаете обратное тому, что (горячится) должно. Вы жестоки. Вам хорошо.

Старший доктор. Успокойтесь. (Делает знак сторожам. Они сзади подходят.)

Больной. Вам хорошо рассуждать на свободе, а каково нам среди сумасшедших. (На сторожей.) Что подходишь? Прочь!

Старший доктор. Я вас прошу успокоиться.

Больной. А я вас прошу, требую выпустить меня. (Взвизгивает и бросается. Но сторожа схватывают. Борьба, и уводят.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Старший и младший доктор.

Младший доктор. Ну, опять началось. И чуть было он не задел вас.

Старший доктор. Алкоголик и... ничего нельзя сделать. Хотя все-таки есть улучшение.

Входит адъютант.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и адъютант.

Адъютант. Здравствуйте.

Старший доктор. Доброе утро.

Адъютант. А я привез к вам интересного субъекта. Некто князь Черемшанов, должен был отбывать воинскую повинность, отказался на основании Евангелия. Посылали к жандармам, те нашли себе не подлежащим, ничего неблагонадежного. Батюшка внушал, тоже не взяло.

Старший доктор (смеясь). И, как всегда, к нам, как последняя инстанция. Что же, давайте его.

Младший доктор выходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без младшего доктора.

Адъютант. Говорят, очень образованный молодой человек. И невеста у него богатая. Удивительно. Я прямо признаю, что у вас его настоящее место.

Старший доктор. Да, мапиа...

Вводят Бориса.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Борис.

Старший доктор. Милости просим. Садитесь пожалуйста. Мы побеседуем. Вы нас оставьте.

Адъютант уходит.

Т е ж е, без адъютанта.

Б о р и с. Если бы можно, я бы вас просил, если вы меня будете запирасть куда-нибудь, то поскорее запереть меня и дать мне отдых.

С т а р ш и й д о к т о р. Простите. Необходимо нам соблюсти правила. Только несколько вопросов. Что вы чувствуете? Чем страдаете?

Б о р и с. Ничем. Я совершенно здоров.

С т а р ш и й д о к т о р. Да, но вы поступаете не так, как все.

Б о р и с. Я поступаю так, как мне велит совесть.

С т а р ш и й д о к т о р. Вот вы отказались от исполнения воинской повинности. Как вы мотивируете это?

Б о р и с. Я христианин и потому не могу убивать.

С т а р ш и й д о к т о р. Но ведь нужно защищать отечество от врагов, нужно удерживать от зла нарушителей порядка.

Б о р и с. На отечество никто не нападает; нарушителей порядка гораздо больше среди правительства, чем среди тех, которых оно насилует.

С т а р ш и й д о к т о р. То есть как вы это разумеете?

Б о р и с. А так, что, например, главная причина зла — водка — продается правительством, ложная вера, обманная, распространяется правительством, и вот солдатство, исполнения которого от меня требуют и которое есть главное средство развращения, требуется правительством.

С т а р ш и й д о к т о р. По вашему мнению, стало быть, не нужно правительства и государства?

Б о р и с. Я этого не знаю, но знаю наверно, что мне не надо участвовать в зле.

С т а р ш и й д о к т о р. Но что же будет с миром? Ведь нам дан разум для того, чтобы предвидеть.

Б о р и с. Тоже и на то дан разум, чтобы видеть, что общественное устройство держится не насилем, а добром и что отказ одного человека от участия в зле не представляет никакой опасности.

Старший доктор. Теперь позвольте вас немного исследовать. Потрудитесь лечь. *(Начинает щупать.)* Тут не чувствуете боли?

Борис. Нет.

Старший доктор. И тут?

Борис. Нет.

Старший доктор. Вздохните. Не дышите. Благодарю вас. Теперь позвольте. *(Достает мерку и меряет лоб, нос.)* Теперь, будьте добры, закрыв глаза, пройдите.

Борис. И вам не совестно делать все это?

Старший доктор. То есть что?

Борис. Все эти глупости. Ведь вы знаете, что я здоров, что меня прислали сюда за то, что я отказался участвовать в их эле, что им отвечать на истину нечем и что для этого они притворились, что считают меня ненормальным, и вы содействуете им в этом. Ведь это гадко и стыдно. Оставьте это.

Старший доктор. Так вам не угодно пройти?

Борис. Нет, не угодно. Можете мучать меня, как хотите, но делайте вы, а я помогать вам не буду. *(Горячо.)* Оставьте.

Доктор пожимает звонок. Входят два сторожа.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и сторожа.

Старший доктор. Вы успокойтесь. Я понимаю, что нервы ваши подняты. Не хотите ли пройти в ваше отделение?

Входит младший доктор.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и младший доктор.

Младший доктор. Тут приехали к Черемшанову посетители.

Борис. Кто такие?

Младший доктор. Сарынцев с дочерью.
Борис. Я бы желал видеть их.
Старший доктор. Что же, просите. Вы можете
здесь принять их. (Уходит. За ним младший доктор и
сторожа.)

Входят Николай Иванович и Люба. Княгиня гля-
дит в дверь и говорит: «Идите, я после».

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Борис, Николай Иванович и Люба.

Люба (прямо подходит к нему, берет его за голову
и целует). Бедный Борис!

Борис. Нет, не жалей меня. Мне так хорошо. Так
радостно. Так легко. Здравствуйте! (Целуются с Нико-
лаем Ивановичем.)

Николай Иванович. Я пришел сказать тебе
одно, главное: первое, что в таких делах хуже переде-
лать, чем не доделать; и во-вторых, то, что в этом деле
надо поступать, как сказано в Евангелии, не думать впе-
ред: я так сделаю, я то скажу, «и когда поведут вас к
правителям, не думайте, что будете говорить, дух бо-
жий будет говорить в вас». То есть не тогда делать,
когда рассудил, что так надо, а когда всем существом
чувствуешь, что не можешь поступить иначе.

Борис. Я так и делал. Я не думал, что я откажусь.
Но когда увидел всю эту ложь, эти зеркала, бумаги,
полицию, курящих членов, я не мог не сказать то, что
сказал. И было страшно. Но только до тех пор, пока не
начал, а потом так просто, так радостно.

Люба сидит и плачет.

Николай Иванович. Главное же, не делай ни-
чего для славы людской, для того, чтобы одобрили те,
чьим мнением ты дорожишь. Про себя я смело говорю
тебе, что, если ты сейчас примешь присягу, станешь
служить, я буду любить и уважать тебя не меньше,
больше, чем прежде, потому что дорого не то, что сде-
лалось в мире, а то, что сделалось в душе.

Борис. Разумеется, потому что если сделалось в душе, то и в мире перемена будет.

Николай Иванович. Вот я сказал тебе. Мать твоя тут. И она страшно убита. Если можешь сделать, что она просит, — сделай, это я хотел сказать тебе.

В коридоре слышны безумные вопли. Врывается больной, за ним сторожа и утаскивают его.

Люба. Это ужасно! И ты будешь здесь! (Плачет.)

Борис. Мне не страшно это, мне ничего не страшно теперь. Мне так хорошо! Мне одно страшно: твое отношение к этому. И ты помоги мне. Я уверен, ты можешь мне.

Люба. Разве я могу радоваться?

Николай Иванович. Не радоваться, это нельзя, и я не радуюсь, я страдаю за него и с какой бы радостью заместил его, но я страдаю и знаю, что это хорошо.

Люба. Хорошо. Но когда же его выпустят?

Борис. Никто не знает. Я не думаю о будущем. Настоящее так хорошо. И ты можешь сделать его лучше.

Входит княгиня.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и княгиня.

Княгиня. Нет, не могу больше ждать. (К Николаю Ивановичу.) Ну, что же, уговорили его? Согласен? Боря, голубчик. Ведь ты пойми, что мне терпеть. Тридцать лет одной жизни для тебя. Растить, радоваться. И когда все готово, сделалось, вдруг отказаться от всего! Тюрьма, позор. Да нет. Боря!

Борис. Мама, ты послушай.

Княгиня. Что же вы не говорите ничего? Вы погубили его, вы и должны уговорить его. Вам хорошо. Люба, говори же ему.

Люба. Что я могу?

Борис. Мама! Ты пойми, что есть вещи, которых нельзя, так же нельзя, как нельзя летать. Так я не могу служить.

Княгиня. Выдумал, что не можешь. Вздор. Служили все и служат. Выдумали с Николаем Ивановичем какое-то христианство. Это не христианство, а дьявольское учение, которое заставит всех страдать.

Борис. Так и сказано в Евангелии.

Княгиня. Ничего не сказано, а если сказано, то глупо сказано. Голубчик, Боря, пожалей меня. (*Бросается ему на шею и плачет.*) Вся моя жизнь была одно горе. Единственный просвет радости, и ты из него делаешь муку. Боря! Пожалей меня...

Борис. Мама, мне тяжело ужасно. Но я не могу вам сказать.

Княгиня. Ну, не отказывайся, скажи, что подумаешь.

Николай Иванович. Скажи, что подумаешь, и подумай.

Борис. Ну, хорошо. Но и вы, мама, пожалейте меня. Мне тоже трудно.

Слышны опять вопли в коридоре.

Я ведь в сумасшедшем доме, можно и точно с ума сойти.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и старший доктор.

Старший доктор (*входя*). Сударыня, это может иметь очень дурные последствия. Ваш сын в возбужденном состоянии. Я думаю, надо прекратить свиданье. В дни свиданий — четверг, воскресенье — прошу, пожалуйста, до двенадцати.

Княгиня. Ну, хорошо, хорошо, я уйду. Боря, прощай. Подумай, пожалей меня и в четверг встречу радостно. (*Целует.*)

Николай Иванович (*подает руку*). Думай с богом, как будто ты наверно завтра умрешь. Тогда только решишь верно. Прощай.

Борис (подходит к Любе). Что же ты мне скажешь?

Люба. Я не могу лгать. Я не понимаю, зачем мучать себя и всех. Я не понимаю и ничего не могу сказать. (Плачет и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Борис один.

Борис. Ах, как трудно! Ах, как трудно! Господи, помоги мне! (Молится.)

Входят сторожа с халатом.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Борис и сторожа.

Сторож. Пожалуйста переодеться.

Борис переодевается.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В Москве. Прошел год после третьего действия. Зала в доме Сарынцевых приготовлена для танцевального вечера под фортепиано. Лакеи устанавливают цветы перед роялем. Входит Марья Ивановна в нарядном шелковом платье с Александрой Ивановной.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Ивановна, Александра Ивановна и лакеи.

Марья Ивановна. Какой же бал? Не бал, а просто вечерок, une sauterie, как говорили прежде, для adolescents¹. Ведь не могу же я посылать своих танцевать. И спектакль был у Маковых, и танцевали везде. Надо мне отплатить.

Александра Ивановна. Боюсь, Nicolas это очень неприятно.

Марья Ивановна. Что ж делать! (Лакею.) Сюда поставьте. Бог видит, как бы я желала не делать ему неприятного. Но я думаю, что он вообще теперь уже не так требователен.

Александра Ивановна. О нет. Он только не выказывает. Он прошел к себе после обеда очень расстроенный.

Марья Ивановна. Ну, что же делать? Что же делать? Ведь всем жить надо. Ведь их восемь человек. И

¹ молодежи (франц.).

если их дома не веселить, то они бог знает что будут делать. Я по крайней мере теперь об Любе так счастлива.

Александра Ивановна. Разве он сделал предложение?

Марья Ивановна. Все равно что сделал. Он говорил с ней, и она сказала, что да.

Александра Ивановна. Это опять будет ужасный удар для него.

Марья Ивановна. Да он знает. Он не может не знать.

Александра Ивановна. Он не любит его.

Марья Ивановна (*лакеям*). Фрукты поставьте на буфет. Кого? Александра Михайловича? Разумеется, не любит, потому что это отрицание всех его теорий: светский, милый, приятный и добрый человек. Ах, этот ужасный кошмар Бориса Черемшанова! Что он?

Александра Ивановна. Лизанька ходила к нему. Он все там же. Говорят, ужасно похудел, и доктора боятся за его жизнь или рассудок.

Марья Ивановна. Да, вот это жертва ужасная его идей. За что погиб? Я никогда не желала.

Входит та пер.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и та пер.

Марья Ивановна (*к нему*). Вы для танцев?

Та пер. Да, я та пер.

Марья Ивановна. Пожалуйста, садитесь, пождитте. А то не хотите ли чаю?

Та пер. Нет, благодарю вас. (*Идет к роялю.*)

Марья Ивановна. Никогда не желала. Я Борю любила, но все-таки это не была партия для Любы. Особенно когда он увлекся идеями Николая Ивановича.

Александра Ивановна. Все-таки удивительная сила убеждения. Ведь как он страдает. Ему говорят, что если он не согласится, его или оставят там, или в крепость. Он все то же отвечает. И Лизанька говорила, что радостен, весел даже.

Марья Ивановна. Фанатики. А вот и Александр Михайлович.

Входит во фраке блестящий Александр Михайлович Старковский.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Старковский.

Старковский. Я рано приехал. (*Целует руку у обеих.*)

Марья Ивановна. Тем лучше.

Старковский. А Любовь Николаевна? Она собиралась так много танцевать. За все пропущенное. Я взялся помогать ей.

Марья Ивановна. Она разбирает котильон.

Старковский. Я пойду помогу ей, можно?

Марья Ивановна. Прекрасно.

Старковский уходит. Навстречу ему идет Люба, несет подушки, звезды, ленты.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Люба.

Люба (*в вечернем наряде, не декольте*). А вот и вы. Отлично. Помогайте мне. Там в гостиной еще две подушки, несите всё сюда. Здравствуйте, здравствуйте.

Старковский. Лечу. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Ивановна, Александра Ивановна и Люба.

Марья Ивановна (*Любе*). Послушай, Люба. Нынче будут знакомые, будут намекать, спрашивать. Можно объявить?

Люба. Нет, мамà, нет, зачем? Пускай спрашивают. Папá будет неприятно.

Марья Ивановна. Да ведь он знает или догадывается, рано или поздно надо будет сказать ему.

Я думаю, что лучше объявить нынче. Ведь *c'est le secret de la comédie*¹.

Люба. Нет, нет, мамá, пожалуйста. Это значит отравить весь вечер. Нет, не надо.

Марья Ивановна. Ну, как хочешь.

Люба. Так вот что: в конце вечера, перед ужином.

Входит Старковский.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Старковский.

Люба. Ну, несете?

Марья Ивановна. Ну, я пойду Наташу посмотрю. *(Уходит с Александрой Ивановной.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Люба и Старковский.

Старковский *(несет три подушки, поддерживая подбородком, и роняет дорогой)*. Любовь Николаевна, не трогайте, я подберу. Ну, наделали вы. Надо только уметь распорядиться. Ваня, иди.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Ваня.

Ваня *(несет еще)*. Теперь всё. Люба, у нас с Александром Михайловичем пари, кто больше заслужит орденов.

Старковский. Тебе легко, ты всех знаешь, ты уже вперед заслужил, а я должен еще пленить прежде девиц, а потом уже получать награды. Я, значит, тебе даю вперед сорок очков.

Ваня. Зато ты жених, а я мальчик.

Старковский. Ну, я тоже не жених и хуже мальчика.

¹ это секрет комедии (это всем известно) *(франц.)*.

Люба. Ваня! поди, пожалуйста, ко мне в комнату и принеси на этажерке клей и подушечку с иголками.

Ваня идет.

Только ради бога не разбей там чего.

Ваня. Все разобью! (Бежит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Люба и Старковский.

Старковский (берет ее за руку). Люба. Можно? Я так счастлив. (Целует руку.) Мазурка моя, но мне мало. В мазурке не успеешь сказать. А мне нужно сказать. Могу я телеграфировать своим, что я принят и счастлив?

Люба. Да, нынче вечером.

Старковский. Еще одно слово: как примет это Николай Иванович? Говорили ли вы ему? Говорили ли вы ему? Да?

Люба. Я не говорила. Но я скажу. Он примет, как он все принимает теперь из того, что касается семьи. Он скажет: делай, как знаешь. Но в душе он будет огорчен.

Старковский. Оттого, что я не Черемшанов? Оттого, что я камер-юнкер, предводитель?

Люба. Да. Но я уже боролась с собой, обманывала себя для него. И не то что я меньше люблю его, что не делаю того, что он хочет, но оттого, что не могу лгать. И он сам говорит это. Я слишком хочу жить.

Старковский. И это одна правда — жизнь. Ну, а он, Черемшанов?

Люба (взволнованно). Не говорите мне про него. Мне хочется осуждать его, и осуждать его тогда, когда он страдает. И я знаю, что это оттого, что я виновата перед ним. Одно я знаю, что есть любовь и, я думаю, настоящая любовь, которой я никогда не любила его.

Старковский. Люба, правда?

Люба. Вы хотите, чтобы я сказала, что я вас люблю этой настоящей любовью. Но я не скажу. Я, да, я люблю вас...

Старковский. Вас...

Люба. Тебя другой любовью, но и это не то. И та не то, и эта не то; если бы смешать.

Старковский. Нет, я доволен своей. (*Целует руку.*) Люба!

Люба (*отстраняет*). Нет, давайте разбирать. Да вот и приезжают.

Входит княгиня с Тоней и девочкой.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и княгиня с Тоней и девочкой.

Люба. Мама сейчас выйдет.

Княгиня. Мы первые?

Старковский. Надо кому-нибудь, я предлагал сделать гуттаперчевую даму первую.

Выходит Степа, Ваня приносит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, Степа и Ваня.

Степа. Я вчера думал видеть вас у итальянцев.

Тоня. Мы были у тети, шили бедным.

Входят студенты, дамы, Марья Ивановна, графиня.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же, Марья Ивановна, графиня, студенты, дамы.

Графиня. Николая Ивановича мы не увидим?

Марья Ивановна. Нет, он никогда не выходит.

Старковский. Кадриль, пожалуйста. (*Хлопает в ладоши.*)

Расставляются. Танцуют.

Александра Ивановна (*подходит к Марье Ивановне*). Он в ужасном волнении. Он был у Бориса Александровича и пришел, увидел бал и хочет уезжать. Я подошла к двери и слышала его разговор с Александром Петровичем.

Марья Ивановна. Что же?

Старковский. *Rond des dames! Les cavaliers en avant!*¹

Александра Ивановна. Он решил, что невозможно жить, и уезжает.

Марья Ивановна. Что за мучитель этот человек! (*Уходит.*)

Сцена переменяется. Комната Николая Ивановича. Слышна музыка издалека. Он одет в пальто, кладет письмо на стол. С ним оборванный Александр Петрович.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Николай Иванович и Александр Петрович.

Александр Петрович. Будьте спокойны, пройдем до Кавказа без гроша. А там уж вы устраивайте.

Николай Иванович. До Тулы доедем, а там пойдем. Ну, все готово. (*Кладет письмо на середину стола и выходит. Встречается с Марьей Ивановной.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Николай Иванович, Александр Петрович и Марья Ивановна.

Николай Иванович. Ну, для чего ты пришла?

Марья Ивановна. Как для чего? Для того, чтобы не дать тебе сделать жестокое дело. Зачем это? За что?

Николай Иванович. Зачем? Затем, что я не могу продолжать так жить. Не могу переносить этой ужасной, развращенной жизни.

¹ Дамы в круг! Кавалеры вперед! (*франц.*)

Марья Ивановна. Ведь это ужасно! Моя жизнь, которую я всю отдаю тебе и детям, вдруг развратная. (*Видит Александра Петровича.*) Renvoyez au moins cet homme. Je ne veux pas qu'il soit témoin de cette conversation¹.

Александр Петрович. Компрене. Тужер муа парте.

Николай Иванович. Подождите меня там, Александр Петрович, я сейчас приду.

Александр Петрович уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Николай Иванович и Марья Ивановна.

Марья Ивановна. И что общего может иметь с вами такой человек? И почему он тебе ближе жены? Это нельзя понять. Куда же ты идешь?

Николай Иванович. Я оставил тебе письмо. Я не хотел говорить. Мне слишком тяжело. Но если ты хочешь, я постараюсь спокойно сказать тебе это.

Марья Ивановна. Нет, я не могу понять. За что ты ненавидишь и казнишь жену, которая тебе все отдала? Скажи, что я ездила по балам, наряжалась, кокетничала? Вся жизнь моя отдана была семье. Всех сама кормила, воспитывала, последний год вся тяжесть воспитанья, управленья делами, все на мне...

Николай Иванович (*перебивая*). Да ведь тяжесть эта оттого на тебе, что ты не захотела жить, как я предлагал.

Марья Ивановна. Да ведь это невозможно. Спроси у всего света. Невозможно оставить детей безграмотными, как ты хотел, и мне самой стирать и готовить кушанье.

Николай Иванович. Я никогда не хотел этого.

Марья Ивановна. Ну, все равно, в этом роде. Нет, ты христианин, ты хочешь делать добро, говоришь, что любишь людей, за что же ты казнишь ту женщину, которая отдала тебе всю свою жизнь?

¹ Вышлите по крайней мере этого человека. Я не хочу, чтобы он был свидетелем этого разговора (*франц.*).

Николай Иванович. Да чем же я казню? Я и люблю, но...

Марья Ивановна. Как же не казнишь, когда ты бросаешь меня, уходишь? Что же скажут все? Одно из двух: или я дурная женщина, или ты сумасшедший.

Николай Иванович. Да пускай я сумасшедший, я не могу так жить.

Марья Ивановна. Что же тут ужасного, что я во всю зиму один раз... и именно потому, что боялась, что тебе это будет неприятно, сделала вечер. И то какой, — спроси Маню и Варвару Васильевну, все мне говорили, что без этого нельзя, что это необходимо. И это преступление, и за это я должна нести позор. Да и не позор только. Самое главное то, что ты теперь не любишь меня. Ты любишь весь мир и пьяного Александра Петровича, а я все-таки люблю тебя; не могу жить без тебя. За что? За что? *(Плачет.)*

Николай Иванович. Ведь ты не хочешь понимать моей жизни, моей духовной жизни.

Марья Ивановна. Я хочу понимать, но не могу понять. Я вижу, что твое христианство сделало то, что ты возненавидел семью, меня. А для чего, не понимаю.

Николай Иванович. Другие понимают же.

Марья Ивановна. Кто? Александр Петрович, который выпрашивает у тебя деньги.

Николай Иванович. И он, и другие, и Тоня, и Василий Никанорович. Да мне все равно. Если бы никто не понимал, это не изменило бы.

Марья Ивановна. Василий Никанорович покался и опять поступил в приход. А Тоня сейчас танцует и кокетничает с Степой.

Николай Иванович. Это жалко, но это не может сделать того, что черное будет белым, не может и изменить моей жизни. Маша! Я не нужен тебе. Отпусти меня. Я пытался участвовать в вашей жизни, внести в нее то, что составляет для меня всю жизнь. Но это невозможно. Выходит только то, что я мучаю вас и мучаю себя. Не только мучаю себя, но гублю то, что я делаю. Мне всякий, этот же Александр Петрович, имеет право сказать и говорит, что я обманщик, что я говорю, но не делаю, что я проповедую евангельскую бедность,

а сам живу в роскоши под предлогом, что я отдал все жене.

Марья Ивановна. И тебе пред людьми стыдно? Неужели ты не можешь стать выше этого?

Николай Иванович. Не мне стыдно, но и стыдно, но я гублю дело божие.

Марья Ивановна. Ты сам говорил, что оно делается, несмотря на наше противодействие ему. Но не в том дело. Скажи, чего ты хочешь от меня?

Николай Иванович. Ведь я говорил.

Марья Ивановна. Но, Nicolas, ведь ты знаешь, что это невозможно. Подумай только, теперь Люба выходит замуж, Ваня поступил в университет, Миша, Катя учатся. Как же все оборвать?

Николай Иванович. Так мне-то как же быть?

Марья Ивановна. Делать то, что ты проповедуешь: терпеть, любить. Что тебе трудно? Только переносить нас, не лишать нас себя. Ну, что тебя мучает?

Вбегает Ваня.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Ваня.

Ваня. Мама, зовут тебя.

Марья Ивановна. Скажи, что не могу. Иди, иди.

Ваня. Да приходи же. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Николай Иванович и Марья Ивановна.

Николай Иванович. Ты не хочешь видеть и понимать меня.

Марья Ивановна. Не не хочу, но не могу.

Николай Иванович. Да, не хочешь понимать, и мы расходимся все больше и больше. Ты вникни в меня, на минутку перенесись, и ты поймешь. Ну, первое: жизнь здесь вся развращенная. Ты сердишься на это слово, но я не могу иначе назвать жизнь, всю построенную на грабеже, потому что деньги, на которые вы живете, это деньги с земли, которую вы грабите у народа. Кро-

ме того, я вижу, что эта жизнь развращает детей: «горе тому, кто соблазнит единого из малых сих», а я вижу, как на моих глазах они гибнут и развращаются. Не могу я видеть, как люди взрослые, как рабы, наряженные во фраки, служат нам. Каждый обед для меня страданье.

Марья Ивановна. Да ведь это все было. Ведь это у всех и за границей и везде.

Николай Иванович. Не могу я, с тех пор как я понял, что мы все братья, я уже не могу не видеть этого и не страдать.

Марья Ивановна. Вольно же. Все можно выдумать.

Николай Иванович (*горячо*). Вот это-то непонимание ужасно. Ну вот нынче. Утро я провожу в Ржановом доме среди золоторотцев, вижу, как там прямо от голода умер ребенок, как мальчик стал алкоголиком, как прачка чахоточная едет полоскать белье; потом прихожу домой, и лакей в белом галстуке отворяет мне дверь, вижу, как мой сын, мальчишка, требует от этого лакея, чтобы он принес ему воды, вижу эту армию прислуги, работающих для нас. Потом я иду к Борису, человеку, жизнью своей отстаивающему истину, и вижу, как его, чистого, сильного, твердого человека, умышленно доводят до сумасшествия и гибели, чтобы отделаться от него. Я знаю, они знают, что у него порок сердца, и они раздраживают его и тащат в отделение бешеных. Нет, это ужасно, ужасно. И тут я прихожу домой и узнаю, что та одна из нашей семьи дочь, которая понимала — не меня, а истину, что она заодно отреклась и от жениха, которому обещала любовь, и от истины и выходит за лакея, лгуна...

Марья Ивановна. Как это по-христиански!

Николай Иванович. Да, это скверно, я виноват, но я только хочу, чтобы ты перенеслась в меня. Я только говорю, что она отреклась от истины...

Марья Ивановна. Ты говоришь: от истины; а другие, и большинство, говорят: от заблуждения. Ведь вот Василий Никанорович думал, что он заблуждался, а теперь вернулся же к церкви.

Николай Иванович. Да не может быть!

Марья Ивановна. Он писал Лизаньке, она

покажет тебе письмо. Все это очень непрочное. Также и Тоня. Я уже не говорю про Александра Петровича, который находит это только выгодным.

Николай Иванович (*сердится*). Ну, все равно. Я только прошу меня понять. Я все-таки считаю истину истиной. Так мне это больно. И тут дома, вхожу, вижу елка, бал, трата сотен, когда люди мрут с голода. Не могу я так жить. Пожалей меня, я измучился. Отпусти меня. Прощай.

Марья Ивановна. Если ты уйдешь, я уйду с тобой. А если не с тобой, то уйду под тот поезд, на котором ты поедешь. И пропадай они все — и Миша и Катя. Боже мой! Боже мой! Какое, какое мучение. За что? За что? (*Плачет.*)

Николай Иванович (*в двери*). Александр Петрович, идите к себе. Я не поеду. Я останусь, хорошо. (*Раздевается.*)

Марья Ивановна (*обнимает его*). Недолго нам жить осталось. Не будем портить после двадцативосьмилетней жизни. Ну, я не буду делать вечеров, но не наказывай меня.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Ваня и Катя.

Ваня и Катя (*вбегают*). Мама, иди скорей.

Марья Ивановна. Иду, иду. Так будем прощать друг другу. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Николай Иванович один.

Николай Иванович. Ребенок, совсем ребенок, или хитрая женщина. Да, хитрый ребенок. Да, да. Видно, не хочешь ты, чтобы я был твоим работником в этом твоём деле; хочешь, чтобы я был унижен, чтобы все могли на меня пальцами указывать: говорит, но не делает. Ну, пускай. Ты лучше знаешь, что тебе нужно. Смирение, юродство. Да, если бы только возвыситься до него!

Входит Лизанька.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Николай Иванович и Лизанька.

Лизанька. Простите. Я несла вам письмо от Василия Никаноровича. Он пишет мне, но просит сообщить вам.

Николай Иванович. Неужели это правда?

Лизанька. Да, прочесть?

Николай Иванович. Прочти, пожалуйста.

Лизанька (*читает*). «Пишу вам, прося вас передать это Николаю Ивановичу. Я очень сожалею о том заблуждении, в котором явно отступил от святой православной церкви, и радуюсь, что вернулся к ней. Желаю вам и Николаю Ивановичу того же. Прошу простить меня».

Николай Иванович. Замучили его, бедного. Но все-таки это ужасно.

Лизанька. А еще я пришла сказать вам, что приехала княгиня и в ужасно возбужденном состоянии пришла ко мне наверх и хочет вас непременно видеть. Она сейчас была у сына. Я думаю, лучше отказать ей. Что же может выйти из вашего свидания?

Николай Иванович. Нет, зовите ее. Видно, нынче такой ужасный день испытаний.

Лизанька (*уходит*). Так я позову.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Николай Иванович один.

Николай Иванович. Да, да, только бы помнить, что жизнь только в служении тебе. Помнить, что если ты посылаешь испытание, то потому, что считаешь меня способным выдержать его, что оно по силам мне. Иначе бы оно и не было испытанием... Отец, помоги, помоги мне делать не свою, а твою волю.

Входит княгиня.

Николай Иванович и княгиня.

Княгиня. Приняли меня, удостоили. Мое почтение. Я не подаю руки вам, потому что ненавижу, презираю вас.

Николай Иванович. Да что случилось?

Княгиня. А то, что его переводят в дисциплинарный батальон. И это вы сделали.

Николай Иванович. Княгиня, если вам что нужно, то скажите, а если только для того, чтобы бранить меня, то вы только вредите себе. Меня же вы не можете оскорбить, потому что я всей душой сочувствую вам, жалею вас.

Княгиня. Какое милосердие, христианская высота! Нет, господин Сарынцев, меня-то вы не обманете. Знаем вас теперь. Сына моего вы погубили, вам все равно, а сами задаете балы, и невеста моего сына, ваша дочь, выходит замуж, партию делает, какая вам приятна. А вы здесь притворяетесь, что опростились, столарничаете. Как вы мне отвратительны с своим фарисейством новым!

Николай Иванович. Княгиня, успокойтесь. Скажите, что вам нужно. Ведь не только то, чтобы ругать меня.

Княгиня. И это. Нужно мне излить наболевшее. А нужно мне вот что. Его переводят в дисциплинарный батальон, и я не перенесу этого. И вы довели его до того. И это вы сделали. Вы, вы, вы!

Николай Иванович. Не я, бог сделал это. И бог видит, как мне жаль вас. Не противьтесь воле бога. Он хочет испытать вас. Несите покорно.

Княгиня. Не могу я нести покорно. Вся жизнь моя была один сын мой, и вы отняли у меня его и погубили. Не могу я быть спокойна. Я приехала к вам, последняя моя попытка сказать вам, что вы погубили его, вы и должны спасти его. Поезжайте, добейтесь, чтобы его выпустили. Поезжайте к начальству, к царю, к кому хотите. Только вы обязаны это сделать. Если же вы не сделаете этого, я знаю, что я сделаю. Вы мне ответите за это.

Николай Иванович. Научите, что я должен делать. Я все готов.

Княгиня. Я опять повторяю: вы должны спасти его. Если вы не спасете — помните! Прощайте. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Николай Иванович один.

Николай Иванович ложится на диван. Молчание. Отворяются двери. Музыка слышнее, грофатер. Входит Степа.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Николай Иванович и Степа.

Степа. Папа́ нет, идите.

Входят пары, маленькие с большими.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Николай Иванович, Степа и пары.

Люба (*узнает*). Ах, ты тут, извини.
Николай Иванович (*встает*). Ничего.

Пары проходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Николай Иванович один.

Николай Иванович. Василий Никанорович вернулся, Бориса я погубил, Люба выходит замуж. Неужели я заблуждаюсь, заблуждаюсь в том, что верю тебе? Нет. Отец, помоги мне!

Занавес

ЖИВОЙ ТРУП

*ДРАМА В ШЕСТИ ДЕЙСТВИЯХ
(ДВЕНАДЦАТИ КАРТИНАХ)*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Федор Васильевич Протасов (Федя).
Елизавета Андреевна Протасова (Лиза), его жена.
Миша, мальчик, их сын.
Анна Павловна, мать Лизы.
Саша, сестра Лизы.
Виктор Михайлович Каренин.
Анна Дмитриевна Каренина, мать его.
Марья Васильевна Крюкова, подруга Лизы.
Сергей Дмитриевич Абрезков, князь.
Маша, цыганка.
Иван Макарович, старый цыган, отец Маши.
Настасья Ивановна, старая цыганка, мать Маши.
Михаил Андреевич
Афремов
Стахович
Буткевич
Коротков
Иван Петрович Александров.
Петушков, художник.
Артемьев.
Вознесенский, секретарь
- Каренина.
Судебный следователь.
Письмоводитель судебного следователя.
Мельников.
Петрушин, адвокат.
Молодой адвокат.
Доктор.
Офицер у цыган.
Музыкант.
Катя } цыганки.
Гаша }
Цыганка.
1-й цыган.
2-й цыган.
Дама в суде.
Офицер в суде.
Судейский.
Няня Протасовых.
Дуняша, горничная Протасовых.
Лакей Протасовых.
Лакей Карениных.
Женщина в трактире.
Половой в трактире.
Городовой.
Курьер.
Хозяин трактира.
Господин в суде.
Судьи, зрители, свидетели.
Цыгане и цыганки (хор).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Павловна, полная седая дама, в корсете, сидит одна за чайным столом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Павловна и няня с чайником.

Няня. Можно у вас водицы?

Анна Павловна. Можно. Что Мишечка?

Няня. Да беспокоен. Нет хуже, как сама барыня кормит. У них свои там горести, а ребеночек страдает. Какое же молоко может быть, когда ночи не спят, плачут.

Анна Павловна. Да, кажется, теперь успокоилась.

Няня. Хорошо спокойствие. Смотреть тошно. Что-то писали и плакали.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Саша.

Саша (*входит. К няне*). Лиза в детской вас ищет.

Няня. Иду, иду. (*Уходит.*)

Анна Павловна и Саша.

Анна Павловна. Няня говорит, что она все плачет. Как это она не может успокоиться.

Саша. Нет, вы, мама, удивительны. Оставить мужа, отца своего ребенка, и вы хотите, чтобы она была спокойна.

Анна Павловна. Не спокойна, — а что сделано, то сделано. Если я, мать, не только допустила, но радуюсь тому, что моя дочь бросает мужа, значит, стоит он того. Надо радоваться, а не печалиться, что можешь освободиться от такого дурного человека, освободиться от такого золота.

Саша. Мама, зачем вы говорите так? Ведь вы знаете, что это неправда. Он не дурной, а, напротив, удивительный, удивительный человек, несмотря на его слабости.

Анна Павловна. Ну, именно удивительный человек. Как только деньги в руках — свои ли, чужие ли...

Саша. Мама, он никогда чужих не брал.

Анна Павловна. Все равно, женины.

Саша. Да ведь он же отдал все свое состояние жене.

Анна Павловна. Еще бы не отдать, когда он сам знает, что он все промотает.

Саша. Промотает ли, не промотает, я только знаю, что нельзя разлучаться с мужем, особенно с таким, как Федя.

Анна Павловна. По-твоему, надо ждать, пока он все промотает и приведет в дом своих цыганок-любовниц?

Саша. Нет у него любовниц.

Анна Павловна. Вот то и беда, что он всех вас чем-то обворожил. Только не меня, нет, шалишь; я его вижу, и он знает это. На месте Лизы я бы не теперь, а уж год тому назад бросила его.

Саша. Как вы это говорите легко.

Анна Павловна. Нет, не легко. Мне, матери, видеть дочь разведенной не легко. Поверь, что очень не легко. Но все лучше, чем загубить молодую жизнь. Нет, я бога благодарю, что она теперь решилась и что все кончено.

Саша. Может быть, и не кончено.

Анна Павловна. Только бы он дал развод.

Саша. Что же будет хорошего?

Анна Павловна. Будет то, что она молода и еще может быть счастлива.

Саша. Ах, мама, это ужасно, что вы говорите; не может Лиза полюбить другого.

Анна Павловна. Отчего не может? если она будет свободна. Найдутся люди в тысячу раз лучше вашего Феди и будут счастливы жениться на Лизе.

Саша. Мама, это нехорошо. Вы ведь, я знаю, думаете про Виктора Каренина.

Анна Павловна. Отчего же не думать про него? Он любит ее десять лет, и она любит его.

Саша. Любит, но не так, как мужа. Это дружба с детства.

Анна Павловна. Знаем мы эту дружбу. Только бы не было препятствий.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же. Входит горничная.

Анна Павловна. Что вы?

Горничная. Барыня посылали дворника с запиской к Виктору Михайловичу.

Анна Павловна. Какая барыня?

Горничная. Лизавета Андреевна, барыня.

Анна Павловна. Ну так что ж?

Горничная. Виктор Михайлович приказали сказать, что сейчас сами будут.

Анна Павловна (*удивленно*). Только что о нем говорили. Не понимаю только зачем? (*Саше*.) Ты не знаешь?

Саша. Может быть, знаю, а может быть, не знаю.

Анна Павловна. Все секреты.

Саша. Лиза придет, она вам скажет.

Анна Павловна (*качая головой, к горничной*). А самовар подогреть надо. Возьми, Дуняша.

Горничная берет самовар и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анна Павловна и Саша.

Анна Павловна (*к Саше, которая встала и хочет идти*). Вышло, как я говорила. Сейчас же и послала за ним.

Саша. Послала, может быть, совсем не за тем.

Анна Павловна. Так за чем же?

Саша. Теперь, в эту минуту, Каренин для нее все равно, что Трифонова.

Анна Павловна. А вот увидишь. Ведь я ее знаю. Она зовет его, ищет утешения.

Саша. Ах, мама, как вы мало ее знаете, что можете думать это.

Анна Павловна. Да вот увидишь. И я очень, очень рада.

Саша. Увидим. (*Напевает и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Анна Павловна одна.

Анна Павловна (*покачивает головой и бормочет*). И прекрасно. И пускай... И прекрасно, и пускай... Да...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Анна Павловна и горничная.

Горничная (*входит*). Виктор Михайлович приехали.

Анна Павловна. Ну что же. Проси, да скажи барыне.

Горничная проходит во внутреннюю дверь.

Анна Павловна и Виктор Каренин.

Каренин (входит, здоровается с Анной Павловной). Лизвета Андреевна прислала мне записку, чтобы я приехал. А я и так собирался к вам нынче вечером, так что очень рад... Лизвета Андреевна здорова?

Анна Павловна. Она здорова, ребенок немножко беспокоится. Она сейчас придет. (Грустно.) Да, да, тяжелое время... Вы ведь всё знаете...

Каренин. Знаю. Ведь я тут был третьего дня, когда было получено от него письмо. Но неужели это так и решено бесповоротно?

Анна Павловна. Еще бы, разумеется. Переживать все, что было, еще раз, было бы ужасно.

Каренин. Да, вот где десять раз примерь, а раз отрежь. Резать по живому очень трудно.

Анна Павловна. Разумеется, трудно. Но ведь их брак уже давно был надрезан. Так что разорвать было менее трудно, чем кажется. Он сам понимает, что после всего, что было, ему уже самому нельзя вернуться.

Каренин. Отчего же?

Анна Павловна. Ну как же вы хотите после всех его гадостей, после того, как он клялся, что этого не будет и что если это будет, то он сам лишает себя всех прав мужа и дает ей полную свободу?

Каренин. Да, но какая же может быть свобода женщины, связанной браком?

Анна Павловна. Развод. Он обещал развод, и мы настояим.

Каренин. Да, но Лизвета Андреевна так любила его...

Анна Павловна. Ах, ее любовь подверглась таким испытаниям, что едва ли от нее остается что-нибудь. Тут и пьянство, и обманы, и неверности. Разве можно любить такого мужа?

Каренин. Для любви все можно.

Анна Павловна. Вы говорите — любить, но как же любить такого человека — тряпку, на которого ни в чем нельзя положиться? Ведь теперь что было... (Огля-

дывается на дверь и торопится рассказать.) Дела расстроены, все заложено, платить нечем. Наконец дядя присылает две тысячи, внести проценты. Он едет с этими деньгами и... пропадает. Жена сидит с больным ребенком, ждет, и, наконец, получается записка — прислать ему белье и вещи...

Каренин. Да, да, я знаю.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же. Входят Саша и Лиза.

Анна Павловна. Ну вот, Виктор Михайлович явился на твой зов.

Каренин. Да, меня немного задержали. (Здоровается с сестрами.)

Лиза. Благодарствуйте. У меня до вас большая просьба. И мне не к кому обратиться, как к вам.

Каренин. Все, что могу.

Лиза. Вы ведь все знаете.

Каренин. Да, я знаю.

Анна Павловна. Так я вас оставляю. (Саше.) Пойдем. Оставь их одних. (Уходит с Сашей.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лиза и Каренин.

Лиза. Да, он написал мне письмо, что считает все конченным. Я (удерживает слезы)... так была оскорблена, так... ну, одним словом, я согласилась разорвать. И ответила ему, что принимаю его отказ.

Каренин. Но потом?..

Лиза. Потом? Потом я почувствовала, что это дурно с моей стороны, что я не могу. Все лучше, чем расстаться с ним. Ну, одним словом, отдайте ему это письмо. Пожалуйста, Виктор... отдайте ему это письмо и скажите... и привезите его.

Каренин. Хорошо. (Удивленно.) Да, но как же?

Лиза. Скажите, что я прошу его все забыть, все забыть и вернуться. Я бы могла просто послать письмо. Но я знаю его: первое движение, как всегда, будет

хорошее, но потом чье-нибудь влияние, и он раздумает и сделает не то, что хочет...

Каренин. Сделаю, что могу.

Лиза. Вы удивляетесь, что я прошу именно вас?

Каренин. Нет... Впрочем, надо говорить правду — да, удивляюсь...

Лиза. Но не сердитесь?..

Каренин. Разве я могу на вас сердиться?

Лиза. Я просила вас потому, что знаю, что вы любите его.

Каренин. И его и вас. Вы знаете это. И люблю не для себя, а для вас. И я благодарю вас за то, что вы верите мне: сделаю, что могу.

Лиза. Я знала. Я вам все скажу: я нынче ездила к Афремову узнать, где он. Мне сказали, что они поехали к цыганам. И вот этого я боюсь. Этого увлечения я боюсь. Знаю, что если его не удержать вовремя, он увлечется. Вот это-то и нужно. Так вы поедете?

Каренин. Разумеется, сейчас.

Лиза. Поезжайте, найдите его и скажите, что все забыто, что я жду его.

Каренин *(встает)*. Но где искать его?

Лиза. Он у цыган. Я сама была там. Я была у крыльца. Хотела послать письмо, потом раздумала и решила просить вас... адрес вот. Ну, так скажите ему, чтобы он вернулся, что ничего не было, что все забыто. Сделайте это из любви к нему и дружбы к нам.

Каренин. Сделаю все, что могу. *(Выжидает, потом кланяется и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Лиза одна.

Лиза. Не могу, не могу. Все лучше, чем... не могу.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Лиза, входит Саша.

Саша. Ну что? Послала?

Лиза делает утвердительный знак головой.

И он согласился?

Лиза. Разумеется.

Саша. Зачем его — не понимаю...

Лиза. Кого же?

Саша. Да ведь ты знаешь, что он влюблен в тебя?

Лиза. Это все было и прошло. Но кого же ты хочешь, чтобы я просила? Как ты думаешь, вернется он?

Саша. Я уверена, потому что...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Анна Павловна.

Анна Павловна входит, Саша замолкает.

Анна Павловна. А Виктор Михайлович где?

Лиза. Уехал.

Анна Павловна. Как уехал?

Лиза. Я просила его исполнить мою просьбу.

Анна Павловна. Какую просьбу? Опять секреты?

Лиза. Не секреты, а просто просила его самому передать письмо Феде.

Анна Павловна. Феде? Федор Васильевичу?

Лиза. Да, Феде...

Анна Павловна. Я думала, что между вами все отношения кончены.

Лиза. Я не могу расстаться с ним.

Анна Павловна. Как, опять все сначала?

Лиза. Я хотела, я старалась, но я не могу. Все, что хотите, но только бы не разлучаться с ним.

Анна Павловна. Так что же, ты хочешь вернуть его?

Лиза. Да.

Анна Павловна. Опять пустить к себе в дом эту гадину?

Лиза. Мама, я прошу вас не говорить так про моего мужа.

Анна Павловна. Он был муж.

Лиза. Нет, он теперь мой муж.

Анна Павловна. Мот, пьяница, развратник, и ты не можешь с ним расстаться?

Лиза. За что вы меня мучаете? Мне и так тяжело, а вы точно нарочно хотите...

Анна Павловна. Я мучаю, так я уеду. Не могу я видеть этого.

Лиза молчит.

Я вижу, что вы этого хотите, что я вам мешаю. Не могу я жить. Ничего я в вас не понимаю. Все это по-новому. То развелась, решила, потом вдруг выписываешь человека, который в тебя влюблен.

Лиза. Ничего этого нет.

Анна Павловна. Каренин делал предложение... и посылаешь его за мужем. Что это? Чтобы возбудить ревность?

Лиза. Мама! Это ужасно, что вы говорите. Оставьте меня.

Анна Павловна. Так мать выгони из дома, а развратного мужа пусти. Да я не стану ждать. И прощайте, и бог с вами, как хотите, так и делайте. (Уходит, хлопая дверью.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Лиза и Саша.

Лиза (падает на стул). Этого не доставало!

Саша. Ничего. Все будет хорошо. Мама мы успокоим.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же и Анна Павловна.

Анна Павловна (молча проходит). Дуняша, мой чемодан!

Саша. Мама! Вы послушайте! (Уходит за ней и подмигивает сестре.)

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Комната у цыган. Хор поет «Канавелу». Федя лежит на диване ничком, без сюртука. Афремов на стуле верхом против запевалы. Офицер у стола, на котором стоит шампанское и стаканы. Тут же музыкант записывает.

Афремов. Федя! Спишь?

Федя (*поднимается*). Не разговаривайте. Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля... Теперь «Не вечерняя».

Цыган. Нельзя, Федор Васильевич. Теперь пусть Маша одна споет.

Федя. Ну, ладно. А потом «Не вечерняя». (*Опять ложится.*)

Офицер. «Час роковой». Согласны?

Афремов. Пускай.

Офицер (*к музыканту*). Что ж, записали?

Музыкант. Невозможно. Всякий раз по-новому. И какая-то скála иная. Вот тут. (*Подзывает. К цыганке, которая смотрит.*) Это как? (*Напевает.*)

Цыганка. Да так и есть. Так чудесно.

Федя (*поднимаясь*). Не запишет. А запишет да в оперу всунет — все изгадит. Ну, Маша, валяй хоть «Час»! Бери гитару. (*Встает, садится перед ней и смотрит ей в глаза.*)

Маша поет.

И это хорошо. Ай да Маша. Ну, теперь «Не вечерняя».

Афремов. Нет, постой. Прежде мою, похоронную.

Офицер. Отчего похоронную?

Афремов. А это оттого, что когда я умру... понимаешь, умру, в гробу буду лежать, придут цыгане... понимаешь? Так жене завещаю. И запоют «Шэл мэ вёрста», — так я из гроба вскочу, — понимаешь? (*Музыканту.*) Вот что запиши. Ну, катый.

Цыгане поют.

А, каково. Ну — «Размолодчики мои».

Поют. Афремов делает выходку. Цыгане улыбаются и, продолжая петь, хлопают. Афремов садится. Песня кончается.

Цыган. Ай да Михаил Андреевич, настоящий цыган.

Федя. Ну, теперь — «Не вечернюю».

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Входит цыган.

Цыган (к Феде). Вас барин спрашивает.

Федя. Какой барин?

Цыган. Не знаю. Одет хорошо. Соболья шуба.

Федя. Барарай? Ну что же, зови.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, без цыгана.

Афремов. Кто ж это к тебе сюда?

Федя. А черт его знает. Кому до меня дело?
(Встает, шатаясь.)

Маша уходит и что-то говорит по-цыгански с своими.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без Маши. Входит Каренин. Оглядывается.

Федя. А, Виктор. Вот кого не ждал. Раздевайся. Каким ветром тебя сюда занесло? Ну, садись. Слушай, Виктор, «Не вечерняя».

Цыгане поют.

Вот это она. Вот это она. Удивительно, и где же делается то все, что тут высказано? Ах, хорошо. И зачем может человек доходить до этого восторга, а нельзя продолжать его?

Музыкант (записывает). Да, очень оригинально.

Федя. Не оригинально, а это настоящее...

А ф р е м о в. Ну, чавалы, вы отдохните. (*Берет гитару и подсаживается к Кате.*)

Музыкант. В сущности, оно просто, но только ритм.

К а р е н и н. Je voudrais vous parler sans témoins¹.

Ф е д я. О чем?

К а р е н и н. Je viens de chez vous. Votre femme m'a chargé de cette lettre, et puis...²

Ф е д я (*берет письмо, читает, хмурится, потом ласково улыбается*). Послушай, Каренин, ты ведь знаешь, что в этом письме?

К а р е н и н. Знаю. И хочу сказать...

Ф е д я. Постой, постой. Ты, пожалуйста, не думай, что я пьян и мои слова невменяемы, то есть я невменяем. Я пьян, но в этом деле вижу все ясно. Ну, что же тебе поручено сказать?

К а р е н и н. Мне поручено найти тебя и сказать тебе, что она... ждет тебя. Просит тебя все забыть и вернуться.

Ф е д я (*слушает молча, глядя ему в лицо*). Я все-таки не понимаю, почему ты?

К а р е н и н. Лизавета Андреевна прислала за мной и просила меня...

Ф е д я. Так...

К а р е н и н. Но я не столько от имени твоей жены, сколько сам от себя прошу тебя: поедем домой.

Ф е д я. Ты лучше меня. Какой вздор! Лучше меня нетрудно быть. Я негодяй, а ты хороший, хороший человек. И от этого самого я не изменю своего решения. И не от этого. А просто не могу и не хочу. Ну как я поеду?

К а р е н и н. Поедем теперь ко мне. Я скажу, что ты вернешься, и завтра...

Ф е д я. А завтра что? Все буду я — я, а она — она. Нет. (*Подходит к столу и пьет.*) Зуб лучше сразу выдернуть. Я ведь говорил, что если я опять не сдержу слова, то чтобы она бросила меня. Я не сдержал, и конечно.

¹ Я хотел бы говорить с тобой без свидетелей (*франц.*).

² Я сейчас от вас. Твоя жена поручила мне это письмо и потом... (*франц.*)

Каренин. Для тебя, но не для нее.

Федя. Удивительно, что ты заботаешься о том, чтобы наш брак был не нарушен.

Каренин хочет что-то сказать. Входит Маша.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Маша. Потом цыгане.

Федя (*перебивает его*). Ты послушай, ты послушай. Маша, спой.

Цыгане сходятся.

Маша (*шепотом*). Повеличать бы.

Федя (*смеется*). Величать: Виктор сударь Михайлович...

Цыгане поют.

Каренин (*сконфуженно слушает, потом спрашивает*). Сколько дать?

Федя. Ну, дай двадцать пять.

Каренин дает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, без Каренина.

Федя. Чудесно! Теперь «Лен». (*Оглядывается*.) Удрал Каренин. Ну, черт с ним.

Цыгане разбредаются.

(*Махает рукой, подходит к Маше, садится на диван рядом с ней*.) Ах, Маша, Маша, как ты мне разворачиваешь нутро все.

Маша. Ну, а что я вас просила...

Федя. Что? Денег? (*Вынимает из кармана штанов*.) Ну что же, возьми.

Маша смеется, берет деньги и прячет в пазуху.

Федя (*цыганам*). Вот и разберись тут. Мне открывает небо, а сама на душки просит. Ведь ты ни черта не понимаешь того, что ты сама делаешь.

Маша. Как не понимать. Я понимаю, что кого люблю, для того и стараюсь и пою лучше.

Федя. А меня любишь?

Маша. Видно, что люблю.

Федя. Удивительно. (*Целует ее.*)

Цыгане и цыганки уходят. Остаются парочки: Федя с Машей, Афремов с Катей, офицер с Гашей. Музыкант пишет, цыган перебирает вальс на гитаре.

Ведь я женат, а тебе хор не велит. Хорошо тебе?

Маша. Разумеется, хорошо, когда хорошие гости. И нам весело.

Федя. Ты знаешь, кто это?

Маша. Слышала фамилию.

Федя. Это превосходный человек. Он приезжал звать меня домой к жене. Она меня, дурака, любит, а я вот что делаю.

Маша. Что же, это нехорошо. Надо к ней ехать. Надо ее пожалеть.

Федя. Ты думаешь, надо? А я думаю, не надо.

Маша. Известно, коли не любишь, так и не надо. Только любовь дорога.

Федя. А ты почему знаешь?

Маша. Должно, знаю.

Федя. Ну, поцелуй меня. Чавалы! Еще «Лен», и тогда шабаш.

Начинают петь.

Ах, хорошо! Кабы только не просыпаться. Так и помереть.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

После первого действия прошло две недели. У Лизы. Каренин и Анна Павловна сидят в столовой. Саша выходит из двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Каренин. Ну что?

Саша. Доктор сказал, что теперь опасности уж нет. И только не простудить.

Анна Павловна. Ну, слава богу. А то Лиза совсем извелась.

Саша. Он говорит, что это был или ложный круп, или в слабой форме... Это что? (Указывая на корзину.)

Анна Павловна. Да это Виктор привез виноград.

Каренин. Не хотите ли?

Саша. Да, она любит. Она очень нервна стала.

Каренин. Две ночи не спать, не есть.

Саша (улыбаясь). Да вы тоже...

Каренин. Я другое дело.

Те же. Выходят доктор и Лиза.

Доктор (*внушительно*). Так так-с. Через каждые полчаса меняйте, если он не спит. Если спит, не тревожьте. Мазать гортань не нужно. Температуру в комнате держать так же...

Лиза. А если опять будет задыхаться?

Доктор. Не должно быть. Если будет — пульверизация. И, кроме того, порошок, утром один и вечером другой. Я сейчас пропишу.

Анна Павловна. Не хотите ли, доктор, чаю?

Доктор. Нет, благодарю, больные ждут. (*Садится к столу.*)

Саша приносит бумагу, чернила.

Лиза. Так, наверное, это не круп.

Доктор (*улыбаясь*). Совершенно верно. (*Пишет.*)

Анна Павловна стоит над доктором.

Каренин. Ну, теперь выкушайте чая или, еще лучше, поспите, а то посмотрите, на что вы похожи.

Лиза. Теперь я ожила. Спасибо вам. Вот истинный друг. (*Жмет ему руку.*)

Саша сердито отходит к доктору.

Благодарствуйте, мой друг. Вот где дорога помощь.

Каренин. Что же я сделал? Вот уж не за что благодарить меня.

Лиза. А кто ночи не спал, кто привез эту знаменитость? Всё вы...

Каренин. Уж я так награжден и тем, что Мика вне опасности, и, главное, — вашей добротой. (*Опять жмет руку и смеется, показывая монету, оставшуюся у ней в руке.*)

Лиза (*улыбается*). Это доктору. Только я никогда не умею как отдать.

Каренин. Ну и я тоже не могу.

Анна Павловна (*подходит*). Что не могу?

Лиза. Давать деньги доктору. Он спас мне больше, чем жизнь, а я даю деньги. Что-то тут такое неприятное.

Анна Павловна. Давай я дам. Я умею как. Очень просто...

Доктор (*встает и дает рецепт*). Так эти порошки в столовой ложке отварной воды хорошенько размешать и... (*Продолжает наставление.*)

Каренин у стола пьет чай. Отходят вперед Анна Павловна и Саша.

Саша. Не могу видеть их отношений. Она точно влюблена в него.

Анна Павловна. Что ж тут удивительного?

Саша. Противно...

Доктор уходит, прощается со всеми. Анна Павловна идет провожать его.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лиза, Каренин и Саша.

Лиза (*Каренину*). Он так мил теперь. Как только ему стало лучше, он сейчас же стал улыбаться и болтать. Я к нему пойду. И от вас уходить не хочется.

Каренин. Да вы выпейте чаю, съешьте что-нибудь.

Лиза. Мне теперь ничего не нужно. Мне так хорошо, после этих страхов. (*Всхлипывает.*)

Каренин. А вот вы видите, как вы слабы.

Лиза. Я счастлива. Хотите взглянуть на него?

Каренин. Разумеется.

Лиза. Пойдемте со мной.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Саша и Анна Павловна.

Анна Павловна (*возвращается*). Так прекрасно отдала, и он взял. Ты что насупилась?

Саша. Отвратительно. Она его с собой повела в детскую. Точно он жених или муж.

Анна Павловна. Да тебе-то что? Из чего ты кипятишься? Или ты за него замуж собиралась?

Саша. Я, за эту версту? Да я скорее не знаю за кого выйду, но не за него. Да и никогда мне в голову не приходило. Мне только противно, что Лиза после Феди может так сблизиться с чужим человеком.

Анна Павловна. Какой же он чужой — друг детства.

Саша. Но ведь я вижу по улыбкам, по глазам, что они влюблены.

Анна Павловна. Что же тут удивительного? Человек принял участие в болезни ребенка, сочувствовал, помогал, и она благодарна. И кроме того — отчего же ей не полюбить и не выйти замуж за Виктора?

Саша. Это было бы ужасно. Отвратительно, отвратительно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Каренин и Лиза выходят.

Каренин прощается молча. Саша сердито уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анна Павловна и Лиза.

Лиза (к матери). Что с ней?

Анна Павловна. Право, не знаю.

Лиза вздыхает молча.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

У Афремова в кабинете. Вино в налитых стаканах. Гости.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Афремов, Федя, Стахович мохнатый, Буткевич бритый, Коротков, прихвостень.

Коротков. А я вам говорю, что за флагом останется: Ла-бель-буа — первая лошадь в Европе. Пари.

Стахович. Полно врать. Ведь ты знаешь, что никто тебе не верит. И пари держать не станет.

Коротков. Я тебе говорю. Твой Картуш за флагом.

Афремов. Да полноте ссориться. Я вас помирю. Спросите Федю. Он верно скажет.

Федя. Обе лошади хороши. Дело в ездеке.

Стахович. Гусев подлец. Надо только его в руках держать.

Коротков (*кричит*). Нет!

Федя. Ну постойте, я вас помирю. Дерби кто взял?

Коротков. Взял, да ничего не стоит. Это случай. Кабы Кронпринц не заболел — посмотрел бы.

Входит лакей.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и лакей.

Афремов. Что ты?

Лакей. Госпожа приехали, спрашивают Федор Васильевича.

Афремов. Какая? дама?

Лакей. Не могу знать. Только настоящая дама.

Афремов. Федя. К тебе дама!

Федя (*испуганно*). Кто это?

Афремов. Не знает кто. (*Лакею.*) Проси в залу.

Федя. Да постой, я пойду посмотрю. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, без Феди и лакея.

Коротков. Кто это к нему? Наверно, Машка.

Стахович. Какая Машка?

Коротков. Цыганка Маша. Втюрилась в него, как кошка влюблена.

Стахович. Какая милая. И поет,

Афремов. Прелесть! Танюша да она. Вчера они с Петром пели.

Стахович. Ведь экой счастливец этот...

Афремов. Что его бабы любят, бог с ним.

Коротков. Терпеть не могу цыганок. Никакого изящества нет.

Буткевич. Ну, не говори.

Коротков. Я их всех за одну французенку отдам.

Афремов. Ну, да ты известный эстет. Пойти посмотреть, кто это. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без Афремова.

Стахович. Если Маша, так приведи ее сюда, пусть споет. Нет, теперь не то цыгане. Танюша была. Ах, черт возьми.

Буткевич. А я думаю, что всё то же.

Стахович. Как то же, когда романсы пошлые вместо песни?

Буткевич. И романсы есть хорошие.

Коротков. А хочешь пари, что я заставлю спеть, и ты не узнаешь: песня это или романс?

Стахович. Коротков вечно пари.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Афремов.

Афремов (*входит*). Господа, это не Маша. А принять ее негде, кроме здесь. Пройдемте в биллиардную.

Коротков. Давай пари. Что, заробел?

Стахович. Хорошо, хорошо.

Коротков. Вот и попадешь на бутылку.

Стахович. Ну ладно. Вино захвати.

Уходят, разговаривая.

Входят Федя и Саша.

Федя. Пойдем сюда. Ах, ах. Как это ты. Да, да...

Саша (смущенно). Федя, прости меня, если тебе неприятно, но, ради бога, выслушай меня. (Голос ее дрожит.)

Федя (ходит по комнате. Саша села, смотрит на него). Слушаю.

Саша. Федя, вернись домой.

Федя. Я тебя очень понимаю, Саша, милая, и на твоём месте я бы сделал то же: постарался бы как-нибудь вернуть все к старому, но на моем месте, если ты, милая, чуткая девочка, была бы, как ни странно это сказать, на моем месте, — ты бы наверное сделала то, что я, то есть ушла бы, перестала бы мешать чужой жизни...

Саша. Как мешать? Разве Лиза может жить без тебя?

Федя. Ах, милая Саша, голубушка, может, может. И еще будет счастлива, гораздо счастливее, чем со мной.

Саша. Никогда.

Федя. Это тебе кажется. (Держит в руке письмо и гнет.) Да не в том дело, то есть не то что не в том дело, а главное дело в том, что я-то не могу. Знаешь, толстую бумагу перегибай так и этак. И сто раз перегибнешь. Она все держится, а перегибнешь сто первый раз, и она разойдется. Так между мной и Лизой. Мне слишком больно смотреть ей в глаза. И ей также — поверь.

Саша. Нет, нет.

Федя. Говоришь нет, а сама знаешь, что да.

Саша. Я могу только по себе судить. Если бы я была на ее месте и ты бы ответил то, что ты отвечаешь, это было бы ужасно для меня.

Федя. Да, для тебя.

Молчание. Оба смущены.

Саша (встает). Неужели так и останется?

Федя. Должно быть.

Саша. Федя, вернись.

Федя. Спасибо тебе, милая Саша. Всегда ты мне останешься дорогим воспоминанием... но прощай, голубушка. Дай мне поцеловать тебя. (Целует ее в лоб.)

Саша (*взволнованная*). Нет, я не прощаюсь и не верю, и не хочу верить... Федя...

Федя. Ну так слушай же. Только слово, что то, что я тебе скажу, никому не скажешь. Даешь слово?

Саша. Разумеется.

Федя. Ну так слушай, Саша. Правда, что я муж, отец ее ребенка, но я лишний. Постой, постой, не возражай. Ты думаешь, я ревную? Нисколько. Во-первых, не имею права, во-вторых, не имею повода. Виктор Каренин старый ее друг и мой тоже. И он любит ее, и она любит его.

Саша. Нет.

Федя. Любит, как может любить честная, нравственная женщина, которая не позволяет себе любить никого, кроме мужа, но она любит и будет любить, когда препятствие это (*показывает на себя*) будет устранено. И я устраню его, и они будут счастливы. (*Голос дрожит.*)

Саша. Федя, не говори так.

Федя. Ведь ты знаешь, что это правда, и я буду рад их счастью, и лучше я ничего не могу сделать, и не вернусь, и дам им свободу, и так и скажи. И не говори, не говори, и прощай. (*Целует ее в голову и отворяет дверь.*)

Саша. Федя, я восхищаюсь перед тобой.

Федя. Прощай, прощай.

Саша уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Федя один.

Федя. Да, да, чудесно, прекрасно. (*Звонит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Федя и лакей.

Федя. Позовите барина.

Лакей уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Федя один.

Федя. И правда, и правда.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Входит Афремов.

Афремов. Как же устроил?

Федя. Чудесно. «И божилась, и клялась...» Чудесно. Где все?

Афремов. Да там, играют.

Федя. Отлично. Пойдем... «побывать ко мне на час».

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Князь Абрезков — 60-летний элегантный холостяк. Бритый, с усами. Старый военный с большим достоинством и грустью. Анна Дмитриевна Кареннина — мать Виктора, молодящаяся, 50 лет, grand-dame. Перебивает речь французскими словами. Лиза, Виктор, лакей. Кабинет Анны Дмитриевны, роскошно-скромный, полон сувениров.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Дмитриевна пишет письмо.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Дмитриевна и лакей.

Лакей. Князь Сергей Дмитриевич.

Анна Дмитриевна. Ну, разумеется. (*Оборачивается и поправляется перед зеркалом.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Дмитриевна и князь Абрезков.

Князь Абрезков (*входит*). J'espère que je ne force pas la consigne¹. (*Целует руку.*)

¹ Надеюсь, что я не нарушаю приказа (*франц.*).

Анна Дмитриевна. Вы знаете, что vous êtes toujours le bienvenu¹. А теперь, нынче, особенно. Вы получили мою записку?

Князь Абрезков. Получил, и вот мой ответ.

Анна Дмитриевна. Ах, мой друг, я начинаю совсем отчаиваться. Il est ensorcelé, positivement ensorcelé². Я никогда не встречала в нем такой настойчивости, такого упрямства, такой безжалостности, равнодушия ко мне. Он совсем переменялся с тех пор, как эта женщина бросила мужа.

Князь Абрезков. Но что же именно, как стоит дело?

Анна Дмитриевна. Так, что во что бы то ни стало хочет жениться.

Князь Абрезков. Но как же муж?

Анна Дмитриевна. Дает развод.

Князь Абрезков. Вот как.

Анна Дмитриевна. И он, Виктор, идет на это, и вся эта грязь, адвокаты, доказательства вины. Tout ça est dégoûtant³. И это не отталкивает его. Я его не понимаю. Он с своей чуткостью, робостью...

Князь Абрезков. Любит. Ах, если человек точно любит, тогда...

Анна Дмитриевна. Да, но отчего же в наше время любовь могла быть любовью чистой, любовью-дружбой, которая идет через всю жизнь? Такую любовь я понимаю, ценю.

Князь Абрезков. Теперь новое поколение уж не может довольствоваться идеальными отношениями. La possession de l'âme ne leur suffit plus⁴. Что делать. Но как же быть с ним?

Анна Дмитриевна. Нет, про него не говорите. Но это какое-то колдовство. Его точно подменили. Ведь вы знаете, я была у нее. Он так просил меня. Я поехала, не застала ее, оставила карточку. Elle m'a fait demander quand je pourrai la recevoir⁵. И нынче (смотрит

¹ вы всегда желанный гость (франц.).

² Он околдован, положительно околдован (франц.).

³ Все это отвратительно (франц.).

⁴ Душевная близость их уже не удовлетворяет (франц.).

⁵ Она меня просила, когда я смогу принять ее (франц.).

на часы), во втором часу, стало быть сейчас, должна приехать. Я обещала Виктору принять, но понимаете мое положение. Я вся не своя. И по старой привычке послала за вами. Мне нужна ваша помощь.

Князь Абрезков. Благодарствуйте.

Анна Дмитриевна. Вы поймите, что это посещение ее решает все дело — судьбу Виктора. Мне надо или не согласиться... А как я могу...

Князь Абрезков. Вы совсем не знаете ее?

Анна Дмитриевна. Никогда не видала. Но боюсь ее. Не может хорошая женщина согласиться оставить мужа. И хорошего человека. Ведь он товарищ Виктора и бывал у нас. Он был очень милый. Да какой бы он ни был. *Quels que soient les torts qu'il a eus vis-à-vis d'elle*¹, нельзя бросать мужа. Надо нести свой крест. Я одно не понимаю, как может Виктор с своими убеждениями согласиться на женитьбу на разведенной. Сколько раз — недавно он при мне горячо спорил с Спицыным, доказывая, что развод несогласен с истинным христианством, и теперь сам идет на это. *Si elle a pu le charmer à un tel point*², я боюсь ее. Но, впрочем, я вас позвала, чтобы слышать вас, и все только сама говорю. Что вы думаете? Скажите. Что по-вашему? Как надо? Вы говорили с Виктором?

Князь Абрезков. Я говорил с ним. И я думаю, что он любит ее, привык любить так, любовь эта взяла такую власть над ним — а он человек, медленно, но твердо принимающий. Что вошло ему в сердце, то уже не выйдет. И он никого, кроме ее, любить не будет и без нее и с другой счастлив быть не может.

Анна Дмитриевна. А как Варя Казанцева пошла бы за него. И какая девушка и как любит.

Князь Абрезков (*улыбаясь*). *C'est compter sans son hôte*³. Это теперь совсем несбыточно. И, я думаю, лучше покориться и помочь ему жениться.

Анна Дмитриевна. На разведенной, чтобы он встречал мужа своей жены? Я не понимаю, как вы можете спокойно говорить про это. Разве это та женщина,

¹ Как бы он ни был виноват перед нею (*франц.*).

² Если она могла очаровать до такой степени (*франц.*).

³ Это — считать без хозяина (*франц.*).

которую мать может желать женой своего единственного сына, и такого сына?

Князь Абрезков. Да что же делать, милый друг. Разумеется, лучше бы жениться на девушке, которую вы знаете, любите. Но коли этого нельзя... Да потом, если бы он женился на цыганке или бог знает на ком. А Лиза Рахманова очень хорошая, милая женщина; я по племяннице Нелли знаю ее. Кроткая, добрая, любящая и нравственная женщина.

Анна Дмитриевна. Нравственная женщина, которая решается бросить мужа.

Князь Абрезков. Я не узнаю вас. Вы недобры, вы жестоки. Муж ее один из тех людей, про которых говорят, что он только сам себе враг. Но он еще больше жене враг. Это слабый, совершенно падший, пьяный человек. Он промотал все свое состояние, все ее состояние, — у нее ребенок. Как же вы осуждаете женщину, которая оставила такого человека? И то не она, а он оставил ее.

Анна Дмитриевна. Ах, какая грязь, какая грязь. И я должна пачкаться в ней.

Князь Абрезков. А ваша религия?

Анна Дмитриевна. Да, да, прощение. «Как и мы оставляем должникам нашим». Mais c'est plus fort que moi¹.

Князь Абрезков. Ну как же ей жить с таким человеком? Если бы она и не любила другого, она должна бы была это сделать. Для ребенка должна. Он сам, муж, умный и добрый человек, когда он в своем уме, советует ей это сделать.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анна Дмитриевна, князь Абрезков, входит Каренин, целует руку матери, здоровается с князем Абрезковым.

Каренин. Мама! Я зашел сказать вам одно: Лизавета Андреевна сейчас приедет, и я прошу, умоляю вас только об одном: если вы продолжаете быть несогласны на мой брак...

¹ Но это выше моих сил (франц.).

Анна Дмитриевна (*перебивая его*). Разумеется, продолжаю быть несогласна.

Каренин (*продолжая речь и хмурясь*). ...то прошу, умоляю вас об одном: не говорите о своем несогласии, не решайте в отрицательном смысле.

Анна Дмитриевна. Я думаю, что мы и не будем ни о чем таком говорить. Я по крайней мере уж никак не начну.

Каренин. Она тем менее. Мне только хотелось, чтобы вы узнали ее.

Анна Дмитриевна. Не понимаю одно: как ты миришь свое желание жениться на госпоже Протасовой с живым мужем, с твоими религиозными убеждениями, что развод противен христианству?

Каренин. Мама! Это жестоко с вашей стороны! Неужели мы все так непогрешимы, что не можем расколоться в наших убеждениях, когда жизнь так сложна? Мама, за что вы так жестоки ко мне?

Анна Дмитриевна. Я люблю тебя, хочу тебе счастья.

Каренин (*к князю Абрезкову*). Сергей Дмитриевич!

Князь Абрезков. Разумеется, вы хотите ему счастья, но нам, с нашими седидами, уже трудно понимать молодежь. А особенно трудно матери, приучившей себя к мысли о своем счастье для сына. Все женщины так.

Анна Дмитриевна. Вот, вот, именно. Все против меня. Разумеется, ты можешь сделать это, vous êtes majeur¹, но ты погубишь меня.

Каренин. Не узнаю вас. Это хуже, чем жестокость.

Князь Абрезков (*к Виктору*). Перестань, Виктор. Мама говорит всегда хуже, чем делает.

Анна Дмитриевна. Я скажу, что думаю и чувствую, и скажу, не оскорбляя ее.

Князь Абрезков. Это наверно.

¹ ты совершеннолетний (*франц.*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анна Дмитриевна, князь Абрезков, Каренин и лакей входят.

Князь Абрезков. Вот и она.

Каренин. Я уйду.

Лакей. Лизавета Андреевна Протасова.

Каренин. Я ухожу, мама. Пожалуйста...

Князь Абрезков тоже встает.

Анна Дмитриевна. Просите. (К князю Абрезкову.) Нет, вы останьтесь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анна Дмитриевна и князь Абрезков.

Князь Абрезков. Я думал, вам легче en tête-à-tête¹.

Анна Дмитриевна. Нет, я боюсь. (Суетится.) Если я захочу остаться с ней tête-à-tête, я кивну вам. Ça dépendra...² А то мне остаться одной с ней, это свяжет меня. Я тогда так сделаю вам.

Князь Абрезков. Я пойму. Я уверен, что она понравится вам. Только будьте справедливы.

Анна Дмитриевна. Как вы все против меня.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же. Входит Лиза в шляпе, в визитном платье.

Анна Дмитриевна (приподнимаясь). Я жалею, что не застала вас, но вот вы так добры, что сами приехали.

Лиза. Я никак не ожидала. Я так благодарна вам, что вы пожелали меня видеть.

¹ с глазу на глаз (франц.).

² Это будет зависеть... (франц.)

Анна Дмитриевна. Вы знакомы? (Указывает на князя Абрезкова.)

Князь Абрезков. Как же, я имел честь быть представленным. (*Shake hands*¹. Садятся.) Моя племянница Нелли мне часто говорит про вас.

Лиза. Да, мы дружны были очень. (Оглядываясь робко на Анну Дмитриевну.) И теперь дружны. (К Анне Дмитриевне.) Я никак не ожидала, что вы пожелаете меня видеть.

Анна Дмитриевна. Я знала хорошо вашего мужа. Он был дружен с Виктором и бывал у нас до своего переезда в Тамбов. Кажется, там он женился на вас?

Лиза. Да, мы там женились.

Анна Дмитриевна. А потом, когда он опять переехал в Москву, он уже не бывал у меня.

Лиза. Да, он нигде почти не бывал.

Анна Дмитриевна. И не познакомил меня с вами.

Неловкое молчание.

Князь Абрезков. Последний раз я встретил вас у Денисовых на спектакле. Вы помните? Очень было мило. И вы играли.

Лиза. Нет... да... как же... помню. Я играла.

Опять молчание.

Анна Дмитриевна, простите меня, если вам неприятно то, что я скажу, но я не могу, не умею притворяться. Я приехала, потому что Виктор Михайлович сказал... потому что он, то есть потому, что вы хотели меня видеть... но лучше все сказать... (Всхлипывает.) Мне очень тяжело... а вы добры.

Князь Абрезков. Да, я лучше уйду.

Анна Дмитриевна. Да, уйдите.

Князь Абрезков. До свиданья. (Прощается с обеими женщинами и уходит.)

¹ Здороваются за руку (англ.).

Анна Дмитриевна и Лиза.

Анна Дмитриевна. Послушайте, Лиза, не знаю, да и не хочу знать, как вас по отчеству.

Лиза. Андреевна.

Анна Дмитриевна. Ну все равно — Лиза. Мне вас жаль, вы мне симпатичны. Но я люблю Виктора. Я одно существо на свете люблю. Я знаю его душу, как свою. Это гордая душа. Он был горд еще семилетним мальчиком. Горд не именем, не богатством, но горд своей чистотой, своей нравственной высотой, и он соблюдал ее. Он чист, как девушка.

Лиза. Я знаю.

Анна Дмитриевна. Он никого женщин не любил. Вы первая. Не скажу, что я не ревную к вам. Я ревную. Но мы, матери, — у вас еще маленький, вам рано, — мы готовимся к этому. Я готовилась к тому, чтобы отдать его жене и не ревновать. Но отдать такой же чистой, как он.

Лиза. Я... Разве я...

Анна Дмитриевна. Простите, я знаю, вы не виноваты, но вы несчастны. И я его знаю. Теперь он готов все перенести, и перенесет, и никогда не скажет, но будет страдать. Его оскорбленная гордость будет страдать, и он не будет счастлив.

Лиза. Я думала об этом.

Анна Дмитриевна. Лиза, милая. Вы умная, хорошая женщина. Если вы любите его, то вы хотите его счастья больше, чем своего. А если так, то вы не захотите связать его и заставить раскаиваться — хоть он не скажет, никогда не скажет.

Лиза. Я знаю, что не скажет. Я думала об этом и задавала себе этот вопрос. Я думала и говорила ему. Но что ж я могу сделать, когда он говорит, что не хочет жить без меня. Я говорила: будем друзьями, но устройте себе свою жизнь, не связывайте свою чистую жизнь с моей несчастной. Он не хочет.

Анна Дмитриевна. Да, теперь не хочет.

Лиза. Уговорите его оставить меня. А я согласна. Я люблю его для его, а не для своего счастья. Только

помогите мне, не ненавидьте меня. Будем вместе, любя, искать его блага.

Анна Дмитриевна. Да, да, я полюбила вас. (*Целует ее. Лиза плачет.*) Но все-таки, все-таки это ужасно. Если бы он тогда, когда вы еще не выходили замуж, полюбил вас.

Лиза. Он говорит, что полюбил тогда, но не хотел мешать счастью друга.

Анна Дмитриевна. Ах, как это все тяжело. Но все же будем любить друг друга, и бог поможет нам найти то, что мы хотим.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Каренин.

Каренин (*выходя*). Мама, милая. Я все слышал. Я ожидал этого: вы полюбили ее. И все будет хорошо.

Лиза. Как мне жалко, что вы все слышали, — я бы не говорила...

Анна Дмитриевна. Все-таки ничего не решено. Я могу сказать одно, что если бы не все эти тяжелые обстоятельства, я бы рада была. (*Целует ее.*)

Каренин. Пожалуйста, только не меняйтесь.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира скромная, постель, письменный стол, диван.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Федя один.

В дверь стучат. Из-за двери женский голос: «Что ты заперся, Федор Васильевич? Федя, отопри».

Федя и Маша.

Федя (*встает, отпирает дверь*).

Входит Маша.

Вот спасибо, что пришла. Скучно. Ужасно скучно.

Маша. Что же к нам не пришел? Опять пьешь?
Эх ты, а обещал.

Федя. Ты знаешь что — денег нет.

Маша. И зачем я тебя полюбила?

Федя. Маша!

Маша. Что Маша, Маша. Если бы любил, давно бы развелся. И там тебя просили. И говоришь, что не любишь. А держишься за нее. Не хочешь, видно.

Федя. Ведь ты знаешь, отчего не хочу.

Маша. Пустяки всё. Правду говорят, что пустой ты человек.

Федя. Что же мне тебе говорить? Сказать, что мне больно то, что ты говоришь, так ты это сама знаешь.

Маша. Ничего тебе не больно...

Федя. Сама знаешь, что мне одна радость в жизни твоя любовь.

Маша. Моя-то моя. А твоей-то нет.

Федя. Ну, я уверять не стану. Да и незачем — ты сама знаешь.

Маша. Федя, за что ты меня мучишь?

Федя. Кто кого.

Маша (*плачет*). Недобрый ты.

Федя (*подходит и обнимает ее*). Маша! О чем ты?
Перестань. Жить надо, а не хныкать. Тебе-то уж не пристало. Красавица ты моя!

Маша. Любишь?

Федя. Кого же мне любить?

Маша. Только меня? Ну, читай, что ты написал.

Федя. Да тебе скучно будет.

Маша. Коли уж ты написал, так хорошо будет.

Федя. Ну, слушай. (*Читает.*) «Поздней осенью мы сговорились с товарищем съехаться у Мурыгиной площадки. Площадка эта был крепкий остров с сильными выводками. Был темный, теплый, тихий день. Туман...»

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Федя и Маша. В дверь входит старый цыган Иван Макарович и старая цыганка Настасья Ивановна — родители Маши.

Настасья Ивановна (*подступая к дочери*). Тут проклятая овца беглая. Барину почтенье. (*К дочери*.) Что ж ты с нами делаешь? А?

Иван Макарович (*к Феде*). Нехорошо, барин, делаешь. Девку губишь. Ох, нехорошо, погано делаешь.

Настасья Ивановна. Надевай платок, марш сейчас. Вишь, убежала. Что я хору скажу? Путаешься с гольшом. Что с него взять?

Маша. Не путаюсь я. А люблю барина, и больше ничего. Я хор не бросаю, петь буду, а что...

Иван Макарович. Поговори еще, я тебе косу-то повыдеру. Шкура. Кто так делал? Ни отец, ни мать, ни тетка. Скверно, барин. Мы тебя любили, сколько тебе задаром пели, тебя жалели. А ты что делал.

Настасья Ивановна. Погубил ни за что дочку, кровную, единственную, ненаглядную, бриллиантовую, неоцененную в навоз втоптал, вот что сделал. Бога в тебе нет.

Федя. Ты, Настасья Ивановна, напрасно на меня думаешь. Твоя дочь мне как сестра. Я ее честь берегу. И ты не думай. А люблю ее. Что же делать.

Иван Макарович. Да вот не любил, когда у вас деньги были. Заплатил бы тогда в хор тысяч десять, и взял бы честь-честью. А теперь промотал, крадучи увел. Стыдно, барин. Стыдно.

Маша. Он не уводил. Я сама к нему пришла. И теперь уведете, опять приду. Люблю его, и все. Крепче всех ваших замков моя любовь... Не хочу.

Настасья Ивановна. Ну, Машенька, сердечная, не бурчи. Нехорошо сделала, ну и пойдем.

Иван Макарович. Ну, будет разговаривать. Марш! (*Берет за руку*.) Простите, барин.

Все трое уходят.

Федя. Входит князь Абрезков.

Князь Абрезков. Простите меня. Я невольно был свидетелем неприятной сцены.

Федя. С кем имею честь?.. (Узнает.) Ах, князь Сергей Дмитриевич. (Здоровается.)

Князь Абрезков. Невольным свидетелем неприятной сцены. Я бы желал не слышать. Но, услышав, считаю долгом сказать, что слышал. Меня направили сюда, и у двери я должен был дожждаться выхода этих господ. Тем более что мои постукивания в дверь были не слышны за голосами очень громкими.

Федя. Да, да. Прошу покорно. Благодарю вас за то, что вы мне сказали это. Это дает мне право объяснить вам эту сцену. То, что вы подумаете обо мне, мне все равно. Но мне хочется сказать вам, что упреки, которые вы слышали, этой девушке-цыганке, певице, — несправедливы. Эта девушка так же нравственно чиста, как голубь. И мои отношения с ней дружеские. Если, может быть, на них есть оттенок поэтичности, то это все-таки не уничтожает чистоты — чести этой девушки. Вот это мне хотелось вам сказать. Так что вам от меня угодно? Чем могу вам служить?

Князь Абрезков. Я, во-первых...

Федя. Простите меня, князь. Я стал в такое положение в обществе, что мое малое и давнишнее знакомство с вами не дает мне права на ваше посещение, если у вас нет до меня дела — в чем оно?

Князь Абрезков. Не буду отрицать, вы угадали. У меня есть дело. Но все-таки прошу вас верить, что изменение вашего положения никак не может влиять на мое отношение к вам.

Федя. Совершенно уверен.

Князь Абрезков. Дело мое в том, что сын моего старого друга, Анны Дмитриевны Карениной, и она сама просили меня прямо непосредственно от вас узнать о ваших отношениях... Вы мне позволите говорить о ваших отношениях к вашей жене, Лизавете Андреевне Протасовой?

Федя. Мои отношения с моей женой — могу сказать: моей бывшей женой — совершенно прекращены.

Князь Абрезков. Я так и понимал. И потому только взял на себя эту трудную миссию.

Федя. Прекращены, спешу заявить, не по ее, а по моей, или, скорее, моим бесконечным винам. Она же, как была, так и осталась самой безупречною женщиной.

Князь Абрезков. Так вот Виктор Каренин, в особенности его мать просили меня узнать у вас о ваших намерениях.

Федя (*горячась*). Какие намерения? Никаких. Я предоставляю ей полную свободу. Мало того, никогда не нарушу ее спокойствия. Я знаю, что она любит Виктора Каренина. И пускай. Я считаю его очень скучным, но очень хорошим, честным человеком, и я думаю, что она будет с ним (как это говорится обыкновенно) счастлива. И que le bon dieu les bénisse¹. Вот и все.

Князь Абрезков. Да, но мы бы...

Федя (*перebивает*). И не думайте, чтобы у меня было малейшее чувство ревности. Если я сказал про Виктора, что он скучный, то я беру это слово назад. Он прекрасный, честный, нравственный человек, почти что противоположность мне. И он любил ее с детства. Может быть, и она его любила, когда вышла за меня. Это бывает. Самая лучшая любовь бывает такая, про которую не знаешь. Она, я думаю, всегда любила. Но, как честная женщина, даже себе не признавалась в этом, но это какая-то тень лежала на нашей семейной жизни... впрочем, что я делаю вам признание.

Князь Абрезков. Пожалуйста, сделайте. Верьте, что для меня важнее моей миссии определенные к вам мои человеческие отношения, мое желание понять вполне эти отношения. Я понимаю вас. Понимаю, что эта тень, как вы прекрасно выразились, могла быть...

Федя. Да и была, и, может быть, от этого я не мог удовольствоваться той семейной жизнью, которую она мне давала, и чего-то искал и увлекался. Да, впрочем,

¹ пусть господь бог их благословит (*франц.*).

я как будто оправдываюсь. Я не хочу, да мне и нельзя оправдываться. Я был, смело говорю был дурной муж, был, потому что теперь я в сознании своем давно не муж и считаю ее совершенно свободной. Стало быть, вот вам и ответ на вашу миссию.

Князь Абрезков. Да, но вы знаете семью Виктора и его самого. Его отношения к Лизавете Андреевне все время были и остаются самыми почтительными и далекими. Он помогал ей, когда ей было трудно.

Федя. Да, я своим распутством помогал их сближению. Что же делать, так должно было быть.

Князь Абрезков. Вы знаете его и его семьи строгие православные убеждения. Я не разделяю их. Я шире смотрю на вещи. Но уважаю их и понимаю. Понимаю, что для него и в особенности для матери немисливо сближение с женщиной без церковного брака.

Федя. Да, я знаю его туп... прямолинейность, консерватизм в этом отношении. Но что же им нужно? Развод? Я давно сказал им, что готов дать, но условия принятия вины на себя, всей лжи, связанной с этим, очень тяжелы.

Князь Абрезков. Я понимаю вполне вас и разделяю. Но как же быть? Я думаю, можно так устроить. Впрочем, вы правы. Это ужасно, и я понимаю вас.

Федя (*жмет руку*). Благодарствуйте, милый князь. Я всегда знал вас за честного, доброго человека. Ну, скажите, как мне быть? Что мне делать? Войдите во все мое положение. Я не стараюсь сделаться лучше. Я негодяй. Но есть вещи, которые я не могу спокойно делать. Не могу спокойно лгать.

Князь Абрезков. Я вас тоже не понимаю. Вы, способный, умный человек, с такой чуткостью к добру, как это вы можете увлекаться, можете забывать то, что сами от себя требуете? Как вы дошли до этого, как вы погубили свою жизнь?

Федя (*пересиливает слезы волнения*). Вот уж десять лет я живу своей беспутной жизнью. И в первый раз такой человек, как вы, пожалел меня. Меня

жалели товарищи, кутилы, женщины, но разумный, добрый человек, как вы... Спасибо вам. Как я дошел до своей гибели? Во-первых, вино. Вино ведь не то что вкусно. А что я ни делаю, я всегда чувствую, что не то, что надо, и мне стыдно. Я сейчас говорю с вами, и мне стыдно. А уж быть предводителем, сидеть в банке — так стыдно, так стыдно... И только когда выпьешь, перестанет быть стыдно. А музыка — не оперы и Бетховен, а цыгане... Это такая жизнь, энергия вливается в тебя. А тут еще милые черные глаза и улыбка. И чем это увлекательнее, тем после еще стыднее.

Князь Абрезков. Ну, а труд?

Федя. Пробовал. Все нехорошо. Всем я недоволен. Ну, да что о себе говорить. Спасибо вам.

Князь Абрезков. Так что же мне сказать?

Федя. Скажите, что сделаю то, что они хотят. Ведь они хотят жениться, — чтобы ничто не мешало им жениться?

Князь Абрезков. Разумеется.

Федя. Сделаю. Скажите, что намерен сделать.

Князь Абрезков. Когда же?

Федя. Пойдите. Ну, скажем, две недели. Довольно?

Князь Абрезков (*вставая*). Так и могу сказать?

Федя. Можете. Прощайте, князь, еще раз благодарю вас.

Князь Абрезков уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Федя один.

Федя (*сидит долго, молча улыбается*). Хорошо. Очень хорошо. Так и надо. Так и надо. Так и надо. Чудесно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В трактире. Отдельный кабинет. Половой вводит Федю и Ивана Петровича Александра.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Федя, Иван Петрович и половой.

Половой. Сюда пожалуйста. Здесь никто не обеспокоит, а бумагу сейчас подам.

Иван Петрович. Протасов! Я войду.

Федя (*серьезный*). Пожалуй, войди, но я занят и... Хочешь — войди.

Иван Петрович. Ты хочешь ответить на их требования? Я тебе скажу как. Я бы не стал так. Я всегда говорю прямо и действую решительно.

Федя (*половому*). Бутылку шампанского.

Половой уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Федя и Иван Петрович.

Федя (*вынимает револьвер и кладет*). Подожди немножко.

Иван Петрович. Что ж? что ты застрелиться хочешь. Можно, можно. Я тебя понимаю. Они хотят

тебя унижить. А ты им покажешь, кто ты. Себя убьешь револьвером, а их великодушием. Я понимаю тебя. Я все понимаю, потому что я гений.

Федя. Ну да, ну да. Только...

Входит половой с бумагой и чернильницей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и половой.

Федя (*прикрывает пистолет салфеткой*). Откупори. Давай выпьем. (*Пьют. Федя пишет.*) Погоди немного.

Иван Петрович. За твое... большое путешествие. Я ведь стою выше этого. Я не стану удерживать тебя. И жизнь и смерть для гения безразличны. Я умираю в жизни и живу в смерти. Ты убьешь себя, чтобы они, два человека, жалели тебя. А я — я убью себя затем, чтобы весь мир понял, что он потерял. И я не стану колебаться, думать. Взял (*хватает револьвер*) — раз, и готово. Но еще рано. (*Кладет револьвер.*) И мне писать нечего, они сами должны понять... Ах, вы...

Федя (*пишет*). Немножко подожди.

Иван Петрович. Жалкие люди. Копошатся, хлопчут. И не понимают — ничего не понимают... Я не тебе. Я так, высказываю свои мысли. А что нужно для человечества? Очень мало: ценить своих гениев, а они всегда казнили их, гнали, мучали. Нет. Я не буду вашей игрушкой. Я выведу вас на чистую воду. Н-е-е-е-т. Лицемеры!

Федя (*кончил писать, выпивает и читает*). Уйди, пожалуйста.

Иван Петрович. Уйти? Ну, прощай. Я не стану удерживать тебя. Я то же сделаю. Но еще рано. Я только хочу сказать тебе...

Федя. Хорошо. Ты скажешь, но после, а теперь вот что, дружок: пожалуйста, отдай вот это хозяину (*подает ему деньги*) и спроси на мое имя письмо и посылку. Пожалуйста.

Иван Петрович. Хорошо. Так ты меня подождешь? Я еще важное скажу тебе. Такое, чего ты не услышишь не только на этом свете, но и в будущем, по крайней мере до тех пор, пока я не приду туда. Так всё отдать?

Федя. Сколько нужно.

Иван Петрович уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Федя один.

Федя (*вздыхает облегченно, запирает за Иваном Петровичем дверь, берет револьвер, взводит, прикладывает к виску, вздрагивает и осторожно опускает. Мычит*). Нет, не могу, не могу, не могу.

Стучат в дверь.

Кто там?

Из-за двери голос Маши: «Я».

Кто я? Ах, Маша... (*Отворяет дверь*.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Федя и Маша.

Маша. Была у тебя, у Попова, у Афремова и догадалась, что здесь. (*Видит револьвер.*) Вот хорошо-то. Вот дурак. Право, дурак. Да неужели ты в самом деле?

Федя. Нет, не мог.

Маша. А меня-то нет разве? Безбожник. Меня-то не пожалел. Ах, Федор Васильевич, грех, грех. За мою любовь...

Федя. Хотел их отпустить, обещал. А лгать не могу.

Маша. А я-то?

Федя. Что ты? И тебя бы развязал. Разве тебе лучше со мной мучаться.

Маша. Стало быть, лучше. Не могу я без тебя жить.

Федя. Какая со мной жизнь? Поплакала бы, да и прожила бы.

Маша. И совсем не плакала бы, черт с тобой. Коли ты меня не жалеешь. *(Плачет.)*

Федя. Маша! Дружок! Ведь я хотел лучше сделать.

Маша. Себе лучше.

Федя *(улыбаясь)*. Да как же себе лучше, коли бы я себя убил?

Маша. Разумеется, лучше. Да что тебе нужно? Ты скажи.

Федя. Как что нужно? Много нужно.

Маша. Ну что? Что?

Федя. Нужно, во-первых, сдержать обещание. Это первое, и этого довольно. Лгать и делать все эти гадости, что нужно для развода, не могу.

Маша. Положим, что гадко. Я сама...

Федя. Потом нужно точно их освободить, и жену и его. Что же, они хорошие люди. Зачем им мучаться? Это два.

Маша. Ну уж хорошего в ней мало, коли она тебя бросила.

Федя. Не она бросила — я бросил.

Маша. Ну хорошо, хорошо. Все ты. Она ангел. Еще что ж?

Федя. А еще то, что ты хорошая, милая девочка — люблю тебя, и коли останусь жить, то погублю тебя.

Маша. Это уж не твое дело. Я сама про себя знаю, где погибну...

Федя *(вздыхает)*. А главное, главное... Что моя жизнь? Разве я не вижу, что я пропал, не гожусь никуда. Всем и себе в тягость, как говорил твой отец. Негодящий я...

Маша. Вот вздор. Я от тебя не отлеплюсь. Прилепилась я, да и все. А что ты плохо живешь, пьешь да кутишь... А ты живой человек — брось. Вот и все.

Федя. Легко сказать.

Маша. И сделай так.

Федя. Да вот как смотрю на тебя, так, кажется, все сделаю.

Маша. И сделаешь. Все сделаешь. *(Видит письмо.)* Это что же? Ты им писал? Что же писал?

Федя. Что писал? *(Берет письмо и хочет разорвать.)* Теперь уже не нужно.

Маша *(вырывает письмо)*. Писал, что убил себя, да? Не писал про пистолет? Писал, что убил?

Федя. Да, что меня не будет.

Маша. Давай, давай, давай. Читал ты «Что делать?»

Федя. Читал, кажется.

Маша. Скучный это роман, а одно очень, очень хорошо. Он, этот, как его, Рахманов, взял да и сделал вид, что он утопился. И ты вот не умеешь плавать?

Федя. Нет.

Маша. Ну вот. Давай сюда свое платье. Все, и бумажник.

Федя. Да как же?

Маша. Стой, стой, стой. Поедем домой. Там переоденешься.

Федя. Да ведь это обман.

Маша. И прекрасно. Пошел купаться, платье осталось на берегу. В кармане бумажник и это письмо.

Федя. Ну, а потом?

Маша. А потом, потом уедем и будем жить во славу.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же. Входит Иван Петрович.

Иван Петрович. Вот-те на. А револьвер? Я себе возьму.

Маша. Бери, бери. А мы едем.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Гостиная у Протасовой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Каренин и Лиза.

Каренин. Он так определенно обещал, что я уверен, что он исполнит обещание.

Лиза. Мне совестно, но я должна сказать, что то, что я узнала про эту цыганку, совсем освободило меня. Не думай, что это была ревность. Это не ревность, а, знаешь, освобождение. Ну как вам сказать...

Каренин. Опять: *вам*.

Лиза (*улыбаясь*). Тебе. Да не мешайте, не мешай мне сказать, что я чувствую. Главное, что мучало меня, это то, что я чувствовала, что люблю двух. А это значит, что я безнравственная женщина.

Каренин. Ты безнравственная женщина?

Лиза. Но с тех пор, как я узнала, что у него есть другая женщина, что я, стало быть, не нужна ему, я освободилась и почувствовала, что я могу, не солгав, сказать, что люблю вас — тебя. Теперь в душе у меня ясно, и меня мучает только мое положение. Этот развод. Это все так мучительно. Это ожидание.

Каренин. Сейчас, сейчас решится. Кроме того, что он обещал, я просил секретаря съездить к нему с прошением и не уезжать, пока он не подпишет. Если бы я не знал его, как знаю, я подумал бы, что он нарочно делает это.

Лиза. Он? Нет, это все та же его и слабость и честность. Не хочет говорить неправду. А только напрасно послал ему деньги.

Каренин. Нельзя же. Это могло быть причиной остановки.

Лиза. Нет, деньги что-то нехорошее.

Каренин. Ну, ему бы уж можно было быть менее *pointilleux*¹.

¹ щепетильным (*франц.*).

Лиза. Какие мы делаемся эгоисты.

Каренин. Да, каюсь. Ты сама виновата. После этого ожидания, этой безнадежности я теперь так счастлив. А счастье делает эгоистом. Ты виновата.

Лиза. Ты думаешь, что ты один. Я тоже. Я чувствую, что вся полна, купаюсь в своем счастье. Всё: и Мика поправился, и твоя мать меня любит, и ты, и, главное, я, я люблю.

Каренин. Да? Без раскаяния? Без возврата?

Лиза. С того дня все вдруг переменялось во мне.

Каренин. И не может вернуться?

Лиза. Никогда. Я только одного желаю, чтобы в тебе это было так же совсем кончено, как во мне.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и няня с ребенком.

Входит няня с мальчиком. Мальчик идет к матери. Она берет его на колени.

Каренин. Какие мы несчастные люди.

Лиза. А что? (*Целует ребенка.*)

Каренин. Когда ты вышла замуж и, вернувшись из-за границы, я узнал это и почувствовал, что потерял тебя, я был несчастлив, и мне было радостно узнать, что ты помнила меня. Мне этого было довольно. Потом, когда установились наши дружеские отношения и я чувствовал, что ты ласкова ко мне, что есть в нашей дружбе маленькая искра чего-то большего, чем дружба, я был уже почти счастлив. Меня мучил только страх за то, что я нечестен относительно Феди. Но, впрочем, у меня всегда было такое твердое сознание невозможности других отношений, кроме самой чистой дружбы, к жене моего друга, — да и тебя я знал, — так что это не мучало меня, и я был доволен. Потом, когда Федя стал мучать тебя и я чувствовал, что я поддержка тебе и что ты боишься моей дружбы, я был уже совсем счастлив, и у меня начиналась какая-то неопределенная надежда. Потом... когда он уж стал невозможен, ты решила оставить его, и я в первый раз сказал все, и ты

не сказала — нет, но в слезах ушла от меня, я был уже вполне счастлив, и если бы у меня спросили, чего я еще хочу, я бы сказал: ничего. Но потом явилась возможность соединить с тобой жизнь; тамап полюбила тебя, возможность эта стала осуществляться, ты сказала мне, что любила и любишь меня, потом сказала мне, как теперь, что его нет для тебя, что ты любишь меня одного, — чего бы, казалось, мне желать? Но нет, теперь, теперь я мучаюсь прошедшим, хотелось бы, чтобы не было этого прошедшего, не было того, что напоминает о нем.

Лиза (с упреком). Виктор!

Каренин. Лиза, ты прости меня! То, что я говорю, я говорю потому, что не хочу, чтобы во мне была мысль о тебе и от тебя скрытая. Все это я сказал нарочно затем, чтобы показать, как я дурен и как я знаю, что идти дальше некуда, что я должен бороться с собой и побороть себя. И я поборол. Я люблю его.

Лиза. Так и надо. Я сделала все, что могла. Не я, а в моем сердце сделалось все, чего ты мог желать: из него все исчезло, кроме тебя.

Каренин. Все?

Лиза. Все, все. Я бы не стала говорить.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и лакей.

Лакей. Господин Вознесенский.

Каренин. Это он от Феди с ответом.

Лиза (Каренину). Зовите сюда.

Каренин (встает и идет к двери). Ну вот и ответ.

Лиза (отдает ребенка няне). Неужели все решится, Виктор! (Целует его.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Каренин, Лиза и Вознесенский входят.

Каренин. Ну что?

Вознесенский. Их нет.

Каренин. Как нет? И не подписал прошение?

Вознесенский. Прощение не подписано, а оставлено письмо вам и Лизавете Андреевне. *(Подает из кармана письмо.)* Я приехал на квартиру. Мне сказали, что в ресторане. Я пошел. Тогда Федор Васильевич сказали, чтобы я пришел через час, и найду ответ. Я пришел, и вот...

Каренин. Неужели опять откладываешь, отговорики? Нет, это прямо нехорошо. Как он упал.

Лиза. Да прочти что?

Каренин открывает письмо.

Вознесенский. Я не нужен вам?

Каренин. Да нет, прощайте, благодарю... *(Остывает, удивленно читая.)*

Вознесенский уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Каренин и Лиза.

Лиза. Что? что?

Каренин. Это ужасно.

Лиза *(хватает письмо)*. Читай.

Каренин *(читает)*. «Лиза и Виктор, обращаюсь к вам обоим. Не буду лгать, называя вас милыми или дорогими. Не могу совладать с чувством горечи и упрёка — упрёка себе, но все-таки мучительного, когда думаю о вас, о вашей любви, о вашем счастье. Все знаю. Знаю, что, несмотря на то, что я муж, я рядом случайностей помешал вам. *C'est moi qui suis l'intrus*¹. Но все-таки не могу удержаться от чувства горечи и холодности к вам. Теоретически люблю вас обоих, особенно Лизу, Лизаньку, но в действительности больше чем холоден. Знаю, что я неправ, и не могу измениться».

Лиза. Как это он...

Каренин *(продолжая читать)*. «Но к делу. Это самое раздваивающее меня чувство и заставляет меня иначе, чем как вы хотели, исполнить ваше желание. Лгать, играть гнусную комедию, давая взятки в консистории, и вся эта гадость невыносима, противна мне.

¹ Это я посторонний *(франц.)*.

Как я ни гадок, но гадок в другом роде, а в этой гадости не могу принять участие, просто *не могу*. Другой выход, к которому я прихожу, — самый простой: вам надо жениться, чтобы быть счастливыми. Я мешаю этому, следовательно я должен уничтожиться...»

Лиза (*хватает за руку Каренина*). Виктор!

Каренин (*читает*). «Должен уничтожиться. Я и уничтожаюсь. Когда вы получите это письмо, меня не будет.

Р. С. Очень жаль, что вы прислали мне деньги на ведение дела развода. Это неприятно и непохоже на вас. Ну, что же делать. Я столько раз ошибался. Можно и вам раз ошибиться. Деньги возвращаются. Мой исход короче, дешевле и вернее. Об одном прошу: не сердитесь на меня и добром поминайте меня. А еще, тут есть часовщик Евгеньев, не можете ли вы помочь ему и устроить его? Он слабый, но хороший. Прощайте. Федя».

Лиза. Он убил себя. Да?

Каренин (*звонит, бежит в переднюю*). Верните господина Вознесенского!

Лиза. Я знала, я знала. Федя, милый Федя.

Каренин. Лиза!

Лиза. Неправда, неправда, что я не любила, не люблю его. Люблю его одного, люблю. И его я погубила. Оставь меня.

Входит Вознесенский.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Вознесенский.

Каренин. Где же Федор Васильевич? Что вам сказали?

Вознесенский. Сказали, что они вышли поутру, оставили это письмо и больше не возвращались.

Каренин. Это надо узнать. Лиза, я оставляю тебя.

Лиза. Прости меня, но я тоже не могу лгать. Оставь меня теперь. Иди, узнай всё...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Грязная комната трактира. Стол с пьющими чай и водку. На первом плане столик, у которого сидит опустившийся, оборванный Федя и с ним Петушков, внимательный, нежный человек с длинными волосами, духовного вида. Оба слегка выпивши.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Федя и Петушков.

Петушков. Я понимаю, понимаю. Вот это настоящая любовь. Ну и что ж?

Федя. Да, знаете, если бы эти чувства проявились у девушки нашего круга, чтобы она пожертвовала всем для любимого человека... а тут цыганка, вся воспитанная на корысти, и эта чистая, самоотверженная любовь — отдает все, а сама ничего не требует. Особенно этот контраст.

Петушков. Да, это у нас в живописи валёр называется. Только тогда можно сделать вполне ярко-красный, когда кругом... Ну, да не в том дело. Я понимаю, понимаю...

Федя. Да, и это, кажется, один добрый поступок у меня за душой — то, что я не воспользовался ее любовью. А знаете отчего?

Петушков. Жалость...

Федя. Ох, нет. У меня к ней жалости не было. У меня перед ней всегда был восторг, и когда она пела — ах, как пела, да и теперь, пожалуй, поет, — и всегда я на нее смотрел снизу вверх. Не погубил я ее просто потому, что любил. Истинно любил. И теперь это хорошее, хорошее воспоминание. *(Пьет.)*

Петушков. Вот понимаю, понимаю. Идеально.

Федя. Я вам что скажу: были у меня увлечения. И один раз я был влюблен, такая была дама — красивая, и я был влюблен, скверно, по-собачьи, и она мне дала rendez-vous¹. И я пропустил его, потому что счел, что подло перед мужем. И до сих пор, удивительно, когда вспоминаю, то хочу радоваться и хвалить себя за то, что поступил честно, а... раскаиваюсь, как в грехе. А тут с Машей — напротив. Всегда радуюсь, радуюсь, что ничем не осквернил это свое чувство... Могу падать еще, весь упасть, все с себя продам, весь во вшах буду, в коросте, а этот бриллиант, не брильянт, а луч солнца, да, — во мне, со мной.

Петушков. Понимаю, понимаю. Где же она теперь?

Федя. Не знаю. И не хотел бы знать. Это все было из другой жизни. И не хочу мешать с этой.

За столом сзади слышен крик женщины. Хозяин приходит и городской — уводят. Федя и Петушков глядят, слушают и молчат.

Петушков *(после того, как там затихло)*. Да, ваша жизнь удивительная.

Федя. Нет, самая простая. Всем ведь нам в нашем круге, в том, в котором я родился, три выбора — только три: служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, в которой живешь. Это мне было противно, может быть не умел, но, главное, было противно. Второй — разрушать эту пакость; для этого надо быть

¹ свидание *(франц.)*.

героем, а я не герой. Или третье: забыться — пить, гулять, петь. Это самое я и делал. И вот допелся. (Пьет.)

Петушков. Ну, а семейная жизнь? Я бы был счастлив, если бы у меня была жена. Меня жена погубила.

Федя. Семейная жизнь? Да. Моя жена идеальная женщина была. Она и теперь жива. Но что тебе сказать? Не было изюминки, — знаешь, в квасе изюминка? — не было игры в нашей жизни. А мне нужно было забываться. А без игры не забудешься. А потом я стал делать гадости. А ведь ты знаешь, мы любим людей за то добро, которое мы им сделали, и не любим за то зло, которое мы им делали. А я ей наделал зла. Она как будто любила меня.

Петушков. Отчего вы говорите: как будто?

Федя. А оттого говорю, что никогда не было в ней того, чтоб она в душу мне влезла, как Маша. Ну, да не про то. Она беременная, кормящая, а я пропаду и вернусь пьяный. Разумеется, за это самое все меньше и меньше любил ее. Да, да (приходит в восторг), вот сейчас пришло в голову: оттого-то я люблю Машу, что я ей добро сделал, а не зло. Оттого люблю. А ту мучал за то... не то что не люблю... Да нет, просто не люблю. Ревновал — да, но и то прошло.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Артемьев.

Подходит Артемьев с кокардой, крашеными усами, в подправленной древней одежде.

Артемьев. Приятного аппетита. (Кланяется Феде.) Познакомились с артистом-художником?

Федя (холодно). Да, мы знакомы.

Артемьев (Петушкову). Что ж, портрет кончил?

Петушков. Нет, расстроилось.

Артемьев (садится). Я не мешаю вам?

Федя и Петушков молчат.

Петушков. Федор Васильевич рассказывал про свою жизнь.

Артемьев. Тайны? Так я не мешаю, продолжайте. Я-то уж в вас не нуждаюсь. Свиньи. *(Отходит к соседнему столу и требует себе пива. Все время слушает разговор Феди с Петушковым, перегибаясь к ним.)*

Федя. Не люблю этого господина.

Петушков. Обиделся.

Федя. Ну, бог с ним. Не могу. Как такой человек — у меня слова не идут. Вот с вами мне легко, приятно. Так что я говорил?

Петушков. Говорили, что ревновали. Ну, а как же вы разошлись с вашей женой?

Федя. Ах. *(Задумывается.)* Это удивительная история. Жена моя замужем.

Петушков. Как же? Развод?

Федя. Нет. *(Улыбается.)* Она от меня осталась вдовой.

Петушков. То есть как же?

Федя. А так же: вдовой. Меня ведь нет.

Петушков. Как нет?

Федя. Нет. Я труп. Да.

Артемьев перегибается, прислушивается.

Видите ли... Вам я могу сказать. Да это давно, и фамилию мою настоящую вы не знаете. Дело было так. Когда я уже совсем измучал жену, прокутил все, что мог, и стал невыносим, явился покровитель ей. Не думайте, что что-нибудь грязное, нехорошее, — нет, мой же приятель и хороший, хороший человек, только прямая во всем противоположность мне. А так как у меня гораздо больше дурного, чем хорошего, то это и был и есть хороший, очень хороший человек: честный, твердый, воздержный и просто добродетельный. Он знал жену с детства, любил ее и потом, когда она вышла за меня, примирился с своей участью. Но потом, когда я стал гадок, стал мучать ее, он стал чаще бывать у нас. Я сам желал этого. И они полюбили друг друга, а я к этому времени совсем свихнулся и сам бросил жену. А тут еще Маша. Я сам предложил им жениться. Они

не хотели. Но я все делался невозможнее и невозможнее, и кончилось тем, что...

Петушков. Как всегда...

Федя. Нет. Я уверен и знаю, что они оставались чисты. Он, религиозный человек, считал грехом брак без благословенья. Ну, стали требовать развод, чтоб я согласился. Надо было взять на себя вину. Надо было всю эту ложь... И я не мог. Поверите ли, мне легче было покончить с собой, чем лгать. И я уже хотел покончить. А тут добрый человек говорит: зачем? И все устроили. Прощальное письмо я послал, а на другой день нашли на берегу одежду и мой бумажник, письма. Плавать я не умею.

Петушков. Ну, а как же тело-то, не нашли же?

Федя. Нашли. Представьте. Через неделю нашли тело какое-то. Позвали жену смотреть. Разложившееся тело. Она взглянула. — Он? — Он. — Так и осталось. Меня похоронили, а они женились и живут здесь и благоденствуют. А я — вот он. И живу и пью. Вчера ходил мимо их дома. Свет в окнах, тень чья-то прошла по сторе. И иногда скверно, а иногда ничего. Скверно, когда денег нет... (Пьет.)

Артемьев (подходит). Ну, уж простите, слышал вашу историю. История очень хорошая и, главное, полезная. Вы говорите — скверно, когда денег нет. Это нет сквернее. А вам в вашем положении надо всегда иметь деньги. Ведь вы труп. Хорошо.

Федя. Позвольте. Я не вам рассказывал и не желаю ваших советов.

Артемьев. А я желаю их вам подать. Вы труп, а если оживете, то что они-то — ваша супруга с господином, которые благоденствуют, — они двоеженцы и в лучшем случае проследуют в не столь отдаленные. Так зачем же вам без денег быть?

Федя. Прошу вас оставить меня.

Артемьев. Просто пишите письмо. Хотите, я напишу, только дайте адрес, а вы меня поблагодарите.

Федя. Убирайтесь. Я вам говорю. Я вам ничего не говорил.

Артемов. Нет, говорили. Вот он свидетель. Половой слышал, что вы говорили, что труп.

Половой. Мы ничего не знаем.

Федя. Негодяй.

Артемов. Я негодяй? Эй, городской. Акт составить.

Федя встает и уходит. Артемов держит его. Приходит городской.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Действие в деревне, на террасе, обросшей плющом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Дмитриевна Каренина, Лиза беременная, нянька с ребенком.

Лиза. Теперь уж едет со станции.

Мальчик. Кто едет?

Лиза. Папа.

Мальчик. Папа едет со станции?

Лиза. C'est étonnant comme il l'aime, tout-à-fait comme son père¹.

Анна Дмитриевна. Tant mieux. Se souvient-il de son père véritable?²

Лиза (*вздыхает*). Я не говорю ему. Думаю, зачем его путать? А потом думаю, что надо сказать ему. Вы как думаете, тамап?

Анна Дмитриевна. Я думаю, Лиза, что это дело чувства, и если ты отдашь своему чувству, твое сердце подскажет тебе, что и когда надо сказать. Как

¹ Это удивительно, как он его любит, совершенно как своего отца (*франц.*).

² Тем лучше. Помнит ли он своего настоящего отца? (*франц.*)

удивительно умиротворяет смерть. Признаюсь, было время, когда он, Федя, — ведь я его знала ребенком, — был мне неприятен, но теперь я только помню его милым юношей, другом Викторá и тем страстным человеком, который хоть и незаконно, нерелигиозно, но пожертвовал собой для тех, кого любил. *Op aura beau dire, l'action est belle...*¹ Надеюсь, Виктор не забудет привезти шерсти, сейчас вся выйдет. *(Вяжет.)*

Лиза. Вот он и едет.

Слышны колеса и бубенчик. Лиза встает и подходит к краю террасы.

Кто-то с ним, дама. Маша! Я ее сто лет не видала. *(Идет к двери.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Входят Каренин и Марья Васильевна.

Марья Васильевна² *(целуется с Лизой и Анной Дмитриевной)*. Виктор меня встретил и увез.

Анна Дмитриевна. Прекрасно сделал.

Марья Васильевна. Да, разумеется. Думаю, когда еще увижу, и опять отложу, вот и приехала, если не прогоните, — до вечернего поезда.

Каренин *(целует жену и мать и мальчика)*. А я как счастлив, поздравьте меня. Два дня дома. Завтра всё без меня сделают.

Лиза. Прекрасно. Два дня. Давно не бывало. Съездим в пустынь. Да?

Марья Васильевна. Как похож! Какой молодец! Только бы не все наследовал: сердце отцовское.

Анна Дмитриевна. Но не слабость.

Лиза. Всё, всё. Виктор согласен со мной, что если бы только смолоду оно было направлено.

Марья Васильевна. Ну, я этого ничего не понимаю. Я только не могу подумать о нем без слез.

Лиза. И мы тоже. Как он вырос в нашей памяти.

¹ Что ни говори, поступок прекрасен... *(франц.)*

² В рукописи: *Маша*.

Марья Васильевна. Да, я думаю.

Лиза. Как казалось неразрешимо одно время. И как вдруг все разрешилось.

Анна Дмитриевна. Ну, Виктор, привез шерсть?

Каренин. Привез, привез. *(Берет мешок и выбирает.)* Вот шерсть, вот одеколон, и вот письма, и вот конверт казенный на твое имя *(подает жене)*. Ну-с, Марья Васильевна, если вам угодно помыться, то я проведу вас. Мне и самому нужно почиститься, а то сейчас обедать. Лиза! Ведь в нижнюю угловую Марью Васильевну?

Лиза, бледная, трясущимися руками держит бумагу и читает.

Что с тобой? Лиза! Что там?

Лиза. Он жив. Боже мой! Когда он освободит меня! Виктор! Что это? *(Рыдает.)*

Каренин *(берет бумагу и читает)*. Это ужасно.

Анна Дмитриевна. Что, да скажи же.

Каренин. Это ужасно. Он жив. И она двоемужница, и я преступник. Это бумага от судебного следователя, который требует к себе Лизу.

Анна Дмитриевна. Какой ужасный человек... Зачем он это сделал?

Каренин. Все ложь, ложь.

Лиза. О, как я ненавижу его. Я не знаю, что я говорю. *(Уходит в слезах. Каренин за нею.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Дмитриевна и Марья Васильевна.

Марья Васильевна. Как же он остался жив?

Анна Дмитриевна. Знаю только, что как только Виктор прикоснулся к этому миру грязи, они затянут его. Вот и загнули. Все обман, все ложь.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Камера судебного следователя.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Судебный следователь. Мельников и письмоводитель.

Судебный следователь (*сидит за столом и разговаривает с Мельниковым. Сбоку письмоводитель. Перебирает бумаги*). Да я ей никогда этого не говорил. Она выдумала, а потом меня упрекает.

Мельников. Она не упрекает, а огорчается.

Судебный следователь. Ну, хорошо, я приду обедать. А теперь дело очень интересное. (*Письмоводителю.*) Просите.

Письмоводитель. Обоих?

Судебный следователь (*кончая курить и пряча папиросу*). Нет, одну госпожу Каренину, или, правильнее, по первому мужу — Протасову.

Мельников (*уходя*). А, это Каренина.

Судебный следователь. Да. Грязное дело. Положим, я еще только начинаю расследование, но нехорошо. Ну, прощай.

Мельников уходит.

Судебный следователь, письмоводитель и Лиза
под вуалью, в черном, входит.

Судебный следователь. Прошу покорно. (Указывая на стул.) Поверьте, что очень сожалею о необходимости делать вам вопросы, но мы поставлены в необходимость... Пожалуйста, успокойтесь и знайте, что вы можете не отвечать на вопросы. Только мое мнение, что вам, да и для всех лучше — правда. Всегда лучше и даже практичнее.

Лиза. Мне нечего скрывать.

Судебный следователь. Так вот. (Смотрит в бумаги.) Ваше имя, звание, исповедание — это все я записал — так?

Лиза. Да.

Судебный следователь. Вы обвиняетесь в том, что вы, зная о том, что ваш муж жив, вышли замуж за другого.

Лиза. Я не знала.

Судебный следователь. И еще в том, что уговорили своего мужа, подкупив его деньгами, совершить обман — подобие самоубийства, с тем чтобы освободиться от него.

Лиза. Все это неправда.

Судебный следователь. Так вот позвольте несколько вопросов. Переслали вы ему в июле прошлого года деньги тысячу двести рублей?

Лиза. Деньги эти были его деньги. Они были выручены за его вещи. И в то время как я рассталась с ним и ждала от него развода, я послала их ему.

Судебный следователь. Так-с. Очень хорошо. Деньги эти посланы семнадцатого июля, то есть за два дня до его исчезновения.

Лиза. Кажется, что семнадцатого июля. Я не помню.

Судебный следователь. А почему прекращены были ходатайства в консистории в то же время и было отказано адвокату?

Лиза. Не знаю.

Судебный следователь. Ну-с, а когда полиция пригласила вас свидетельствовать труп, каким образом признали вы в нем своего супруга?

Лиза. Я была так взволнована тогда, что не смотрела на тело. И так была уверена, что это он, что, когда меня спросили, я ответила, кажется, что он.

Судебный следователь. Да, вы не рассмотрели от весьма понятного волнения. Хорошо-с. Ну-с, а почему, позвольте узнать, от вас ежемесячно была посылка денег в Саратов, в тот самый город, в котором проживал ваш первый муж?

Лиза. Деньги эти посылал мой муж. И я не могу сказать про их назначение, так как это не моя тайна. Но только они не посылались Федору Васильевичу. Мы были твердо уверены, что его нет. Это я могу вам верно сказать.

Судебный следователь. Очень хорошо. Одно позвольте вам заметить, милостивая государыня, мы слуги закона, но это не мешает нам быть людьми. И поверьте, что я понимаю вполне ваше положение и принимаю участие в нем. Вы были связаны с человеком, который тратил имущество, делал неверности, ну, одним словом, делал несчастье вам.

Лиза. Я любила его.

Судебный следователь. Да, но все-таки вам естественно желание освободиться, и вы избрали этот более простой путь, не подумав о том, что это приведет вас к тому, что считается преступлением двоебрачия, — это понятно и мне. И присяжные поймут это. И потому я бы советовал вам открыть все.

Лиза. Мне нечего открывать. Я никогда не лгала. *(Плачет.)* Я не нужна больше?

Судебный следователь. Я бы попросил вас побыть еще здесь. Я не буду, не буду больше беспокоить вас вопросами. Только извольте прочесть и подписать вот допрос. Так ли выражены ваши ответы? Прошу покорно сюда. *(Указывает кресло у окна. К письмоводителю.)* Попросите господина Каренина.

Те же. Входит Каренин, строго, торжественно.

Судебный следователь. Прошу покорно.

Каренин. Благодарю. (Стоит.) Что вам угодно?

Судебный следователь. Я обязан снять допрос.

Каренин. В качестве чего?

Судебный следователь (улыбаясь). Я в качестве судебного следователя. С вас же я должен снять допрос в качестве обвиняемого.

Каренин. Вот как? В чем же?

Судебный следователь. [В женитьбе на замужней женщине¹]. Впрочем, позвольте сделать вопросы по порядку. Присядьте.

Каренин. Благодарю.

Судебный следователь. Ваше имя?

Каренин. Виктор Каренин.

Судебный следователь. Звание?

Каренин. Камергер, действительный статский советник.

Судебный следователь. Возраст?

Каренин. Тридцать восемь лет.

Судебный следователь. Веры?

Каренин. Православной, под судом и следствием не бывал. Ну-с?

Судебный следователь. Известно ли вам было, что Федор Васильевич Протасов жив, когда вы вступали в брак с его женою?

Каренин. Не было известно. Мы оба были убеждены, что он утонул.

Судебный следователь. Куда вы послали ежемесячно деньги в Саратов после ложного известия о смерти Протасова?

Каренин. Я не желаю отвечать на этот вопрос.

Судебный следователь. Очень хорошо. С какою целью были посланы вами деньги тысячу двести рублей господину Протасову перед самой симуляцией его смерти семнадцатого июля?

¹ Текст редакторский, в рукописи: В двоеженстве.

Каренин. Деньги эти были переданы мне моею женою.

Судебный следователь. Госпожою Протасовой?

Каренин. Моею женою для отправки ее мужу. Деньги эти она считала его собственностью и, разорвав связи с ним, считала несправедливым удержать эти деньги.

Судебный следователь. Теперь еще один вопрос: почему вы прекратили ходатайство о разводе?

Каренин. Потому что Федор Васильевич взял на себя это ходатайство и писал мне об этом.

Судебный следователь. Есть у вас это письмо?

Каренин. Письмо затеряно.

Судебный следователь. Как странно, что затеряно и отсутствует все то, что могло бы убедить правосудие в справедливости ваших показаний.

Каренин. Нужно вам еще что-нибудь?

Судебный следователь. Мне ничего не нужно, кроме исполнения моего долга, а вам нужно оправдаться, и я сейчас советовал госпоже Протасовой и то же посоветовал бы вам: не скрывать того, что всем очевидно, а рассказать все, как было дело. Тем более что господин Протасов в таком положении, что он уже показывал все, как было, и, вероятно, и на суде все так же покажет. Я бы советовал...

Каренин. Я бы просил вас оставаться в рамках исполнения своих обязанностей. А советы свои оставить. Можем мы уйти? *(Подходит к Лизе. Она встает и берет его за руку.)*

Судебный следователь. Очень сожалею, что должен задержать вас...

Каренин удивленно оборачивается.

О нет, не в том смысле, чтобы арестовать вас. Хотя это и было бы удобнее для расследования истины, я не прибегну к этой мере. Я только желал бы при вас сделать допрос Протасову и дать вам с ним очную ставку, при которой вам удобнее будет уличить его в неправде. Прощу присесть. Позовите господина Протасова.

Те же. Входит грязный, опустившийся Федя.

Федя (*обращается к Лизе и Каренину*). Лиза, Лизавета Андреевна, Виктор. Я не виноват. Я хотел сделать лучше. А если виноват... Простите, простите... (*Кланяется им в ноги.*)

Судебный следователь. Прошу вас отвечать на вопросы.

Федя. Спрашивайте.

Судебный следователь. Ваше имя?

Федя. Ведь вы знаете.

Судебный следователь. Прошу вас отвечать.

Федя. Ну, Федор Протасов.

Судебный следователь. Ваше звание, года, вера?

Федя (*молчит*). Как вам не совестно спрашивать эти глупости? Спрашивайте, что нужно, а не пустяки.

Судебный следователь. Я прошу вас быть осторожнее в ваших выражениях и отвечать на мои вопросы.

Федя. Ну, коли не совестно, извольте. Звание — кандидат, года — сорок, веры — православной. Ну-с, дальше?

Судебный следователь. Было ли известно господину Каренину и вашей жене, что вы живы, когда вы оставили свою одежду на берегу реки и сами скрылись?

Федя. Наверно, нет. Я хотел точно убить себя, но потом... Ну, да это не нужно рассказывать. Дело в том, что они ничего не знали.

Судебный следователь. Как же вы полицейскому чиновнику показывали по-другому?

Федя. Какому полицейскому чиновнику? А, это когда он ко мне пришел в Ржанов дом? Я был пьян и врал ему, что — не помню. Все это вздор. Теперь я не пьян и говорю всю правду. Они ничего не знали. Они верили, что меня нет. И я рад был этому. И это бы так и осталось, если б не негодяй Артемьев. И если кто виноват, то я один.

Судебный следователь. Я понимаю, что вы хотите быть великодушны, но закон требует истины. Почему вам посланы были деньги?

Федя молчит.

Вы получали через Симонова посылаемые вам в Саратов деньги?

Федя молчит.

Почему же вы не отвечаете? В протоколе будет записано, что на эти вопросы обвиняемый не отвечал, и это может очень повредить и вам и им. Так как же?

Федя (молчит и потом). Ах, господин следователь, как вам не стыдно. Ну что вы лезете в чужую жизнь? Рады, что имеете власть, и, чтоб показать ее, мучаете не физически, а нравственно людей, которые в тысячи раз лучше вас.

Судебный следователь. Прошу вас...

Федя. Нечего просить. Я скажу все, что думаю. (Письмоводителю.) А вы пишете. По крайней мере в первый раз будут в протоколе разумные человеческие речи. (Возвышает голос.) Живут три человека: я, он, она. Между ними сложные отношения, борьба добра со злом, такая духовная борьба, о которой вы понятия не имеете. Борьба эта кончается известным положением, которое все развязывает. Все успокоены. Они счастливы — любят память обо мне. Я в своем падении счастлив тем, что я сделал, что должно, что я, негодный, ушел из жизни, чтобы не мешать тем, кто полон жизни и хороши. И мы все живем. Вдруг является негодяй, шантажист, который требует от меня участия в шантаже. Я прогоняю его. Он идет к вам, к борцу за правосудие, к охранителю нравственности. И вы, получая двадцатого числа по двугривенному за пакость, надеваете мундир и с легким духом куражитесь над ними, над людьми, которых вы мизинца не стоите, которые вас к себе в переднюю не пустят. Но вы добрались и рады...

Судебный следователь. Я вас выведу.

Федя. Я не боюсь никого, потому что я труп, и сс

мной ничего не сделаете; нет того положения, которое было бы хуже моего. Ну и ведите.

Каренин. Мы можем уйти?

Судебный следователь. Сейчас. Подписать протокол.

Федя. И как бы смешны вы были, если бы не были так гадки.

Судебный следователь. Уведите его. Я арестую вас.

Федя (к Каренину и Лизе). Так простите.

Каренин (подходит и подает руку). Так, видно, должно было быть.

Лиза проходит. Федя низко кланяется.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Коридор в здании окружного суда. На заднем плане стеклянная дверь, у которой стоит курьер. Правее другая дверь, в которую вводят подсудимых. К первой двери подходит Иван Петрович, оборванный, хочет пройти.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Курьер и Иван Петрович.

Курьер. Куда? Нельзя. Вишь, лезет.

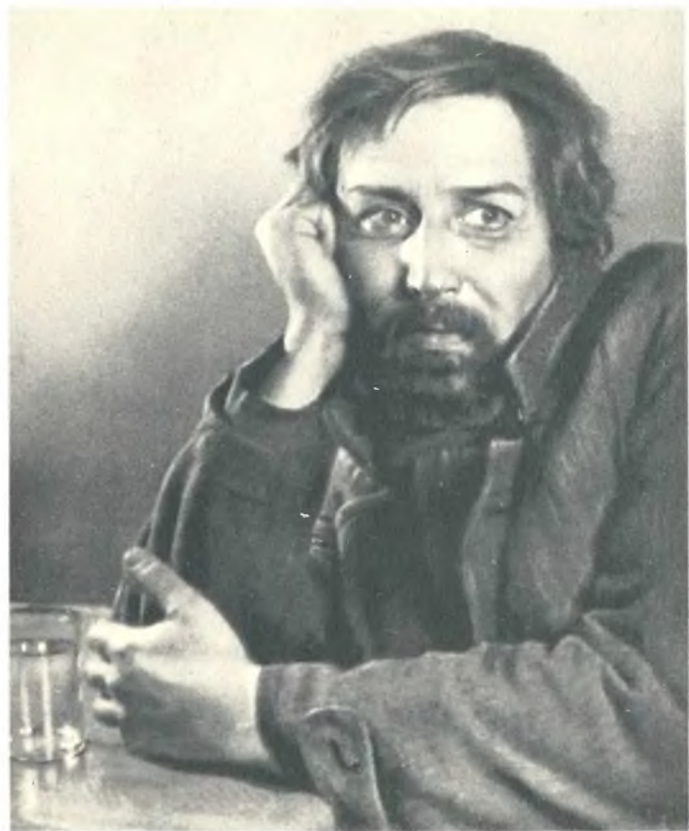
Иван Петрович. Отчего нельзя? Закон гласит: заседания публичны.

Раздаются аплодисменты.

Курьер. А вот нельзя, да и все. Не велено.

Иван Петрович. Невежа. Не знаешь, с кем говоришь.

Выходит молодой адвокат во фраке.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и молодой адвокат.

Молодой адвокат. Что вы, по делу?

Иван Петрович. Нет, я публика. А вот невежда, цербер. Не пускает.

Молодой адвокат. Да ведь здесь не для публики?

Иван Петрович. Знаю. Там не пускают. Меня-то можно пустить.

Молодой адвокат. Погодите, перерыв будет сейчас. *(Хочет уходить, встречает князя Абрезкова.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и князь Абрезков.

Князь Абрезков. Позвольте узнать, в каком положении дело?

Молодой адвокат. Речи адвокатов. Петрушин говорит.

Опять аплодисменты.

Князь Абрезков. Что же, как подсудимые несут свое положение?

Молодой адвокат. С большим достоинством, особенно Каренин и Лизавета Андреевна. Не их судят, а они судят общество. Это чувствуется. На эту тему и говорит Петрушин.

Князь Абрезков. Ну, а Протасов?

Молодой адвокат. Ужасно взволнован. Весь трясется как-то. Но это понятно по его жизни. Но как-то особенно раздражен: перебивал несколько раз и прокурора и адвоката. В каком-то особенном возбуждении.

Князь Абрезков. Какой же результат полагаете?

Молодой адвокат. Трудно сказать. Состав присяжных смешанный. Во всяком случае, предумышленности не признают, но все-таки...

Выходит господин, князь Абрезков двигается к двери.

Вы хотите пройти?

Князь Абрезков. Да, хотел бы.
Молодой адвокат. Вы князь Абрезков?
Князь Абрезков. Я.
Молодой адвокат (к курьеру). Пропустите.
Тут сейчас налево стул свободный. (Пропускает князя Абрезкова.)

Дверь отворяется, и виден говорящий адвокат,

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Курьер, молодой адвокат и Иван Петрович.

Иван Петрович. Аристократы! Я аристократ духа. А это выше.

Молодой адвокат. Ну уж извините. (Проходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Курьер, Иван Петрович и Петушков поспешно идет.

Петушков. А, здравствуй, Иван Петрович! Что дело?

Иван Петрович. Да еще речи адвокатов. Да вот не пускают.

Курьер. А вы не шумите тут. Тут не кабак.

Опять аплодисменты, отворяются двери, выходят адвокаты, зрители: мужчины и дамы.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, дама и офицер.

Дама. Прекрасно. Прямо до слез довел.

Офицер. Лучше всякого романа. Только непонятно, как она могла так любить его. Ужасная фигура.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же. Отворяется другая дверь, выходят подсудимые: сначала Лиза и Каренин — и проходят по коридору, за ними Федя один.

Дама. Тише. Вот он. Посмотрите, как он взволнован. *(Дама и офицер проходят.)*

Федя *(подходит к Ивану Петровичу)*. Принес?

Иван Петрович. Вот он. *(Подает что-то.)*

Федя *(прячет в карман и хочет идти; видит Петушкова)*. Глупо, пошло. Скучно. Скучно. Бессмысленно. *(Хочет уходить.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Петрушин, адвокат, толстый, румяный, оживленный, подходит.

Петрушин. Ну, батюшка, дела наши хороши, только вы в последней речи не напортите мне.

Федя. Да я не буду говорить. Что им говорить? Я не буду.

Петрушин. Нет, сказать надо. Да вы не тревожьтесь. Теперь уж все дело в шляпе. Вы только скажите то, что вы мне говорили, что, если вас судят, так только за то, что вы не совершили самоубийства, то есть того, что считается преступлением по закону и гражданскому и церковному.

Федя. Я ничего не скажу.

Петрушин. Отчего?

Федя. Не хочу и не скажу. Вы только мне скажите: в худшем случае что может быть?

Петрушин. Я уже говорил вам: в худшем случае ссылка в Сибирь.

Федя. То есть кого ссылка?

Петрушин. И вас и вашей жены.

Федя. А в лучшем?

Петрушин. Церковное покаяние и, разумеется, расторжение второго брака.

Федя. То есть они опять меня свяжут с ней, то есть ее со мной?

Петрушин. Да, уж это как должно быть. Да вы не волнуйтесь. И, пожалуйста, скажите, как я вам говорю. И только. Главное, ничего лишнего. Ну, впрочем... (Замечая, что их окружили и слушают.) Я устал, пойду посижу, и вы отдохните, пока присяжные совещаются. Главное, не робеть.

Федя. И другого не может быть решения?
Петрушин (уходя). Никакого другого.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, кроме Петрушина, и судейский.

Судейский. Проходите, проходите, нечего в коридоре стоять.

Федя. Сейчас. (Вынимает пистолет и стреляет себе в сердце. Падает. Все бросаются к нему.) Ничего, кажется, хорошо. Лизу...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Выбегают из всех дверей зрители, судьи, подсудимые, свидетели. Впереди всех Лиза. Сзади Маша и Каренин и Иван Петрович, князь Абрезков.

Лиза. Что ты сделал, Федя? Зачем?

Федя. Прости меня, что не мог... иначе распутать тебя... Не для тебя... мне этак лучше. Ведь я уж давно... готов...

Лиза. Ты будешь жив.

Доктор нагибается. Слушает.

Федя. Я без доктора знаю... Виктор, прощай. А Маша опоздала... (Плачет.) Как хорошо... Как хорошо... (Кончается.)

Занавес

ОТ НЕЙ ВСЕ КАЧЕСТВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Старуха Акулина, 70 лет, еще бодрая, степенная, старого завета.

Михайла, ее сын, 35 лет, страстный, самолюбивый, тщеславный, сильный.

Марфа, ее сноха, 32 лет, ворчливая, говорит много и быстро.

Парашка, 10 лет, дочь Марфы и Михайлы.

Десятский Тарас, 50 лет, степенный, говорит медленно, важничает.

Прохожий, 40 лет, вертлявый, худой, говорит значительно.

В пьяном виде особенно развязен.

Игнат, 40 лет, балагур, веселый, глупый.

Сосед, 40 лет, суетливый.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Осень. Изба с чуланом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старуха Акулина прядет; хозяйка Марфа месит хлеб; девочка Парашка качает люльку.

Марфа. Ох, недоброе чует мое сердце. Чего стоять-то? Не хуже как намедни с дровами ездил. Без малого половину пропил. А все я виновата.

Акулина. Что плохое загадывать. Рано еще. То же не ближний свет. Пока что...

Марфа. Где рано. Акимыч вернулся же. А еще позже нашего поехал, а нашего все нет. Мыкаешься, мыкаешься, а только и радости.

Акулина. Акимыч на место ставил, а наш на базаре.

Марфа. Не думалось бы, кабы один. А то с Игнатом поехал. А как с толстомордым кобелем этим, прости господи, сойдется, добра не бывать. Не миновать напьются. День-деньской бьешься, бьешься. Все на тебе. Добро бы приждать чего было. А то только и радости, что трепись с утра до ночи.

Отворяется дверь. Входит десятский Тарас и оборванный прохожий.

Тарас. Здорово живете. Вот вам постояльца привел.

Прохожий (кланяется). Хозяевам мое почтение.

Марфа. Что больно часто к нам ставишь. У нас в середу ночевал. Все к нам да к нам. К Степаниде бы ставил. У них и ребят нет. А я с своими не разберусь. А ты все к нам да к нам.

Тарас. По череду ставим.

Марфа. Ты говоришь — по череду. У меня ребята. Да и хозяйина нет.

Тарас. Переночует. Места не пролежит.

Акулина (к прохожему). Проходи, садись, гостем будешь.

Прохожий. Приношу благодарность. Покушать бы, если бы можно.

Марфа. Ничего не видавши сейчас и покушать. Что ж, разве по деревне не прошел?

Прохожий (вздыхает). По званию своему не привычен я. А так как продуктов своих не имеем...

Акулина встает, достает хлеб, отрезает и подает прохожему.

(Берет хлеб.) Мерси. (Сидит на коннике и жадно ест.)

Тарас. Михайла-то где же?

Марфа. Да в городе. Сено повез. Пора бы вернуться, а все нет. Вот и думается, как бы чего не случилось.

Тарас. Чего же случится?

Марфа. Как чего? Хорошего не увидишь, а худого только и жди. А то как из дома уехал, ему и горюшка мало. Вот и теперь того и жду, что пьяный вернется.

Акулина (садится за прялку; к Тарасу и указывая на Марфу). Нет того, чтоб помолчать. Я и то говорю. У нашей сестры обо всем докука.

Марфа. Кабы он один, не думалось бы. А то с Игнатом поехали.

Тарас (*усмехается*). Ну, Игнат Иваныч точно что насчет выпивки дюже охотлив.

Акулина. Что ж, не видал он Игната? Игнат сам по себе, а он сам по себе.

Марфа. Тебе, матушка, хорошо говорить. А ведь его гульба-то вот где (*показывает на шею*). Пока тверез, грешить не стану, а пьяный — сама знаешь каков. Слова не скажи. Все не так.

Тарас. Да ведь и ваша сестра тоже. Человек выпил. Ну что ж, дай покуражится, выпится, опять все чередом пойдет. А ваша сестра тут-то и перечит.

Марфа. Что хошь делай. Если пьяный, все не по нем.

Тарас. Да ведь все надо понимать. Нашему брату тоже нельзя другой раз не выпить. Ваше дело бабье — домашнее, а нашему брату нельзя — али по делу, али в компании. Ну и выпьет, авось беды нет.

Марфа. Да тебе хорошо говорить, а нашей сестре трудно. Ох трудно. Кабы вашего брата хоть на недельку бы в нашу должность впрячь. Вы бы не то заговорили. И меси, и пеки, и вари, и пряди, и тки, и скотина, и все дела, и этих голопузых обмыть, одеть, накормить, все на нашей сестре, — а чуть что не по нем, сейчас. Особенно выпивши. Ох, житье наше бабье...

Прохожий (*прожевывая*). Это правильно. От ней все качества, значит, все ката́строфы жизни от алкогольных напитков.

Тарас. Видно, она-то и тебя с пофей сбила.

Прохожий. Она не она, а тоже и от ней пострадал — кальяра жизни моей могла бы совсем иная быть, кабы не она.

Тарас. А на мой разум, если пить ее с умом, вреда от ней нет никакого.

Прохожий. А я так скажу, что в ней такая сила энергии имеется, что она может вполне испортить человека.

Марфа. Я и говорю: ты хлопочи, старайся, и одна тебе утеха, что изругает да изобьет, как собаку.

Прохожий. Мало того. Есть такие люди, субъекты, значит, что вовсе от ней рассудка лишаются и поступки совсем несоответствующие производят. Пока не пьет, что хошь давай ему, ничего чужого не возьмет, а как выпил, что ни попади под руку тащит. И били сколько, и в тюрьме сидел. Пока не пью, все честно, благородно, а как выпью, как выпьет, значит, субъект этот, сейчас и тащит что попало.

Акулина. А я думаю, все от себе.

Прохожий. В себе-то в себе, пока здоров, а это болезнь такая.

Тарас. Ну уж и болезнь! пробрать бы его как должно, и болезнь эта живо прошла бы. Прощайте пока что. (Уходит.)

Марфа обтирает руки и хочет уходить.

Акулина (смотрит на прохожего, видит, что он съел хлеб). Марфа, а Марфа. Отрежь ему еще.

Марфа. Ну его. Пойти самовар поглядеть. (Уходит.)

Акулина встает, идет к столу, вынимает хлеб, отрезает ломоть и дает прохожему.

Прохожий. Мерси. Очень уж аппетит мог возыметь.

Акулина. Из мастеровых будешь?

Прохожий. Я-то? Машинистом был.

Акулина. Что ж, много получал?

Прохожий. И пятьдесят и семьдесят получал.

Акулина. Легкое ли дело. Так как же так сбился?

Прохожий. Сбился? Не я один. Сбился, потому что времена нынче такие, что честному человеку прожить нельзя.

Марфа (вносит самовар). О господи. Все нет. Не миновать — пьяный придет. Чует мое сердце.

Акулина. И впрямь не закутил ли?

Марфа. То-то и оно-то. Одна бьешься, бьешься, и меси, и пеки, и вари, и пряди, и тки, и скотина, все на мне.

В люльке кричит.

Парашка, качай малого-то. Ох, житье наше бабье. А напьется, все нехорошо. Скажи не по нем слово..

Акулина (*заваривает чай*). И чай последний. Наказывала привезти?

Марфа. Как же. Хотел привезть. Привезет он? Разве станет об доме думать? (*Ставит на стол самовар.*)

Прохожий отходит от стола.

Акулина. А ты что ж от стола ушел? Чай пить будем.

Прохожий. Приношу благодарность за гостеприимное радушие. (*Бросает сигарку и подходит к столу.*)

Марфа. Сам-то из каких будешь, из крестьян али еще из каких?

Прохожий. Я, мать, ни из крестьян, ни из дворян. Обоюдоострого сословия.

Марфа. Это к чему же? (*Подает ему чашку.*)

Прохожий. Мерси. А к тому, что мне отцом польский граф был, а кроме его, еще многие были, и матерей тоже две было. Вообще биография моя затруднительная.

Марфа. Пейте еще. Что ж, в ученье был?

Прохожий. Ученье мое тоже обстоятельное было. В кузню отдала меня не мать, а восприемница. Кузнец, значит, первым моим пердагогом был. И пердагогия его в том заключалась, что бил меня этот самый кузнец так, что не столько по наковальне бил, сколько по несчастной голове моей. Однако, сколько ни бил, не мог лишить меня талантов. Попал потом к слесарю. И тут оценен я был и дошел до дела, первым мастером стал. Знакомства с образованными людьми имел, во фракции находился. Умственную словесность мог усвоить. И жизнь могла быть возвышенная, так как владел талантами аграмадными.

Акулина. Известное дело.

Прохожий. А тут завируха вышла, деспотический гнет народной жизни, и в тюрьму попал, в заключение свободы, значит.

Марфа. За что же?

Прохожий. За права.

Марфа. За какие же это права?

Прохожий. За какие права? А такие права, чтоб буржуй не мог вечно¹ праздновать, а трудящийся пролетарий мог получать вознаграждение труда.

Акулина. И насчет земли, значит?

Прохожий. А то как же. Тоже и в аграмарном вопросе.

Акулина. Дал бы господь, царица небесная. Уж больно теснота одолела. Ну, а как же теперь?

Прохожий. Теперь как? теперь я до Москвы. Приду к эксплуататору. Что ж делать, покорюсь, скажу: в какую хошь работу, только возьми.

Акулина. Что ж, пейте еще.

Прохожий. Благодарю — мерси, значит.

Слышен в сенях шум и говор.

Акулина. Вот и Михайла, как раз к чаю.

Марфа *(встает)*. Ох, горе мое. С Игнатом. Пьян, значит.

Вваливается Михайла и Игнат, оба пьяные.

Игнат. Здорово живете? *(Молится на образ.)* А вот мы, едрена палка, как раз к самовару поспели. Мы к обедни, ан отпели, мы к обеду, ан отъели, мы в кабак, ан только так. Ха, ха, ха. Вы нам чайку, а мы вам винца. Так, что ль? *(Хохочет.)*

Михайла. Этот щеголь-то отколе? *(Вынимает из-за пазухи бутылку, ставит на стол.)* Давай чашки.

Акулина. Что ж, хорошо съездил?

Игнат. Уж чего, едрена палка, лучше, и попили, и погуляли, и домой привезли.

Михайла *(наливает чашки и подвигает матери, а потом и прохожему)*. Пей и ты.

Прохожий *(берет чашку)*. Приношу чувствительную благодарность. Будьте здоровы. *(Выпивает.)*

¹ В подлиннике: верно.

Игнат. Молодчина, как хлобыснул, должно ученый, едрена палка. С голодухи-то, я чай, по жилкам пошла. *(Наливает еще.)*

Прохожий *(пьет, к Михайле и Игнату)*. Желая успеха во всех предприятиях.

Акулина *(Михайле)*. Что ж, за дорого продал?

Игнат. Дорого ли не дорого. Все пропили, едрена палка. Правда, Михайла?

Михайла. А то как же. Что ж на них смотреть. В кои-то веки и погулять можно.

Марфа. Что куражишься-то. Хорошего мало. Дома есть нечего, а ты вон что...

Михайла. Марфа! *(Угрожающе.)*

Марфа. Что Марфа? Знаю, что Марфа. Ах не смотрели бы мои глаза, бесовестный.

Михайла. Марфа, смотри!

Марфа. Нечего смотреть, и смотреть не хочу.

Михайла. Разливай вино, подноси гостям.

Марфа. Тьфу, пес лупоглазый, и говорить с тобой не хочу.

Михайла. Не хочешь? Ах ты, шкура собачья. Ты что сказала?

Марфа *(качает люльку. Дети испуганные подходят к ней)*. Что сказала? Сказала не хочу и говорить с тобой, вот и все.

Михайла. Аль забыла? *(Вскакивает из-за стола и бьет ее по голове, сбивает платок.)* Раз.

Марфа. О-о-о-о! *(Бежит в слезах к двери.)*

Михайла. Не уйдешь, стерва ты этакая... *(Бросается к ней.)*

Прохожий *(вскакивает от стола и хватая Михайлу за руку)*. Не имеешь никакого полного права.

Михайла *(останавливается, с удивлением смотрит на прохожего)*. Али давно не бит?

Прохожий. Не имеешь полного права женский пол подвергать оскорблениям.

Михайла. Ах ты, сукин сын. А это видал? *(Показывает кулак.)*

Прохожий. Не дозволю над женским полом эксплытацию производить.

Михайла. Я тебе такую остолбацию задам, что кверху тормашками...

Прохожий. На, бей. Что ж не бьешь? Бей. *(Выставляет лицо.)*

Михайла *(пожимает плечами и разводит руками)*. Ну, а как я двину?

Прохожий. Я говорю, бей.

Михайла. Ну и чудак же, посмотрю на тебя. *(Опускает руки и качает головой.)*

Игнат *(к прохожему)*. Зараз видно, что дуже до баб охочь, едрена палка.

Прохожий. Я за права стою.

Михайла *(к Марфе, идет к столу, тяжело дыша)*. Ну, Марфа, здоровую свечу за него поставь. Кабы не он, избил бы тебя вдребезги.

Марфа. Чего же и приждать от тебя: бейся всю жисть, и пеки, и вари, а как что...

Михайла. Ну буде, буде. *(Подносит прохожему вино.)* Пей. *(К жене.)* А ты что слюни-то распустила. Уж и пошутить нельзя. На деньги, приברי: две трешницы да вот два двугривенных.

Акулина. А чай-сахар я приказывала.

Михайла *(достает сверток из кармана и подает жене. Марфа берет деньги и уходит в чулан, молча оправляя платок)*. Бестолковое это бабье сословие. *(Опять подает прохожему.)* На, пей.

Прохожий *(не пьет.)* Пейте сами.

Михайла. Ну, будет ломаться.

Прохожий *(пьет.)* Будьте благополучны.

Игнат *(к прохожему)*. А видал ты, я чай, виды. Ох хороша на тебе бонжурка. Хформенная бонжурка, и где ты такую достал. *(Показывает на его оборванную куртку.)* Ты ее не оправляй, она и так хороша. В годочках она, значит, ну да что ж делать? Кабы у меня такая же была, и меня бы бабы любили. *(К Марфе.)* Верно говорю?

Акулина. Напрасно это, Агеич, что, ничего не видамши, человека на смех поднимать.

Прохожий. Потому необразованность.
Игнат. Я ведь любя. Пей. *(Подносит.)*

Прохожий пьет.

Акулина. Сам говорил, что от ней качества все, и в тюрьме из-за ней сидел.

Михайла. По каким же делам сидел?

Прохожий *(очень захмелевший)*. За экспроприацию страдал.

Михайла. Это как же?

Прохожий. А так что пришли к нему, к толстопузому. Давай, говорим, деньги. А то вот: ливольвер. Он туды, сюды. Вынул две тысячи триста рублей.

Акулина. О господи.

Прохожий. Мы только хотели, как должно, распорядиться суммой, Зембриков руководствовал. Налетели... эти вóронья. Сейчас под стражу в тюрьму заключили.

Игнат. И денежки отобрали?

Прохожий. Известно. Да только не могли они меня обвинить. Прокурор на суде мне такое слово сказал: вы, говорит, украли деньги. А я сейчас ему в ответ: крадут воры, я говорю. А мы для партии экспроприацию совершили. Так он и не мог мне ответа дать. Туды, сюды, ничего не мог ответить. Ведите, говорит, его в тюрьму, значит в заточение свободной жизни.

Игнат *(к Михайле)*. И ловок же, сукин сын. Молодчина. *(Подает прохожему.)* Пей, едрена палка.

Акулина. Тьфу, нехорошо говоришь ты.

Игнат. Я, бабушка, это не поматершинно, а только так, поговорка у меня: едрена палка, едрена палка. Будь здорова, бабушка.

Марфа приходит, стоя у стола, разливает чай.

Михайла. Вот и хорошо. А то что, обижаться. Я говорю. Спасибо ему. Я тебя, Марфа, во как уважаю. *(К прохожему.)* Ты что думаешь? *(Обнимает Марфу.)* Я мою старуху так уважаю, во как уважаю. Старуха моя, одно слово, первый сорт. Я ее ни на кого не променяю.

Игнат. Вот и хорошо. Бабушка Акулина. Пей. Я угощаю.

Прохожий. Что значит сила энергии. То все в меланхолии находились, а теперь одна приятность. Дружеское расположение. Бабушка, я любовь имею к тебе и ко всем людям. Братцы миленькие. *(Поет революционную песню.)*

Михайла. Уж дюже разобрало его — с голодухи-то.

З а н а в е с

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Та же хата. Утро.

Марфа и Акулина. Хозяин спит.

Марфа (*берет топор*). Пойти дров нарубить.

Акулина (*с ведром*). Избил бы он тебя вечер, кабы не энтот. А не видать его. Аль ушел? Должно, ушел.

Уходят одна за другой.

Михайла (*слезает с печи*). Вишь ты, солнышко-то уж высоко. (*Встает, обувается.*) Видно, за водой с старухой ушли. Болит, голова болит. Да не стану. Ну ее к чертям. (*Молится богу, умывается.*) Пойти запрягать.

Входит с дровами Марфа.

Марфа. А вчерашний побирушка? Аль ушел?

Михайла. Должно, ушел, не видать.

Марфа. Ну и бог с ним. А человек, видно, умный.

Михайла. За тебя заступился.

Марфа. Чего мне.

Михайла одевается.

А чай-сахар вчерашние ты прибрал, что ль?

Михайла. Я чаял, ты взяла.

Входит Акулина с ведром.

Марфа (к старухе). Матушка, не ты взяла по-
купку?

Акулина. И знать не знаю.

Михайла. Вечор я на окно положил.

Акулина. И я видела.

Марфа. Где же ему быть? (Ищут.)

Акулина. Вишь ты грех какой.

Входит сосед.

Сосед. Что же, Тихоныч, по дрова едем, что ли.

Михайла. А то как же. Зараз запрягу. Да, вишь,
пропажа у нас.

Сосед. Вот как, что же такое?

Марфа. Да вот хозяин вечор покупку привез из
города: чай-сахар, положил тут на окно. Мне невдомек
прибрать. Глядь — нынче нет.

Михайла. Грешим на прохожего, ночевал.

Сосед. Какой прохожий?

Марфа. Такой из себя худощавый, безбородый.

Михайла. Пиджачишка в лохмотьях.

Сосед. Кучерявый, нос с горбинкой?

Михайла. Ну да.

Сосед. Сейчас повстречал. Подивился, что дуже
шибко шагает.

Михайла. Скорей всего он. Далече встрел?

Сосед. За мост еще, я чай, не вышел.

Михайла (хватает шапку и быстро уходит с сосе-
дом). Догнать надо. Вишь, шельмец. Он это.

Марфа. Ох, грехи, грехи. Не миновать, что он.

Акулина. А как не он. Так-то раз, годов двадцать
тому было, так же сказали на человека, что лошадь
увел. Собрался народ. Тот говорит, сам видел, как он
обротывал, тот говорит, что видел, как он повел ее. А
лошадь пегая, дынина, заметная. Собрался народ, стали
искать. Попался им в лесу тот самый парень. Ты, го-
ворят. Он говорит: знать не знаю, ведать не ведаю. По-
клянись, говорят. Клянется, божится, что не он. Что,
говорят, смотреть на него. Бабы верно сказывали, что

он. Что-то сказал он грубое. Егор Лапушкин, помер он. Горячий мужик был, развернулся, ни кстя ни моля, бац его в морду, ты, говорит, вдарил раз, набросились все, стали бить успятками, кулаками, доби́ли до смерти. Что же думаешь? На другой неделе нашли настоящего вора, а этот вовсе не вор, только в лесу хотел дерево облюбовать.

Марфа. Известное дело, как бы не согрешили. Хоть он и в низкой степени, а человек, видно, хороший.

Акулина. Да уж больно опустился. И взыскать с такого нечего.

Марфа. Вот галдят. Ведут, видно.

В горницу входят Михайла, сосед и еще старик и парень. Вперед себя вталкивают вчерашнего прохожего.

Михайла (*держит в руках чай-сахар, к жене*). У него в штанах и нашли. Воришка, сукин сын.

Акулина (*к Марфе*). Он и есть — сердешный и голову повесил.

Марфа. Это он вечор, видно, о себе говорил, что как выпьет, так и тащит что попало.

Прохожий (*в волнении*). Я не вор, я экспроприатор. Я деятель и должен жить. Вы понять не можете, что хотите делайте.

Сосед. К старосте али прямо к уряднику?

Прохожий. Говорю, что хотите делайте. Я ни́чего не боюсь и могу пострадать за убеждения. Кабы вы были люди образованные, вы бы могли понимать...

Марфа (*мужу*). А бог бы с ним. Покупку вернули. Пустить бы его без греха... Пушай идет.

Михайла (*повторяет слова жены*). Без греха... пушай идет. (*Задумывается. Строго к жене.*) «Пушай идет». Спасибо, научила. Без тебя не знаем, что делать.

Марфа. Жалко его, сердечного.

Михайла. Жалко! Поучи, поучи, без тебя не знаем, что делать. То-то дура. «Пушай идет». Идет-то идет, да ему слово сказать надо, чтоб он почувствовал. (*К прохожему.*) Так слушай ты, мусью, что я тебе сказать хочу. Хоть и в низком ты положении, а сделал ты дюже плохо, дюже плохо. Другой бы тебе за это бока намял

да еще и к уряднику свел, а я тебе вот что скажу: сделал ты плохо, хуже не надо. Только уж больно в низком ты положении, и не хочу я тебя обидеть. *(Останавливается. Все молчат. Торжественно.)* Иди с богом да впредь так не делай. *(Оглядывается на жену.)* А ты меня учить хочешь.

Сосед. Напрасно, Михайла. Ох, напрасно, поводишь их.

Михайла *(все держит в руке покупку)*. Напрасно так напрасно, мое дело. *(К жене.)* А ты меня учить хочешь. *(Останавливается, глядя на покупку, и решительно подает ее прохожему, оглядываясь на жену.)* Бери и это, дорогой чаю попьешь. *(К жене.)* А ты меня учить хочешь. Иди, сказано, иди. Растабарывать нечего.

Прохожий *(берет покупку. Молчание)*. Ты думаешь, я не понимаю... *(Голос дрожит.)* Я в полном смысле понимаю. Избил бы ты меня, как собаку, мне бы легче было. Разве я не понимаю, кто я. Подлец я, дегенерат, значит. Прости Христа ради. *(Бросает на стол чай-сахар и, всхлипывая, быстро уходит.)*

Сосед. Аж заплакал, сердешный.

Михайла *(жене)*. А ты меня учить хочешь.

Акулина. Тоже человек был.

Марфа. Спасибо чай не унес, а то бы и на заварку не было.

Занавес

НЕЗАКОНЧЕННОЕ
НАБРОСКИ

ЗАРАЖЕННОЕ СЕМЕЙСТВО

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Михайлович Прибышев, помещик, 50 лет.

Марья Васильевна, жена его, 48 лет.

Любовь Ивановна, дочь их, барышня, 18 лет.

Катерина Матвеевна Дудкина, племянница их, девица 26-ти лет.

Петр Иванович, их сын, гимназист, 15-ти лет.

Марья Исаевна, бывшая няня, теперь экономка, друг дома, из дворян, 45 лет.

Алексей Павлович Твердынский, молодой человек, живущий на кондичии у Прибышевых, из духовного звания, 22-х лет.

Анатолий Дмитриевич Венеровский, акцизный чиновник, 35 лет.

Приказчик.

Староста.

Лакей.

Мужики.

Действие происходит в именье Прибышевых.

Утро. Гостиная деревенского помещичьего дома. Перед диваном круглый стол. На столе утренний чай и кофе.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Няня вяжет чулок, разливает чай стоя; Марья Васильевна сидит у стола, пьет чай.

Няня. Давайте чашку-то, налью. А то что, право, пить не пьете, только балуетесь. *(Берет чашку.)*

Марья Васильевна *(обиженно)*. Постой, няня, я не допила еще. И что кричишь, точно с ребенком, право. Вот теперь налей. *(Подает чашку.)*

Няня. Стоишь, стоишь, стоишь, стоишь. Одиннадцатый час небось, а еще половину господ не перепоила. Вы откушаете — тут старый барин, тут студент с Петрушей придут.

Марья Васильевна. Какой студент? Студент говорится.

Няня. Не люблю я его, неаккуратный человек, за то он у меня студент. Пустой человек.

Марья Васильевна. А мне он жалок, няня.

Няня. Есть чего жалеть. Сказал ли он доброе слово кому, вот второй месяц в доме — только зубы скалит *(передразнивая)*. Всех, кажется, пересмеял *(с племянницей с вашей; да девкам от него прохода нет.)*¹ Нечесаный, а туда же липнет. Я уж Дуняшу научила: как он к тебе станет приставать, ты его по лицу, чтоб с синяком к обеду пришел. Пускай спросят — отчего? Да опять — что ж это? Одевать мы его взялись — что ли? Все постельное белье наше.

¹ Ломаными скобками обозначен текст, зачеркнутый Толстым. — *Ред.*

Марья Васильевна. Ах, няня — какая ты! Ты подумай — ведь он один, молодой человек, бедный. Я удивляюсь, право, отчего он худой такой?

Няня. Отъестся небось! Придут теперь с Петрушей, напьются; тут Катерина Матвеевна, золото-то наше, с книжкой придет... Отпойшь — ну, слава богу. Только снимешь, опять: кофею! завтракать! тонконогой придет!

Марья Васильевна. Какие ты все прозванья даешь, няня! Это кто ж тонконогой?

Няня. А Анатолий Дмитрич, жених-то Любочкин...

Марья Васильевна. Как ты глупо говоришь. Отчего ж — жених? Так ездит молодой человек в дом.

Няня. Так вы и думаете, что глупее Марьи, няни, нет никого на свете. Кажется, тридцать лет вверху жимши, пора понимать. Что ж он вашего кофею не видал — что из города-то за семнадцать верст каждый божий день ездит. Нет-с, матушка, Любочкино-то приданое все сосчитал небось, так и ездит.

Марья Васильевна. Вот как ты судишь. Первое дело он не жених, а второе — уж вот кто на деньги не польстит. Анатолий Дмитриевич совсем не такой человек.

Няня. Без денег, матушка, в нынешнем веке никто не возьмет, какая красавица ни будь. Только в женихе корысти немного. Так какой-то немудрененький, по винной части служит, не бог знает что. Да и у людей спрашивала, не хвалят. Первое дело — скуп, другое — бахвал.

Марья Васильевна. Это еще какое слово? Как ты сказала?

Няня. Бахвал, матушка. Это по-нашему значит: я, мол, всех прекрасней, всех умней, и, окромя меня, все дураки.

Марья Васильевна. Вот и неправда. Он ученый, писатель. Да что ты понимаешь!

Няня. Только Любочку мне жалко, совсем-то ей голову вскружили.

Марья Васильевна. Может быть, он вовсе не за Любочкой, а за Катенькой ухаживает. Вот как ты!

Няня. Как же, дуру нашли, так я и поверила. С Катериной-то Матвеевной побаловаться — это так. Еще

она как в Петербурге в губернерках жила, так к нему бегала, а жениться-то небось он знает, за кем деньги дадут, а за кем ничего.

Марья Васильевна. Катенька знакома была с ним в Петербурге. Ты во всем дурное видишь.

Няня. Да уж так, матушка, как в губернерки пойдут, так и догубернерются. Это верно. Так-то и Катерина Матвевна.

Марья Васильевна (*смеется и махает руками*). Полно, глупости.

Няня. И то мы примечаем, что во всем доме другие порядки пошли. *(И барин другой стал, помирнел совсем, и учителя студента взяли вместо немца, и Катерине-то Матвевне волю дали, и детей всех распустили. Все другое стало, все по-новому пошло!)*

Марья Васильевна. Что ж, и я другая стала? Вот глупа.

Няня. Вы что, вы так, по доброте своей. А вот на барина, так часто дивлюсь... *(Молчит, качает головой и разводит руками.)* Что сделалось? Совсем другой человек. Как вспомнишь прежнее-то: был ли день, чтоб Сашка-камердин без битья одел; был ли староста, чтобы в стан не свозили...

Марья Васильевна. Ну, уж ты расскажешь... Разве очень хорошо было? Совсем не очень хорошо.

Няня. Да и не хвалю и не корю. Господа были, уж без этого нельзя. А то удивительно — как можно в пятьдесят лет свой карахтер переменить... Как эта самая царская бумага... ну там, что на первой неделе-то вышла...

Марья Васильевна. Ну да, манифест, — как ты смешна!

Няня (*озлобленно*). Ну да, та самая, чтоб дворовых за службу под мост со двора согнать, как вам не знать! Ну, да бог с ними! что бишь я говорила. С той поры и перемена пошла. Пуще всего как при Анатолии Дмитриевиче, — послушала я наемни — даже мерзко. Уж вы извините меня, матушка, я правду всегда скажу. В пятьдесят лет карахтер нельзя переменить. А только важности своей потеряли. Ведь только показать себя хочет, а карахтер все тот же. Наемни, кого ж — Кирюшку Деева, мужика, стал при Анатолии Дмитриче

ублажать: «вы», говорит, — это Кирюшке-то, — «хотите работать, так приходите». Послушала я: что такое? Точно прынцу какому-нибудь. Плюнула даже.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Катерина Матвеевна.

Няня. Вишь, красавица, как убралась!

Катерина Матвеевна (*стриженная, в очках, в коротком платье, с книжкой журнала под мышкой. Не кланяясь садится за стол, облакачивается, вынимает папироску и начинает читать. С особенной учтивостью к няне*). Позвольте вас попросить чаю, Марья Исаевна.

Няня подает ей чай в стакане.

Няня. Сейчас, сударыня, сейчас-с. (*В сторону.*) Уж вподлинно всех удивила. Нет и того, чтоб тетке «бонжур» сказать. Все от ума большого.

Марья Васильевна. А мы с няней говорили об Анатолии Дмитриевиче. Она говорит, он за Любочкой ухаживает, а я говорю — за тобой, Катенька. Comment s'ouvez-vous? Как ты думаешь? Она уж его женихом называет.

Катерина Матвеевна (*поднимает глаза с книги; строго и жестом дополняя слова*). Венеровский по своему развитию и воззрениям на жизнь стоит до такой степени в разрез с пошлостью нашей жизни, что нам трудно судить о нем.

Марья Васильевна. Ты думаешь, он не женится!

Катерина Матвеевна. Позвольте! Этот господин женится только в том случае, ежели найдет женщину, вполне понявшую свое назначение, свободную в жизни и в мысли.

Марья Васильевна. Non, mais dites¹. Да ты скажи, в ком он ищет, в тебе или в Любочке? Вот я с няней говорила, она такая дура, я так смеялась...

Катерина Матвеевна. Нянюшка Марья Иса-

¹ Однако, скажите (*франц.*).

евна старше вас и говорит вам «вы», а вы ей говорите «ты» с присовокуплением «дура»... Я считаю это оскорблением достоинства и свободы человека и в силу этого убеждения нахожу нужным выразить вам свою мысль. Я знаю, что вы вправе иметь свои убеждения, но меня это коробит и возмущает.

Няня (*насмешливо*). Вот спасибо, что заступились. (*Обращаясь к Марье Васильевне.*) А то ведь вы рады из живого жилы вытянуть. Злодейка известная...

Марья Васильевна. Нет, что, Катенька, je plaisante¹, я ее люблю. Нет, ты скажи, как по-твоему — в ком он ищет? А? В тебе или в Любочке? Je voudrais savoir votre opinion².

Катерина Матвеевна. Как вам сказать мое мнение? (*Откидывает волосы и закуривает папироску.*) Во мне он, — как вы, так сказать, фигурно выражаетесь, — не может и-и-искать. Я поставила себя на ту ногу свободной женщины, что я к нему, как и ко всякому существу без различия пола и звания, отношусь просто. Я нахожу его умным и современным человеком, и он, естественно, вставляет в свои отношения ко мне ту долю уважения и сочувствия, которые, так сказать... словом сказать, мы с ним в простых и хороших отношениях взаимного уважения, и он находит отдых со мной после всего ничтожества женской губернской аристократической черни, среди которой он должен вращаться. Но почему вы думаете, как вы фигурно выражаетесь, что он ищет в Любовь Ивановне — я не могу себе отдать отчета. Любовь — женщина слишком недоразвитая, даже просто совсем не развитая девочка, с которой такая личность, как Венеровский, не может иметь ничего общего. Я с ним ровня, а Люба — дитя.

Марья Васильевна. Вот видишь, няня! как Катенька судит.

Няня. А что ж, матушка, Катерина Матвеевна, мы глупы, вы растолкуйте: что ж он так все и будет ездить?

Катерина Матвеевна. Отчего ж ему перестать ездить?

¹ я шучу (*франц.*).

² Я хотела бы знать ваше мнение (*франц.*).

Няня. А оттого, что за это ихнего брата школят. По-старому так было. Коли в дом едешь, где две барышни-невесты, так открой, какую сватаешь, — а нет, так на это клупы есть, чтоб ездить. Сколько хочешь и езд.

Катерина Матвеевна. Вы меня не можете понять, Марья Исаевна. Я вам сказала, что он ездит ко мне: мы испытаем друг друга и ежели найдем...

Няня. А по моему глупому суждению, Катерина Матвеевна, матушка, он испытывать ничего не станет. Любовь Ивановна — барышня молоденькая, хорошенькая, да за ней пятьсот душ. А вы все и постарше, и на тридцать душ он не польстится.. Студент — вот это так.

Катерина Матвеевна (*горячо*). Позвольте, позвольте. Студент молод и недоразвит для меня. Позвольте: другая женщина на моем месте могла бы оскорбиться, но я выше этого. Любовь Ивановна ему не по плечу с своими детскими требованиями от жизни; это он сознает и сам мне высказывал неоднократно. Это одно. А другое то, что вы смотрите на дело с ложной точки зрения. Вы меня не поймете, но я все-таки выскажусь и постараюсь говорить проще. Для людей нашего закала средства к жизни допускаются только те, которые приобретены личным и честным трудом; и поверьте, люди нашего времени смотрят на все эти именья, как только на ложную связь с устарелыми формами жизни. Для Венеровского все равно, будет ли у меня миллион или ничего, ежели только взгляды наши на жизнь тождественны. Ежели они тождественны, то мы можем смело вступить в борьбу.

Няня. Да вот не станет за вас, а за Любовь Ивановну посватается. Вот как пятьсот душ, так ему тождественно очень, а тридцать душ, так не тождественно совсем.

Катерина Матвеевна (*озлобленно*). Позвольте, позвольте, очень хорошо. Вы говорите, что у меня тридцать душ. Позвольте вам сказать, что благодаря просвещению ни у кого уже теперь душ нет, а у меня никогда не было. Я отреклась от своих прав, в тот же час, как стала совершеннолетняя, и на мне не лежит позорное клеймо крепостного права.

Няня. А все вас не возьмет и Любочку сватать будет, потому...

Марья Васильевна (*испуганно*). Полно, няня, какая ты. Ведь ты хоть кого из себя выведешь.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, очень хорошо. Вам кажется все это трудным и запутанным, у вас в понятиях суженые и власть божия, и тому подобное, а жизнь людей, ставших выше общественной паутины предрассудков — очень проста. Я выскажу ему свои воззрения и потребую той искренности, которая лежит в основании всех побуждений честной личности.

Няня. Эх, Катерина Матвеевна, матушка! У Любось Ивановны пятьсот душ, да еще влюбится.

Катерина Матвеевна (*совсем растерянная*). Отчего же он в неразвитую, ничтожную девочку влюбится, а в меня не влюбится?

Няня. Отчего-с? А вот отчего, матушка, — от козла.

Катерина Матвеевна (*опоминаясь и откидывая волосы*). Нет, да что я! Любовь, как вы понимаете ее, есть плотское влечение, и вы слишком неразвиты и животны, чтобы понимать меня. Пожалуйста, я вас прошу, оставьте меня. (*Облокачивается и читает.*)

Марья Васильевна. Поди, поди, няня, уж я сама залью чай, коли кто придет.

Няня (*уходя*). Всех осрамила. Все животные. Тридцать лет служу, никто животным не называл...

Катерина Матвеевна (*поднимает голову от книги*). Позвольте, любовь есть честное побуждение только тогда, когда обе стороны равноправны, но вы не понимаете этого. (*Молчание. Поднимая голову.*) Марья Васильевна, я не уважаю эту женщину. (*Опять читает.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит Иван Михайлович.

Иван Михайлович. Что это, кого ты не уважаешь?

Марья Васильевна. Няня все глупости говорит.

Иван Михайлович. О! Это яд такой! А баба хорошая. (Садится к столу.) Ну, Марья Васильевна, давай чаю. С пяти часов в поле, двух лошадей заездил. Ну, да зато наладил. Вот-те и толкуй, что нельзя с вольными работниками. Все можно, как сам везде, да себя не жалешь. Вчера еще половина поля не пахана, покосы не кошены и нет ни одного работника. Как взялся — своих уговорил, вольных нанял, работникам ведро обещал. Посмотри нынче — кипит... Василий приказчиком так хорош, такой-этакой распорядительный, славный, славный.

Катерина Матвеевна. Вольный труд не может быть убыточен, это противно всем основным законам политической экономии.

Иван Михайлович. Все это так, да не так. Вот я бы вас с Анатолием-то Дмитриевичем запряг бы в эту работу. Вы бы не то заговорили.

Марья Васильевна. Dites moi, mon cher Jean¹, как же ты говоришь все, что от вольной лучше стало? Как же лучше, когда они все ушли?

Иван Михайлович. Э! Да это дворовые.

Марья Васильевна. Дворовые, я знаю, это само собой, да и мужики теперь после грамоты уже не работают. Что же тут хорошего, я не пойму.

Иван Михайлович. Сто не сто, а раз пятьдесят я тебе уже толковал, что по Уставной грамоте они положенные дни работают, а не все. В этом-то и сила.

Марья Васильевна. Как же говорили, что совсем перестали работать? Намедни все говорили, что их послали, а они не пошли. Я этого не пойму, Jean.

Иван Михайлович. Если бы вовсе не работали, так нам бы есть давно нечего было. Меньше работают. Ну, да зато все в формах законности, а не произвола. Ну, да не поймешь.

Марья Васильевна. Так что же хорошего, что меньше работают? Это не хорошо, значит, сделано. Да ты не сердись, ne vous fachez pas, уж я не пойму.

Иван Михайлович. Что же мне сердиться, ведь это, видно, такая судьба, что ты ничего не понимаешь. (Берет чай и задумывается.) А Люба где?

¹ Скажи мне, дорогой Жан (франц.).

Марья Васильевна. Она рано за грибами ушла с девочками.

Иван Михайлович. А Анатолий Дмитриевич еще не приезжал и не присылал?

Марья Васильевна. Нет еще. Что, Жан, я тебе хотела сказать. Я слышала, что Анатолий Дмитриевич veut faire la proposition à Люба¹, хочет Любочке свататься... Как это называется.

Иван Михайлович. От кого ты слышала?

Марья Васильевна. On dit. Да говорят.

Иван Михайлович. Кто говорит? В четырех стенах сидишь, кто может говорить. Ну что ж, что говорят.

Марья Васильевна. Я знаю, ты меня ни во что считаешь. Только я слышала, что он нехороший человек. Какая же это служба по винной части! Да и главное — бахвал; я тебя прошу, Жан, ты об этом подумай.

Иван Михайлович. Ведь что в эту голову не втемяшится! И откуда слов таких набралась. Нет, ты уже, матушка, эти глупости оставь. Что за бахвал, и откуда ты это дурацкое слово взяла.

Марья Васильевна. Да так все говорят.

Иван Михайлович. Чего не взбредет в эту башку! Это кто тебе наврал? Эх, матушка, не нам с тобой судить про этого человека. Я не знаю отца, который бы за честь себе не почел родство с таким человеком. Да и терпеть не могу загадывать и сватать. Какой бы он ни был. Власть божия, а нам толковать нечего. Человек замечательный, писатель. И, уж верно, не на деньгах женится. Это верно.

Марья Васильевна. Никто не говорил. J'ai mon opinion, у меня свое мнение.

Иван Михайлович. Ну, слушай же: первое дело, Анатолий Дмитриевич человек современный, передовой, огромного ума, образования, писатель, человек, которого вся Россия знает, может быть. Это, матушка, в нынешнее время лучше генеральских чинов. Потом, служба у него прекрасная, честная. По новому акциз-

¹ хочет сделать предложение Любе (франц.).

ному управлению, две тысячи жалованья. А захоти он только — такому человеку все открыто. Другое дело то, что в нем и странности, и все — не светский он человек, но уж знаешь, по крайней мере, что бескорыстнейший человек. Этот человек женится, так не на деньгах. С ним всякая девушка будет счастлива, хоть бы у ней ничего не было.

Марья Васильевна. А говорят, что он скуп.

Иван Михайлович. Ну, понесла! Я тебе говорю, бескорыстнейший человек. Уж это доказано.

Марья Васильевна. А говорят, он все и приданое сосчитал.

Иван Михайлович. Катенька, хоть ты бы объяснила ей, что Анатолий Дмитрич не такой человек.

Катерина Матвеевна. Марья Васильевна с Марьей Исаевной имеют свои убеждения. Для меня странно только то, на каком основании можно обвинять в гнуснейших замыслах человека, не давшего на то никакого права. Этот господин всей жизнью своей доказывает, что цель его есть только общее дело. Ежели бы этот господин вздумал соединиться с женщиной, то он первым условием поставил бы независимость, как личную, так и имущественную.

Иван Михайлович (*задумывается. Молчание*). Да, хоть и трудно нашему брату, старику, переменить старинные привычки, и много увлеченья, легкомыслия в молодежи, а нельзя не отдать справедливости новому поколению. Да.

Катерина Матвеевна (*отрываясь от книги*). Из всего, что вы сказали, в этом одном я разделяю ваше убеждение. Прогресс неудержимо вносит свет в самые закоснелые условия жизни.

Иван Михайлович (*помолчав немного*). Да, вольный труд идет, идет. Трудно с работниками. Ну, да ничего, наладится... Вот, дай выкуп сделаю, разделюсь совсем с мужиками, останутся одни землевладельческие отношения. И право, хорошо, да.

Марья Васильевна. Что же это выкуп лучше будет, Жан? Это бы уж лучше.

Иван Михайлович. Лучше не лучше, а надо. Вон Катенька с Анатолием Дмитричем считают меня и

консерватором и ретроградом, а я сочувствую всему. Прорвется старое — нельзя, а сочувствую. Вон молодое поколение-то наше растет. И Любочка замуж выйдет за этого ли, за другого, а не за нашего брата, а за нового современного человека, и Петруша уже растет не в тех понятиях. Что же, мне не врагом же быть своих детей! Где он, Петя-то? С учителем, верно?

Марья Васильевна. На озеро пошли, какие-то травы ловить хотели. Я не поняла. Я уж боюсь, как бы не утонули. *Vraiment, je crains*¹.

Иван Михайлович. Какие травы ловить?

Катерина Матвеевна. Алексей Павлыч говорил, что они хотели делать исследования над организациями волокон водорослей.

Иван Михайлович. Ну вот, век-то! Разве я мальчишкой имел понятие об этом, а нынче вон, мальчишка, а уж естественные науки... и все. Нет, этот студент удался славный. Спасибо Анатолию Дмитричу, рекомендовал. Славный студент, этакой спок... мил... славный, славный. Эй, Сашка! Трубку! (К Катерине Матвеевне.) По привычке мы! Ну, Александр Василич.

Входит Сашка с трубкой.

Марья Васильевна (*вдруг сердится*). Да, тебе все хорошие, только жена не хороша! А что ж белья у него ничего нет? Няня все постельное белье приезжает отдала, а придет кто, и нечего постелить. Что ж это в одном сюртучке — ничего нет. Я своих простынь не отдам. Вот ты как судишь!

Иван Михайлович. Ну, поспела. Полно, пожалуйста, скажи няне, она устроит, я человеку рад, что дельный малый.

Марья Васильевна. Что ж дельный, я-то в чем виновата? приехал без ничего и всего требует. Выдумал теперь молоко пить — и Дуняша жаловалась. Ты должен смотреть. Что ж он за учитель, коли у него белья нет.

Иван Михайлович. Ну, зарядила... Должна бога благодарить, что он послал нам такого человека, а ежели нет у него белья и он беден, так ему надо дать.

¹ В самом деле, я боюсь (*франц.*).

Марья Васильевна. Вот ты меня никогда не понимаешь, а все напротив. Я говорю, что ты все непорядок делаешь, а мне его жалко больше тебя: как он первый раз за столом есть стал, так мне его жалко стало! Я ему и рубашек ночных послала, и карпеток связать велела. Я хоть и глупа, но понимаю, что если он нашего сына учитель, так он в доме первый человек. Я ему ничего не жалею. Я говорю только, ты устрой все порядком. Вот сколько раз я просила столяра у стола ножку починить...

Иван Михайлович. Ну, полно, матушка, перестань ты, ради самого Христа!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и студент.

Студент (входя, коротко кланяется). Позвольте-ка чаю. (Садится подле Катерины Матвеевны.)

Марья Васильевна. Чего вам, Алексей Павлович? чаю или кофию, с белым хлебом и с маслом, чего хотите. (Придвигает все к нему.)

Студент. Все равно. Ну, хоть чаю давайте.

Иван Михайлович. А Петруша где?

Студент. Шествует. Он брюки меняет, измок.

Иван Михайлович. Что ж это вы делали?

Студент. Хотели заняться ботаникой, да [не]¹ вытанцевалось. А рыболовство учиняли.

Иван Михайлович. А Катенька говорила, что вы хотели что-то исследовать из естественных наук...

Студент. Хотели, да не вытанцевалось, микроскопа не имелось.

Марья Васильевна. С белым хлебом хотите, кушайте.

Студент (к Катерине Матвеевне). Вы какое такое душеусладительное чтение производите. (Берет у нее книгу.) А, физиологию — статья добрая, только слишком конспектная. Вот Льюса поизучайте. Да еще превращение ячейки — забыл чье, не вредная статейка.

¹ Квадратными скобками обозначен редакторский текст. — Ред.

Марья Васильевна. Что это ячейки, так и называется? Вы лейте больше сливок, еще принесут. Катенька, ты тоже знаешь ячейки?

Катерина Матвеевна. Все органическое существует только в силу развития ячеек.

Студент (к Катерине Матвеевне). Что вы вотще учиняете толкования, ведь для этого надо хоть элементарные познания иметь.

Иван Михайлович. Я читал про ячейки. Только скажите, Алексей Павлыч, вот в хлебе можно видеть их?

Студент. Коли бы не видели, и не говорили бы и не изучали бы. В микроскоп видно.

Иван Михайлович. А дорого стоит микроскоп?

Студент. Дрянный дешево приобрести можно. У Анатолия Дмитриевича есть, стоит триста шестьдесят франков, а в университете пятнадцать тысяч.

Иван Михайлович. Да, купить надо. (Садится с женой с одной стороны, а студент с Катериной Матвеевной с другой стороны. Иван Михайлович молча курит.)

Катерина Матвеевна. Немного вы опоздали, здесь была опять возмутительная сцена, истинно планаторская.

Студент. Что ж, надо им потешаться над себе подобными. Больше ведь ничего не умеют... А мне, доложу вам, наскучило здесь, хочу уехать, на кандидата держать.

Катерина Матвеевна. А мое воззрение другое, — я нахожу, что чем грубее та среда, в которой приводится работать, тем больше нужно энергии. Потому что в силу чего могут измениться эти уродливые отношения, как не в силу тех идей и заложений, которые мы внесем в них. Я сознаю свое влияние над этими людьми и усиленно употребляю его. И вы призваны облагородить еще свежую личность Петра. Он с своей стороны тоже вносит идеи в эту мертвящую среду. Вот Анатолий Дмитрич так же судит.

Студент. Ну их к богу! В грязи сам замараешься. Зуботыковы пускай сами по себе услаждаются, и мы сами по себе. На каждом шагу ведь не станешь

протестовать, а только чувствуешь, что слабеет негодование. Мужики вон пашут с четырех часов, а тут до двенадцати чай пьют. Ведь как же с этим помириться?

Катерина Матвеевна. Конечно, но все надо делать уступки. Посмотрите на Венеровского, как он, вращаясь в самом отсталом кругу по своей службе, в сущности, ничего не уступает и все проводит идеи.

Студент. Что Венеровский! Я не могу уважать человека, который служит. Акцизные либералишки!

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте! В этом мы с вами никогда не дотолкуемся до единства мысли. Венеровский замечательная личность. Посмотрите, вся его деятельность — школы, публичные лекции.

Студент. Что ж, я могу и наложить печать молчания на уста.

Катерина Матвеевна. А мне смешно вспомнить, как нынче [со] старухами мы говорили о нем. Как эти люди-то понимают людей нашего закала! Можете вообразить, что в их понятии он ездит сюда только для того, чтоб жениться на Любови Ивановне, или на ее приданом, как они это объясняют.

Студент. А что ж, от сего достопочтенного синьора всякая мерзость произойти может.

Катерина Матвеевна. Твердынский, не говорите так, иначе мы разойдемся... Венеровскому жениться! и на ком же!

Студент. Что ж, я вам выскажусь. Любовь Ивановна девица не вредная. В ней есть задаточки. И попадись она человеку свежему, чистому и с энергией, из ее натурки вышла бы почтенная особа. Только ей нужен молодой, честный руководитель.

Катерина Матвеевна. Только как недоразвита!

Студент. Ну да что ж, доразвилась бы.

Катерина Матвеевна (подумавши). Да, пожалуй, я схожусь в этом воззрении с вами. Вы именно тот господин, который бы мог успешно воздействовать [на] ее личность.

Студент. Не будь она в этой подлой среде, из нее бы можно сделать почтенную девицу.

Входит Петруша, мальчик лет 15, в гимназическом вицмундире.

Марья Васильевна. Ну, вот и Петенька. Чего хочешь, чаю, кофею?

Петруша. Здравствуй, мать. Не хочу. Я уж молоко пил. Мать, вели дать завтракать. Здравствуй, отец.

Иван Михайлович. Что ты это все ломаешься, будь, пожалуйста, попроще...

Петруша. Напрасно ты думаешь, что я ломаюсь. Здравствуй, отец, я говорю.

Иван Михайлович. Что ты, с ума сошел? Что новое выдумываешь! Как здоровался, так и здоровайся, разве, ты думаешь, в этом образованье? Поди поцелуй руку у матери.

Петруша. С какой целью?

Иван Михайлович (строго). Я тебе говорю.

Петруша. На какой конец? Разве что-нибудь произойдет от того, что я буду прикладывать оконечности моих губ к внешней части кисти матери?

Иван Михайлович. Я тебе говорю, целуй руку.

Петруша. Это противно моим убеждениям.

Иван Михайлович. Что?!

Петруша. Мы говорили об этом с Алексеем Павловичем, и мне очень стало ясно, что это только глупый предрассудок.

Иван Михайлович. Смотри, брат!

Петруша. Да это ничего, отец, я ведь от этого не изменю свой взгляд на тебя и на мать. Буду или не буду я целовать ваши руки, я буду иметь к вам обоим на столько-то уважения, на сколько вы его заслуживаете.

Иван Михайлович. Послушай наконец. Все это хорошо, и новые убеждения, и все, да надобно честь знать, и первое правило спокон века было уважать старших. Поди поцелуй руку. (Привстает.) Ну!

Студент. Тут, кажется, учинится скандал почтенный!

Петруша (робя). Разумеется, принудить вы можете. Но свободные отношения человека...

Иван Михайлович. Ну! ну!

Петруша (*целует руку, тихо*). Достоинство человека...

Марья Васильевна. А ты, Петя, слушайся. Что ж тебе яичницу или ливерок сделать? Я велю. Няня, Пете завтракать.

Иван Михайлович. Алексей Павлович, гм... гм... хоть и... вы меня извините, но... позвольте вам сказать, что я просил вас заниматься с моим сыном науками, а никак не учить его обращению с родителями. У нас есть свои и, может быть, странные и не современные привычки. Но я бы вас просил не вмешиваться в это.

Студент. Гм... хе... хе... ну-с.

Иван Михайлович. Ну-с и больше ничего. Что ячеекам — учите, а в обращение сына с нами прошу не вмешиваться и не внушать.

Студент. Мне довольно странно слышать замечания. Что вы хотите сказать?

Иван Михайлович. А то хочу сказать, чтоб сын не говорил мне этот вздор, вот и все.

Студент. Что же, можно его посечь-с.

Иван Михайлович. Послушайте, не выводите меня из себя.

Студент (*робея*). Я очень понимаю... но, поверьте, что я не поставлю себя... однако вы желали, чтоб я развивал вашего сына. Я, я... очень... Не могу же я скрывать от него своих воззрений.

Катерина Матвеевна. Довольно странно Алексею Павловичу умалчивать или игнорировать, так сказать, выводы науки.

Петруша. Я могу иметь сам свои убеждения.

Студент. Тем более, что жизнь имеет свои права, и предрассудки не выдерживают критики разума и науки.

Катерина Матвеевна. Особенно при том громадном шаге, который сделали естественные науки, остальные воззрения не могут иметь места.

Иван Михайлович. Ну, хорошо, хорошо. Не будем говорить. Я прошу сына делать, как я хочу, вот и все. (*Помолчав немного, к студенту.*) Я вас не оскорбил, Алексей Павлович?

Студент. Я слишком ценю свое достоинство, чтоб считать себя оскорбленным. Нам пора заниматься. Прибышев-младший, шествуемте.

Петруша. Нет, я есть хочу.

Входит Сашка с блюдом.

Студент. Ну, посидим, и попитаться можно. (Придвигается к завтраку.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Любочка в подобранном платье, в соломенной шляпке, с корзиной грибов вбегает, и за нею две девочки.

Любочка. Мамаша, душечка, ведь я не одна пришла!

Марья Васильевна. Кто же с тобою?

Иван Михайлович. С кем же?

Любочка. А вот угадайте! С Анатолием Дмитриевичем. Я иду с девочками, а он едет, и пошел со мной. Какие мы два белых гриба нашли — знаете, под дворовыми, в канавке. Чудо! такие прелести! А Анатолий Дмитриевич ничего не видит, только один мухомор нашел. Посмотрите, какие души! Катенька, посмотри. Машка, у тебя, дай сюда. (Берет корзинку у девочки и достает грибы.) А березовиков-то, Сашка, посмотри, сколько! А ты говорил — нету в березовой аллее! Папаша, видел?

Иван Михайлович. Да где же Анатолий Дмитриевич?

Любочка. Он отчищается, упал на коленки, запачкался. У него белые. Папаша, какие у нас с ним разговоры были, ужас! Ну да после я тебе одному скажу.

Иван Михайлович. Что ж такое? Что?

Любочка. Очень важное, да теперь никак нельзя сказать, — до меня касается...

Иван Михайлович. Однако ты не совсем хорошо делаешь, что этак ходишь по лесам одна с молодым человеком... Положим... но все-таки.

Любочка. Вот отсталое воззрение! Катенька, правда?

Иван Михайлович. Ну и ты туда ж! Ну-ка, поди сюда, расскажи. Какие такие важные разговоры были?

Любочка. Теперь никак нельзя. Погоди, узнаешь. Нет, ты посмотри, мамаша, что за душки. *(Подпирается и петушится, представляя гриб.)* Точно наш учитель, помнишь, Карл Карлыч? — маленький, толстый. Ах, как мне нынче весело! Сашка, завтра пойдем с тобой ра-а-ано.

Марья Васильевна. Что ж, хочешь чаю, кофею с белым хлебом?

Любочка. Ну, ты удивишься, папа, об чем мы говорили. И ты тоже, Катя, и ты... и вы удивитесь, Алексей Павлович. Петруша, дай мне, что ты ешь? *(Выдергивает у него вилку и кладет кусок в рот.)*

Петруша усердно ест.

Катерина Матвеевна *(к студенту)*. И это ровня Анатолию Дмитриевичу? Что за неразвитость.

Студент. А все по наружности и физиогномии девица почтенная и незловредная.

Любочка. Мамаша, можно им дать по куску? *(Указывает на девочек и дает им по куску белого хлеба и сахара.)* А завтра приходите опять ра...а...ано.

Марья Васильевна *(подает ей чаю)*. На, кушай, со сливками.

Любочка. Мне и есть не хочется, я у Машки взяла корочку-загибочку, такая вкусная, чудо! *(Садится за стол и тотчас же встает.)* Я забыла тебя поцеловать, папа. *(Целует.)* Гриб ты мой белый! Об чем вы спорили, как я вошла?

Иван Михайлович. А вот брат твой выдумал, что целовать отца не надо, надо сказать: здравствуй, отец! здравствуй, мать!

Петруша *(пережевывая)*. Я не выдумал, а пришел к этому убеждению.

Любочка. Ха, ха, ха! Вот глупости! Они все по-новому выдумывают.

Иван Михайлович. А ты по-новому с молодыми людьми гулять одной?

Любочка. Цыц! На меня не нападать! Я на-

рочно пойду с молодым человеком. Алексей Павлович, пойдите-ка за грибами завтра.

Студент. Что же, это учинить можно.

Любочка. Да нет, мне нельзя будет.

Марья Васильевна (к студенту). Вы яичницы не хотите ли?

Студент. Нет, не хочу, сыт-с. Ну-с, Прибышев-младший, упитались? Шествуйте.

Студент и Петруша уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и приказчик.

Иван Михайлович. Гм... Еще что?

Приказчик. На Каменном не косят.

Иван Михайлович. Как так? А вольные?

Приказчик. Наши мужики согноли; у них там драка вышла. Маторина всего в кровь избили. Он пришел, в конторе дожидается.

Любочка. Я и забыла сказать. Страшный какой, папаша, точно разбойник. Мамаша, я так испугалась.

Иван Михайлович. За что драка?

Приказчик. Вышли косцы, только стали — прибежал Демкин с сволоками, — они тут пахали, — как вы, говорит, смеете в нашего барина угодьях косить! Он нас нанял, говорят. То-то, говорит, вы больно ловки, нам цены сбивать. Вишь, выискались по одному рублю за десятину косить! Он бы нам два дал, как нужда бы пришла, а то бы так лошадьми стравили. И начал лущить. Тут с поля мужики прибежали. Избили в кровь.

Любочка. Вся голова вот так по сих пор в крови. Такой ужасный!

Иван Михайлович. Что ж вы смотрели? Ведь это ваше дело. Что ж староста?

Приказчик. К старшине уехал.

Иван Михайлович. Хорошо, очень хорошо!

Приказчик. Да что, Иван Михалыч, с этим народцем служить никак невозможно-с. Нынче опять ночью две веревки украли. Шиненные колеса было ута-

шили, спасибо, углядел. Сколько раз приказывал за-
пирать — не слушают. А ведь за все я ответить дол-
жен. Я, кажется, старался, своей, кажись, крови не
жалел. Уж сделайте такую милость — меня увольте.

Иван Михайлович. Что ж ты, братец, од-
нако!

Приказчик. Нет, уж сделайте такую милость,
я не могу.

Иван Михайлович. Что вы, шутите, верно?
Как же это возможно, в самую рабочую пору.

Приказчик. Воля ваша-с, Иван Михалыч, а я
вам не слуга. Старался я, сколько мог. Только грех
один с этим народцем. Увольте.

Иван Михайлович. Вот и хозяйничай! *(Ходит
в волнение. Останавливается перед приказчиком.)*
Свинья ты! Как же вы полагаете, что можно напутать,
нагадить да в самую рабочую пору уйти?

Приказчик. Что ж делать!

Иван Михайлович. Вон! Только рук марать
не хочется. Нет, это разбой. Это черт знает что такое!
(Ходит.)

Марья Васильевна. Ведь я говорила, что они
теперь все уйдут.

Любочка. А ты бы, папаша, вольным трудом.
Анатолий Дмитриевич говорит, что это лучше.

Иван Михайлович. Ну вас к богу! Мелют,
не знают что. Завязать глаза, да бежать! Все раскрыто,
развалено, тащут, крадут, никто ничего не работает!
Мальчишки старших учат. Все перебесились. Вот те
и прогресс!

Катерина Матвеевна. Тут есть, по-моему,
причины, глубже коренящиеся в отношениях строя на-
родной жизни.

Иван Михайлович. Отстаньте вы, ради Хри-
ста! Что ж, вы останетесь? Я вас прошу остаться.
Пойми, что я не могу приискать теперь вдруг другого.

Приказчик. Никак не могу-с, у меня и место
есть.

Иван Михайлович *(сердится)*. Хорошо, так
ты думаешь, что ты так со мной разделаешься? Раз-
бойник! Хорошо. А в стан!

Приказчик. Не смеете-с, нынче уж это прошло время.

Иван Михайлович. А, не смею? (Схватывает его за шиворот.)

Марья Васильевна (вскакивает). Жан! Иван Михайлович, что ты! Меня пожалей!

Иван Михайлович. Нет, я с тобой разделаюсь по-своему. Пойдем, каналья! (Ведет к двери.)

Марья Васильевна и Любочка уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Входит Венеровский.

Венеровский. Вот и я явился к вам — руку!

Иван Михайлович. Нет, это невозможно! Что делать?

Венеровский. А у вас что? Житейское? Что ж, хорошее дело. Хе, хе, хе!

Иван Михайлович. Нет никаких средств! вот человек, облагодетельствованный мною, отпущен на волю до манифеста, землю подарил. Управлял именем и теперь вдруг, без всякой причины...

Венеровский. Не хочет продолжать служения, хе-хе! что ж, дело известное. Хотелось бы его побить, помучать, пожечь на тихом огне, да нельзя — что ж делать! Это дурная сторона вольного труда.

Иван Михайлович. Ну, да черт с ним совсем! [К приказчику.] Ступайте, сдайте старосте. Я сам приду.

Приказчик уходит.

Венеровский. Ей-богу, вот на вас любуешься, Иван Михалыч. Как вы себя ломаете. Это сила! Да, сила. А еще называют вас ретроградом — хе, хе!

Марья Васильевна. Чаю или кофею хотите со сливками? вот белый хлеб, масло.

Венеровский. Мерси. Ну, а вообще, как вольный труд? Я подъезжал, видел: кипит работа — хе, хе! Идет?

Иван Михайлович. Ах, не спрашивайте! Идет, да вот этикие неприятности. Вы как?

Венеровский. Да мы что — ничего, работаем понемножку. Все это грязь губернская давит, душит. Кое-как боремся.

Иван Михайлович. Ну да, да.

Венеровский. Все подвигаемся, все понемногу; вот вчера школу открыли для детей золотых дел мастеровых. Выхлопотали помещенье, все: кое-как собрали деньжонок по купцам на книги. Идет ничего. Вы приезжайте как-нибудь с Любовью Ивановной посмотреть. Интересно.

Иван Михайлович. Вот ваша деятельность благодарная. Ну, а что, когда ваша другая лекция?

Венеровский. Да все некогда, все служба. Мошенничают очень заводчики. Третьего дня одного поймал. В три тысячи взятку предлагал, хе, хе! Смешные люди, даже и оскорбляться нельзя. Ведь что ж делать: все равно как по-китайски говорят, хе, хе, хе! Вы приезжайте на днях с Любовью Ивановной школу посмотреть. Да, знаете, работаешь, работаешь — оглянешься, все-таки чувствуешь, что хоть сколько-нибудь облагораживается этот губернский круг. Хоть ненавидят, хе, хе, да мне что! Я люблю, как ненавидят. Признак силы, хе, хе! А я так не ненавижу, а презираю.

Иван Михайлович. Да что это в клубе у вас что-то было?

Венеровский. Да там мошенника одного поймали — старшина было хотел стащить деньжонки клубные, но поймали, уличили. Да ведь все больше плуты, хе, хе! Ну вот и радуешься, как замечаешь, что хоть немного начинают сквозь эти крепкие лбы проходить идеи прогресса, сознание чести и человеческое чувство, хотя немножко. Да, как хотите, а и одна честная личность, и то как много может сделать. Вот на себя посмотрю, что ж мне скромничать, хе, хе!

Иван Михайлович. Ведь как же и винить, какое было воспитанье?

Венеровский. А у меня к вам свое личное дельце есть. (Отводит в сторону.) Ведь сколько об общественном деле ни думай, иногда приходится об себе

подумать, все-таки эгоистическое чувство [*1 неразоб.*] остается во всяком человеке. Редко это со мной бывает, а вот теперь вышел такой казус... Как сказать, и не знаю! Так отвык, право, заботиться о своих интересах. (*Усмехается.*) Смешно, право...

Иван Михайлович. Да что ж это, уж не денег ли вам нужно? Я всегда готов по средствам моим...

Венеровский. Нет! Ведь я знаю, вы меня не любите, да что делать! Ведь в нас сила. С нами надо посчитаться.

Иван Михайлович. Да что ж наконец, я, кажется, догадываюсь... но это такое дело, в котором...

Венеровский. Ну, а догадываетесь, так дочь дайте мне свою, вот что! Только как можно, пожалуйста, попроще.

Иван Михайлович (*торжественно*). Предложение ваше, Анатолий Дмитриевич, мне приятно. Я был об вас всегда самого лучшего мнения. И теперешний поступок ваш подтверждает все хорошее. Вы поступили, как истинно честный человек. Вы ездили в дом не без цели, не компрометировали девушку; и потом вы, как истинно благородный человек, не позволили себе смущать девушку, а обратились прежде к отцу. Это высоко благородная черта.

Венеровский. Ну, по нашим убеждениям, это иначе немножко, хе, хе. Я уж говорил с Любовью Ивановной. Она, хе, хе! хочет.

Иван Михайлович. Гм... Да... вы знаете... ну да, я согласен...

Венеровский. Согласие Марьи Васильевны, я полагаю... Хе, хе... ну да. Одно только... Вы знаете, я чудак по-вашему, хе, хе! Мне бы неприятны были все эти поздравления, сплетни... Как бы поменьше людей видеть, которых я презираю. Поэтому оставьте все это втайне до времени; все эти церемонии ведь глупы.

Иван Михайлович. Хорошо, я понимаю. Теперь, будущий мой зятюшка...

Венеровский. Иван Михайлович! Я все Анатолий Дмитриевич, а вы — Иван Михайлович; а то — что за зять и тесть! Это ни к чему не ведет и мне неприятно, и, главное, глупо,

Иван Михайлович. Оно так, да... Ну, теперь еще я считаю нужным объяснить вам о состоянии Любочки. Мы небогаты, но...

Венеровский. Вот уж удружили... Что мне в состоянии? Ее состояние — ее состояние; есть у нее, тем лучше. Кажется, кто хоть немножко понимает людей, может видеть мою деятельность и по ней судить обо мне. Я вам скажу, что мне нужно. Моя цель одна. Девушка эта — хорошая натура, в ней есть задатки хорошие. Я не влюблен в нее. Я этих глупостей не знаю. В ней есть задатки, но она неразвита, очень неразвита. Я желаю одного: поднять ее уровень до нашего, и тогда я скажу: я еще сделал дело, и желал бы, чтобы никто мне в этом не мешал. Это я вперед вам говорю. Вам может это казаться странным, но мы люди новые, и что вам странно и трудно, нам просто. Так не говорите никому до первого августа, и дело обделается прекрасно. (*Жмет руку.*)

Иван Михайлович крепко и долго жмет руку.

Иван Михайлович. Я все понимаю, все понимаю. Позвольте вас обнять.

Венеровский. Нет, уж пожалуйста, оставьте. Мне будет неприятно. Прощайте! (*Венеровский уходит.*)

Иван Михайлович. Благороднейший человек. Это так. Вот он, новый-то век! Но все-таки странно как-то, пока не привык. Но слава богу, слава богу!

Занавес опускается

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ В ПЕРВОЙ СЦЕНЕ

Иван Михайлович Прибышев.

Катерина Матвеевна Дудкина.

Анатолий Дмитриевич Венеровский.

[Сергей Петрович] Беклешов, товарищ Венеровского по университету.

Лакей.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет холостую беспорядочную комнату на квартире Венеровского.

Венеровский (*один с своим портретом в руках*). Жениться! Страшно, глупо связать себя навеки с неразвитой и развращенной по среде женщиной. Страшно утратить собственную чистоту и силу в постоянных столкновениях с ничтожеством и грязью — а приятно. Многое приятно. Обеспеченность жизни... потом сама, как женщина... не вредна. Службу можно бросить. Литературный труд... Да главное — очень приятно. Великолепно это все. Великолепная женщина!.. И, однако, она поцеловала меня не без удовольст-

вия. Даже с увлечением огромным. И я испытал такое ощущение, как будто я не ожидал. Да я и не ожидал. Отчего ж не ожидал? Странно, в каком заблуждении я был насчет себя. До какой степени, однако, я не понимал самого себя. *(Смотрит в зеркало.)* Да, хорошее лицо, замечательная наружность. Очень, очень даже хорошее. Да, то, что называют, приятный мужчина; очень привлекательный и замечательной наружности человек. А как сам-то не знаешь себя! И смешно вспомнить, с каким страхом я приступал к ней. Было чего бояться, хе, хе! Я думал прежде, что наружность моя не очень привлекательна, и старался утешить себя. Ну, думаю себе, я не так привлекателен, как другие, но зато умен, потому что кого ж я знаю умнее себя? Кто ж так тонко, легко и глубоко понимает вещи? Ну, думаю себе, я не хорош, не могу равняться с этими красавцами, вот что по улицам на рысаках скачут, но зато, думаю себе, ум огромный, сила характера, чистота либерального характера, честность... Все это за глаза вознаграждает. Это все я утешал себя. Думаю себе: я не умею обходиться в гостиных, не умею болтать по-французски, как другие, и завидно мне бывало салонным господам. Ну, да думаю, зато я образован, как никто... да я и не знаю никого с этим всесторонним и глубоким образованием. Есть ли наука, в которой я не чувствовал бы в себе силы сделать открытия — филология, история, — а естественные науки? Все мне знакомо. А дарованья... И думаю себе: вот разделяет судьба — одним, как мне, ум, талант, образование, силу, другим — пошлые дары: красоту, ловкость, любезность. И вдруг, что же оказывается? Оказывается, что природа не разделила, а совокупила все, да все в одном человеке. И все от того, что в Петербурге я и не имел случая испытать свою силу над женщинами... этого разбора. А вот оно здесь. В самом лучшем дворянском кругу, и в самом пошлом, где видят только внешность. Потому что не могла же Люба понять сущность моих достоинств... В этом кругу две женщины в меня влюбляются. Да, влюбляются. *(Самодовольно.)* Да, должно быть, я очень нехорош и неловок... Как не знаешь-то себя, смешно вспомнить! *(Смотрится в зеркало.)* Да,

очень хорошо... А в соединении с этой нравственной высотой, которая все-таки ими чувствуется, как они ни низко стоят, оказывается, что таких людей мало. Может быть, и нет совсем. (Хмурится. Смотрит в зеркало.) Какое глубокое, спокойное, пронизательное выражение! Да, трудно устоять. Я понимаю это. Что значит, однако, сильная натура. Всегда ценишь себя ниже стоимости, не так как всякая дрянь, воображающая себя бог знает чем. А выходит, что нет человека более счастливо одаренного и вместе с тем менее ценящего свои достоинства. Да... Это ясно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Венеровский; входит Беклешов, товарищ Венеровского по университету, чиновник по мировым учреждениям.

Беклешов. Ну, брат, нынче охота отличная была. Ха, ха! Я только из присутствия.

Венеровский. Это похвально, что ты в трудах жизни обретаешься. Что ж бог дал?

Беклешов. Затравили, брат, помещиков пару, одну помещицу, да чиновника-взяточника притянули. Все в одно заседание. Была игра, могу сказать!

Венеровский. Это хорошо. И им полезно, и мне приятно слышать, и ты удовольствие испытываешь.

Беклешов. Несказанное, братец, удовольствие! Как же, вся жизнь на том стоит. Моя страсть и специальность. Ваша братья, идеалисты, только умозаключает, а мы, практики, действуем. Ведь отчего я принимаю участие в твоей женитьбе? Вовсе не потому, что я тебе товарищ и приятель и что я вижу тут вопрос о твоем счастье. Вовсе нет. Я вижу только в этом млекопитающемся Прибышева, который тебя намерен надуть и которого надо затравить, и я затравлю. Ну что, как дела? Едем нынче к Прибышевым? Ведь нынче формальное объявление. Я готов и во всеоружии.

Венеровский. Да что, хорошего мало. Хе, хе, хе! Нынче обручение. Штука весьма глупая, и необходимо обойти ее сколь возможно.

Беклешов. Это все ничего. Денежные-то отношения как? было объяснение?

Венеровский. Вот практический-то склад называется!

Беклешов. А то как же? Это главное обстоятельство.

Венеровский. Я почтенному родителю изъяснялся в первый же день, что ее состояние — ее состояние, и чтоб он мне этого вздора не пел, да, — хе, хе! — и родитель значительно был порадован таким моим воззрением — ну, да...

Беклешов. Ох, идеалист! Да ведь ты сам дал ему оружие. Он по свойствам своей телячьей натуры возмечтает, что твоей ничего не надо давать, а взять на себя содержание женщины, не получив новых средств, безумно. Кажется, нечего доказывать.

Венеровский. Это так. Но я все-таки приму меры, чтобы не быть в дураках. Цель моя одна — вырвать эту девушку, хорошую девушку, из одуряющих и безнравственных условий, в которых она жила. И потому очевидно, что эта личность не должна ничего потерять вследствие того, что она избрала меня, не должна быть лишена тех простых, наконец, удобств жизни. Я приму меры для ограждения ее интересов.

Беклешов. Только не попадись. Ваша братья, идеалисты, на это молодцы. Делают планы, а практично не обсудят. Ну, какие же ты меры примешь?

Венеровский. Вот видишь ли. В последнее наше свиданье Прибышев опять начал разговор о деньгах при ней; я сказал, что об этом предмете я нахожу удобнее переговорить с глаза на глаз, чем парадировать перед публикой.

Беклешов. Да в том, брат, и штука, что ты будешь деликатничать, а они тебя надуют.

Венеровский. Вот видишь ли, я назначил нынешний день для этих переговоров. Я намерен сказать, что желаю, чтобы отношения эти уяснились. За это я поручусь.

Беклешов. Он тебя надует, это я тебе говорю. (Задумывается.) Помни одно: для них, для этого на-

рода, обряд важнее всего. На этом-то их надо ловить. Помни одно: не иди в церковь до тех пор, пока не получишь в руки формальные акты, утверждающие за ней известное имущество.

Венеровский. Ты так ставишь вопрос, как будто для меня все дело в ее состоянии. Мне неприятно это даже. Ты уж слишком практичен.

Беклешов. Ну, я ведь говорю — идеалист! Да ты забываешь, с кем имеешь дело. Ведь это подлец на подлеце. Грабили пятьсот лет крепостных, пили кровь народа, а ты с ними хочешь идеальничать. Ты имеешь цель честную — спасти ее, ну да. Ну, что ж тебе в средствах! Ведь это мальчишество, студентство!

Венеровский. Мне, брат, дело нужно прежде всего. <Другое и более важное обстоятельство — студент. Для меня он ничтожен, но она еще не знает меня вполне, не может ценить, что должно ценить во мне, и смотрит только с пошлой точки зрения. И потому заинтересована им. Это с одной стороны. С другой — девица Дудкина сгорает желанием объяснений и с собственным женщинам легкомыслием огорчится известием о моей женитьбе. Так вот надо устранить эти два зловредных влияния: и студента, и этой госпожи. Вот в чем нужна помощь практического друга.>

Беклешов. Хорошо, хорошо. Идеалист! Я говорю, коли я не возьму тебя в руки, ты попадешь, как кур во щи. Ну, да с этой точки зрения мы затравим. Ну, расскажи, сама особа какова?

Венеровский. Как тебе сказать — девочка по наружности весьма приятная, добрая, ласковая, и натура еще не вполне испорченная. Задатки есть очень хорошего. В эти последние две недели я много давал ей читать, много говорил с ней. Она начинает понимать вещи в настоящем виде. Например, чувствует уже всю гнусность среды, желает из нее вырваться и понимает ничтожество своих почтенных родственников. Натура весьма честная и хорошая. И, раз вырвав ее из этого подлого гнезда всякой мерзости и разорвав, разумеется, все связи с почтенными родственниками, я на-

деюсь, она доразовьется вполне. Вот увидишь. Поедем нынче.

Беклешов. Гм, гм. Это хорошо. Ну, а что это за особа племянница?

Венеровский. Племянница эта, видишь ли, эмансипированная девица, неглупая и развитая натурка, но непривлекательной наружности.

Беклешов. А вот, как хочешь — не дается женщинам вместе миловидность и развитие. Эти глупенькие, розовенькие все-таки приятнее.

Венеровский. Хе, хе! да, конечно. Так эта особа для меня весьма неудобна. Вот видишь ли, в прежнее время между мной и этой девицей были кой-какие отношения... Она была единственное мыслящее существо во всей семье, ну и невольно я сблизился с нею. Ну, теперь эта особа как бы заявляет свои притязания. Ну, глупо выходит, и может выйти еще хуже, когда моя женитьба ей станет известна.

Беклешов. Это скверно.

Венеровский (*гордо*). Нет, почтенный Сергей Петрович, упрекнуть меня никто не может: я поступил, как должен поступить каждый честный человек, понимающий свободу женщины. Я тогда сказал ей, что не беру на себя никаких обязательств, что отдаю только на время этим отношениям.

Беклешов. Ха, ха, ха! Ведь я вижу, что тебя смущает: ты думаешь, уж не дурно ли ты поступил в отношении ее? Вот идеализм-то! Да ты подумай, с кем ты имеешь дело. Помни ты, что эти люди считают дурным и хорошим. Ведь все нравственные понятия извращены в той среде, где они живут. С этими людьми ежели считаться, всегда будешь в дураках. Первое правило знай, что то, что для нас нечестно — для них честно, и наоборот. С этим и соображайся. Но, положим, ты находил удовольствие с ней — на безрыбье и рак рыба — что ж из этого следует?

Венеровский. Это так, — но девица эта навязчива, считает за собой права и может повредить мне. И вообще, я бы желал устранить ее.

Беклешов. Надо посмотреть.

Те же, входит грязный сторож, старик, служащий вместо лакея, а потом Катерина Матвеевна и Иван Михайлович.

Сторож. Анатолий Дмитрич, ента барышня опять вас спрашивают, да и с барином.

Венеровский. Какая барышня?

Сторож. А ента, что прежде бывала, стриженная.

Венеровский. Это Прибышев с племянницей. Пусти.

Сторож уходит.

Беклешов. Вот на ловца и зверь бежит. За-
траваю обоих.

Входят Иван Михайлович и Катерина Матвеевна.

Иван Михайлович. Ну, были в вашей школе с Катенькой. Любочка хотела тоже ехать, да боялась, — она простудилась вчера. Вот и заехали к вам. Ну, я вам скажу, Анатолий Дмитриевич, что за прелесть эти дети, что за такое-этакое! Да, вот истинно славно, славно!

Венеровский. Что ж, хорошо сделали, что заехали. Могу вас познакомить: Беклешов, мой товарищ — господин умный и хороший. Катерина Матвеевна, и вас знакомлю.

Катерина Матвеевна (*крепко жмет Беклешову руку, так что он морщится от боли; Беклешову*). Меня всегда поражало то явление, что между мужчинами связи товарищества имеют устойчивость, тогда как между женщинами явление это не... воспроизводится, так сказать. Не коренится ли причина этого в низшей степени образования, даваемого женщине? Не так ли?

Беклешов. Конечно, связь упрочивается единством воззрений, а не...

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте. Я полагаю, вы близки преимущественно с Анатолием Дмитриевичем не в силу того, что вы товарищи, а в силу того, что вы разделяете одинаковые убеждения.

Беклешов. Конечно, мы-с разделяем одни убеждения. Вы в школе были?

Катерина Матвеевна. Да. Скажите, как вы

думаете: мне пришла мысль, не может ли быть вредно развитие рефлексии у мальчиков? Согласитесь, ведь имеешь дело с слишком цельными личностями...

Беклешов. То-есть, я не знаю, как вы на это смотрите. Рефлексия есть только признак развития.

Продолжают говорить и отходят.

Иван Михайлович (*Венеровскому*). Я и давно хотел посмотреть эту школу — так интересно! а вместе с тем надо, думаю, нам переговорить нынче о делах, помните, о состоянии Любочки; вот я привез с собой. (*Показывает портфель.*) Здесь нам и удобнее будет. Потолкуем, а потом я вас повезу к нам. Что ж, Катеньке можно сказать, так как нынче все узнают. Она нам не помешает, а еще напротив — совет даст, — она хоть и с странностями, а человек умный. Катенька!

Венеровский. Теперь неловко, — знаете, этот господин...

Иван Михайлович. Ну, можно и после. Только уж нынче я вас не отпущу. Ведь надо же вам знать. (*Беклешов и Катерина Матвеевна подходят.*) Ну, как я вам благодарен, Анатолий Дмитриевич за позволение посетить школу. Что за прелесть эти детинятки, я не могу опомниться. Как веселы, любознательны, какие успехи, и какое это... что-то такое... Это вам надо отдать справедливость, дивно устроено! Славно. Вот именно-то доброе дело... славно, славно.

Венеровский. Да, все работаем понемножку. Хоть и мешают, да ломим.

Иван Михайлович (*Беклешову*). Я нахожу, что для нашего народа нет прогресса без истинного образования, я разумею нравственное образование.

Беклешов. Да, как кто понимает нравственное образование, а конечно, полезно.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте! Скажите, Анатолий Дмитриевич, отчего вы не ввели звуковую методику? Она доступнее и рациональнее, гораздо рациональнее.

Венеровский. Что ж, не все рационально делается. Я предпочел Золотова упрощенную методику.

Катерина Матвеевна. А еще мне хочется вам прямо высказаться. Вот мы говорили с Беклешовым. Я полагаю, что нерационально развивать рефлексию в низко стоящих личностях.

Иван Михайлович. Извините, мне только нужно зайти в присутствие, а потом поедемте, переговорим.

Венеровский (к Катерине Матвеевне). Сейчас посудим-с, хе, хе, хе! (Ивану Михайловичу.) Что ж, заезжайте, вот и Беклешов с нами поедет. Есть где сесть в вашем тарантасе, что ли?

Иван Михайлович. Сядем, сядем. (К Беклешову.) Очень, очень рад. Нынче у нас приятный день. И приятель Анатолия Дмитриевича для нас дорогой гость.

Говорят тихо.

Катерина Матвеевна (к Венеровскому). Ежели я останусь здесь, я возьму на себя часть преподавания в этой школе. Я вам докажу на опыте, что рефлексия вредна.

Венеровский. Что ж, это можно.

Иван Михайлович (уходя). Так до свиданья, я в пять минут готов.

Венеровский (Ивану Михайловичу). Что ж, приходите, приходите. (К Катерине Матвеевне.) Почему же вы так нападаете на развитие рефлексии в детях? Я полагаю, что то, что есть благо для нас, будет благо для каждого.

Катерина Матвеевна (к Венеровскому). Нет, позвольте, позвольте! Во мне столько возникло идей по случаю посещения этой школы! Является вопрос: что вы хотите сделать из этих личностей? Признаете ли вы развитие каждого индивидуума за несомненное благо, или развитие единицы без общественной инициативы может повредить этим единицам в силу существующего ненормального порядка?

Венеровский. Я признаю-с развитие всегда за благо, в каких бы формах оно ни проявлялось бы, но...

Катерина Матвеевна. Да, по пути прогресса, прибавьте.

Венеровский. Само собой подразумевается. Но ведь надо принять в соображение препятствия окружающей среды.

Катерина Матвеевна. Это так, но что хотите говорите, я уж сказала вам, что я чутьем сознаю, что вам не по плечу вся эта убивающая обстановка, затхлая атмосфера, которою мы дышим...

Венеровский (*хочет что-то сказать приятелю*). Ты...

Катерина Матвеевна. Нет, позвольте, позвольте, дайте мне высказаться. Вы задались мыслью в этом застое прокладывать свет, но вас задавит среда, вам нужна более широкая арена. (*К Беклешову.*) Не так ли?

Беклешов (*тихо Венеровскому*). Ну, брат — девица! Вот и выскажись.

Катерина Матвеевна (*подумавши*). Да, это посещение породило во мне такую вереницу идей. Я еще больше стала уважать вас. (*Жмет руку Венеровскому и говорит ему тихо.*) Нынче срок, который я назначила вам; я выскажусь нынче. Я желаю говорить с вами одна. (*Громко, к Беклешову.*) Беклешов, я выше общественных предрассудков, я имею личное дело к Венеровскому и потому прошу вас уйти. Вы тоже выше?..

Беклешов. Конечно; я посижу в той комнате. (*Уходя к Венеровскому.*) Тем лучше. Да, развнтая, а неприятная, могу сказать. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е, без Беклешова. Катерина Матвеевна молчит, Венеровский посмеивается и молчит тоже.

Катерина Матвеевна (*приходит в замешательство*). Да, нынче тот срок... и так сказать... да, внутренняя работа совершилась... но вы честная личность... женщина уже вышла из-под того гнета, в котором душили ее... она равноправна мужчине, и я... да, я пришла честно и прямо сказать вам... я глубоко знала самое себя... да, я... Да скажите же что-нибудь!..

Венеровский. Я послушаю. Разговор, кажется, должен быть интересен.

Катерина Матвеевна. Да, но так сказать... да, погодите...

Венеровский. Я подожду. Вы обещали сообщить мне ваши чувства, но вас что-то затрудняет. Вы свободная женщина — вы превозможите себя. Для ясности отношений нужна ясность выражений, слова. А определенность в наших отношениях мне весьма желательна. Я выскажусь прямо, и вы высказывайтесь, не стесняясь староверческим взглядом на отношения мужчины и женщины. Вы не затрудняйтесь, — это старый Адам, как говаривали мистики блаженной памяти, смущает вас... Ну-с...

Катерина Матвеевна (*решительно*). Да, это так, это старый Адам. Я выше этого. (*Протягивает руку.*) Венеровский! Я исследовала глубину своего сознания и убедилась, что мы должны соединиться! да... В каких формах должно произойти это соединение — я предоставляю вам. Найдете ли вы нужным, ввиду толпы и неразвитых как ваших, так и моих родственников проделать церемонию бракосочетанья — я, как ни противно это моим убеждениям, вперед даю свое согласие и делаю эту уступку. Но я желаю одного. Среда, как я уже сказала, душит вас и подавляет меня. Мы должны уехать отсюда. Мы должны поселиться в Петербурге, где найдем более сочувствия нашим убеждениям, и там должны начать новую жизнь, на новых принципах и основах. Вопрос же об обладании мною уже решен между нами.

Венеровский. Вот-с это честно и ясно. По крайности-с и я могу высказаться так же категорично и постараюсь.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, я не все сказала. Жизнь, которая ожидает нас, будет иметь значение не только для нас, но и для целого общества. Мы будем первообраз новых отношений мужчины и женщины, мы будем осуществлением идеи века, мы будем...

Венеровский. Позвольте и мне сказать словечка два!

Катерина Матвеевна. Венеровский! я уважаю вас, — вы знаете меня. Я женщина свободная и равноправная мужчине. Я горжусь тем, что первая сказала: я хочу соединиться с вами и жду честного, сознательного ответа. Все это очень просто. *(Откидывает волосы и ходит в волнении.)*

Венеровский. Вот и оказывается всегда, что простое и честное отношение к жизни удобнее и целесообразнее. Вы говорите, что желаете соединиться со мной. Это весьма понятно: по крайней мере, и знаешь, что отвечать. Ваш самый выбор и способ его выражения, все доказывает ту высокую степень развития, на которой вы стоите. Я не знаю другой девицы, которая бы могла поступить так сознательно. Я прямо отвечаю, что это соединение мне неудобно, и потому не могу принять его. Что же касается до наших прежних отношений, то именно то нравственное чувство правды, которым вы обладаете в такой силе, должно ручаться за вашу скромность в этом отношении.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте... Вы отказываете мне? *(Останавливается и откидывает волосы.)*

Венеровский. Катерина Матвеевна, нет современного человека, который бы не считал наградой за свои труды ваше предложение, но я сделал другой выбор, и потому...

Катерина Матвеевна. А! хорошо, очень хорошо... Позвольте, я уважаю вас. *(Ходит в волнении.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Иван Михайлович.

Катерина Матвеевна. А, Иван Михайлович! Мы переговорили, положение разъяснилось. Да, я очень рада этой определенности. Да, мы все уяснили.

Иван Михайлович. Разве что-нибудь было неясно между вами?

Венеровский. Более отвлеченные вопросы.

Катерина Матвеевна. Позвольте, не вполне отвлеченные... ну, да все равно, я очень рада, поедемте домой...

Иван Михайлович. Нет, уж извини. Нынче я обещал переговорить с Анатолием Дмитриевичем о делах и нарочно сюда приехал, вот и бумаги привез... Теперь, Катенька, тебе можно сказать. Поздравь меня и Анатолия Дмитриевича. Он сделал лестное для нас предложение Любе и женится первого августа.

Катерина Матвеевна (*Венеровскому*). Есть три рода любви: любовь Астарты, любовь Афродиты и любовь равноправности... Венеровский, вы не встали еще выше любви Астарты. Я считала вас выше... но я все еще уважаю вас. Иван Михайлович, вы долго будете говорить?

Иван Михайлович. Да, с четверть часа пробудем и поедем.

Катерина Матвеевна. Венеровский, дайте мне последнюю «Полярную звезду», я почитаю.

Венеровский (*подает ей книгу*). Вот она; обратьте внимание на эту статью. Очень он хорошо разбирает... Да не хотите ли в ту комнату, чтоб мы вам не мешали?

Катерина Матвеевна. Нет.

Венеровский. Право, вам лучше.

Катерина Матвеевна. Нет.

Венеровский (*в сторону*). Опять невозможно объяснение!

Катерина Матвеевна садится к столу в стороне, облакачивается и начинает читать, изредка взглядывая на Венеровского и сомнительно качая головой. Иван Михайлович садится к столу, раскрывает портфель и разбирает бумаги. Венеровский садится против него.

Иван Михайлович. Ну, вот, любезный и дорогой Анатолий Дмитриевич...

Венеровский. В чем дело-с? Говорите.

Иван Михайлович. Вы были так благородны в первый день, когда я стал говорить о Любочкином состоянии, что отклонили от себя этот разговор; я это очень ценю, поверьте. Но согласитесь, что мне, как отцу, приятно, так сказать, дать отчет в управлении

состоянием дочери, дать отчет перед будущим ее мужем...

Венеровский. Что ж, я слушаю-с. Говорите.

Иван Михайлович. Ведь я откровенно скажу. Можно бы другому совеститься, как бы не сочли за корыстолюбие, но уж вам-то, Анатолий Дмитриевич, кажется, можно быть покойным и на этот счет. Уж верно, никто не скажет, чтобы вы женились на деньгах...

Венеровский (*оглядываясь на Катерину Матвеевну*). Конечно, так. Но все это не ведет нас к делу.

Иван Михайлович (*разбирает бумаги, берет одну*). Видите ли, у меня состояние небольшое, оно перейдет к сыну. У Любочки состояние матери. Мать желает удержать себе некоторую малую часть — остальное, мы решили, что все перейдет вам...

Катерина Матвеевна (*встает, откидывает волосы*). Позвольте, позвольте, Анатолий Дмитриевич, уважение, которое я имела к вашей личности, начинает колебаться в глубине моего сознания. Вы две недели тому назад высказали убеждение, что не уважаете Любочку. Это было в порядке вещей.

Иван Михайлович. Катенька, не мешай, что ты приплетаешь!

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте! Венеровский, вы высказали мне убеждение, что не уважаете ее как женщину, а теперь вы женитесь. Это непоследовательно.

Венеровский. Я не понимаю, с какою целью вы говорите это.

Катерина Матвеевна. Позвольте, я сказала: вы непоследовательно поступили. Я высказала только это. Теперь вы трактуете с Иваном Михайловичем о денежных делах вашей невесты, — так, кажется, это называется? Я вижу в этом факте низкий торг человеческой личностью и потому прошу вас не оскорблять меня, не оскорблять друг друга, не оскорблять достоинство человека, продолжая этот разговор. Я все сказала.

Иван Михайлович. Однако, Катенька, это становится скучно и глупо.

Венеровский. Весьма странно — все, что я могу

сказать (*тихо к Ивану Михайловичу*). Оно, действительно, скучный разговор, и ежели вам желательно передать что-нибудь, передайте Беклешову, а мне, право, и некогда, а я ему скажу.

Иван Михайлович. Что ж, Анатолий Дмитриевич, поедemте ко мне. Зовите его. Поедemте!

Катерина Матвеевна. Я не допущу этого унижения.

Иван Михайлович. В самом деле, это скучно, едемте.

Венеровский. Я вслед за вами.

Иван Михайлович и Катерина Матвеевна уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Беклешов (*выходит из другой комнаты*). Ну, брат, могу сказать — девица азартная. Ее надо устранить. Необходимо надо устранить.

Венеровский. Но как?

Беклешов. Я боюсь одного, что вся эта сцена была сыграна и что рьяная девица Дудкина подучена Зуботыковым.

Венеровский. Нет, девица действовала в простоте глупой души.

Беклешов. Я тебе говорю, что нет мерзости, на которую эти господа бы не были способны. Но дело в том, что ты мне поручаешь переговорить с отцом о состоянии — скажи ему это дорогой, — и от меня он не отвертится. Насчет девицы ж я знаю одно: она снедема потребностью любить. На нее надо напустить какого-нибудь юношу, тогда только она от тебя отстанет. Едем. Я затравлю их обоих.

Венеровский. Практичный муж, да. Хе, хе!

Занавес опускается

Конец первой сцены второго действия

СЦЕНА ВТОРАЯ

Театр представляет деревенский сад в имение Прибышевых.

Во второй сцене второго действия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Михайлович	Твердынский.
Прибышев.	Венеровский.
Марья Васильевна.	Беклешов.
Любовь Ивановна.	Няня.
Катерина Матвеевна.	1-й гость.
Петр Иванович.	2-й гость.
	[Гостья].

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Васильевна и няня.

Няня. Вот и вышло по-моему, матушка Марья Васильевна, все, что я говорила. Жених — жених и есть. И на картах сколько ни выкладывала, все бубновый король и свадебная карта. Так все и ложилось.

Марья Васильевна. Да, няня, не легко с дочерью расставаться. Как Иван Михайлович мне нынче сказал, так как ударило меня что-то в это место. *(Показывает на затылок.)* Так дурно голове. Вот прошлась, и ничего не легче. Ведь приданое, свадьба, все это хлопоты какие!

Няня. Что вам хлопотать? Все готово, все есть.

Марья Васильевна. Одно, как же быть? жених гостей не любит. А ведь нельзя же родных не позвать. Хоть нынче к обеду я Семену Петровичу, Марье Петровне, всем послала...

Няня. Нельзя же, матушка. Как будто украдучи дочь отдаете. Ведь не нами началось, не нами и окончится. Свадьба дело не шуточное. Небось не хуже его ваши-то родные. Что нос-то уж он больно дерет! Что он, князь, что ли, какой? Не бог знает какого лица.

Марья Васильевна. Ты все, няня, его бранишь, нехорошо. Ты вспомни, ведь Любочкин муж будет. Вот всего неделя осталась. Да и Любочка как влюблена, так влюблена! Я даже удивляюсь. Любочка, Любочка, а глядь, у ней через год у самой Любочка будет. И как это все сделалось? Нет, ты, няня, про него дурно не говори. Точно ведь, человек он очень значительный, — так все про него судят. Все знает, везде бывал, писатель. А про кого худо не говорят?

Няня. Я, матушка, при Любочке — при Любовь Ивановне не скажу, а кому же вам сказать, как не мне? Нехорошо, совсем не пристала фанаберия эта. Что вы, однодворцы, что ли, какие? Что ему перед вашими родными-то чваниться? Что он за границей бывал, так нынче, матушка, нет той ледящей помещицы, чтоб за границей-то не бывала. За границей был, вот я какой! И все ездят. Не так, как в старину. Или — я писатель! Эх удивил, невидаль какая — уж на что Катерина Матвеевна! Ведь мы с мальства видели — уж как непонятлива была, и этого чтоб ловкости или приятности, нет ничего, а тоже наемни сказывали, что-то такое напечатывала. Да на что отца дьякона сын меньшей, из семинарии выгнали, а тоже печатывает. По-нынешнему этим не удивишь. Опять — ни богатства, ни родни. Сказывают, отец какой-то пьяный, что и сын к себе не пускает. Ни обращения... так что-то такое. Нет этого входа благородного. Вот как Иван Михайлович, как оденется, да еще помоложе были, взойдет, бывало, молодцом. А так что-то все хочет по-новому, что-то особенное. А нет ничего; и пошутит другой раз — не пристало как-то.

Марья Васильевна. Ах, няня, не говори лучше! Уж, видно, такая судьба.

Няня. Это ваша правда. Словами не поможешь. Одно — ручки ваши, ножки расцелую, послушайте вы скверную, гадкую няньку Марью, послушайте вы мой совет. Богом вас прошу! Не давайте вы ему ничего до времени из денег или из имения. Ведь все ваше, и никто не может вам заказать. Дайте все: приданое, платье, постели, брильянты, дайте все в лучшем виде, а деньги погодите давать. Все человек неизвестный. По-

годите, посмотрите, что от него отродится. Дать успеете. Ведь уж я знаю, вы себе ничего не оставите.

Марья Васильевна. Как ты глупо судишь, няня. Ну, как же это можно?

Няня. Уж послушайте раз дуру, попомните. Вот вас богом прошу. Ведь ничего худого не будет. Поживете с ним месяца два, полгода, будет почтителен к теще, с нею хорош, тогда дайте.

Марья Васильевна. Ах, как ты глупа!

Няня. А то что ж, лучше будет, как он денежки заберет, да и вам почтенья не окажет, и ей-то горе мыкать придется? Он и теперь что про вас говорит! Все равно вас считает, как вот этот чулок. Раз в жизни послушайте Машку-дуру, а не послушаете — плакать будете. И близко локоть — да не укусишь.

Марья Васильевна. Какая ты глупая, няня. Я поговорю с Иваном Михайловичем. Непременно поговорю; вот и Любочка идет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, входят Любочка и студент.

Студент. Это мы совершили с вами не безудовольственную экскурсию.

Любочка. Мамаша! Что ж они не приезжают! Я ходила к ним навстречу. Все нет. Алексей Павлович все со мной ходил и все врет.

Студент. Смехотворство учиняли по случаю пейзажных встреч. И беседа текла небесприятно.

Любочка. Что вы ломаетесь? Надоели, говорите проще.

Студент. Ежели мой способ изъяснения вам кажется неприятственным, пойдемте на качели, Любовь Ивановна. Я качательное движение произведу.

Марья Васильевна. Вы, Алексей Павлович, не хотите ли позавтракать?

Студент. Можно попытаться — это ничего. Любовь Ивановна, пойдемте, право, а то скучно.

Любочка. Ну и скучайте одни, а мне надо дело делать.

Студент. Вот как-с. И важные упражнения-с?

Любочка. Мне надо статью прочесть, мне Анатолий Дмитриевич дал.

Студент. Вотще-с!

Любочка. Что вы ко мне пристаёте — право, надоели.

Няня. И как нескладно все что-то.

Студент. И вы мне надоели-с. Но я уважаю ваш пол-с.

Любочка. Что за обращенье!

Марья Васильевна. Алексей Павлыч, теперь надо с Любой иначе уж обращаться.

Студент. Обращению я обучался по премудрой книжице, изданной в шестьдесят третьем году, сочинителя Белова в типографии Серкина под заглавием: «Обращение с особами прекрасного пола, или Искусство быть для оных привлекательным».

Любочка. Мамаша, прогони его; что он ко мне пристал! Пора вам заниматься с Петрушей. Петруша!

Петруша (*кричит в окно*). Что?

Любочка. Зови Алексея Павлыча к себе заниматься. Идите, право, скука, — с самого утра не могу отделаться от вас.

Студент (*обиженно*). Вы изменили вдруг со мной обращение, и я не знаю, на каких данных.

Любочка. Ни на каких данных, идите вон — и все.

Студент. Прежде вы были много общительнее.

Няня. Эх, сударь, была бы я мать, уж вы бы так при мне с моей дочерью не говорили. Уж я бы вам такую распатрушила!

Марья Васильевна. Что ты, няня, полно, с ума сошла. (*Студенту*.) И что вы в самом деле пристаёте, Алексей Павлыч? Подите к Петруше, я вам завтракать пришлю, а мне нужно поговорить с Любой.

Студент (*в сторону*). Сей млекопитающий субъект одержим гневом. (*К Марье Васильевне*.) Что ж, это не вредно-с, позавтракать, пришлите. (*Уходит*.)

Голос Петруши: Мать, пришли балыка и вина,

Марья Васильевна. Хорошо,

Няня, Марья Васильевна и Любочка.

Любочка. Мамаша, что ж мне делать? Куда я ни пойду, он везде за мной и пристаёт как горькая редька... не вели ему, право... Я теперь совсем другая стала.

Марья Васильевна. Ну, да вот нынче жених приедет, и всем объявят.

Няня. А вот вы бы, моя сударушка, сначала с ним бы не шутили. Этому народцу столько дай (*показывает на мизинец*) — он всю руку тянет. Не кокетничали бы. А то вам, что ни поп — то батька. Вот и дококетничались.

Любочка. Няня, да я совсем не кокетничала; так, прежде играли вместе с Петрушей... и он такой противный! А теперь я слова с ним не говорю, все учусь, книжки читаю, что мне Анатолий Дмитриевич принес, а он покоя не дает.

Няня. Построже держать надо себя. Да что, вы так по доброте! Я бы, коли б моя воля, я бы эту дрянь в дом не пускала. Да дайте срок — я ему напою. Ведь он во всем доме меня одну боится. Пускай его...

Любочка. Мамаша, Катенька еще не знает, что я невеста?

Марья Васильевна. Нет, душенька, только отец да няня, а больше никто. Ведь так вы хотели. Нынче всем объявят.

Любочка. Что ж они не едут? Право, страшно. Мамаша, ведь он недурен собой? Правда, няня?

Марья Васильевна. Да, значительное лицо.

Любочка. А какой умный! Коли бы вы слышали, как он мне все толкует. И как Катенька будет злиться! Ну, да поделом ей. Она все говорит, что я недоразвита. А я теперь и разовьюсь. Он говорит, что в две недели очень развилась. Няня, ты знаешь, она влюблена в него. Она не говорит, а уж я знаю. Вот они, вот они! Мамаша, ты не будешь плакать? Няня, не плачь, пожалуйста. Он этого не любит, да и глупо. Это все старое, а у нас все будет по-новому. Ты и не понимаешь даже как, няня. Я так рада! Он такой умный. Да?

Марья Васильевна. Что ж, дай бог, дай бог! Няня. Что ж, дурного нет ничего. Любочка. Как дурного? Он отличный. Да?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, входят Иван Михайлович, Венеровский, Беклешов, Катерина Матвеевна, [Твердынский].

Иван Михайлович (*представляя Беклешова*). Друг Анатолия Дмитриевича, Беклешов, Петр Сергеевич.

Марья Васильевна. Милости просим, очень рада. (*К Венеровскому*.) Как ваше здоровье? Comment va votre santé?

Марья Васильевна с Иваном Михайловичем входят в дом.

Катерина Матвеевна. Где Алексей Павлыч? Мне нужно сообщить вам кое-что.

Студент (*выходит из дома*). А мы там кормились с Петром Ивановичем.

Беклешов (*к Катерине Матвеевне*). Познакомьте меня, пожалуйста, с вашим студентом.

Катерина Матвеевна. Я понимаю, он один живая личность.

Беклешов. Очень, очень приятно. (*Жмет руку*.) Не пройдетесь ли? (*Уходят*.)

Любочка (*к Венеровскому*). Что вы так долго не ехали? Мне так скучно было. А я обе статьи ваши прочла. Я усвоила уж.

Венеровский. Это хорошо. А я размышлял кой о чем касательно вас.

Любочка. Что ж вы думали? я знаю?

Венеровский. Не думаю, Любовь Ивановна. Я вот думал нынче, даже кое-что набросал и на бумагу. (*Подает статью*.)

Любочка. Нет, пожалуйста, говорите со мной. Я так люблю.

Венеровский. Вот извольте видеть: думал я о нашем последнем разговоре. О женщине думал я, что одно из главных призваний нашего века — это освобождение женщины из варварского рабства, в котором она подавляется.

Любочка. Да, отчего нельзя в другой раз замуж выйти? Я часто это думала. Ну, вдруг наскучит мне один муж, я разлюблю его совсем...

Венеровский. Да-с, вот так-то в устах толпы и компрометируется великая доктрина эманципации женщин! Она не в том, совсем не в том. Свобода женщины в том, чтобы быть равноправной мужчине и не быть вечно на помочах отца, а потом мужа. Женщина должна твердо стоять в обществе на своих ногах и быть в силах прямо смотреть в лицо этому обществу.

Любочка. Отчего Катя все говорит, что я недоразвита. Я все новые идеи так понимаю, так все понимаю!

Венеровский. Да-с, вам трудно выразить мою мысль. Но я постараюсь выразить ее конкретнее.

Любочка. Как вы сказали? конкретнее? А еще я знаю — гносеологической путь. А еще эфику знаю... Ну, говорите, что вы хотели.

Венеровский. Да, я хочу примером вам сказать, в чем состоит истинная свобода женщины. Будь я один из тех отсталых господ, которые царствуют в нашем обществе, или из верхоглядов-либералов, я бы, женившись на вас, полагал бы, что я приобретаю право на вашу личность. Вы бы зависели от меня, я бы зависел от вас. Мы бы не могли двинуться, не оскорбляя один другого. Я, например, болен, вам противно видеть больную фигуру, вы обязаны быть тут; у вас или у меня желчный пузырь не выливает свое содержание в желудок, мы должны быть вместе и страдать, ссориться. Или я хочу деньги свои употребить на покупку книг, а вы, положим, на покупку...

Любочка. Ну, на покупку швейной машины или инструментов каких-нибудь. Я все буду такое покупать, а бархатного черного платья я уж не куплю. А мне очень хотелось. Ко мне идут тяжелые материи. Ну, так что вы говорили? Я так люблю вас слушать.

Венеровский. Ну, так и видите, главное в супружестве свобода и независимость обеих сторон.

Любочка. Ах, я это понимаю. Ну, какво мне вдруг знать, что вы мной будете командовать! Мне и гувернантки надоели. У нас была Сарра Карловна, вы ее не застали. Ах, какая скучная! Я бы ни за что не

пошла за вас замуж, коли бы знала, что вы мной будете командовать. Потому мне и есело, что мы будем совсем как не то что чужие, а равноправные, будем... Анеточка Зайцова, — вы ее видели у нас, — мы с ней подруги, но она очень вот уже точно недоразвита, все романы читает. Так она говорит, что замуж надо идти, когда любишь. Разве можно полюбить, когда захочешь? А ведь хуже притворяться. А вот когда равноправные, так очень легко. Они все мечтают. Как же можно влюбляться так, по заказу!

Венеровский. Да, Любовь Ивановна, любовь — для таких девиц, как ваша подруга, — это слово только. А мы устроим нашу жизнь так, чтоб мы не могли стесняться, я — вашу, а вы — мою свободу. Ежели мы хотим, мы можем соединиться, а наскучило нам, мы можем разойтись, не стесняя один другого. Потом, жизнь наша не должна быть омрачена никакими предрассудками. Ежели бы вы вдруг нашли или я бы нашел, что нам тяжело жить вместе, мы должны иметь право разойтись без упреков, без желчи. Все это ново, но это просто.

Любочка. И прекрасно! Чудесно! Я все это понимаю. Нет, вы думали, что я глупа? Катенька мне все говорила. Я и сама думала. А теперь я вижу, что я умна. Я так все скоро поняла. Как вы начнете гочорить, так я вперед знаю, что вы скажете. Право!

Венеровский. Истина проста, тем-то она и отличается от обмана. И у вас натура хорошая, вы быстро усвоете.

Любочка. Мне так смешно стало все наше старое житье. У нас с вами все будет особенное, с новыми идеями. Я вас за это и люблю.

Венеровский. Ничем, Любовь Ивановна, вы не могли так наградить меня, как тем, что вы сейчас сказали. Вам уж смешна становится вся ваша обстановка, скоро она гадка сделается вам, и тогда это будет хорошо. Вы понимаете, что главная преграда для развития индивидуальности вообще — это семья, в особенности для вас. В вас все задатки хорошие, но окружающие вас ниже самого низкого уровня. Одна человеческая личность — это Катерина Матвеевна, да и та теперь по известным вам причинам всем недоброжела-

тельствует. Остальное вас окружающее — грязь, которая марает вас...

Любочка. Ну, отчего ж, папаша умный и сочувствует; ну, мамаша немножко... Ну, да она такая добрая, она так меня любит. А папаша вас любит очень...

Венеровский. От них-то вам и надо удалиться, да-с. Что они вас любят, это понятно. Всякому дурному, как бы он дурен ни был, хочется быть поближе к хорошему. А нам-то за что любить затхлое и дрянное? Вам надо подальше, подальше.

Любочка (*капризно*). Не говорите так. Не люблю, не люблю, не люблю.

Венеровский. Вы посмотрите на них просто, как на посторонних людей, не можете же вы находить их привлекательными.

Любочка. Не люблю, когда вы так говорите, не люблю! Ежели вы еще мне это скажете, я совсем разлюблю новые идеи и, как выйду за вас, так стану жить по-моему, а не по-вашему. Вот вам и будет.

Венеровский. Ну, как же по-вашему-то-с?

Любочка. Вот как: поедem в Москву, найдем дом самый хороший. Я сделаю себе одно черное бархатное платье, одно белое — пу-де-суа. Утром мы поедem кататься, потом поедem обедать к тетеньке, потом я надену черное бархатное платье и поедem в театр, в бeнуар. Потом я надену другое платье и поедem на бал к крестному отцу, а потом приедem домой, и я вам все буду рассказывать и ни одной книги не буду читать. А буду вас любить. Очень буду любить и не буду давать никакой свободы. Потому что ежели я уж полюблю, так уж так полюблю, что все забуду, кроме вас. И мамаша такая была, и я на нее очень похожа. И посмотрите, как будет хорошо! Вот вы увидите.

Венеровский. Да ведь это вы только сделаете, ежели я буду говорить!

Любочка. Нет, просто сделаю. Я уж рассердилась.

Венеровский. И вы полюбите меня таким образом?

Любочка. Коли вы будете милый — полюблю. Я никого еще не любила, только одного немножко. Да это не считается.

Венеровский (*улыбается, берет ее за руку и в нерешительности, поцеловать [ли]*). Да, и так пожить... но... для этого нужно: первое — средства, второе — за- быть принципы...

Любочка. Не говорите глупые слова! (*Подносит ему руку к губам и жмет его за лицо.*) Это все пустяки!

Венеровский. Миленькая... (*Хочет обнять.*)

Любочка. Не говорите: миленькая, это так нехорошо, противно... такое слово глупое.

Венеровский. Отчего же вам неприятно? ну — прелестенькая...

Любочка. Не умею растолковать... не хорошо, неловко. Миленькая!.. Гадко отчего-то. Вы не умеете ласкать. (*Улыбается.*) Ну, да я вас выучу. Неловко как-то, я не умею сказать.

Венеровский. О, как обворожительна! Вот эстетическое наслаждение!.. Что я вру... вот глупо... ну да... Так я вам нравлюсь, Любенька?

Любочка. Да. Только отчего вы ходите, точно у вас ноги больные?

Венеровский. Что я глупости говорю! (*Встает.*) Нет, Любовь Ивановна, надо на жизнь смотреть серьезнее. Пройдемтесь по саду...

Любочка. Пойдемте.

Уходят и встречаются с Беклешовым.

Беклешов (*тихо Венеровскому*). Ну, брат, готово. Девуцу Дудкину так натравил на студента, что не растащишь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Входят Марья Васильевна и Иван Михайлович.

Иван Михайлович (*Беклешову*). Я рад, что Анатолий Дмитриевич вам поручил переговорить о денежных делах. Я передам вам, а вы передайте ему. Я очень понимаю Анатолия Дмитриевича. Он так высоко благороден, так деликатен, что...

Беклешов. Без сомнения. Я вам скажу, я практический человек, но понимаю в этом отношении отвра-

щение Венеровского от этого разговора. Ведь всегда найдутся добрые люди, перетолковывающие все наизуворот...

Иван Михайлович. Ну да, ну да. Мы сейчас можем этим заняться. А то придут гости. Вот извольте видеть... Любино состояние — состояние матери...

Марья Васильевна. Надеюсь, Jean, что ты ничего не решил без меня. J'espère, Jean, que vous ne déciderez rien sans moi. Я мать, и состояние мое.

Иван Михайлович (*удивленно*). Что ты? Что ты, Марья Васильевна? (*Тихо*.) Что ты, нездорова? Ведь мы уж, кажется, переговорили с тобой.

Марья Васильевна (*вдруг сердито*). Кажется, я мать, и прежде, чем решать дела с посторонними, нужно, чтоб они со мной говорили. И так говорят, что меня никто в грош не ставит. Почитают меньше чулка. Состояние мое, и я ничего не дам, пока не захочу. Захочу, так дам. Кажется, прежде меня надо спросить. И приличия того требуют. Хоть у них спроси. Rien que les convenances l'exigent, — demandez à monsieur.

Иван Михайлович. Вот не ожидал! Да что с тобой? Опомнись, приди в себя. Подумай, что ты говоришь при чужих людях.

Марья Васильевна. Ты не знаешь, может быть, что говоришь, а я очень знаю. Все говорят, что жених человек неизвестный.

Иван Михайлович. Неизвестный человек! Пожалуйста, не говори глупостей!

Беклешов. Все это довольно странно, ежели не сказать больше.

Марья Васильевна. Нет, довольно я терпела. Все говорят, что я последнее лицо в доме. Я всю свадьбу расстрою!

Иван Михайлович. Да что ты? Отчего? Что тебе надо?

Марья Васильевна. А то, что я его не знаю. Я ничего дурного не говорю. Je n'ai pas de dent contre lui¹, а только не хочу до свадьбы ничего давать из со-

¹ Я ничего не имею против него (*франц.*).

стояния. Волоколамское мое. После свадьбы, ежели он будет почтительный зять, я посмотрю и дам, а то всякий писатель будет..

Иван Михайлович (*строго берет ее за руку*). Будет. Пойдем, там переговорим.

Марья Васильевна (*робея*). Я ничего, Jean, некуда мне идти, laissez moi en repos, au nom du ciel. Оставь меня, ради бога. Я больше ничего не буду говорить.

Иван Михайлович (*Беклешову*). Ну, вот видите, это странный каприз, но вы понимаете, что это не имеет никакого значения. И я бы вас просил умолчать об этом перед Анатолием Дмитриевичем.

Беклешов (*глубокомысленно*). Я очень хорошо понимаю, боюсь, что слишком хорошо понимаю.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Входят гость и гостья, вслед за ними Любочка и Венеровский.

Гость. Мы только узнали. Вот неожиданно-то, душевно поздравляю.

Гостья. Вот радость-то вам, Марья Васильевна. Иван Михайлович. Очень, очень благодарен.

Марья Васильевна. Да, так неожиданно. Вот и жених с невестой, рекомендую.

Венеровский (*мрачно смотрит на гостей и оставливается*). Да, Любовь Ивановна, надо очень любить то дело, за которое взялся, надо сильно желать вырвать вас из этого омута и спасти, для того чтобы подчиниться всей этой отвратительной и возмутительной пошлости. Посмотрите, что это? И с этими людьми надо входить в отношения!

Любочка. Ну, что вам стоит!

Иван Михайлович. Вот он. (*К Венеровскому*.) Это дядя жены, это мой двоюродный, прошу познакомиться.

Гость. Позвольте рекомендоваться, как будущему родному, душевно поздравляю. (*Протягивает руку*.)

Гостья. Очень, очень рада познакомиться, так много о вас слышала. Люба, поздравляю!

Венеровский кланяется, кладет руки за спину, отворачивается и отходит к Беклешову.

Гость. Однако невежа!

Гостья. Какое странное обращение с родными!

Венеровский (Беклешову). Тоже лезут с рукопожатиями! Их надо осаживать... Они это очень понимают. (Говорят тихо.)

Иван Михайлович. Милости просим в гостиную, да и обедать пора; вот благословим жениха с невестой.

Гость. Ну что, нашли управляющего, Иван Михайлович?

Иван Михайлович. И не говорите, так му-чаюсь...

Любочка, Марья Васильевна, Иван Михайлович и гости уходят в дом.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Беклешов и Венеровский.

Беклешов. С девицей Дудкиной уладилось дело великолепно, — немного подкадил ей и студенту, открылся за него в любви и сцепил так, что не растащишь. Эту затравил. А насчет денежных отношений скверно дело совсем. Родительница хочет тебя держать на уздечке и высматривать почтительность зятка. Манера известная! Ну, да и родитель хорош, могу сказать...

Венеровский. Родитель подличает. За одно это и можно прощать ему многое.

Беклешов. Хорошо бы, коли бы абсолютно подличал, а на мой практический взгляд, вся эта сцена опять подыграна, и родительница только напоказ дура. Это тот партнер, которого никто не видит и который жесток и во всем мешает доброму партнеру. Ну, да мы и не таких травили.

Венеровский. Однако неприятно, сейчас должно проделать дурацкие церемонии, тогда как дело так неопределительно.

Беклешов. Что ж, разве эти церемонии к чему-

нибудь обязывают? Идеалист, я говорю! Ты все думаешь, как бы тебе не поступить дурно. Выкинь, братец, из головы; для них нет ни честного, ни бесчестного. Иначе всегда будешь в дураках с этим народом. Смотри на вещи просто. Ежели бы тебе нужно было спасти друга из вертепа разбойников, разве ты бы стал бояться обмануть разбойников? Ну, то же отношение для них. Дело все в самом факте бракосочетания, и ежели не раньше, то в сей достопамятный день старец сей будет затравлен твоим покорнейшим слугою. И тебе заботиться не о чем. Все будет произведено в лучшем виде. Вот тебе мое слово. Ну, пойдем же.

Уходят в дом.

⟨ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Любочка.

Любочка (*выходит*). Пойдемте ж, Анатолий Дмитриевич, нас благословлять будут. (*Весело.*) Что вы тут стоите? Я тоже смотрю, что это пустяки, да нельзя же.

Венеровский. Мне самому на себя смешно и гадко будет, да, хе-хе! Любовь Ивановна, противна мне эта комедия. Вы знаете мои убеждения.

Любочка. Ну, ну, не рассуждать!

Уходят в дом Беклешов, Венеровский и Любовь Ивановна.

Теперь мой месяц (*в двери к студенту и Петруше.*) Петя, иди, скорее, мамаша велела. Очень нужно.⟩

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, выходят студент и Петруша, жуя. За ними Катерина Матвеевна.

Петруша. Ну, зачем?

Любочка. Иди, пожалуйста, узнаешь. (*К Венеровскому.*) Ну, ну, Анатолий Дмитриевич, не рассуждать. Идите.

Все уходит в дом. Входят студент и Катерина Матвеевна. К окну бегут дворовые,

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Студент и Катерина Матвеевна.

Студент. Что это [за] суетня? Или скандалец какой совершается?

Катерина Матвеевна. Проповедник свободы женщин женится на девчонке, да, на ничтожной и неразвитой девчонке. Вот вам слабость основ-то сказалась.

Студент. Это сюрпризец, однако-с.

Катерина Матвеевна (смотрит в окно). Посмотрите, посмотрите, благословляют и на коленки становятся. Мне это слишком гадко видеть, слишком унижительно для достоинства человека.

Студент (смотрит). Синьор дрянный, я вам высказывал это мнение, а вы не разделяли.

Катерина Матвеевна. Нет, послушайте, это отвратительно, не так ли?

Студент. Да-с. Вот что значит полуразвитие! Акцизный либералишка!

Катерина Матвеевна (смотрит). Целуются, — какие животные отношения! Да, глядя на такое унижение, легко утратить веру в прогресс. Вот вам урок, Алексей Павлович. Но я выше этого! Да, Алексей Павлович, вы еще одна честная и чистая личность из всего этого сброда. Я уважаю вас.

Студент. Да, кабы побольше таких женщин, как вы! Однако учинили-таки торжество почтенное-с!

Занавес опускается

Конец второй сцены второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Михайлович.	Николаев, родственник Прибышевых, предводитель дворянства.
Марья Васильевна.	
Люба.	
Петруша.	Шафер.
Няня.	1-я, 2-я и 3-я барышни.
Катерина Матвеевна.	Горничная.
Гвердынский.	Лакей.

Квартира Прибышева в губернском городе. Накрывают парадный ужин.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иван Михайлович, Марья Васильевна, няня и толстый помещик — предводитель, с усами, родственник Николаев.

Иван Михайлович. Что, одевается невеста? То-то. Пора, пора. Седьмой час.

Николаев. Нет, брат Иван, коли бы я тебя не любил с детства, я бы ни за что не согласился быть на

этой свадьбе. Только для тебя. Не люблю я этого барина. И что за манера? Два раза ждали, ждали — носу не показал. Что это? Жених — и не приехал с родными невесты познакомиться! Что он, пренебрегает нами, что ль?

Иван Михайлович. Ах, какой ты! Ну, да как же ты хочешь? Ведь у него родных нет, некому научить, да и опять хлопоты... Ведь не шутка — всем обзавестись надо, все устроить, — не успел как-нибудь. Ты ведь всегда обижаешься. Ты хороший человек, но ты мнителен.

Николаев. Нет, брат, не извиняй... Добро бы раз, а то вчера обедать ждали, ждали до шести часов... Так говорил бы, что я, мол, такой важный барин, что с вами знакомиться не хочу, так бы и знали, сели бы за стол в четыре; по крайней мере не ели бы подогретое... Нет, я, брат, ждать никого не люблю.

Иван Михайлович. Ну, вот ты все так объясняешь. Ничего он доказывать не хотел... Он замечательный человек: умный, образованный... Вот ты его узнаешь — другое заговоришь. И я так-то говорил, пока его не знал. Просто, там задержало что-нибудь... Ну, да и надо принять, братец, в соображение, что теперь другой век, не так как в наше время... Другие условия, обряды многие уж устарели.

Николаев. Вот попомни ты мое слово, что будет у вас нынче же какая-нибудь неприятность... Ну, что ты толкуешь! А нынче к блинам? То же самое: ждали до трех — не приехал же; опять кислые блины ели. Попомни мое слово. Уж я думаю, брат (*отводит в сторону*), ты насчет приданого что-нибудь не обидел ли его? Ты скажи мне всю правду. Дал ты что? или нет еще?

Иван Михайлович. Да что, братец, я тебе по правде скажу, он ничего у меня не просил. Сначала я ему начал было — он отказался. Другой раз — то же: мне, говорит, ничего не нужно... Ну, а потом моя старуха заломалась... Я и решил подождать. Думаю: он знает, что у меня дочь одна, я ей назначил Волоколамское именье; посмотрю, каков будет к ней; так и дам,

в день ли свадьбы, или завтра. Насчет приданого — уж это все отлично, могу сказать.

Николаев. Это, брат, что — тряпки! Нынешние-то молодчики на деньги еще хуже нас падки, особенно чистоганчик любят. Это нехорошо. Посмотри ж, что он отмочит какую-нибудь штуку!

Иван Михайлович. Ну, вот пустяки! Нет, брат, а какой я вас мадерой двадцатилетней угошу, так мое почтение!

Николаев. Да постой, ты расскажи, как будет обряд. Все по порядку? Ну, вот мы повезем невесту к венцу — потом что?

Иван Михайлович. Потом, поедете вы к нему. Отец с матерью, как водится, не поедут. У него, должно быть, чай будет... так, знаешь, конфекты там, фрукты для барышень, ну, бульончик в чашечках, рыба, что-нибудь на холостую ногу... Разумеется, шампанского там выпьете... Потом ко мне ужинать и провожать (от меня уедут). Поужинаем, выпьем за здоровье молодых (Уж какая мадера! венгерское! еще отец из кампании привез — сорок пять лет!)... Подвезут карету... уложат приданое... благословим, и поедут с богом за границу.

Николаев. Вот дурацкая выдумка, а еще английская! То англичане умно выдумывают, а это — совсем глупо. Ну, как после венца уезжать! Ну, добро, у вас все-таки богато: и карета, и девушка, и все, а каково небогатым? в повозочке-то, да без девки? Да и то: нет, дать опомниться молодой, а тут ей ты: пошел! трясись! — глупо!

Иван Михайлович. Что делать, брат! По-новому... А во многом тоже хорошо.

Входит лакей с плетушкой серебра и посудой.

Что? Это я посылал к жениху с посудой, с серебром... У холостого, знаешь, может быть, нет чего... (К лакею.) Ну, что?

Лакей. Сказали, ничего не надо.

Иван Михайлович. Кто сказал?

Лакей. Сами вышли и говорят: не надо, неси назад.

Иван Михайлович. Ну, вот видишь — у него все есть. Всем ведь надо запастись. Как тут не хлопотаться молодому человеку?

Проходит девушка.

Ну что, скоро ли невеста?

Девушка. Головку убирают. (Проходит.)

Лакей (входит с запиской). От жениха к барышне.

Иван Михайлович. Что такое? Косынка плюсовая. (Читает.) «Милейшая, прелестнейшая! Чтобы вы не простудили свое драгоценное горлышко, посылаю вам косыночку и прошу надеть ее». Что-то странно.

Николаев. Ну, что он, подарил что-нибудь? Ну, там, брильянты, шаль, знаешь, как водится?..

Иван Михайлович. Ну, кто теперь дарит! Да и что дарить? Дорог не подарок — дорога любовь. Подарил ножницы, кажется...

Николаев. Ну, вот наплюй ты мне в рожу, коли не выйдет какая-нибудь гадость. Какая же тут мода? Ведь не каждый день женятся? Тебе не весело, так девочку повесели... Ведь ей это какая радость! А то — в двугривенный ножницы прислал... Что такое? ничего смысла нету... Пойти к дамам... Да вот и шафер.

Входит шафер.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и шафер.

Иван Михайлович. Ну, что жених? скоро? Мы готовы. Любочка, ты скоро?

Голос Любочки: Сейчас!

Шафер. Он в сюртуке...

Иван Михайлович. Как? это что такое? Надо сказать, что Любочка в белом свадебном. Поезжайте скорее, скажите!..

Николаев. Я говорил: будет скандал...

Шафер уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят Марья Васильевна, няня, Любочка и барышни, <Петя>.

Любочка. Что? я хороша, папа?

1-я барышня. Как тебе идет fleur d'orange! Ты мне дай, пожалуйста, от гирлянды...

Любочка. Всем дам.

2-я барышня. Что ж, косынку женихову наденешь?

3-я барышня. Как же можно! цветное к свадебному!

1-я барышня. Да что ж, коли он сам в сюртуке?

2-я барышня. Не может быть!

Любочка. Я попробую. Он просил — надо надеть. (Вертится перед зеркалом.) Нет, нельзя! Ну, я в карман положу.

Шафер. Поедьте... Благословляйте...

Николаев (благословляет и целует в лоб). Ну, дай бог!.. Как хороша!

Любочка целуется со всеми; женщины плачут,

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Студент и Катерина Матвеевна входят и молча стоят.

Марья Васильевна. Только чтоб он не опоздал к обеду.

Иван Михайлович. Ну, дай бог тебе!.. Полно, няня, глупо...

Няня (плачет). Не видать мне тебя больше, мою кралечку!

Любочка (своему шаферу). Вы, пожалуйста, на голову не кладите. Петруша, а ты ему надень.

Марья Васильевна. Смотри, первая ступи на ковер. Свечи взяли ли? Няня, на вот деньги, под ноги брось...

Няня. Уж все сделаю!..

Николаев. По всему вижу, что скандал будет..

Иван Михайлович. Ну, слава богу... Теперь надо приготовить все... Ведь не прощаемся еще?..

Все по одному вышли, кроме студента и Катерины Матвеевны.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Катерина Матвеевна и студент.

Катерина Матвеевна. Да. Много еще есть субъектов, в сознании которых новые воззрения еще, так сказать, только намечены, а не проникли еще в плоть и кровь. Да, я жестоко ошиблась в этом господине.

Студент. А вы не верьте лжи — и не будете ввержены в обман, как говорил у нас профессор психологии. Дрянь натурка, вот в чем сила-с.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте! Но как вы объясняете себе это явление? Всякому мыслящему человеку должно быть известно, что влечение к миловидности есть только низшее проявление человеческой природы. Как может такая личность, как этот господин, не видеть всю гнусность этого увлечения, всю высоту своего падения! Как не понимать, что, раз вступив в эту среду и подчинившись всем этим суеверным и мертвящим условиям, возврата нет. А он понимает свободу женщины. Я имею данные...

Студент. По задаткам природы — ничтожный синьор, вот и все. Я, как взглянул на эту личность, убедился, что в нем все фальшь. Как хотите — индивидуум, служащий по акцизному правлению, имеющий и лошадку, и квартиру, и две тысячи жалованья, — уж никак не новый человек. А новый синьор, вот и все. Как же! Он при мне раз сказал, что студенты — ребята!.. Вот понятие этих господ!.. Дрянь-с, почтеннейшая, дрянь вся эта компания честная. Нет-с, наскучило мне все это. Надо в Москву ехать.

Катерина Матвеевна. Да, вы глубже проникли своим непосредственным чувством в его натуру. Я вспоминаю теперь, он мне сказал, что рефлексия вредна! Ничтожный господин... И как унижить себя до пошлейшего брака со всеми атрибутами ничтожества! И с кем же! с ничтожнейшею личностью...

Студент. Ну-с, девица-то была не вредная. Она бы могла развиться еще. В ней были заложения... Да среда ее подрезала. Поеду в Москву — скучно... Послушаю лекции, буду работать.

Катерина Матвеевна. Позвольте. Ведь в Москве слушать некого. Все неразвитой народ профессора. Я бы сама поехала в Москву или Петербург позаняться физиологией... Да, я разделяю это убеждение. Кого слушать? В Петербурге нет никого.

Студент. Ну, все — товарищи хоть живые личности, не такие затхлые субъекты, как здесь.

Катерина Матвеевна. Да, вы счастливее... А нам, женщинам, как устроить свою жизнь? Я сама думала ехать в университет, но ежели бы знать положительно те новые условия, в которые встанешь? а то трудно нам, людям передовым, найти путь в жизни, на котором бы не давили нас ретроградство, застой и закоснелость. Здесь я не могу более оставаться. Я чувствую, что все те честные и либеральные заложения моей натуры, которые составляют мою силу, гложут здесь, и я — страшно сказать! — я скоро стану не похожа, а близка всем этим принципам... Что делать! Алексей Павлович! Вы широкая, свежая и неиспорченная натура, вы яснее видите. Спасите меня! Спасите погибающую свободную — может быть, единственную вполне свободную женщину. Да, я чувствую, что гибну, гаснет этот свет свободы от суеверия, с которым я жила. Этот человек нанес мне страшный удар! Он поколебал во мне веру в прогресс. Спасите меня, Алексей Павлович, вы чистый человек, вполне человек!..

Студент (*тронутый*). Какая вы честная личность!..

Катерина Матвеевна. Нет, позвольте! Я гибну, и они все будут торжествовать! Они все скажут: вот она хотела быть свободной, — и она такая же, как

мы все. Им радость будет... Научите меня, что делать?.. Я глубоко уважаю вас одних из всей толпы, окружающей меня!..

Студент (*жмет ей руку*). Я могу сказать, что не знал вас до сей минуты. Мне казалось — я буду откровенен вполне, — что вы не до конца проникнуты нашими убеждениями. Я теперь только вполне вижу всю высоту и искренность ваших воззрений.

Катерина Матвеевна (*жмет руку до боли*). Да, я много передумала и пережила. Для меня нет возврата, я ненавижу отсталость, я вся принадлежу новым идеям. Нет ничего, что бы могло остановить меня, и я уважаю вас, глубоко уважаю. Научите меня, куда бежать, где мне будет легче дышать. Здесь душит меня все окружающее. Я послушаю одного вашего совета. Я жду.

Студент (*задумывается*). Да, я знаю кружок людей, в котором бы вы могли занять то место в жизни, к которому вы призваны. Да. Но я боюсь, что все-таки вы увлекаетесь, что вы побоитесь...

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, чем вы это докажете?

Студент. Вот видите ли. Для меня самого жизнь в Москве наскучила: бедность, отсутствие труда, постоянно вознаграждаемого... По аудиториям шляться прискучило, слушать болтовню профессоров (все пустые башки)... Упитанных барчонков учить — еще глупее. У меня в виду была другая жизнь. В Петербурге, извольте ли видеть, есть кружок людей, которые затеяли некоторое хорошее дело. Они устроили коммуну. Вот к этим людям и я хотел присоединиться...

Катерина Матвеевна (*хватая его за руку*). Алексей Павлович, высказывайтесь! Я чувствую, что эта коммуна составлена именно из тех личностей, которых я ищу... Алексей Павлович, я дрожу от волнения... Спасите меня!

Студент. Вот извольте видеть: живут в Петербурге эти господа. Один из них мне приятель. Он из семинарии (как всем известно, что в наше время быть из семинарии почти чин, так как лучшие головы и

таланты все из семинарии). Он известен даже в литературном мире своей критикой на повесть «Чижи». Вы читали, может быть? Замечательная статья: «Чижа не уничтожай». Он тут проводит мысль о прогрессе идей в наших семинариях.

Катерина Матвеевна. Замечательная. Я читала. Великолепная, великолепная статья.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Петруша входит и слушает незамеченный.

Студент. Ну-с, вот этот господин пишет мне, что они в Петербурге устроили коммуны. Их трое было сначала: один медик, один «так» и студент. Весьма важное предприятие. Дело в том, что они соединились для общей жизни. Квартира, стол, доходы и расходы — у них все общее. Они занимают порядочную квартиру, две женщины живут вместе с ними. Каждый работает по своему выбору, у каждого своя комната и потом общая комната. Женщины, живущие с ними, не связаны никакими обязательствами. Они свободны, работают... кто хозяйством мужчин... кто литературными трудами... Супружества не существует, а совершенно свободные отношения. Началось с малого, а теперь у них уже, мне говорили, до восемнадцати членов коммуны и все прибавляется. Вы понимаете, какое это должно иметь громадное значение. Кроме того, товарищ писал мне, что были маленькие неудовольствия, которые, однако, были устранены, но что дух этой коммуны невообразимый. Члены ее, пишет, становятся совсем другими людьми, как только поступают в нее.

Катерина Матвеевна. И женщина свободна?

Студент. Вполне. Одна опасность угрожает от правительства, потому что понятно, какое громадное значение должно иметь такое учреждение. Так вот какое дело затеялось, и вот как я бы мог жить вместо того, чтоб обучать откормленного барчонка. Были бы только маленькие средства. Так вот-с. Про это дело я никогда никому не говорил, потому что слишком задушевное

дело. Но теперь сказал вам, потому что вижу, что у вас не увлечение, а убеждение сильное...

Катерина Матвеевна (*ударяя себе по голове, с азартом*). Это великолепно! Коммуна — это великая идея. Это удивительно! Да, я вижу зарю истинного прогресса в России. Да, Твердынский, я — ваша!

Студент. Вот как видна честная натура! Но подумайте — оно, несомненно, дело весьма хорошее, но...

Катерина Матвеевна. Я — член коммуны. Пишите вашему другу, что два члена, вы и я, вступаем в коммуны. Я же беру те деньги, которые у меня есть, еду с вами в Петербург и пишу Ивану Михайловичу, чтоб он продал мою землю и прислал деньги в коммуны. Я буду работать над своим сочинением о значении женского умственного труда. Твердынский, я один раз уже жестоко обманулась! Вы не измените нашим основаниям!

Студент. Я бы не уважал себя, если б я мог изменить; мы едем, и чем скорее, тем лучше.

Катерина Матвеевна. Прощайте, я иду писать письмо Ивану Михайловичу. Я не хочу его видеть, я письменно выражу ему все.

Студент. Есть еще одно скверное обстоятельство, я взял тридцать рублей денег вперед.

Катерина Матвеевна. У меня нет тридцати рублей, но я напишу, что предоставляю ему вычестить их из продажи моих земель.

Студент. Без сомнения, дело, которое мы затеваем, так важно, что эти соображения могут быть отстранены. Наша цель оправдывает средства.

Петруша (*появляясь*). Позвольте вам сказать: я не упитанный барчонок, а человек, постигающий свое призвание так же, как и вы. Вы очень напрасно так думаете.

Студент. Я говорил вообще, не относя ничего к вам.

Петруша. И неблагородно, даже скверно! А я пришел сказать вам, что я сам не хочу оставаться в этом доме. Я вдумался в свое положение и убедился, что

семья есть главная преграда для развития индивидуальности; отец посылает меня опять в гимназию, а я убедился, что стал выше всех преподавателей по своему развитию. Я сейчас читал Бокля. Он это самое говорит. Я поеду в Москву.

Студент. Вы учините скандал, больше ничего. Вас не пустят.

Петруша. Я не ребенок уже. Я говорил с отцом. Он требует, чтоб я оставался в гимназии, а я не хочу и поеду один в Москву.

Студент. Петр Иванович, вы произведете только великую путаницу и более никакого... вас нельзя взять.

Петруша. Я слышал ваш разговор. Я хочу ехать с вами в коммуну и буду заниматься естественными науками. Мне невыносим гнет отцовской власти.

Студент. Вы несознательно говорите. Еще вы слишком молоды.

Катерина Матвеевна. Твердынский, вы забываете свое призвание. Мы не имеем права подавлять молодое чувство, просящее свободы и размаха. Петр Прибышев, я предложу вас в члены коммуны.

Петруша. Катерина, я уважаю тебя. Когда вы едете? Нынче? Так я соберу свои вещи. Я заеду только к Венеровскому: я желаю видеть всю эту гнусную церемонию, чтоб сильнее негодовать.

Студент (*Катерине Матвеевне тихо*). Напрасно вы присовокупили его. Он мальчишка.

Катерина Матвеевна. Твердынский, все люди равны, все люди свободны. Пойдемте, надо собираться и писать письма. Петр Иванович, изложи отцу свои убеждения.

Петруша. Я уже обдумываю содержание... Семья преграда... (*Уходят.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Венеровский.	Родственник	Ве-
Любовь Ивановна.	неровского.	
Беклешов.	Шафер.	
Петруша.	Гимназист.	
Николаевы, муж и	1-ый, 2-ой, 3-й и	
жена.	4-ый гости.	

Плохая холостая квартира жениха. Никаких приготовлений.
Раскиданы бумаги. Чемоданы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Беклешов, родственник жениха — чиновник с крестом, старичок, и лакей укладываются.

Родственник. Как же это так, Сергей Петрович? Так и уедут без ничего? Это что-то не по порядку.

Беклешов. Так и уедут-с. Так надобно. Вот приедут сейчас из церкви, наденут шинель, да и поедут. А я вам говорил, что Анатолий Дмитриевич вовсе не рад будет вам, вот и увидите. Ведь ежели бы церемонная свадьба была, ну тогда так, а то как можно тише все хотят сделать.

Родственник. Да что ж, ведь я, пожалуй, уйду. Да соображаю, что я уронить племянника не могу, хоть бы в глазах невестинной родни. Ну, ежели бы братец его Никита — безобразный человек, или бы хоть и мой сватушка; ну, а я все-таки коллежский советник и все ж известен. Я его не уроню.

Беклешов. Да не в том дело, батюшка. Не купеческая это свадьба, и уж на то так придумано, что изпод венца в экипаж, и едут за границу. (К лакею.) Что, заложены, что ль? Да смотри ключ в передок положи. А сало? Вот не подумай за них! Да вот чемодан бери.

(К родственнику.) Ах, вы! только мешаетесь тут!.. и к чему белый галстук надели, крест!.. все это смешно. Видите: я в сюртуке, и жених в сюртуке.

Родственник. Уйду, уйду. Скажите только, — что ж, много ли взял Толя-то?

Беклешов. Какой Толя тут?! Человеку тридцать пять лет. Ничего не взял. Обманули его.

Родственник. Нет, вы шутите, может? Ведь у вас родство не считается, а мы, старые люди, все думали... Вы мне правду скажите... Как же так, ничего? ведь Иван Михайлыч не бедный человек.

Беклешов (останавливается против него, в сторону). Пускай разболтает по городу. (Громко.) А вот как обманули. Посватался он два месяца, ему стали говорить про приданое, он поделikatничал, сказал, что ничего не надо... Уж эти идеалисты!

Родственник. Глупость-то какая!

Беклешов. Ну-с, вот мы и ждали с часу на час, давали чувствовать. Ничего. Он совестится; говорит: я свою репутацию потеряю, она мне дороже приданого... Я хотел объяснить прямо, он говорит: погоди, погоди, — а этот дурак, должно быть, и в самом деле подумал, что в новом веке денег не нужно, — ничего и не дал до сих пор. Вот и доделikatничались!.. Иван Михайлович, хорошо!.. Ну, да погоди ж только...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входят молодые и гости. Поздравления. Невеста садится. Венеровский отходит.

Венеровский. Ну что, готово все? (К родственнику.) И чего вы пристаёте с своими поздравленьями, ей-богу! Ведь вас не просили.

Родственник. Что ж, Толя, я от души. (Тихо.) Вот только слышал, что не совсем благополучно насчет приданого.

Венеровский. Что вы слышали? Какой вздор? Я и брал без приданого. (Отходит.) Черт их возьми, еще эта дурацкая компания...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит Петруша.

Петруша. Анатолий Дмитриевич, вы мне брат, но я считаю вас просто человеком...

Венеровский. Сделайте милость, оставьте эти глупости. Что вам?

Петруша. Отец сказал, чтоб вы ехали скорее ужинать; он благословить вас хочет перед отъездом... Надеюсь, вы не поедете? Все это глупо. Я не разделяю. Я сам оставляю дом отца.

Венеровский. Хорошо. (Отходит с Беклешовым к стороне.)

Беклешов. Ну что, брат? Я говорил. Вот вы, идеалисты, нашего брата, практика, не слушаете. Ну что? Жена есть, а денег нет.

Венеровский. Свиньи!

Беклешов. Еще партия не проиграна. Я поеду объяснюсь. Можешь выбирать теперь два пути: или ехать к нему и увиваться, ластиться, ждать,— или ехать и прижать ее. Вот выбирай.

Венеровский. Ты, ей-богу, принимаешь меня бог знает за кого. Ни того, ни другого. Я поеду, скорей только. Что, ты все устроил?

Беклешов. Все. Веревки, сало... обо всем мы подумали... Что ж в тарантасе и поедешь? А ты хотел карету...

Венеровский. Где мне карету! мы бедные люди; кого же нам удивлять, только бы «бедно, да честно».

[1-ый гость] (в толпе). Что это молодой-то как не в духе?

2-ой гость. Однако что ж это? Надо поздравить.

3-ий гость. Да, поди-ка — сунься, как оборвет...

4-ый гость. Я пойду, спрошу у него шампанского.

Венеровский закуривает папироску и ходит.

Николаев. Хорошо, очень хорошо! (Подходит к невесте, берет за голову.) Ну, еще раз поздравляю

тебя. Поеду к твоему отцу... Вы приезжайте... (*В сторону.*) Вот жалкая бабочка!..

Любочка. Погодите! Толя, что ж мы поедem к папаше?

Венеровский. Пожалуйста, не называйте меня Толей — это глупо как-то.

Любочка. Что ты не в духе как будто? И мне что-то скучно... Я совсем не того ожидала.

Венеровский (*притворно улыбаясь*). Нет, ничего. (*Садится к ней.*) Только хлопот много: собраться надо сейчас, а эти глупые гости... чего им надо?

Любочка. Ну, как ты хочешь, Anatole? Ведь все родные, друзья только самые близкие, и то мы столько обидели! Так что ж, поедem к папа? А оттуда уж прямо... Как подумаю, через двенадцать дней уж за границей... Как славно!

Венеровский. Мне невозможно ехать, и мы не поедem к ним. Я вас прошу не огорчаться. Что нам там делать? Все эти церемонии меня замучили. Как я мог еще перенести все это? Тоска!

Любочка. А я!

Венеровский. Ну, еще бы!

Шафер (*подходит*). Анатолий Дмитриевич, гости желают поздравить.

Венеровский. Пускай поздравляют, мне что?

Шафер. Да ведь шампанского надо.

Венеровский. Беклешов, дай им вина, — есть? Да, вот оно. (*Берет бутылку, ставит на стол.*) Пейте, кто хочет. Люба, переодевайтесь, нам пора.

Любочка. Ну хорошо. Где же? Дуняши моей тут нет.

Венеровский. Зачем вам? я вам помогу, а то — кухарка тут есть. Пожалуйста, поскорее!

Любочка уходит.

Шафер. За здоровье молодых!

Венеровский. Пейте за чье хотите, только поскорее.

Гимназист (*пьет*). За здоровье свободы женщины!..

Венеровский. Пора ехать!

Гимназист. Еще за здоровье науки и свободы!
Где же молодая?

Гости разъезжаются понемногу.

Прощайте, господа, я еду! За здоровье молодых!

Венеровский надевает пальто и шляпу.

Любочка (*выходит*). Прощайте господа! Кланяйтесь папаше. Прощайте!

Петруша. Мы увидимся... Я хочу свободы. Вот удивятся-то!

Николаев. Я говорил, будет вздор! Свинья! думает, что новое... Свинья!

Гимназист. Я выпью на дорогу. Сколько мыслей.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Михайлович.	Шафер.
Марья Васильевна.	Гости обоего пола, лакеи,
Николаевы.	музыканты.
Мировой посредник.	

Комната в доме Прибышева первой сцены. Гости сидят группами. Марья Васильевна наряженная, Иван Михайлович ходит с посредником.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Васильевна. Что это как долго? (Смотрит на часы.) Пора бы!

Гость. Верно, задержались. Выпьем за их здоровье! (Пьет.) Ваше дело как?

Посредник. Так вы, Иван Михайлович, решаетесь насчет выкупа, значит, окончательно?

Иван Михайлович. Совсем отдаю Грецовскую пустошь даром и от дополнительного платежа отказываюсь. Ну-с, я думаю, согласятся.

Посредник. Как не согласиться, Иван Михайлович. Это моя бы вина была, если бы они отказались.

Это ведь не только в участке, а, я думаю, в губернии у нас примера нет такой щедрости...

Подходит гость.

Гость. Вы и в такой день все об делах?

Посредник. Нельзя-с. Об чем ни заговори, а сойдет на временнообязанных. Вот-с вам пример, как дела делают. Иван Михайлович даром отдает мужикам семнадцать десятин и прощает платеж.

Гость. Да-с!

Иван Михайлович. Что ж делать? надо кончать!..

Посредник. Вот время-то что делает! Как вспомнишь, что вы сначала-то говорили, Иван Михайлович! Мы было с вами поссорились тогда, помните? из-за этой старухи, что жаловаться-то приходила...

Иван Михайлович. Нельзя. Внове было, ну и погорячишься. Однако что же это они не едут? одиннадцатый час.

Посредник. И как мужики вас хвалят! Так и колют глаза другим помещикам Прибышевским барином.

Иван Михайлович. Да, это награда по крайней мере.

Посредник. И, поверьте, выгоднее вам будет, Иван Михайлович.

Иван Михайлович. Ну, выгоднее-то — не выгоднее, а все надо идти за веком.

Марья Васильевна. Он все говорит, что выгоднее. Говорил, что от грамоты лучше стало, а сам потом сердится, что мужики не работают. Что же вы скажете: лучше стало от грамоты?

Иван Михайлович. Разумеется, лучше. (Подходит к дамам.) Об чем это вы говорите?

Марья Васильевна. Да вот вспоминали, как кто замуж выходил. Я рассказывала, как я тебя боялась, помнишь? Как ты брильянтовое кольцо привез. Я брать не хотела. И потом на бале: он со мной мазурку танцевал, и я все не знала, кого мне выбирать... Как молодо-гупо было! А весело... Матушка любила это

пышно делать. У нас вся Москва на свадьбе была... Весь вход красным сукном был устлан и цветы в два ряда.

2-ая гостья. Да, совсем не то было в старину.

Марья Васильевна. Что вот у нас? — меццанская свадьба. Разве так отдавали бы одну дочь!

Посредник. Нет, что ж, у вас очень — не то, чтоб парадно, а *comme il faut*¹. Ведь уж так делается нынче: от венца, да в карету. Я нахожу, что очень хорошо.

Марья Васильевна. Однако долго нет.

Иван Михайлович. И я думаю, пора бы. Ну-с, господа! прошу пить моего вина. Уж отвечаю, что такого не пили.

Марья Васильевна. Жеап, ты мне растолкуй, как же их встретить? Где и кто будет? Я ведь забыла уже все.

2-ая гостья. Как приедут, Марья Васильевна, посаженный отец и мать должны ввести, а тут их встречают с хлебом-солью. Сначала вы...

1-ый гость. Нет! по порядку: шафер объявляет, а тут входят посаженные, и потом уж отец и мать...

Иван Михайлович. Сколько этих обрядов!

Посредник. А я люблю эту старину. Так хорошо, по-русски.

Марья Васильевна. Ты, Жеап, их уж, пожалуйста, долго не держи за столом. Мне бы с Любой хоть поговорить еще наедине.

1-ая гостья. И радость-то, и хлопоты, и все это вместе... Да-с, памятное время...

Иван Михайлович. Стойте! кто-то подъехал. Уж не они ли? Ну, вставай, Марья Васильевна, бери хлеб-соль. Вот эту.

2-ая гост[ья]. Золотых положите в солонку — богато жить.

Марья Васильевна. Иван Михайлович, дай мне золотых.

Иван Михайлович. Сейчас! Я положил уже.

Из дверей высовываются горничные и няня; музыканты выстраиваются.

¹ как следует (франц.).

Смотрите: туш, как войдут (*лакеям*), а ты с шампанским, да чтоб подавать сейчас же рыбу и... идут! (*Берет хлеб, оправляется и выходит на середину.*)

1-ая гостья. Однако какая это торжественная минута!

2-ая гостья. Для отца-то, для матери каково!

Иван Михайлович (*целует, прослезившись, Марью Васильевну*). Ну, милая, поздравляю. Дожили-таки мы с тобой до радости.

Марья Васильевна. Ах, Жан, как мне и страшно, и радость, и я сама не знаю... ты мне скажи когда, а то я спутаюсь... Идут!.. Здесь мне стоять?

Слышны шаги, родители становятся в позу, родные тут же.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Николаев.

Иван Михайлович. Что ж вы не с посаженной? (*Дает знак музыкантам.*)

Николаев (*растрепанный*). Шш... болваны (*на музыкантов*). Нет, такого свинства я в жизнь свою не видал! (*Бросает шляпу оземь.*) Я тебе говорил, старому дураку! Нет, брат, я над собой смеяться никому не позволю. Я тебе не брат, не друг и знать тебя не хочу. Вот что! (*К жене.*) Софья Андреевна, поедем.

Иван Михайлович. Что он? Что с ним?

Марья Васильевна. Молодые-то где? Жан, я спутаюсь.

Николаев. Да, ступай, целуйся с ним, догоняй!..

Иван Михайлович. Да что ж это наконец? Не мучай: что с тобой? за что?..

Николаев. Уехали — вот что! Всем в рожу наплевали и уехали. (*Садится в кресло, гости окружают его.*)

Няня. Что ж это, без благословения?

1-ый гость. Не может быть!

2-ой гость. Это неслыханно.

Марья Васильевна. Ах! (*Падает в кресло, няня бросается к ней.*)

Иван Михайлович (все еще с хлебом). Николаев, этим шутить нельзя... Где она? Я тебе говорю. (К лакею.) Где молодые? У тебя спрашиваю.

Лакей. Изволили уехать.

Иван Михайлович. Что вы все взбесились, что ль? Ты сам видел?

Лакей. Как же. Мы с Федором в повозку сажали.

Иван Михайлович. В повозку? в какую повозку? Я тебя до смерти убью, каналья! (Подступает к нему, бросает хлеб, лакей бежит.)

Марья Васильевна. Жап, что ты! Ради бога...

Иван Михайлович останавливается и задумывается.

Николаев. Да, брат, это по-новому, совсем по-новому. И жалок ты мне, и смешон! Ты делай глупости, да других в дураки не ставь. Кабы ты мне не был жалок, я б тебя бросил, и слова говорить не стал.

Гости. Да что ж было? Как это без благословенья!..

Посредник. Да как же в повозке? Не может быть...

Николаев. Я видел, что будет гадость какая-нибудь. Я так и ждал. Он уверял меня. Я поверил, поехал в церковь. В церковь невежа этот приехал в сюртуке и в синих штанах... Ну, хорошо. Я хотел везти ее, как следует по обряду... Он не дослушал молебна, подхватил, посадил ее в свою карету. Ну, думаю... Я уж вовсе не хотел ехать, Софья Андревна пристала... Поедете, что ж, за что Любу обидеть... ведь он не знает обряда... Ну, думаю: поеду, и Любу жалко.

Иван Михайлович. Николаев, ты шутишь?.. Где они?.. ради бога, пожалей меня... ведь я отец...

Николаев. Что шутить, брат? и сам бы рад... в Лашневке небось, на станции.

Иван Михайлович. Ну, говори, говори..

Николаев. Думаю, для старого друга нельзя не сделать, а уж знал, что будет гадость... Да, думаю, что ж? меня какой-нибудь писака-мальчишка не может же оскорбить: поехал. Хорошо. Разлетелись мы с Софьей Андревной — никого нет, один шафер... Квартира — свиной хлев чище! — веревки на полу

валяются, и какой-то его друг, такой же невежа, как он, чуть не в халате, да его родня — протоколист какой-то... Что же вы думаете? Повернулся спиной, ушел, надел шляпу и поехали!

Иван Михайлович. В чем поехали?

Марья Васильевна. Как же без девушки? Дуняша здесь. О, боже мой!

Иван Михайлович. В чем поехали? Режь меня! на! пей мою кровь!..

Николаев. В повозке в рогожной. Я сам видел...

Иван Михайлович. Николаев!.. Смотри...

Николаев. Что мне смотреть? Тебе смотреть надо было, за кого дочь отдаешь...

Иван Михайлович. Петруша там был?..

1-ый гость. Что ж это?

2-ой гость. Должно быть, обидели его чем-нибудь?

3-ий гость. Нет. Говорят, все дали до свадьбы.

1-ый гость. Сумасшедший, верно. Поверьте, что сумасшедший.

2-ой гость. Одно удивительно: как она согласилась.

3-ий гость. В руки забрал.

1-ый гость. Это урск хороший Ивану Михайловичу.

2-ой гость. Все гордость.

Иван Михайлович. [*1 неразобр.*] Петруша там был? Эй, Сашка!

Марья Васильевна. Жан, ради бога!..

Иван Михайлович. Убирайся!..

Лакей (*входит*). Чего изволите?

Иван Михайлович. Где Петр Иванович?

Лакей. Не могу знать...

Иван Михайлович. Я тебя выучу знать! Чтоб был мне Петр Иванович сию минуту, слышишь, разбойник? (*Вдруг озлобляется.*) Я-те посмеюсь надо мной!

Лакей бежит.

2-ой лакей (*входя с письмами*). Петр Иванович уехали с Катериной Матвевной и со студентом, приказали подать прямо вам.

Иван Михайлович. Что? (Берет письма.)
Куда уехали? Когда уехали?

2-ой лакей. Не могу знать-с. Сказывали, что в Петербург.

1-ый гость. Вот удивительно-то!

2-ой гость. Да, беда одна не ходит.

Николаев. Вот тебе и новые идеи... доюродствовался.

Иван Михайлович (распечатывая письмо). Господа, мне слишком тяжело. Пожалейте меня! Я знаю, что я виноват. Скрывать нечего... Я не могу читать... Читайте хоть вы. (Пробегает письмо и передает шаферу.) Читайте... Постойте, эй! (Лакею.) Четверню серых в коляску! Да скажи Фильке-кучеру, что коли через минуту не будет подана, я у него ни одного зуба во рту не оставлю. Все выбью. Вот при народе говорю, а там суди меня бог и великий государь! Нет, прошло ваше время! Ну, читайте.

Шафер (читает письмо). «Господин Прибышев!»

Иван Михайлович. Это от кого?

Шафер. Катерины Матвеевны.

Иван Михайлович. Хорошо, и с этой дурищей разочтемся. Читайте.

Шафер (читает). «Хотя невызревшие социальные тенденции, проявлявшиеся рельефнее в последнее время в вашей личности, и давали нам чувствовать, что вы начинали колебать покой тупого самодовольства ультраконсервативной и скажу больше — ультраретроградной среды, в которой вы вращались, и давали нам надежды на резкий поворот ваших тенденций к новому учению. Но торжество мысли не есть еще торжество дела. Скажу просто: неизмеримая высота, отделяющая нас от вашей семьи, давала себя субъективно чувствовать с адскою силой. Последние события в вашей среде выкинули наружу весь устой невежества, порчи и закоснелости, таившийся в ней. Мы были насильственно сгруппированы и потому не могли слиться. Мы все стояли особняком. Я решила вернуться в Петербург, под то знамя, которое ближе моим задушевному убеждению, под знамя нового учения о женщине. Так как в сознании вашем был замечен поворот на честную

дорогу, — я предполагаю, что вам интересно знать успехи нашей деятельности на пользу общего дела, имеющего характер вполне реалистический. Некоторые передовые личности и честные характеры делают опыт свободного сожительства мужчин и женщин на новых своеобразных основах. Учреждение это получило название коммуны. Я делаюсь членом ее».

Николаев. Ну, брат, — учреждение это давно известно и называется просто... (Говорит на ухо.)

Иван Михайлович. Читайте... Много еще?

Шафер. Нет, вот сейчас. (Читает.) «Живя в коммуне среди соответствующей мне среды, я буду принимать участие в литературных органах и посильно проводить идеи века как теоретически, так и в конкрете. Я буду свободна и независима. Прощайте, Прибышев. Я ни в чем не упрекаю вас. Я знаю, что грязь среды должна была отразиться и на вас; о Марье Васильевне я не говорю; вы должны были быть тем, что вы есть. Но помните одно: есть светлые личности, не подчиняющиеся ударам века, и на них-то вы должны, ежели хотите не утратить достоинства человека, на эти личности вы должны взирать с умилением и уважением. Я буду искренна — я не уважаю вас, но не отвергаю абсолютно в вас человеческих тенденций. Я выше упреков!»

Иван Михайлович. Все? Погоди ж!

Шафер. Нет... Post Scriptum: «Прошу продать мою землю и полагаю, что не дешевле пятидесяти рублей за десятину; надеюсь на вашу честность, — и в самом скором времени прислать мне две тысячи триста рублей серебром. Из доходов же прошу прислать мне сто пятьдесят рублей с следующей почтой».

Иван Михайлович. Отлично! Забрала уж двести, а со всего имения получается сто пятьдесят. Уж проберу ж я тебя матушка! Ну, другое: от студента, верно. Читайте.

Николаев. Она бешеная! Ее на цепь надо. А ты все учение ее хвалишь.

Шафер. «Иван Михайлович! Я у вас забрал вперед тридцать два рубля. Я их не могу отдать теперь. Но ежели вы не бесчестный господин, то не будете иметь подлость обвинять меня. Я вам пришлю деньги,

как скоро собьюсь. У богатых людей всегда привычка презирать бедных. В вашем доме это производилось слишком нагло. Я еду с Катериной Матвеевной. Вы об ней думайте как хотите, а я считаю ее за высокую личность. Впрочем, мое почтение».

Иван Михайлович. Вот — коротко и ясно. Готовы ли лошади? Всю четверню задушу, а догоню и потешусь по крайней мере.

Марья Васильевна. Что ты, Иван Михайлович! Ты его пожалей! ведь бедный, один.

1-й гость. Есть чего жалеть!

Иван Михайлович. Ну-с, еще последнее... Добивайте...

Шафер (читает). «Отец! Я весьма много размышлял об философии нашего века. И все выходит, что людям нового века скверно жить оттого, что их угнетают ретрограды. Все уж согласны, что семейство препятствует развитию индивидуальности. Я уж приобрел очень большое развитие, а у вас ультраконсерваторство и маменька дура; ты сам это высказывал — значит, все это сознают. За что ж мне утратить широкий размах и погрязнуть в застое? В гимназии еще недоразвиты преподаватели, и я этого не выношу! В карцер сажают!.. Обломовщина уж прошла, уж начались новые начала для прогрессивных людей. Я буду следить за наукой в университете в Петербурге, ежели профессора хороши, а если дурны, то сам буду работать. И ежели ты не Кирсанов и не самодур, так пришли мне средства к жизни в Петербурге. Потому что я уж решился. А я еще убедился, что и Венеровский ретроград. Он не признает свободы женщин. Прощай, отец. Может быть, увидимся в новых и нормальных соотношениях, как человек к человеку. Я сказал все, что накипело в моей душе. Петр Прибышев».

Иван Михайлович. Боже мой! Боже мой! Что это такое!

Николаев. Жалко, жалко мне тебя, брат Иван, а делать нечего, сам виноват. Вот-те и новое! Какое новое! — все старое, самое старое; с сотворения мира гордость, гордость и гордость! Молодые хотят старых учить.

Гости. Это так.

2-й гость. До чего, однако, доходят!

1-й гость. Глупо и смешно.

Иван Михайлович. Ну, Марья Васильевна, глупа ты, а я глупее тебя в тысячу раз. Эй! готово, что ль?

Лакей. Подают-с.

Иван Михайлович. Вели Дуняше собраться ехать со мной. Да постой, где она, дарственная запись? Ну-с, господа, простите, я еду! *(Прощается с гостями.)*

Посредник. Так как же, Иван Михайлович, насчет нашего дела?

Иван Михайлович. А вот как-с. Пока мне не велят с ножом к горлу, ни одного клочка не отдам даром, ни одной копейки, ни одного дня, ни одного штрафа не прошу. Будет удивлять-то-с! Нет-с, уж я нынче выучен.

Лакей. Готово-с.

Иван Михайлович. Ну, шинель, собачий сын! Что ты думаешь? По-старому? Правда твоя, Марья Васильевна, все хуже стало. И уставные грамоты хуже, и школы, и студенты... все это яд, все это погибель. Прощайте. Только бы догнать их, хоть на дороге. Уж отведу душу! Петрушку розгами высеку! Да.

Марья Васильевна. Иван Михайлович, пожалей ты меня, не кричи очень на Алексея Павловича. Право, такой худой, жалкий! Что ж, он по молодости...

Николаев. Сына-то воротишь, а дочь не развенчаешь!

Иван Михайлович. Не говори лучше. *(Подходит к столу и выпивает стакан вина.)* Да, да — высеку, розгами высеку. Прощайте. Смейтесь, кричите, злитесь, а высеку, высеку! И сам спасибо скажет, да!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Прибышев.	Твердынский, студент.
Венеровский.	Смотритель.
Любовь Ивановна.	Староста.
Катерина Матвеевна.	Дуняша, горничная.
Петр Иванович.	

Театр представляет комнату для проезжающих на почтовой станции.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят смотритель и староста.

Смотритель. Ну, гон! С Макарья такого не было. Чей ряд?

Староста. Акимкин; еще не оборачивался. Должно быть, задержали на Лапшеве. Спасибо, еще курьер не бежит.

Смотритель. Вот в седьмом часу опять почта, — что станешь делать? Надоест проезжающий теперь.

Староста. Вот так-то бывало в старину, при Тихон Мосеиче: как нет лошадей, он в сенник и спрячется. Я тоже старостой ходил. Ехали с Капказа так-то,

ехали двое пьяных, так что наделали! Вся станция разбежалась, всех перебили. Тихона Мосеича нашего за ноги выволокли. «Я чиновник, — не смеете!» Как принялись холить! Верите ли, по двору волокут. То-то смеху было!

Смотритель. Да наскочил бы на меня такой-то. Я бы ему задал.

Староста. Нет, нынче много помирнел проезжающий. А то к чему, ваше благородие, я хотел спросить, нынче все «вы» проезжающие стали нам, мужикам, говорить.

Смотритель. Образование, значит, прогресс. Да ты что, дурак?

Староста. Только мы с ребятами примечали, как ежели кто «вы» называет — уж на водку не жди. А что больше галдит, да на руку дерзок, уж этот даст. Так и жди, либо четвертак, либо трехгривенный.

Смотритель (смеется). Тоже замечают!.. Будет лясы-то точить. Вишь, свинство наделали. Подмести вели, да хоть бы со стола-то стер. Ведь вот нет того проезжающего, чтоб не скучал. Нечисто все им. А ведь кто ж гадит? все они. Так и норовят все загадить и уехать. И все ему нечисто.

Староста убирает.

Пойти соснуть. Никак, опять! Ну, посидят, уж не прогневайся.

Староста. Пуцай двойные дадут, наши свезут.

Слышен колокольчик.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, входят Венеровский и Любочка очень бледная, тихая и грустная.

Венеровский. Господин смотритель, я требую лошадей. Староста, велите скорее закладывать. (К Любочке.) Ну-с, вот мы и одни. Великолепно! Теперь только чувствую себя человеком, вырвавшись из всей этой безобразной чепухи! Вы рады, моя миленькая?

Любочка. Не говорите этих слов при чужих людях.

Смотритель. Лошади в разгоне.

Венеровский. Я вам говорю: вот подорожная, вот деньги, запрягайте лошадей.

Смотритель. Когда выкормятся, запрягут.

Венеровский. Извольте запрягать или подайте мне книгу, я буду жаловаться.

Смотритель. Книга вот, жалуйтесь. Много вас!

Венеровский. А, хорошо, очень хорошо! Нет, еще долго честность будет достоянием одних нас... Эти дрянные людишки! *(Садится за стол, разбирает книгу и пишет.)*

Смотритель *(подходя, сердито)*. Вы прежде извольте просмотреть книгу. Вот извольте видеть, — почта восемь лошадей в пять часов двадцать три минуты, теперь-с всего девять, не воротились. Полковник с женой — шесть лошадей в шесть часов семнадцать минут. Извольте смотреть: комплект — тридцать шесть лошадей. Так вот-с, милостивый государь, прежде посмотреть надо-с и потом дрянными людьми называть тех, кто, может, получше вас — так-то-с.

Венеровский. Оставьте меня. Я не намерен с вами препираться.

Смотритель *(отходя)*. А вы будьте осторожны вперед! и генерал, шестерней в карете пускай едет — и тому не позволяем... а не то что всякой сволочи... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, без смотрителя.

Венеровский. Староста, принесите, пожалуйста, самовар. *(К Любочке.)* Вы будете пить чай, миленькая? И чаю и сахару!

Староста. Самовар двадцать копеек, а за чай, за сахар с хозяйкой сочтется.

Венеровский. Подайте все. Вы будете?

Любочка. Да... нет...

Венеровский. Вы бы сняли мантилью.

Любочка. Ничего не надо.

Венеровский (садится к ней). Вот видишь ли, мой друг, какая разительная черта отделяет нас от прежних твоих родных. Мы будем смотреть на жизнь просто. Этот господин, в силу своих убеждений, своей среды, считает нужным притеснять людей и грубить. Это в порядке вещей, так же, как твои родные считают неизбежным проседуру тех глупостей, от которых мы уехали. Что ж, не переделывать же нам их? А нам, как умным людям, следует сказать: вы, господа, гадки и дрянны, но это при вас; оставьте только нас быть честными, человеческими! Когда ты усвоишь себе это воззрение, моя миленькая...

Любочка. Не говорите: миленькая, — так не хорошо.

Венеровский. Ну, все равно. Вы заметьте только, как во всех этих столкновениях люди дрянные бывают унижены. Я не ненавижу их, я презираю их, им следует быть униженными, и они это сами знают, как поразмыслят. Поверьте, ваши родные теперь чувствуют, что они глупы. Это-то и нужно.

Любочка. Что тебе сделали мои родные? Положим, они неразвитые, да все-таки они ничего. Бывают хуже.

Венеровский. Вы очень умны, миленькая. Это так. Бывают хуже, но раз мы сознали, что убеждения наши различны, что почва, на которой стою я и они, не одна и та же, надо стать одним одесную, а другим ошую. Ведь все очень просто. Я не уважаю людей глупых и без образования, кроме того нечестных, апатичных и врагов всего нового. А ваши родные таковы, — стало быть, ни вы, ни я не можем их уважать. Ведь вы согласны с этим? Другой бы стал политизировать, скрывать свои убеждения, но я полагаю, что честность и истина всегда выгодны.

Любочка. Отчего ж? Отец не враг всего нового, напротив...

Венеровский. Ну, разве вы не видите, что он только боялся меня и ипокритствовал. Ну-с, и глупую женщину, которая, кроме еды и спанья, ничего не понимает, нельзя уважать!

Любочка. Я все-таки любила их...

Венеровский. Любите вы честное, свободное и разумное! Любите те личности, которые соединяют в себе эти качества, и вы будете гуманны; а любить женщину за то, что она произвела вас на свет, не имеет никакого смысла. Да, великолепнейший друг! Ежели вы и меня любите, то не за то, что я хорош или умен, а только за то, что во мне соединяются те качества, про которые я говорил. Да-с, это так.

Приносят самовар.

Будете разливать?

Любочка. Нет, я не хочу, — все это грязно и гадко... посмотрите, какие чашки, — я не хочу.

Венеровский. Да-с, Любовь Ивановна, моя женка миленькая. Другим знание всего того, что я вам сообщил, дается трудом и борьбой и глубоким изучением, и то редкие, сильные характеры усваивают себе это учение так полно и ясно, как я его понимаю, а вам, моя миленькая счастливица, все это дается легко. Только слушать, воспринимать, и вы сразу станете на ту высоту, на которой должен стоять человек нового времени. Да бросимте словопрения! Мы теперь одни и свободны. (*Садится ближе.*) Что ж вы не пьете, моя касатынька?

Любочка (*морщится*). Какие чашки! Гадость! Тут все пили, — больные, может быть. Я не хочу.

Венеровский. Могу я тебя поцеловать, миленькая? Мне хочется.

Любочка. Нет... Оставьте...

Венеровский. Вы не оживлены нынче. Неужели вам не приятно, милая, что мы едем?

Любочка. Мне все равно, я только устала... Отчего вы Дуняшу не взяли?

Венеровский. Вот опять! Я не считаю себя вправе тревожить вас вопросами. Вы свободны так же, как и я, и впредь и всегда будет [так]... Другой бы мужчина считал бы, что имеет права на вас, а я признаю полную вашу свободу. Да, милая, жизнь ваша устроится так, что вы скажете себе скоро: да, я вышла из тюрьмы на свет божий.

Любочка. Зачем вы не взяли Дуняшу?

Венеровский. То было бы барство, дрянность, она бы стеснила нас. *(Придвигается ближе.)* Теперь можно поцеловать вас?

Любочка. Оставьте! Да вы вымойте чашки, грязь какая!

Венеровский *(улыбаясь)*. Это ничего. *(Заливает чай и пьет.)* Что же, можно поцеловать? Вы скажите, когда можно будет. Не хотите ли отдохнуть? Я уйду. Я никогда не стесню вашей свободы.

Любочка. Нет... да... нет... Мне ничего не надо. Мне скучно.

Венеровский. Вы думаете, может быть, что я не предвидел этой случайности. Напротив. Не на то мы, люди передовые, чтоб нам только фразы говорить. Есть и такие. Нет-с, мы люди дела. Мы не увлекаемся. Я знал, что вам будет скучно. Хотите, я вам скажу отчего. Вы не удивляйтесь, что я угадал, тут ничего нет удивительного. Вы выросли в обстановке дрянной. В вас хорошая натура, но в жизни вашей вы усвоили многое из той апатичной и затхлои атмосферы. Оно незаметно впиталось в вас. Вы не замечали этого прежде, как незаметна грязь в навозном хлеве, но при прикосновении с чистотой и силой грязь вам самим стала заметна, и свет вам глаза режет. Вы, глядя на меня, чувствуете свои пятна... *(Ходит в волнении взад и вперед.)*

Любочка *(тихо)*. Ах, только о себе!..

Венеровский. Что?

Любочка. Ничего... Говорите.

Венеровский. Вы этим не пугайтесь, моя мленькая: это преходящее ощущение. Выходящие из мрака думают в первые минуты, что свет неприятен, он режет. Но это ощущение, присущее всякой резкой перемене. Вы не пугайтесь, а, напротив, с корнем вырвите эту слабость. Отчего вам скучно? Вам и в тарантасе кажется непокойно, и девушки у вас нет, и чашки вот вам кажутся нечисты... Это все апатия помещичья. А подумайте о том, что перед вами вся жизнь свободы, перед вами человек, который для вас, для ваших великодушных глазок, сделал все уступки пошлости, какие мог, которые...

Любочка. Вы все только себя хвалите...

Венеровский. Я хвалю то, что заслуживает похвалы, порицаю то, что заслуживает порицания, а во мне или в вас хорошее или дурное, это мне все равно. Так называемая скромность есть одно из тех суеверий, которые держатся невежеством и глупостью; вот ваша родительница говорит про себя: я глупа. Ну, ей это хорошо, хе, хе!

Любочка. Оставьте меня, мне скучно.

Венеровский. Ну, я помолчу, почитаю. У вас пройдет. Может быть, это желчный пузырек не выпустил свою жидкость. Это пройдет, на это есть физические средства. Вот я никогда не буду сердиться на вас. Что бы вы ни совершили, я только буду искать, — найду причину и постараюсь устранить ее. Я помолчу, а вы выпейте водицы. *(Ложится на диван, берет книгу из сумки и читает.)*

Любочка *(встает и подходит к двери, спрашивает в дверь)*. Есть у вас кто-нибудь женщина? можно войти? Голос из-за двери: «Милости просим». Любочка уходит. Слышен колокольчик, голоса.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Венеровский, Катерина Матвеевна, Твердынский, Петруша, потом смотритель, староста.

Голос старосты *(за сценой)*: «Нет лошадей, сказывают».

Катерина Матвеевна *(за сценой)*: «Позвольте, позвольте, вы говорите, что нет лошадей. Так почему же это называется: почтовая станция? Ведь станция для лошадей, так или нет?»
Все входят, Петруша икает.

Староста. Сказывают, все в разгоне, вот уж сидят двое, дожидаются.

Венеровский, заметив пришедших, уходит незамеченный.

Катерина Матвеевна. Позвольте, вы не отвечаете на мой вопрос? В силу чего вы отказываете людям, которые имеют одинаковые права с каждым генералом?

Петруша. Иг!.. Поймите... иг!.. что мы в Петербург едем... иг!.. Ведь мы не дальние... иг!.. Прибышка наша... иг!.. Вы дайте лошадей, а то... иг!.. очень скверно с вашей стороны... иг!..

Староста. Вот я смотрителя пошлю. (*Хочет уйти.*)

Твердынский (*удерживая его*). Почтенный поселянин! как я могу заключить из ваших речей, вы желаете произвести коммерческую операцию, но мы не желаем поспешествовать оной.

Староста. Будет баловаться-то, барин, ну вас к богу...

Входит смотритель.

Катерина Матвеевна. Позвольте попросить лошадей для нас. Мы имеем полное право и одинаковое с каждой чиновной особой. Вот мой вид, — как это называется... Уж нынче прошло то время, когда уважаем только генералов, а презираем ученое сословие, студентов.

Смотритель. Третий час, нет ни одной лошади, — извольте книгу посмотреть, а для нас все равны. И я нынешний век так же понимаю, как и всякий.

Петруша (*к Катерине Матвеевне*). Нет, позвольте мне... иг!.. я убежу... я умею... (*К смотрителю.*) Вы посудите... иг... когда ж мы в Петербург приедем?... иг!.. коли на каждой станции... иг!.. Ведь нам очень нужно... иг!.. очень, вы дайте... вы сочтите, сколько станет!

Твердынский (*старосте*). Автомедону, иначе извозчику, велите принести чемоданчик и белый хлеб. Вы сочтите, сколько... бутылочка там есть... а лошадей позвольте.

Катерина Матвеевна. Позвольте, я вам докажу. В нынешнем веке, кажется, можно бы понимать, что женщина имеет те же права.

Смотритель. Да вот не угодно ли вам книгу?

Петруша (*Катерине Матвеевне*). Не мешай... иг!.. Я ему докажу... иг!.. Ведь мы в ко... иг!.. муну...

Смотритель. Да куда угодно, для меня это совершенно все равно...

Твердынский (*берет книгу*). В сей книжице изображено, якобы поручик Степанов был огорчен задержкою, так как он поспешал по делу.

Катерина Матвеевна. Я буду жаловаться.

Смотритель. Да извольте, сударыня. Нет лошадей, вот и все.

Катерина Матвеевна. Какое еще, однако, непонимание обязанностей и негуманность.

Твердынский. Позвольте, я изображу в сей книжице всю горесть нашего душевного состояния и изложу человекоубийственность нравов смотрителей почтовых станций.

Петруша. Нет, дайте я... и у меня мысль пришла... иг!..

Смотритель (*отнимает книгу*). Что вы, господа, в самом деле, пересмеиваете-то! Не хуже вас. Писать, так пишите, только надо в своем виде быть.

Твердынский. Итак, Катерина Матвеевна, презренная преграда затормозила наше течение к свстилу прогресса. Гражданин сей в гневе, оставим его.

Петруша. Иг.. иг.. иг!..

Твердынский над ним смеется.

Твердынский. Я говорил, что вы много отдали целительной венгерской влаги.

Петруша. Что-с?.. иг!.. нет ничего смешного... иг!.. Напротив... Я вам не позволю смеяться... иг!..

Твердынский. Что за мальчишество обижаться всем.

Петруша. Вы сами мальчишка... иг!.. Я свободный... иг!.. человек, иг!.. Я сам сказал... Я... иг!.. еду в коммуну...

Твердынский. Спите, Прибышев-младший, это будет лучше.

Петруша. Я выразил убеждение, что вы мальчишка... иг!.. а не я. Вы не признаете... иг!.. свободы личности, иг!.. вот вам... Я глупо сделал только, что выпил это вино... иг!.. и от него мне дурно... иг!.. а то бы я вам высказал... иг!.. иг!.. такие убеждения, что вы бы удивились очень... иг!.. Я спать хочу. (*Садится и засы-*

пает.) (Сквозь сон.) Преграда... иг!.. инди... ви... ду... иг!.. иг!..

Твердынский. Ну что ж, подождем. Можно и чаепитие совершить. А то скучно. Вон кто-то пил. Поселянин, староста, господин староста, нельзя ли получить инструмент, в просторечии самоваром называемый?

Катерина Матвеевна (садится к столу, закуривает папироску и откидывает волоса). Я люблю в вас, Твердынский, это игривое отношение к жизни. Как ни значительны совершающиеся в вашей судьбе события, вы, в тайнике души, скрываете всю глубину вашего сознания и наружно все шутите. Многие могут считать вас легкомысленным, а я это-то и люблю. Я уважаю вас за это. Да, вот мы и ступили первый шаг в новой жизни.

Твердынский. Да, ступили. Что ж все риторствовать! Знаешь, что дело хорошее, что свободен и разумен, чего же еще? Я не люблю готовиться. Наступит дело — я труженик и боец, а до того времени... можно и улажаться легким смехотворством.

Катерина Матвеевна. Скажите мне одно: я всю дорогу думала. Почему учредителем коммуны мужчина, а не женщина? Не просвечивает ли и здесь идея зависимости женщины?

Твердынский. Нет, это случайность.

Приносят самовар.

Что ж, чаеизготовление кто будет производить?

Катерина Матвеевна. Позвольте, я полагаю, что столько же основания есть мне разливать, сколько и вам. Вот что: мы можем кинуть жребий.

Твердынский. Итак, поверим разрешение сего вопроса слепорожденной фортуне. (Берет папироску и прячет за спиной.)

Катерина Матвеевна берет ложечку и делает то же.

Катерина Матвеевна. Нет, вы угадывайте.

Твердынский (хватает ее за руку, оглядывается быстро и перебирает ее за руку). Однако у вас в ручке, так сказать, пухлость не вредная. В этой.

Катерина Матвеевна (*улыбаясь*). Твердынский, не будьте глупы. Вы угадали. Я буду разливать.

Твердынский. Как дорога, однако, сближает. Такое ощущение странное в близости женщины. (*Садится ближе.*) И как отлично, что вы не носите кринолин. И как у вас тут складочка, совсем античная. (*Указывает на спину.*)

Катерина Матвеевна. Твердынский, вы знаете стихи Гюго? Гюго отсталый человек, но он поэтическим чутьем проникал многое из будущего. N'insultez pas...¹

Твердынский. Такая складочка, что первый сорт. Позвольте мне ее пригладить, не то что погладить, а только пригладить. (*Дотрогивается до нее.*)

Катерина Матвеевна (*улыбается и бьет его по руке*). Твердынский, когда я ближе узнаю вас, я расскажу вам свою судьбу. Судьба женщины — это странная аномальность в нашем неразвитом обществе. (*Сторонится.*) Твердынский, ежели бы я меньше уважала вас, я бы могла усомниться в искренности ваших убеждений. Что делает ваша рука?

Твердынский. Ведь вот какие странные бывают казусы. Жили мы с вами, жили три месяца, и все говорили только о предметах, вызывающих на размышления, а теперь мгновенно мое воззрение на вас совсем изменилось. Отчего ж вы не хотите, чтоб я положил так руку? (*Кладет руку на спинку кресла, на котором сидит Катерина Матвеевна.*) Я ни до чего не коснусь без оазрешения. Ни до чего.

Катерина Матвеевна (*сияющая*). Вглядитесь в глубину своего сознания, и тогда я честно выслушаю ваше признание. Я не хочу увлечений, мы должны стоять выше их. Вы не трогайте меня.

Твердынский. Я не касаюсь ведь, ни до чего не касаюсь. А у вас есть во взгляде что-то пожирающее, выше женского. У одного моего товарища была друженщина, она была гувернантка. Вавочка, мы все так

¹ Не оскорбляйте... (*франц.*)

ее звали. Вы схожи с ней, очень схожи. Но славная какая складочка... (Схватывает ее и прижимает к себе.)

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, подумайте хорошенько и внимательно, вникните в себя! Тот путь, на который... Скажите, какую любовью вы любите меня? (Вырывается от него и встает.)

Твердынский (идет за ней). Вы фимиам сердца моего, вы кальян надежды небес, вы пар от подошв кумиров моих, вся нежность и свет фирмента мироздания. Я люблю вас и желаю учинить с вами экспликацию.

Катерина Матвеевна. Не говорите глупостей, вы оскорбляете меня не как женщину, а как честного человека. Я не различаю. Вы говорите, что чувствуете влечение ко мне, я считаю вас хорошим господином; исследуйте характер вашего влечения и скажите мне. Старайтесь объективно смотреть на вещи. Конкрет может слушать вас. Я все сказала.

Твердынский (подходя ближе и хватая за руку). Божественная, но свободная женщина! Судьба покровительствует нам. Сей юный питомец Минервы (указывая на спящего Петю) опочил в объятиях Морфея, мы одни, и я снедаем любовью. (Хватает ее и хочет поцеловать.) Будущее в руках судьбы, настоящее наше. (Обнимает ее.) Да полно же, милейшая.

Катерина Матвеевна (испуганно отбивается). Вы оскорбляете меня, я ошиблась и в вас. Я закричу, пустите!

Петруша (сквозь сон). Семья... иг!.. преграда... ин... ди... виду... иг!.. альности.

Твердынский (оставляет ее, сердито). Вот уж недостойно истинно свободной женщины — так грязно понимать все...

Катерина Матвеевна. Боже мой, до чего я дошла!.. Боже мой!.. Но я выше... Нет... Я ниже всего на свете. Я жалкое создание, вы мне гадки, а сама я еще гаже! (Катерина Матвеевна, убитая, садится поодаль и глубоко задумывается.)

Те же, Венеровский и Любочка.

Любочка (*выходит вся в слезах*). Какая же это свобода женщины, коли вы меня мучаете!.. Мне скучно, правду мамаша гово... Катенька! Алексей Павлович! Батюшки мои, и Петруша! Что это случилось?

Твердынский. Вот сурпризец не вредный, Любовь Ивановна! Я вот... еду тоже в Петербург.

Катерина Матвеевна. Любовь! Ты была права! Но оставьте меня... мне многое надо обдумать. (*Садится к столу, облакачивается и думает.*)

Петруша (*вдруг просыпается и встает*). Пойдите, я все лучше расскажу. Ты сама должна знать, что семья... иг!.. развитию индивиду... иг!.. альности. Я и поехал один, а Алексей Павлович открыл, что тоже есть коммуна... а коммуна... удивительное убежд... учреждение, ну, все равно... Мне очень спать хочется, вы меня разбудите... (*Садится.*)

Любочка. Что с ним?

Венеровский. Ничего особенного. Все это понятно. Мальчишка напился пьян и выходит мерзость неестественная.

Петруша (*привстает*). Сами вы мерзость неестественная. Это уж все знают, что вы ретроград, мне Алексей Павлович и Катенька дорогой сказали, что вы из-за денег женились. Это очень подло по нашим воззрен... (*Засыпает.*)

Твердынский. Точно, что мальчишка-с. Поверьте, Анатолий Дмитриевич, что я этого не говорил и не думаю, потому что ваши убеждения...

Венеровский. Да-с, сделать гадость, да и на попятный! Это на вас похоже-с. А вот с вами-с, сударыня, позвольте дотолковаться до дела. (*К Катерине Матвеевне.*) Когда я объяснялся с вами-с, хе, хе! у себя на квартире-с, я вас попросил молчать о моей особе. Вы должны были мне обещать это, однако вам, как видно, не угодно держать слова. Теперь-с я заставляю вас, хе, хе! да-с. Мы, действительно умные люди и люди дела, тем-то и отличаемся от болтушек, как... многие ваши знакомые... тем отличаемся-с, что не позволяем себя за-

бирать в руки, а сами забираем в руки, как я вас забрал-с, хе, хе! да-с. (*Тихо ей.*) Вы хвастаетесь свободой от предрассудков, а кое-что вам не хотелось бы опубликовать. Так знайте же...

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте...

Венеровский. Извольте-с...

Катерина Матвеевна. Нет, ничего. Вы правы, только оставьте меня додуматься. (*Садится в прежнюю позу.*) Пожалуйста, оставьте меня! Я после скажу.

Венеровский (*к Любочке*). Теперь с этой госпожой покончено. Перестаньте и вы, миленькая. Я снисходителен всегда к людям с слабыми силами и умственными способностями, и это очень естественно, потому что я насквозь вижу все их *стремленьица*. Но когда идут мне наперекор, то я имею привычку сломать то, что мне мешает. Вам хочется показать, что вы имеете волю. Это похвально и человечно, но надо, чтобы цель была разумна.

Любочка (*горячо*). Вы всегда думаете, что вы только разумны. Катенька, ты меня не любишь, но скажи, пожалуйста, по правде, заступись за меня. Мне так скучно, так скучно! И зачем я от них уехала? Хоть бы Дуняша была со мной! Катенька, что с тобой?

Катерина Матвеевна. Любовь, не мешай мне додуматься. Во мне совершается великий переворот. Я чувствую это.

Любочка. Алексей Павлович, скажите хоть вы, стали бы вы мучать женщину, которую вы любите? Он бранит моих родных, он не любит меня.

Твердынский. Я, Любовь Ивановна, так сказать, в любви неофит и даже атеист оной.

Любочка. Вы все шутите, а мне, право, не до шуток. Боже мой, зачем я уехала!

Венеровский. Какая фразистость у вас неприятная! Но довольно-с! Я последний раз говорю: попробуйте дать себе отчет в ваших желаниях и выразить их. Это очень просто. Я выражаюсь ясно и разумно, попытайтесь и вы сделать то же.

Любочка. Катенька всегда так говорит. Разве можно сказать все, что чувствуешь? Как мне сказать все... Вы только о себе говорите. Вы меня не любите.

Вы не подумали обо мне ни одной минуточки... Зачем вы еще пристаёте ко мне? Мне скучно! Вы только себя хвалите. Папаша бы меня понял.

Венеровский. Я вам сказал, что я выше этих фраз, и вам не заставить меня вступить на ту арену пошлых препирательств, на которую вы меня вызываете. Староста!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Входит староста.

Венеровский (*старосте*). Велите закладывать вольных, я заплачу двойные прогоны.

Катерина Матвеевна (*встает и встряхивает волосами.*) Позвольте. Я додумалась. Теперь я все скажу вам... Наши отношения...

За сценой слышен шум, крик.

Голос Ивана Михайловича: «Четверню в коляску!»

Голос зрителя: «Нету-с...»

Голос Ивана Михайловича: «Зуба ни одного не оставлю! Разбойник! Нет, брат, уж я не тот. В острог посадят, а зубы все выколочу! Слышишь?» (*Входит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Иван Михайлович.

Иван Михайлович. А... а... а! Любезные! Вот они, молодчики! Всех разом накрыл!..

Твердынский. Могу сказать, скандалец предвидится не зловерный!

Венеровский (*садится на стул против Ивана Михайловича и дерзко смотрит ему в глаза*). Вот господин, которого надо будет еще пощелкать по носу.

Катерина Матвеевна (*останавливается в своей позе*). Иван Михайлович! Я рада вас видеть.

Любочка (*приближается к отцу*). Папа милый...

Петруша (*поднимается с места и глядит бессмыс-*

ленно на отца). Теперь уж... иг!.. все очень сознали... иг!..

Иван Михайлович (*отводя Любочку рукой*). Ну-с (*обращаясь к Твердынскому*), государь мой, пожалуйте-ка вы сюды!

Твердынский. Неужели вы думаете, что за ваши двадцать рублей в месяц я обязан похоронить себя?.. Кажется, вы сами можете сознавать...

Иван Михайлович. Нет, дружок... Эта песня уж кончилась. Взялись вы учить моего сына?

Твердынский. Вы не думаете ли напугать меня?.. только (*робея*) кулачное право... не современно.

Иван Михайлович. «Современно!» Это слышали. А кто возьмется за дело да без причины не исполнит его, да еще притом мальчишку собьет с толку и увезет из родительского дома, как того человека звать, государь мой? Не знаете? Обманщик...

Твердынский. Вы дерзки, и я никому не позволю...

Иван Михайлович. Что-о? (*Наступает.*) Коли бы вы были постарше, а то вы мне жалки, государь мой...

Твердынский. Конечно, это все, что можно ожидать от невежд и зуботыковых. (*Отступает.*)

Иван Михайлович (*наступает еще решительнее.*) Вон!

Твердынский (*торопливо захватывая узелок, уходит и кричит в дверях*). Презренный ретроград!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без Твердынского

Иван Михайлович (*не обращая внимания на Твердынского*). Ну-с, теперь, соколик! (*Подходя к Петруше.*) Сашка!

Входит лакей.

Розги взял?

Лакей. В козлах-с.

Петруша. Индивидуальность... ин... ди...

Иван Михайлович (лакею). Поди сюда. Возьми ты этого молодца, вылей ему на голову ведро воды, слышишь? И посади в коляску...

Петруша. Деспотизм... иг!.. родительской власти... индиви...

Иван Михайлович (перевертывает Петрушу и дает подзатыльник). Ну, разговаривать! Марш! Сашка! Сведи ты его к колодцу, облей водой и держи его в коляске.

Петруша. Это... зачем же? Я сам...

Иван Михайлович. Ну!..

Лакей. Что ж, пожалуйста, Петр Иваныч...

Лакей и Петруша уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, без Петруши.

Иван Михайлович (к Катерине Матвеевне). Ну, стриженная иманципация, позвольте вас спросить: что у вашего дяди, распутный дом, что ли? А?

Катерина Матвеевна. Иван Михайлыч! Я разделяю ваши убеждения...

Иван Михайлович. Нет, матушка, слова-то эти оставь! Был дурак, да больше не буду. Что, я из своей прихоти твоей Лопуховкой управлял? Что, я обокрал тебя, что ли? Что, мне платили за твое содержание? Ты с своей деревни сто рублей в год получала, а ты мне... да что, и говорить скверно!

Катерина Матвеевна. Вы совершенно правы, Иван Михайлович, поступок мой неконсеквентен.

Иван Михайлович. Что мы с Марьей Васильевной видели от тебя, кроме презрения? И увенчано все — чем? Побегом и этим письмом. (Вынимает письмо.) Я вам не родня, не дядя. Извольте ехать, куда вам угодно, с этим шелкопером.

Катерина Матвеевна. Да, голубчик, да, вы высказываете истину. Да, голубчик, я сознаю свое заблуждение. Я прошу забвения. Я несчастная женщина, голубчик.

Иван Михайлович. Довольно меня обманывала, матушка... (*Глядит на Венеровского.*) Довольно!..

Венеровский. Что вы на меня смотрите? Я вам не скрою, Иван Михайлович, что вы мне прискучили своим криком. Поезжайте домой, — право, покойнее будет. Детей больше здесь нет и пугать некого.

Иван Михайлович. Поеду, государь мой, когда выскажу все.

Венеровский. А что вам это сказать нужно, нельзя ли узнать? Я послушаю, хотя знаю все, что вы скажете, и знаю, что ничего ни нового, ни остроумного...

Иван Михайлович. Многие мне вам сказать нужно, да не стану говорить при вашей жене, сударь, и при моей дочери. Вы считаете честным восстанавливать дочь против отца, а я старого века, да знаю, что коли жена отца не уважает, так ей грош цена, а коли мужа не уважает — еще того хуже.

Венеровский (*к Катерине Матвеевне*). Этот господин, кажется, хочет учить меня честности; это довольно комично.

Катерина Матвеевна. Он прав, он совершенно прав, не говорите со мной... (*Отворачивается.*)

Венеровский (*пожимает плечами*). Староста, велите давать лошадей. А вы, Иван Михайлович, для меня забавны, только забавны.

Иван Михайлович (*кричит*). Я вам сказал довольно, оставим это. Поезжайте с богом. Я тебе привез Дуняшу, Люба, возьми ее. Грустно нам было, очень грустно... ну, да бог с тобой. У тебя будут дети, тогда ты поймешь. (*Обнимает ее, она плачет.*)

Венеровский. Комедия разыгрывается недурно, но и наскучить может. Поедемте, Любенька! Пойдемте, посидим в той комнате.

Любочка. Я не хочу, папа! Побудь со мной. (*К Венеровскому.*) Оставьте меня.

Венеровский (*берет Любу за руку*). Люба, пойдемте, родитель может один поломаться и с Катериной Матвеевной.

Любочка. Папаша, что я сделала! Я боюсь его, я ненавижу его. (*Люба прячет лицо на грудь отцу.*)

Иван Михайлович. Ты с ума сошла! Что ты говоришь, Люба! Это нельзя!

Катерина Матвеевна (*выступает вперед торжественно, откидывает волосы*). Теперь я все скажу, что я думаю. Слушайте меня, Иван Михайлович, слушайте меня, Венеровский. Любовь должна оставить этого человека. Этот человек — дрянный и низкий индивидуум.

Венеровский (*старается перекричать ее*). Вы глупая, неразвитая и развратная женщина! Молчите, или я...

Катерина Матвеевна. Нет, Венеровский, вы меня не испугаете! Я свободная натура. Вы меня не перекричите, я сама все намерена высказать. Венеровский, вы подлец, и это говорит вам не женщина, а свободный человек... Он погубит Любу, ежели она останется с ним, так же как он погубил меня и оттолкнул. Полчаса тому назад я считала себя выше всех в мире, а теперь я несчастное, жалкое и презренное существо.

Венеровский. Вы глупы и больше ничего. И ваш поступок несколько не удивляет меня; это прямо вытекает из вашей глупости. Любовь Ивановна, я предлагаю вам ехать со мной.

Любочка. Я ни за что не поеду. Я умру лучше!

Иван Михайлович. Бедная моя девочка. Что я с тобой наделал! Поедьте. Прощайте, сударь. Теперь я могу все сказать вам. Вы хотели жениться на состоянии. Любочку вы не любили и не уважали. Вам нужно было одно — деньги; вы их и взяли. И за то, что вам все дали и дали при том существо, которого вы ногтя не стоите, вы сделали ее несчастье и наплевали в лицо людям, которые ничего, кроме добра, вам не желали. Ничтожество и гордость! Я во всем виноват.

Венеровский (*стараясь перекричать, хватая за руку Любу*). Мне жалко было Любу, которая погибала в вашем гнусном семействе, я спас ее от вашего разврата. Люба, поедте! Я никому не дам смеяться над собой. Я посмеюсь над вами. Поедте! (*Дергает за руку.*)

Любочка. Вы мне больно делаете, я не поеду, я не хочу быть вашей женой, я ненавижу вас...

Катерина Матвеевна. И это адепт нового ученья! Нашего!

Иван Михайлович (*наступает*). Оставить ее! Ну, я говорю. (*Становится перед Любочкой, Венеровский хочет двинуться вперед.*) Еще шаг — вдребезги расшибу!

Венеровский. Хе, хе! (*Отступая и копотливо доставая револьвер из кармана.*) Вы думали, что я не предвидел этого? Я предвидел все, имея дело с такими людьми, как вы. Предвидел и оскорбления и драки. Только мы — люди дела и не дадим над собой смеяться, — хе, хе! Попробуйте оскорбить меня! (*Уставляет пистолет.*)

Иван Михайлович (*останавливается перед ним и качает головой*). Дурак! В кого стрелять! Ну, стреляйте! Пойдем, Люба! (*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Венеровский (*один*). Что, посмеялись надо мной?.. хе, хе! Нет, мы не Твердынский, чтоб гонять их вон. Правду говорил Беклешов, что для дела с этими людьми надо отречься от всех принципов. Я слишком был честен с ними. Но, впрочем, женщина свободна, и я не признаю никаких прав на нее. Да, вот еще дарственная запись на ее именье.

Входит лакей за шалью.

Подите сюда, отнесите эту бумагу вашему барину. Им непонятно, что я возвратил эту бумагу, хе-хе! Да, еще слишком дики и грубы отношения в этой закоснелой среде! Или [мы] слишком далеко ушли, родились лет сто слишком рано для того, чтобы возможны были между нами какие-нибудь компромиссы.

[КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ]
(„НИГИЛИСТ“)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Глафира Федоровна, старая барыня.

Фиона Андреевна, ее приживалка.

Семен Иванович, сын Глафиры Федоровны, помещик лет 40.

Марья Дмитриевна, его молодая жена.

Люба, ее сестра.

Наталья Павловна, подруга Любы.

Николенька, гимназист, племянник Семена Ивановича.

Хрисанф Васильевич, студент, нигилист, учитель Николеньки.

Действие происходит в деревне Семена Ивановича.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глафира Федоровна, Фиона Андреевна, Семен
Иваныч за чайным столом.

Глафира Федоровна. Сеня, ты вот назвал гостей, а я и ума не приложу. Добро бы, были люди путные, а то бог знает кто. Вчера в кладовую забрались, все перерыли, затеи там какие-то. С прислугой нынче и так беда. Ох, уж эта мне молодежь!

Фиона Андреевна. И-и, батюшка, по нынешним временам уже не гостей звать. У Животовских, в Золотухине, изволили слышать, кучер в окошко влез.

Семен Иваныч. Не в кучере дело, Глафира Федоровна. Отчего же, маменька, молодежи не повеселиться? Одно удивительно, куда они все делись?

Глафира Федоровна. Да, мой друг, ты вот думаешь об их удовольствии, а они всякое уважение к старикам потеряли. Твои именины, а никто до сих пор и не поздравил тебя.

Фиона Андреевна. Все, матушка, новые порядки, генелисты завелись. А всех напоить, накормить надо.

Семен Иваныч. Да много ль же их? И из чего вы, маменька, делаете такое затруднение? Племян-

ника на вакации нельзя было не взять, ну, с ним учитель, студент...

Глафира Федоровна. Ах, мои батюшки, нельзя же...

Фиона Андреевна. Матушки, светы!

Семен Иванович. Потом, свояченицу из института отпустили, а с ней подруга, очень милая девушка.

Глафира Федоровна. Уж эти подруги, зададут они тебе.

Фиона Андреевна. Зададут, матушка, зададут.

Семен Иванович. Что?

Глафира Федоровна. Ничего.

Фиона Андреевна. Ничего, батюшка, сахарку пожалуйста.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, и входит Марья Дмитриевна.

Семен Иванович. А, вот и она.

Марья Дмитриевна *(в дверях)*. Смотрите ж, не забудьте. *(Подходит ко всем по очереди и целует мужа.)* Здравствуй, мой друг, поздравляю тебя. Здравствуйте, татат, поздравляю вас с именинником. Фиона Андреевна, мое почтение.

Глафира Федоровна. Нынче, кажется, та chère¹, для нас радостный день.

Марья Дмитриевна. Знаю, слишком хорошо знаю. *(Целует мужа.)*

Семен Иванович. Ты не видала, где все, где Люба и вся молодежь?

Марья Дмитриевна. Видала... ах нет, не видала...

Глафира Федоровна. То ли дело в наше время! бывало, как покойный мой Иван Захарыч именинник, чем свет встанешь, все осмотришь, пригото-

¹ моя милая *(франц.)*.

вишь сюрпризы там разные, букеты. Кто стихи выучит, сестра раз куплет на клавикордах разучила...

Фиона Андреевна. А помните, матушка, как комедию играли, — струну?

Глафира Федоровна. Какую струну?

Фиона Андреевна. Так заглавие было.

Глафира Федоровна. Войдет мой голубчик, пойдут поздравления, даже со стороны трогательно смотреть. Не так у вас.

Фиона Андреевна. Без слез вспомнить не могу. Вот уж именины, так именины, не то, что в нынешнее время... На их любовь гляючи наплачешься. (Плачет.)

Марья Дмитриевна. Так вот как бывало, тапан, — а теперь хуже?

Глафира Федоровна. Да, мой друг, хуже.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же; вбегает Наталья Павловна, Люба и студент.

Люба. Здравствуйте, Глафира Федоровна, честь имею поздравить с именинами! Здравствуйте, Семен Иваныч, и вас поздравляю.

Наталья Павловна (*жеманно приседает*). Bonjour, madame, je vous félicite, et vous aussi, monsieur¹.

Люба (*весело*). Что это вы плачете, Фиона Андреевна! (*Отходит в сторону*.)

Хрисанф Васильевич (*к Маше тихо*). Достал, посмотрите.

Марья Дмитриевна (*тоже тихо*). Хорошо, очень хорошо.

Семен Иваныч. Что?

Сцена общего молчания.

¹ Здравствуйте, мадам, я вас поздравляю и вас также, сударь (*франц.*).

Хрисанф Васильевич (к Семену Ивановичу). Так как существует обычай поздравлять, то и я поздравляю вас.

Семен Иванович (к Марье Дмитриевне). Что, ты не видалась с Хрисанфом Васильевичем?

Марья Дмитриевна (с замешательством). Нет... Да... Нет, мы не видались, здравствуйте.

Хрисанф Васильевич (кланяясь). Нет, мы уже виделись с вами. (К приживалке.) Что это вы, Фиона Андреевна, так разрюмились? В нынешние времена прогресса доказано, что слезы есть только отправление организма.

Фиона Андреевна. Ну вас с сурганизмом, я те сама так обругаю, и почище вас видала. (Отворачивается.)

Глафира Федоровна. Очень рада, mes chers amis¹, что приехали навестить моего сына, боюсь только, не соскучились бы с нами, старухами. Теперь время уже не то. Et vous, ma chère, avez vous terminé vos études?² (Обращается к Наталье.)

Наталья Павловна. Non, madame, pas encore³.

Люба дергает ее сзади за платье.

Нельзя, узнают.

Марья Дмитриевна. Ах, как здесь жарко. (Идет к молодежи.) Ради бога, осторожнее, чтоб он не видал!

Молчание.

Глафира Федоровна. Как, однако, твоя жена скоро сошлась с этими господами.

Семен Иванович. Что?

Фиона Андреевна. Очень обходительна.

¹ мои дорогие друзья (франц.).

² А вы, моя милая, кончили свои занятия? (франц.)

³ Нет еще, мадам (франц.).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Николенька.

Николенька (*вбегает*). Поздравляю вас с именинником, Глафира Федоровна, и вас, дяденька. (*Кланяется комично Фионе Андреевне; отходит к молодежи; перешептываются и все убегают.*)

Семен Иванович (*им вслед*). Маша, а Маша!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Глафира Федоровна, Фиона Андреевна и Семен Иванович.

Глафира Федоровна. Да, мой друг, молодость нынче по-своему смотрит на эти вещи. Не скажу, чтоб была большая разница в ваших годах, все-таки могла бы оказать больше внимания. Грустно, очень грустно.

Фиона Андреевна. Точно все на пожар побежали.

Семен Иванович (*с сердцем*). Уж вы-то молчите!

Фиона Андреевна встает с испугом.

Глафира Федоровна. Ах, мой друг, как ты кричишь. Жена твоя убежала с этим студентом, вместо того, чтоб с мужем посидеть, а она-то чем виновата, что ты приревновал ее к этому мальчишке.

Семен Иванович (*вставая*). Ах, татап, что вы только говорите! С какой стати! Неужели я унижусь до такой степени, чтоб ревновать! И слово-то это мне мерзко. (*С сердцем стучает кулаком по столу.*) А позвольте мне сказать, что ежели вы хотите меня поссорить с моей женой...

Глафира Федоровна. Ах, батюшка, Христос с тобой, на меня-то не кричи. Назвал бог знает кого, а я виновата. Пойдемте, Фиона Андреевна, я вижу, что мы лишние.

Фиона Андреевна. Лишние, матушка, лишние.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Семен Иванович, один.

Семен Иванович. Ревновать — не ревновать, это глупости. Но странно, действительно странно. Что за перемигиванье, перешептыванье, — убежала... И все они, эти девчонки, обрадовались этому костлявому Хрисанфу какому-то. Все это пример. Девчонки кокетничают, и она за ними. Но то девчонки! Непостижимо! Однако что это за таинственные улыбки, перемигиванье? Ах, как досадно! Нет, это даже страшно... Да, страшно. Ах, женщины! (Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Дмитриевна, Люба, Наталья Павловна, Николенька рассматривают транспарант. В комнате беспорядок, бумага, крахмал, костюмы.

Марья Дмитриевна. Отлично, отлично устроил Хрисанф, нам бог послал этого Хрисанфа.

Наталья Павловна (*смеется*). Ах, Марья Дмитриевна, как он мне надоел! Выдумал за мной ухаживать, говорит о какой-то разумной любви, такой противный.

Люба. Неправда, Маша, она очень рада. Сама с ним кокетничает.

Наталья Павловна. Я? вот еще вздор! Нет, Марья Дмитриевна, это она с ним кокетничала. Все об эмансипации говорила.

Люба. Нет, ты.

Наталья Павловна (*обиженно*). Уж извините, совсем не я.

Люба. Нет, ты!

Наталья Павловна (*тем же тоном*). Уж сделай милость, не я.

Люба. Нет, ты.

Марья Дмитриевна. Будет, будет вам спорить. Пора за дело приниматься. У нас еще и S¹ не кончен.

¹ S — начальная буква имени Simon,

Люба. Нет, Маша, я не умею; надо Хрисанф Васильевича позвать.

Наталья Павловна. Nicolas, бегите ж за ним скорей. *(Николенька убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, без Николеньки.

Наталья Павловна *(с живостью подходит к Маше)*. Марья Дмитриевна, когда он работает, он снимает сюртук. Вы уж ему позвольте. Посмотрите, какая у него рубашка ситцевая.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, входят студент с Николенькой.

Марья Дмитриевна. Стихи готовы?

Люба. Мажьте сажей transparent, а то я руки зама-
раю.

Наталья Павловна. Что ж фонари?

Хрисанф Васильевич *(останавливается в дверях)*. Вот она, равноправность женщин. Вездесущим может быть только один бог, а я всюду не поспею. Нет, я говорил вам, Наталья Павловна, что еще далеко нашим женщинам до понятия о разумной любви.

Люба. Не в любви дело, мажьте сажей.

Марья Дмитриевна. Снимайте сюртук.

Наталья Павловна. Клейте фонари.

Хрисанф Васильевич. Так позвольте же.
(Снимает сюртук.)

Марья Дмитриевна. Сделайте одолжение. Николенька, ступай на крыльцо; если кто пройдет, беги сказать.

Николенька. Уж будьте покойны, ни кота, ни кошки не пропущу. *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е, без Николеньки.

Все обращают внимание на рубашку студента.

Наталья Павловна (*насмешливо*). Лиловая!

Марья Дмитриевна (*так же*). Грязная!

Люба. С голубыми цветочками!

Хрисанф Васильевич. Что? Что?

Люба. Ничего, я только говорю, что голубенькие цветочки будут очень хороши на фонаре.

Хрисанф Васильевич. Но прошу вашего содействия, господа.

Наталья Павловна. Хорошо, я подклею. (*Подклеивает ему звезду на рубашке.*)

Люба (*красит ему ворот рубашки*). А я подкрашу.

Марья Дмитриевна. Ну, что ж стихи?

Хрисанф Васильевич. Позвольте минуту вдохновенья, Марья Дмитриевна. (*Проводит рукой по волосам и мажет лоб сажей.*)

Наталья Павловна и Люба (*вместе*). Еще, еще вдохновенья!

Хрисанф Васильевич (*пачкает опять лицо, не замечая этого*). Извольте. (*Отходит в сторону и становится в позу.*) «С именинами поздравить...» Нет, не хорошо...

Николенька (*вбегает*). Идет, идет!

Марья Дмитриевна. Кто идет?

Николенька. Николай-повар.

Люба. Ах, дурак!

Марья Дмитриевна. Не в поваре дело, а если кто из наших придет...

Хрисанф Васильевич. Позвольте, позвольте, господа. Вы меня измазали и приклеили. Приклеили двояко.

Наталья Павловна. А стихов все-таки нет.

Марья Дмитриевна. Ну, как хотите с вашим вдохновением, а мы будем клеить.

Хрисанф Васильевич (*в сторону*). «С именинами поздравить...» Нет, не хорошо. «Поздравление

принести...» (Подумав.) Возьму готовое... Пожалуйте, Марья Дмитриевна, готово. (Декламирует.)

Хоть поздравлять несовременно
В костюме грации с цветами, —
Я консерватор совершенно,
Я занята одними вами!

Позвольте еще?

Марья Дмитриевна. Довольно. Отлично, очень хорошо. Мы в костюмах трех граций поднесем ему вензель, и я спою стихи. Очень вам благодарна, Хрисанф Васильевич. (Жмет руку студенту.)

В это время отворяется окно и показывается голова Семена Иваныча.

(Испуганно, между тем как девочки закрывают фонари.)
Ах, Семен Иваныч, не ходи сюда, не ходи!

Семен Иваныч (глядит с ужасом на жену). А, вы все здесь. Я очень рад, что вам весело. Хорошо, хорошо, я уйду.

Наталья Ивановна. Боже мой, он все видел!
Люба. Не видал, не видал!

Марья Дмитриевна. Где же этот проклятый Николенька? Люба, притащи его сюда.

Люба убегает и сталкивается с Николенькой.

Николенька (вбегает). Идет, сам идет.

Марья Дмитриевна. Что ты наделал?

Люба. Где ты был?

Наталья Павловна. Ах, все пропало!

Хрисанф Васильевич. Неверный раб, я заставил тебя караулить вертоград мой, а ты спал.

Все тормозят Николеньку.

Люба. Зашекочу.

Наталья Павловна. А я сажей вымажу.

Николенька (барахтается). Пустите, пустите!

Те же, Фиона Андреевна.

Фиона Андреевна (с ужасом). Батюшки, ребенка задушили. Кузьма! люди! народ!

Хрисанф Васильевич. Сударыня! сколь ни приятно нам ваше общество, но в настоящую минуту мы без слез обойдемся без оногo.

Фиона Андреевна. Тьфу ты!

Люба. Идите, ступайте. (Захлопывает дверь.)

Фиона Андреевна (жалобно, показывая разорванное платье). Креп-рашелевое! Благодетельница подарила!

Марья Дмитриевна. Ну вас с благодетельницей!

Фиона Андреевна (выглядывает из двери). Ай, страсти какие, студент чертом нарядился! Все пойду расскажу. (Уходит.)

Марья Дмитриевна. Ступайте. Николенька, беги на часы, а мы примемся за дело.

Хрисанф Васильевич. Что ж это она, однако, сказала, что студент чертом нарядился? Дай посмотрю. (Смотрится в зеркало и с досадой срывает бумажку.) Как глупо. Ничего остроумного нет. Покорно вас благодарю, Наталья Павловна, это все ваше остроумие. (Надевает сюртук.)

Люба. Это вовсе не Наташа, а она сама приклеилась.

Наталья Павловна и Марья Дмитриевна. Сама, сама.

Хрисанф Васильевич. Какое недоразвитие!

Марья Дмитриевна. Ну полноте, Хрисанф Васильевич. Как это шутки не понимать! Однако мне надо идти, как бы не хватились.

Николенька (бежит). Идет, идет сама, распросам!

Бегают без толку кругом стола, кричат: «Батюшки!»

Марья Дмитриевна. Полноте, несите все вон, прячьте!

Все убегают, кроме Марьи Дмитриевны и Хрисанфа Васильевича.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марья Дмитриевна, Хрисанф Васильевич и
Глафира Федоровна.

Глафира Федоровна. Мило, очень мило. Si-
mon, бедный Simon! И ты не пожалела моих седых во-
лос. Для кого? Хорош, помазилка!

Хрисанф Васильевич (с достоинством). Ка-
кое вы имеете право?

Марья Дмитриевна. После, шатап, после все
расскажу. Пойдемте, Хрисанф Васильевич. (Уводит
студента.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Глафира Федоровна одна, потом Фиона Андреевна.

Глафира Федоровна (одна). Ни стыда, ни со-
вести! Так, сударыня! Взяла под ручки своего возлюб-
ленного и пошла. Бог мой! Нет, я не перенесу этого.
Фиона Андреевна! Фиона Андреевна!

Фиона Андреевна (вбегает). Благодетельница!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глафира Федоровна и Фиона Андреевна раскладывают карты.

Фиона Андреевна. И слышит она необыкновенный треск, глядит, а у ней под образами круги, все круги...

Глафира Федоровна. Да что за круги?

Фиона Андреевна. Уж это ей, матушка, так бог дал знамение... Ну-с, вот она и пошла к старцу, приходит в келью, глядь, а там свинья сидит... бес над ней. Она так и хлопнулась. Спасибо, послушник вошел, спрыснул ее, говорит: это ничего, он у нас блаженный! Иной раз бог знает чем прикинется.

Глафира Федоровна (*отдает ей карты*). Помешайте карты.

Фиона Андреевна. Извольте, матушка. Вот, сударыня моя, старец этот и посоветовал: поди, мол, к Соловецким.

Глафира Федоровна. Куда?

Фиона Андреевна. К Соловецким, матушка. Ну-с, она и пошла, — шла, шла, а он-то все в глазах...

Глафира Федоровна. Кто?

Фиона Андреевна. Да бес-то. И заболи-то у нее вдруг нога, шишка.

Глафира Федоровна. Что?

Фиона Андреевна. Шишка, да вот на самом на этом месте — на щиколке. Как тут быть? Остановилась она у старушки, а старец, отец Анфилогий ей сказал: смотри никогда на правом боку не спи, потому — он тут сидит...

Глафира Федоровна. Да что ты, мать моя, так бестолково рассказываешь? Да кто сидит-то?

Фиона Андреевна. Он, матушка. Да как же, — отец Анфилогий говорит: при рождении каждого человека, в писании сказано...

Глафира Федоровна. Да ну, будет вам! У меня не то в голове. Где Сеня-то наш? Бедный Simon! Подумать не могу. Вон и он, уйдемте. (*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Семен Иванович один, потом Наталья Павловна.

Семен Иванович (*входит мрачный.*) Нет, я не могу этого терпеть больше. Маменька призвала меня и решительно объявила, что она сама видела, как моя жена говорила тайно с этим господином. Она говорит... Но это ужасно, что она говорит и думает... Положим, это вздор, но как довести себя до того, чтобы подать повод это думать! Но надо решиться. Я не могу так это оставить. Пойду к ней и объяснюсь. Маша, Маша, как я любил тебя! А этого господина... ну, уж этому господину нехорошо будет — да, нехорошо! (*Берет дубину.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Наталья Павловна (*входит*). Что вы, Семен Иванович, грустны как будто?

Семен Иванович. Я? Нет, ничего.

Наталья Павловна. Что это какая страшная палка? Это зачем?

Семен Иванович. Это так... *(Молчит.)* Наталья Павловна, что бы вы сделали, ежели бы всей душой вы любили человека, и этот человек не пожалел бы оскорбить вас, в самое больное место поразить вас?

Наталья Павловна. Я, право, не знаю, я не испытала.

Семен Иванович *(берет палку)*. Я знаю, что сделать. *(Угрожает дубинкой.)* Нет, ничего. Прощайте.

Наталья Павловна уходит.

Ах, нет... Где Маша? Пойду и решу все, непременно решу! *(Идет.)*

Марья Дмитриевна *(из-за двери)*. Сеня, это ты? Выдь на минутку, я тебя прошу.

Семен Иванович *(в сторону)*. Она и скрывать не хочет! Непонятно.

Наталья Павловна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Хрисанф Васильевич *(входит, берет свечи, отодвигает стол и стулья)*. Вас просят выйти на минуту.

Семен Иванович *(берет палку)*. Постойте, подождите!

Хрисанф Васильевич. Некогда, после. *(Уходит, унося свечи.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Люба.

Люба *(подбегает к двери)*. Глафира Федоровна, голубушка, скорее! что у нас делается; прелесть! идите скорее. *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Глафира Федоровна, Фиона Андреевна,
Семен Иванович, потом и все.

Глафира Федоровна. Это еще что? Свето-
представление!

Фиона Андреевна. Матушка, в потемках хоть
молитву сотворите.

Семен Иванович. Нет, это нельзя перенести, или
я, или... Они взбесились, ничего не понимаю!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Все входят в костюмах, с транспарантом.

Марья Дмитриевна (*поет стихи*).

Хоть поздравлять несовременно
В костюмах граций и цветами, —
Я консерватор совершенно,
Я занята одними вами.

Фиона Андреевна, Глафира Федоровна, Семен Иванович плачут.

Семен Иванович. Ах я дурак! А я-то думал...

Марья Дмитриевна. Что ты думал?

Семен Иванович. Нет, не скажу.

Марья Дмитриевна. То-то.

Глафира Федоровна. Charmant, как мило!
дети, обнимите меня.

Фиона Андреевна. Ай да нигилист, простре-
лил!

Хрисанф Васильевич. Ну, великолепная
госпожа, Фиона Андреевна, совершимте и мы с вами
примирение.

Конец

[ДРАМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА
ЛЕГЕНДЫ ОБ АГГЕЕ]

ПЕРВАЯ КАРТИНА

У дверей церкви. Стоят слуги с носилками, ждут пана и его жену.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

1-й, 2-й и 3-й слуги.

1-й слуга. Вот вздумал и в церковь пойти.

2-й слуга. Пора, я двадцать лет во дворе живу — ни разу не бывал.

1-й слуга. Должно, покаяться хочет.

3-й слуга. И пора бы. Мало ли через него слез льются. Петра забил. У Семена жену отнял. У Федора дочь. Люди мучаются, клянут его, а он знай веселится. С утра до вечера пьет, гуляет, за охотой ездит. А нищему никогда гроша не подал и на двор не пускает. И как только бог грехам терпит.

2-й слуга. Как же, покается. Не таков человек. Посмотри, и в церкви чего-нибудь наделает. (*Гром и молния.*) Батюшки, что такое? Небо чистое, а гром гремит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Выбегает из дверей церкви дворовый человек.

Дворовый человек. Ну, уж пан! Что натворили, страсть!

Окружают дворового человека.

1-й, 2-й и 3-й слуги. Что? что? Расскажи по порядку.

Дворовый человек. Да вот слушайте. Вошел в церковь в середине службы в шапке, стал посередине, глядит по сторонам. Вышел дьякон Евангелие читать. Дочитал до того места, где сказано: «Обаче горе вам, богатым, яко отстоите утешения вашего. Горе вам, насыщеннии ныне, яко взалчете; горе вам, смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете». Как крикнет пан: «Врешь, давай сюда книгу!» Ухватил книгу, стал рвать. Как только рванул, загредел гром. Я и выбежал.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Выходит пан и за ним народ.

Пан. Ишь, читает, что нищие блаженны будут, а богатые обнищают. Как же это может быть? Как же я обнищаю, когда у меня сто деревень и вся мне округа подвластна? Неправда написана в книге, и не надо неправду читать. Вот я вырвал листы и положу в карман. И читать не будут. *(Гром и молния.)* Не боюсь. Неправду читают. А как жил я богато, так и проживу всю жизнь, не обнищаю. *(На народ.)* Чего заробели? Сказано вам — на облаву охотой собираться. Живо! Вот я только дома пообедаю, сейчас выведу. Чтобы вы все уже в лесу были. *(Садится в носилки, его уносят. Гром гремит.)*

Пан. Греми, греми, не боюсь.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Лес. Трубят в рога,

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Два охотника.

1-й охотник. Не видал ты пана?

2-й охотник. Только и видел его, когда он с лошади соскочил.

1-й охотник. Да как он лошадь-то упустил?

2-й охотник. Ранил он его с лошади, олень упал. Обрадовался он, соскочил, думал добить. А олень вскочил да дальше. Он за ним пеший ушел. Лошадь-то убеги. Бросились мы догонять. А она задрала хвост, да домой. Он теперь пеший и бегаёт.

Входит третий.

3-й охотник. Чего вы тут?

1-й и 2-й охотники. Пана ищем.

3-й охотник. Ищите вчерашнего дня. Он уж дома.

1-й охотник. Как? а лошадь?

3-й охотник. Поймали, привели. Он сел и уехал.

2-й охотник. Врешь?

3-й охотник. Сам видел. Сам стремя держал, как садился. (Уходит.)

ВТОРАЯ СЦЕНА

Пробегает олень, становится за кустом. Выбегает пан без шапки с ножом.

Пан. Где он? где он? Сейчас был. Экие проклятые! Все отстали и лошадь упустили. Дай срок, вернусь — перепорю всех.

Олень показывается, пан бежит. Оба скрываются, опять показываются. Олень подпустит, и прочь. Если можно, воду, через которую переплывает олень и за ним, раздевшись, пан,

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Темный лес.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Пан (если будет река, то голый, если не будет, то в платье, но без ружья, без рога, без ножа, оборванный, без шапки). Эй, народ! Вы — черти, каналы, дьяволы, заporю! Ааааа! Аа... Нет, не откликаются. Дай, доберусь. Вы мне заплатите за все, чертовы дети! Разбежались, бросили одного. Погоди! Аааа!.. (Слушает.) Никого. (Ложится.) Ай да олень, довел он меня! И переночевать придется. Погоди, черти. Уж как пороть буду, сначала одного, потом другого, всех переберу. Потом опять сначала. Будете помнить. Ааааааа! Нет никого. (Встает.) Однако идти надо: авось набредешь на людей или на поляну. А то тут и волки съедят. Аааааа! Горло даже пересохло. Погоди, я вам размочу спины-то. Аааааа! (Уходит.)

ВТОРАЯ СЦЕНА

Приходят разбойники с оружием, мешками и располагаются и разводят огонь.

1-й разбойник. То нас, разбойников, люди боятся, а вот довелось нам людей бояться, замучала проклятая охота панская. Уж на что в трущобу забились. И то потревожили.

2-й разбойник. Да, брат, целый день никого не пограбили, только сами бегали. Завтра надо пораньше на дорогу выходить. Добычу добывать.

1-й разбойник. Житье бы ничего. Да одно — не покойно.

2-й молодой разбойник. Да чего же вы так пана испугались?

1-й разбойник. Чего испугались? Вот дурак-то. Как же не испугаться? Это не мужик и не купец: с

теми и вдвоем управишься. А пан иначе не выезжает, как за ним человек сто верховых с ружьями да с ножами, да пеших с дубьем человек двести. Этот налетит, так от нас только мокро останется.

2-й разбойник. То-то вы и уходите так скоро.

1-й разбойник. А то как же. С богатым не судись, с сильным не борись. И леса тоже эти его. И деревни все кругом его. Человек большой, у него сила большая. Такой же, как мы, разбойник, только другого манера.

Слышны крики пана за сценой: «Аааа!.. Черти!.. Выворочу все вам! Аааа!»

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Разбойники прислушиваются.

Молодой разбойник (*вскакивает*). Леший! Леший! Орет.

1-й разбойник. И то леший. Дай посмотрим, какой!

Подходит пан.

2-й разбойник. Ишь испугались! Не леший. А так какой-то, заблудящий. Должно, спьяна. Эй ты, щеголь!

Пан (*видит людей*). А, так вот вы где, разбойники! Уселись, огонь развели. А своего пана бросили. Погоди же ты, я вас! (*Налетает на них, начинает драться.*)

1-й разбойник (*встает, берет за шиворот*). Ай, молодец. Вот так воин! Да ты полегче! (*Берет его за руки.*)

Пан. Мерзавцы, идолы, черти! Я вас!

1-й разбойник. Да он, ребята, чумовой какой-то. Дай-ка ремень.

Пан. Что вы, али пана не знаете? Я с вас шкуру спущу, а потом за ноги повешу.

1-й разбойник (*закручивает руки назад*). Ну-ка подтяни, Сидорка, покруче. А я пану этому всыплю

парочку горячих, чтоб он свое панство забыл. (*Берет плеть.*) Вишь, пан, говорит.

Молодой разбойник. И похож на пана, нечего сказать.

Пан. Повешу!

1-й разбойник (*бьет плетью*). Раз! Ну-ка, пан, попрыгивай.

Пан. Ай, ай!

1-й разбойник. Ну-ка еще горяченького. Так-то пороть будешь али еще как?

Пан. Ай, ай! Право, я пан. Ей-богу.

1-й разбойник. Да я и верю. За то и бью. (*Хочет.*) Вот дай я раздену тебя, тогда виднее твое панство будет.

Бьют и привязывают к дереву.

Занавес

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Утро. Лес. Пан голый привязан у дерева. Стонет.

Пан. Ой, ой, ой! Руки мои затекли. Ой! Погоди ж, все вымещу. Железными прутьями пороть буду. Ой, спина! Избили всю. Ну, расплатитесь вы! Я вас! Да, доберусь. Ой, ой! Во рту пересохло. В подвалы засажу. Заморю.

ВТОРАЯ СЦЕНА

Пастухи. Старик и молодой.

Молодой пастух. Дядюшка, и то человек привязан стоит. Иди посмотри.

Старый пастух. Вишь ты, грех какой. Должно, разбойники ограбили, да и привязали.

Пан (*увидал их*). Что же стоите, дурачье? Разве не видите, развяжите скорее.

Старый пастух. Ах, не боятся люди бога. Как измучили человека. (*Подходит, хочет развязать.*) Ишь узлы какие! Ванька, ножик давай.

Пан. Что копаешься, скорее! О-о-о!

Старый пастух (*развязал, разрезал*). Ну вот расправил, сердечный. Водицы тебе, что ль? Ванька, давай воды да хлеба.

Молодой пастух (*приносит воды и хлеба*). На, сердечный, поешь.

Пан (*ложится и стонет*). Ах, разбойники, что делают. Ну, теперь уж не миновать вам моих рук.

Молодой пастух. Дядюшка, он кому-то грозит.

Старый пастух. Не замай. Очумел он, дай опамтуется. Да прикрыть уж надо. (*Снимает с себя старый верхний кафтан, хочет накрыть.*) На тебе, болезный, прикрой хоть.

Пан (*оглядывается и отталкивает кафтан*). Да ты что? с ума сошел, что ли? — на меня дерюгу надеваешь. Ты знаешь ли, кто я? Я пан ваш. Сейчас снимай поддевку да шапку, да обчисти хорошенько, да надень на меня. Уж я, так и быть, надену. Да веди меня ко двору, ко мне, к панскому двору.

Старый пастух. Очумел, видно, человек, говорит, что пан, а пана я вчера сам видел, как он верхом на лошади домой проехал. (*К пану.*) Будет, будет, надевай, что дают, да и добирайся до деревни. Там полежишь.

Пан (*вскакивает*). А и ты такой же, как и те. Погоди ж — и тебе то же будет. Да как ты смеешь перед паном в шапке разговаривать! (*Срывает с него шапку.*) Давай поддевку. (*Хватается за него.*)

Старый пастух (*подхватывает шапку, отталкивает пана и идет прочь*). Пойдем, Ванька, он вовсе угорелый какой-то.

Молодой пастух. Мы тебя от дерева отвязали, покормили, дядюшка кафтан дал, а ты еще буянишь. Брось, а то прибью. (*Поднимает кнут и толкает.*)

Пан падает. Пастухи уходят. Пан лежит и стонет,

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Приходят мужики.

Вишь, человек какой лежит!

Пан. Эй, народ, скорее бегите вы к панскому двору и скажите, что пан нашелся. И чтобы ехала сюда за мной коляска и дворовые, а мне отведите избу. Я отдохну.

Старик. Да ты что толкуешь?

Пан. Что толкую? Я пан ваш.

Старик. Какой пан? Пан дома в палатах живет, а не босиком бегаает.

Пан. Дурачье. Я заблудился за оленем, я пан. Они меня ищут.

Старик. Будет врать-то. Пан вчера проезжал, мы его сами видели. А нынче от него приказчик приезжал. Он дома.

Пан. Врете, разбойники! Я вас!

Старик. Будет, молодец. Уж тебя побили, сказывают, пастухи. Что же, али тебе мало — еще хочется? Брось ты эти дела. А иди своей дорогой.

Пан. Не верят. Ах, разбойники, доберусь же я. Ну слушай же. Не веришь ты, что я пан? Так вот, дай мне бумаги, перо, я напишу письмо пани. Она признает. Поэтому я то напишу, чего никто, кроме меня и ее, не знает.

Старик. Будет толковать-то, проваливай!

1-й мужик. Что же, дядюшка, пускай напишет, свезти можно в деревню.

Поднимают пана и ведут.

Занавес

ПЯТАЯ КАРТИНА

В избе у мужика. Пан. Баба.

Пан. Измучался я. Что долго не едут, пора бы ответ. Не торопятся, не знают. То-то жена обрадуется. *(Глядит в окно.)* Вот он едет.

Входит посланный.

Пан. Что же, где коляска, где люди?

Старик. Ну, брат, прокурат же ты!

Пан. Что, что? как ты смеешь так говорить!

Мужик. Да так и смею, что велел тебя пан...

Пан. Какой пан?

Мужик. Такой, настоящий, не такой, как ты. Велел тебя, пана, шелепами выбить отсюда, и чтобы духу твоего не слышно было.

Пан. Боже мой, что же это? Да жена-то что?

Мужик. Жена-то твоя, коли есть, не знаю что, а пани сказала: «Есть же такие обманщики. Прогоните его».

Пан. Боже мой, боже мой, что со мной будет?
(Плачет.)

Хозяин. Чудное дело! Ну что же, брат, не выгорела твоя штука, ступай с богом.

Занавес

ШЕСТАЯ КАРТИНА

СЦЕНА ПЕРВАЯ

На дворе. Пан чистит с бабой навоз.

Баба. Вишь, безрукой, и вилы-то взять в руки не умеет. (Отнимая вилы.) Дай, я сама; точно пан.

Пан. Я бы рад, да не умею.

Баба. Хлеб есть умеешь.

Пан. Ах, житье мое. Уж умереть лучше.

Баба. Хоть вези-то.

Запрягается, везет, падает.

Баба. И того не можешь. Замучалась я с тобой.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Пан. Ну, кралечка.

Баба. Ишь ты, пакостник!

Приходит хозяин.

Баба. Вот идола приставил, работать не работает, а пакостничать норовит.

Хозяин. Что? К бабе моей ладишься? Я те по-лажу. Вон! Пан ты этакой! (*В шюю.*)

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Село. Приходит пан босиком, без шапки, в одном кафтане, рваном, и ложится на край дороги.

Пан. Ну хорошо, что на дорогу выбрался. Теперь дойду до дома. Там узнают. А то сколько ни говорил, что я пан, никто не верит. Только ругаются. Если не скажу, так подадут, а скажу, так прогонят. И нынче ничего не ел. Не стану уж говорить. (*Подходит к избе, стучится.*) Дайте поесть.

Отворяется окно.

Баба. Много вас тут шляется! Вишь, здоровый какой, работать бы мог — просит.

Пан. Да я не нищий, я пан.

Баба. А пан, так нечего под окном стучать! (*Захлопывает окно.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Приходят два нищих, слепой и безрукий, подходят к окну.

Слепой и безрукий. Христа ради!

Баба (*отворяет окно, подает хлеб*). Примите. Христа ради.

Нищие садятся и едят.

Пан (*подходит*). Дайте поесть.

Слепой. Чего же сам не просишь?

Пан. Просил — не дают.

Безрукий. Ну, бери. (*Дает хлеба, едят.*) Да ты кто такой, откуда?

Пан. Мне уж говорить не хочется. Как скажу кто, так все меня ругают и бьют. Не верят мне. Работать не умею, а есть хочу. Пожалейте вы меня, возьмите с собой.

Безрукий и нищий. А что же, возьмем! Пускай суму носит.

Слепой нищий. Пойдем.

Нищие поднимаются и с паном уходят.

ВОСЬМАЯ КАРТИНА

Панский двор. Дворня нарядная. Играют на балалайках, пляшут. В ворота входят нищие и пан, поют стих о Лазаре.

Дворник. Не велено пускать, убирайтесь!

Охотник. Собак выпущу. Фю! Узи!

Собаки бросаются. Пан идет к двери.

Кучер. Вишь ты, ловкий какой! Дай голяшки-то тебе покусает, будешь знать. Узи!

Пан. Ай, ай!..

Дворник (*берет за шиворот и тащит в ворота.*)
Убейся, покуда цел.

Пан. Я пришел.

Из окна выглядывает другой пан. Пан затихает и глядит.

Пан нищий. Батюшки! Я сам дома. Другой я в окне, что ж это?

Пан в окне. Пустите, пустите нищих. Вот им. (*Кидает горсть серебра.*) Пускай слепые попоют, а потом покормите.

Нищие поют Лазаря.

Пан Ангел. Мехоношу сведите в хоромы.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Палата царская. Сидит пан в виде нищего, один обедает, и служит ему прислуга.

Пан. Что это значит? Другой я в окне, и вид светлый и добрый. И меня защитил и велел сюда отдельно принять. Кончена моя жизнь. Признать уж меня — никто не признает. Видно, погибнуть мне в нужде. Что это?

Является свет и из света голос.

Голос. А знаешь ли ты, пан Фадей, пана сильного, богатого и гордого, как не поверил слову евангельскому и сказал, что нельзя богатому обнищать? Узнал ли ты теперь, к чему богатство мира сего и как на него полагаться? Понял ли ты, что то было виденье и зачем тебе оно привиделось? Покаялся ли ты в гордости своей?

Пан. Покаялся и не буду жить по-прежнему.

Голос. Так будь же опять пан и заслужи гордость свою.

Пан переодевается. Жена входит и обнимает его, и слуги кланяются.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Большой стол великолепный. Сидят нищие, и пан с женою служат им.

ПЕТР ХЛЕБНИК

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие происходит в III столетии в Сирии.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Площадь перед домом. Сидят нищие: две женщины, трое мужчин, проходят жители. Нищие просят, им подают.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит нищий странник.

Странник. Здорово, товарищ.

1-й нищий. Откуда?

Странник. Из Каира. Хорошо ли собираете?

1-й нищий. Плохо, богатых мало.

Странник. Как мало? А вот какие богатые дома (указывает). У этого, должно быть, тысячи.

Нищая. Да, у этого богатства много, да он удивится, а ничего нищему не подаст.

2-й нищий. Все знают Петра Хлебника. С тех пор, как я здесь живу, тридцать лет, никогда никому корки хлеба не дал.

3-й нищий. И жена и дочь такие же.

2-я нищая. Нет, дочь все-таки добрее. Служанка сказывала.

1-я нищ ая. Нет на свете скупее человека этого Петра, никогда никому не подаст.

Странник. Как не даст. Кто умеет просить, выпросит.

1-й нищ ий. Как же, попробуй.

Странник. А вот выпрошу. Нет того человека, кто бы мне не дал, если я пристану.

Нищ ая и нищ ий. Как же, выпросишь, не даст.

Странник. Об заклад.

1-й нищ ий. О чем?

Все обступают странника.

Странник. Да вот хочешь об заклад на три деньги?

1-й нищ ий. Идет. *(Бьют по рукам и смеются.)*
Давай деньги.

Странник и нищий отдают деньги первой нищей.

2-й нищ ий. Вот он как раз идет. Несет князю хлеба.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Выходит Петр с рабом, несущим корзину хлеба.

Странник *(подходит к Петру)*. Христа ради страннику бездомному. Вы наши отцы, смилуйтесь. Кормилец, Христа ради, с голода умираю и т. д.

Петр *(идет не оборачиваясь.)*

Странник пристаёт, падает в ноги, хватается за полы.

Отвяжись.

Странник. Родимый, батюшка и т. д.

Петр. Пошел прочь.

Странник *(забегает с другой стороны, падает в ноги)*. Батюшка и т. д.

Петр. Отстань, убью. *(Нагибается, берет камень.)*

Странник. Милостивец. Пожалей. *(Хватается за руку и т. д.)*

Петр. Говорил, избыю. Отстань. *(Схватывает хлеб из корзины, бросает в него и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без Петра.

Странник (*подхватывает хлеб и бежит к нищим*).
Что, говорил? Моя взяла. Вот она, Петрова милостыня. (*Показывает хлеб.*) Давай деньги мои.

2-й нищий. Ну, брат, счастлив ты. Выиграл, угости за это.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Внутренность дома. На первом плане сидят жена и дочь Петра. В глубине сцены кровать, на которой лежит Петр, мечется и бредит.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Петр. Разбойники, разорили. Куда столько муки высыпали. Плати деньги. Режь. Царь. Цветы заиграли. Прощайте. (*Затихает.*)

Жена. Вот уже вечером третий день будет, а все не лучше. Как бы не помер.

Входит юродивая.

Юродивая. Здравствуй, девонька. Все плачешь. Мужа хоронить хочешь. Не робей, не помрет. Не готов еще он. Тридцать лет деньги собирал, теперь столько еще лет надо деньги расшвыривать. Тогда только готов будет.

Мать. Будет тебе, Дунюшка, пустяки говорить. Поесть хочешь?

Юродивая. Не надо мне есть. Эй, старик, спишь, что ли?

Дочь уходит.

Петр прислушивается.

Нельзя богатому внить в царство божие. Не пролезешь, зацепишься. А не пролезешь, в ад к муринам попадешь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит врач. Те же и врач, без дочери.

Петр (*вскакивает и кричит*). Тебе что нужно? И ты меня душить хочешь?

Врач. Успокойся, болезнь твоя пройдет. (*Берет его за руку и усаживает на постель.*)

Юродивая. Дурак, дурак, глупости делаешь, мое дело портишь. Не хочу смотреть. (*Убегает.*)

Врач. Держите его. (*Ощупывает, остукивает и говорит про себя.*) Здесь нет. Здесь начинается. Слышу, вот он. Этого я выгоню. Вся болезнь тут. Исцелишься, будь спокоен. Лежи смирно. (*Вынимает стклянку, дает ему пить и передает жене другую, чтобы растирать его.*) Вечером разотрите его. Вот так. (*Врач уходит, жена за ним.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Петр (*один, долго лежит молча, вдруг вскакивает и садится*). Что же это? Это смерть. Чувствую, что умираю. Вот он и ангел за душой пришел. Он говорит, исцелеешь. Какое исцеление, когда смерть. Боже мой, что же будет со мной там? Неужели правда, что нельзя войти богатому в царство божие? Неужели правда, что зачтется мне вся жестокость моя, что не давал я просящему, не жалел вдову, сироту, больного, убогого? Неужели это правда? Как же не понимал я этого? Лучше бы мне не половину, а все отдать, чем идти теперь к этим черным. Вот они, вот они, уже тащат к себе мою душу. (*Смотрит вверх.*) Да, вот они, весы, на них будут вешать мои добрые и злые дела. Вот они принесли на одну сторону деньги, что я поотнимал у вдов и сирот, жалованье, что я не отдал рабочим,

обиды, ругательства, побои. Вот они верхом наложили эту чашу весов, и уже пошли весы книзу, и вот они возрадовались, дьяволы. Ай, ай, пропал! Что теперь положат на другую сторону?.. Что же это? Хлеб. Только один хлеб, тот хлеб, что я тогда бросил в надоедливому нищего. Батюшки, поднялись весы, перетянул хлеб все злые дела мои... Так вот оно что значит, милосердие. Только бы не умереть мне теперь. Знал бы я, что бы сделал. По слову Христову роздал бы все имение нищим, не оставил бы себе ничего. (*Падает на постель и засыпает.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Перед крыльцом дома Петра. Петр на крыльце, кругом огромная толпа нищих и всякого народа. Петр из мешка оделяет деньги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

1-й нищий (на 2-го). Ты уж другой раз берешь.

Толкаются.

2-й нищий. Врешь, ты сам три раза брал.

Женщина. Ай, батюшки, задавили.

Голос из толпы. А ты не лезь.

3-й нищий. Мне, мне, пять человек детей, мал мала меньше...

Различные возгласы.

Петр. Берите, берите, достанет, только не обижайте друг друга. Довольно я обижал всех, простите Христа ради.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жена (прибегает). Что же ты это, разбойник, делаешь! Нищими нас оставить хочешь? То не в меру скуп, а теперь не в меру щедр стал. Разбойник! (Отнимает у него деньги и вталкивает в дом. Кричит на народ и разгоняет.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Петр Хлебник выходит с рабом Елизаром.

Петр. Так обещай же, что сделаешь то, о чем буду просить тебя.

Елизар. Все сделаю, потому что люблю тебя теперь больше, чем люблю отца с матерью. Люблю потому, что вижу в тебе дух божий.

Петр. Обещаешь, клянешься?

Елизар. Обещаю, клянусь.

Петр. Видишь ли, семья не позволяет мне раздать последнее имение мое. Не могу я силой идти против них, и не могу я остаться так, как я был. Понял я теперь грех мой и хочу искупить его и служить одному богу. Сказано: «Продай имение свое и отдай его нищим». Мне не дают раздать остального имения моего. Я не волен в нем, но в себе я волен, и себя я хочу отдать людям. Так пойдем же со мной на базар, где продают невольников, свяжи мне руки и выведи меня и продай как невольника своего. А деньги, которые выручишь, отдай нищим.

Елизар. Хозяин, не могу сделать этого.

Петр. А как же ты обещал и клялся мне?

Елизар. Не делай этого, жаль мне тебя.

Петр. Что же не жалел ты меня, когда я делал зло и губил себя? А жалеешь теперь, когда хочу спасти себя.

Елизар. Пусть будет воля твоя.

Жена (выходит). Что вы делаете здесь? Будет вам растабарывать. Идите в дом.

Уходят,

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Базар. Невольницы и невольники связанные, в цепях, и их хозяева. 1-й хозяин с 2-мя невольниками. 2-й хозяин со стариком невольником и с сыном, мальчиком-невольником. Елизар с Петром. Покупатели.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

1-й покупатель. Что ты просишь за эту? (*Показывает на невольницу.*)

1-й хозяин. Двести гривен.

1-й покупатель. Что умеет делать?

1-й хозяин. Пляшет, поет.

1-й покупатель. Стряпать умеет?

1-й хозяин. Для стряпни возьми старую.

1-й покупатель. Не нужно.

2-й покупатель (*подходит к старику и молодому*). Что просишь за двух?

2-й хозяин. Сто тридцать.

2-й покупатель. Кто же тебе это даст. (*Трогает за руку старика.*) В нем силы нет, а тот молод.

2-й хозяин. Да я дешевле не возьму.

2-й покупатель. Не надо, не надо. (*Подходит к Петру.*) На какую годен работу?

Елизар (*тихо*). Не могу, уволь.

Петр. Помни, что ты поклялся, не погуби меня. (*К покупателю.*) Гожусь на всякую. Могу и черную работу, и писать и считать могу.

2-й покупатель. Что просишь?
Петр (шепотом Елизару). Говори: сто гривен.
Елизар. Сто гривен.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Подходят два египтянина.

1-й египтянин (к покупателю). Для чего торгуете?

2-й покупатель. Мне в черную работу надо. А этот и писать и считать умеет, а такие на тяжелый труд ненадежны.

1-й египтянин. А мне такого и нужно. По нашей торговле дорогими камнями нужно не тяжелую работу, а чистоту, расчетливость и верность.

Петр. Хозяин, возьми меня, будешь доволен. Буду служить, как сын отцу родному.

1-й египтянин. Ты мне нравишься. (К Елизару.) Какая цена?

Елизар. Сто гривен.

1-й египтянин. Получи деньги.

Елизар (плачет). Не могу.

Петр (обнимает Елизара). Прощай. Отдай же деньги, как я сказал тебе.

Елизар. Все сделаю, только бы душа твоя была покойна. Прощай, дорогой хозяин.

Петр. Молчи. (Уходит с египтянином.)

Елизар один плачет.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Действие происходит в Египте. Немой привратник пропускает врача и купца в двери и объясняет знаками, что хозяин сейчас придет. Уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Врач. Должно быть, он говорит, что хозяин дома, и просит нас войти. Пойдем.

Купец. Да я знаю, что они гостеприимные люди.

Входит 1-й египтянин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

1-й египтянин (*обращаясь к купцу*). Радуюсь видеть вас у себя. Милости просим. Вы, должно быть, устали от дороги и не откажетесь вкусить моей хлеба-соли.

Купец. Благодарю. Мы и друг мой врач из далекой Сирии приехали по делам торговли в ваш город и очень рады посетить вас.

Египтянин (*хлопает в ладоши и зовет*). Мефодий! (*К гостям.*) Прошу садиться.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит Петр в одежде прислуживающего раба и, увидев врача, пугается и отворачивается.

Петр. Что прикажет хозяин?

Египтянин. Принеси дорогим гостям хлеба, вина и винограду. Гости с твоей стороны. Ты не знаешь их?

Петр. Нет, я не знаю. (Уходит.)

Врач (к хозяину). А ты был когда-нибудь в нашем городе?

Египтянин. Был восемь лет тому назад. В то самое время, как купил того самого раба, которого вы сейчас видели.

Врач. Да это было в то самое время, как в нашем городе случилось то необыкновенное дело, которого никто не может понять до сих пор.

Египтянин. Какое же это было необыкновенное дело?

Врач. А это было то, что один из самых богатых людей нашего города, Петр Хлебник, обладавший огромными садами и землями и бывший самым скупым человеком в стране, вдруг поверил христианскому закону и роздал все, что мог раздать, а так как не мог всего раздать, то, как рассказывают, сам себя продал в рабство, цену за себя отдал нищим и исчез неизвестно куда.

Купец. Жена его до сих пор повсюду рассылает людей, чтобы найти его, но никто не знает, где он и что он.

Египтянин. Какая удивительная история. Каких он был лет и какого вида?

В это время входит Петр, неся кувшин с вином и плоды.

Врач. Ему было уже лет под пятьдесят и из себя был роста среднего, скорее худой, чем толстый, подобно рабу этому.

Петр закрывает себе лицо и поспешно уходит.

Какое славное лицо у этого раба.

Египтянин. Он не раб, а золото. С тех пор, как он у меня, все дела мои процветают. Я много раз отда-

вал ему свободу, но он не хочет брать ее. Он раб, но один из самых лучших людей, которых я знал когда-либо. Мефодий, пойдй сюда.

Входит П е т р.

В р а ч (к купцу). Посмотри, он, право, похож на Петра Хлебника.

Петр бежит к дверям.

П е т р. Немой, отопрй.

Дверь отворяется, Петр убегает. Немой входит и говорит.

Немой. Это был святой, я видел, когда он вышел в ворота, как сияние окружило его, и он исчез.

Е г и п т я н и н. Чудо, немой заговорил.

Купец и врач. Это он, это он, он скрылся, чтобы люди не восхваляли его.

З а н а в е с

Конец

ПРИМЕЧАНИЯ

ДРАМАТУРГИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

I

Толстой обратился к драматургии в самом начале своего писательского пути. Он впервые «задумывает драму» под непосредственным воздействием театральной жизни Петербурга, куда он приехал в 1855 году из Севастополя. (См. Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 47, М. 1937, стр. 65)¹. В редакции журнала «Современник» он встретил исключительную заинтересованность театром и драматургией. Журнал настойчиво пропагандировал традиции Грибоедова и Гоголя в драме, традиции щепкинского реализма в театре.

Ранние пьесы Толстого, судя по его дневнику и сохранившимся наброскам, должны были приобрести сатирический, резко обличительный характер. В первой из них (она называлась «Родительская любовь», затем — «Дворянское семейство», а в одном из вариантов — «Практический человек») Толстой намеревался изобличить господский «разврат в деревне» (47, 80), а в другой («Дядюшкино благословение» или «Свободная любовь») он хотел подвергнуть осмеянию господский разврат в городе.

Обратившись к драматургической форме, молодой писатель стремится разрабатывать здесь те же темы, что и в своих повестях и рассказах. В первых незавершенных пьесах Толстого

¹ В дальнейшем все ссылки на это издание даются с указанием лишь тома и страницы.

ясно прослеживается связь с его основными творческими замыслами 50-х годов. Критическая обличительная направленность связывает замысел комедии «Дворянское семейство» с повестью «Юность» и «Севастопольскими рассказами». В ней должен был получить отражение конфликт, ярко показанный Толстым в «Утре помещика»: взаимоотношения барина и мужика накануне реформы 1861 года.

В комедии «Свободная любовь» Толстой стремился показать, как в образованной дворянской среде за красивыми словами о женской эмансипации скрываются низкий и подлый расчет, цинизм и откровенный разврат.

Толстой долго колебался, какой из пьес — «деревенской» или «городской» — отдать предпочтение, и даже пытался соединить их действующих лиц. Однако комедийная форма явно «не далась» молодому автору, и ни один из его ранних опытов в драматургии не получил осуществления.

В 1862—1864 годах Толстой написал комедию-памфлет «Зараженное семейство». Этой комедией писатель откликнулся на острейшую общественно-политическую борьбу между дворянскими либералами и революционными демократами, кипевшую в связи с «крестьянской реформой» 1861 года. По своей идейной направленности комедия «Зараженное семейство» некоторыми своими сторонами оказалась близкой к антидемократической беллетристике 60-х годов, хотя Толстой менее всего искал сближения с авторами романов и повестей, в которых высмеивались так называемые «нигилисты».

Толстой начал писать комедию, увлеченный горячей полемикой, развернувшейся вокруг романа Тургенев «Отцы и дети», опубликованного в 1862 году на страницах журнала «Русский вестник».

Главным героем первой редакции своей комедии Толстой так же, как и Тургенев, избрал студента-разночинца. Писатель показывал не только смешные его стороны (студент неловок, груб, невоспитан), но и то положительное, что сумел в нем увидеть («Наступит дело — я труженик и боец», — говорит о себе Твердынский).

В 1863 году Толстой пишет вторую редакцию комедии и главным ее героем делает акцизного чиновника, карьериста и стяжателя Венеровского, либеральной болтовней прикрывающего свои низменные помыслы и устремления. Выдав Венеровского за представителя «новых людей», писатель, вольно или

невольно, превратил свою комедию в памфлет, направленный против разночинно-демократической интеллигенции. «Зараженное семейство» (в этой редакции) содержит прямые полемические выпады против знаменитого романа Чернышевского «Что делать?» (Венеровский «цитирует» его в разговорах со своей невестой, помещичьей дочкой Любочкой!).

Легко увидеть, что ничего общего с новыми людьми не имеют ни Венеровский («...Уж никак не новый человек. А новый сеньор — вот и все», — справедливо говорит о нем Твердынский), ни обесчещенная им «амансипированная» Катерина Матвеевна — племянница помещика Прибышева. Излечившись от «нигилизма», Катерина Матвеевна стала единомышленницей своего дядюшки, которого Твердынский метко назвал Зуботыковым.

Работая над «Зараженным семейством», Толстой стремился написать злободневную комедию. Ломка старого крепостнического уклада, вызревание новых, пореформенных отношений, выкупы земли, неповиновение мужиков, дороговизна вольнонаемного труда — этими и другими острейшими вопросами полна пьеса Толстого.

Образ Ивана Михайловича Прибышева, отъявленного крепостника и ретрограда — едва ли не первый в русской литературе образ пореформенного помещика, семейство которого стало «зараженным», соприкоснувшись с «новыми людьми» типа Венеровского. Прибышева и его домочадцев Толстой нарисовал сочными красками, с полным знанием их быта, их чувств и мыслей. Но писателю не удалось представить разночинского лагеря. Стремление к нарочитому разоблачительству помешало ему развить и те верные черты, которые он подметил и в студенте-демократе, и в чиновнике-либерале.

Идейно и художественно комедия «Зараженное семейство» весьма слабое произведение.

Двумя годами позднее Толстой написал по просьбе артистов-любителей небольшую комедию «Нигилист», в которой варьировались мотивы «Зараженного семейства». До нас дошла лишь ее первоначальная редакция.

Завершив в конце 60-х годов «Войну и мир», Толстой долго выбирал тему и сюжет для нового произведения. Среди его творческих замыслов начала 70-х годов было несколько драматических сюжетов. Как рассказывает С. А. Толстая, в эту пору «он читал русские былины, сказки, предания, которые при-

водили его в восторг. В них он искал сюжет для народной драмы, но воспользовался ими для своих детских четырех книг для чтения» (С. А. Толстая, *Моя жизнь. (Машинопись.)* Часть 2, стр. 272).

Работа над романом «Анна Каренина» поглотила тогда все силы писателя, и ни народная драма на фольклорную тему, ни пьеса на увлекший писателя исторический сюжет не были созданы.

В последних главах и в эпилоге «Анны Карениной» уже явно выражены черты глубочайшего перелома в мировоззрении писателя, завершившегося в начале 80-х годов.

Как тонко и верно заметил Р. Роллан, с «Анной Карениной» в творчество русского романиста властно вторгается драматическое начало. А характеризуя произведения писателя, созданные им после идейного перелома, Р. Роллан замечает: «Чувствуется, что в этот период творческая мысль Толстого находится под сильным воздействием законов театра» (Ромен Роллан, *Жизнь Толстого, Собр. соч. в четырнадцати томах, т. 2, М. 1954, стр. 312).*

Начав драматическое творчество в пору близости с редакцией журнала «Современник» и Островским, Толстой продолжает его, установив тесные связи с деятелями народных театров 80-х и последующих годов.

В одну из своих прогулок в начале 80-х годов по Москве писатель увидел на Девичьем поле балаганы и был возмущен и удручен теми «зрелищами», которые устраивались для «простолюдинов» всевозможными антрепренерами, извлекавшими выгоду из любви народа к театру. В дневнике его появилась запись: «Пошел на балаганы. Хороводы, горелки. Жалкий фабричный народ-заморыш. Научи меня, боже, как служить им. Я не вижу другого, как нести свет без всяких соображений» (49, 82). Тогда же Толстой решил немедленно написать небольшие пьески для балаганных представлений, стремясь дать их зрителям «разумные развлечения». Так возникла комедия «Первый винокур», которую в семье писателя называли «балаганной пьесой». В ней, как и в других пьесах, написанных для той же цели («Петр Хлебник», «Легенда о гордом Аггее»), Толстой использовал опыт фольклорной драмы с ее яркой зрелищностью, заостренностью характеристик действующих лиц, сочным языком, напряженностью и быстрым развитием действия.

В середине 80-х годов Толстой встретился с организатором московского театра для народного зрителя «Скоморох» М. В. Лентовским. Тогда же к нему обратился за поддержкой режиссер Петербургского Василеостровского театра для рабочих П. А. Денисенко.

«Дело, занимающее вас — народный театр — очень занимает и меня, — признавался Толстой в письме к П. А. Денисенко. — ...Если вы возьметесь за это дело, я всячески — и своим писанием, и привлечением к этому делу людей, которые могут дать средства для затрат (если это нужно), буду служить этому делу» (63, 328—329).

В том же письме, которое было тогда же напечатано в журнале «Дневник русского актера» (1886, № 1), писатель дал обещание немедленно взяться за пьесу для народных театров. И он выполнил свое обещание, написав в октябре 1886 года драму «Власть тьмы».

II

Можно сказать, что «Власть тьмы» Толстой написал по заказу деятелей народных театров. Их настойчивые просьбы заставили его взяться за работу над пьесой.

«Я раньше объявил, что буду писать для народа, и «Власть тьмы» я писал для народа», — говорил Толстой неоднократно (А. Г. Русанов, Воспоминания о Л. Н. Толстом, Воронеж, 1937, стр. 162). Писатель указывал, что драма эта предназначалась им для «большого света», как он любил называть народ (64, 6).

«Власть тьмы» была написана Толстым в ту пору, когда официальная Россия готовилась пышно и шумно отметить 25-летие «реформы» 1861 года. Драма Толстого разрушала легенду о процветании пореформенной деревни, о благоденствии «осчастливленного» царским манифестом русского мужичка. Писатель нарисовал страшную, но правдивую картину дикости и варварства, укоренившихся в деревне за века крепостничества, когда, как писал В. И. Ленин, «...крестьяне были ... совсем подавлены темнотой» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194). В пьесе Толстого изображены и те «новые» формы дикости и варварства, которые принес в патриархальную деревню буржуазный строй с его безжалостной «властью денег»,

Что представляла собой вековечная деревенская темнота, оставшаяся в наследство от крепостничества, превосходно живописует в драме старый солдат Митрич, умеющий «раздробить» и объяснить самые трудные вопросы. «Кроты слепые», «звери лесные», — говорит Митрич про баб и девок, которых в России «большие миллионы». Что они знают? «Как коровью смерть опаживать, привороты всякие, да как под насест ребят носить к курам — это знают».

Страшна и безнадежна была судьба деревенской женщины-труженицы. «Как выросла, так и помрет. Ничего не видала, ничего не слыхала». Виновата ли она? «Да и спросить с вас тоже нельзя, — говорит Митрич Анютке. — Кто вас учит? Только пьяный мужик когда вожами поучит. Только и ученья. Уж и не знаю, кто за вас отвечать будет...»

Проницательный Митрич, однако, проглядел: у деревенской бабы в пореформенные годы появились и другие «учителя». Наставником и руководителем всех «темных дел» Матрены явился некий Иван Мосеич. Толстой оставил его фигуру в тени, но роль Ивана Мосеича в пьесе очень велика.

Матрена говорит сыну: «Иван Мосеича знаешь? Я до него тоже притолчна. Зашла намердн. Я ему, ведашь, тоже одно дело управила... Слухай, что Иван Мосеич приказывал. Пуше всего, говорит, тетка, смотри, чтоб денежки не упустить. Не ухватит, говорит, она (Анисья. — К. Л.) деньги, не дадут ей на себя зятя принять. Деньги, говорит, всему делу голова... Ты заграбь денежки-то...»

А когда задуманное совершилось — Анисья и Матрена отравили Петра и деньги его перешли к Никите, — Иван Мосеич дал новый совет. «Нам, — говорит Анисья, — тогда Иван Мосеич присудил. Положите, говорит, деньги в банку (банк — К. Л.) — и деньги целее, и процент получать будете».

Повторяя слова Ивана Мосеича, Матрена учит сына жить «по-новому» и помнить, что «деньги — всему делу голова». А когда старозаветный Аким говорит, что ограбление народа делается «не по-закону», бывалый Митрич отвечает ему: «Не по закону? Это, брат, нынче не разбирают. А как еще околузывают-то дочиста».

В драме Толстого с поразительной наглядностью вырисовывается картина разрушения старых патриархальных отношений в деревне и замены их новыми — буржуазными порядками, при

которых власть вековой «тьмы» усугублялась беспощадной «властью денег».

В редкой сцене «Власти тьмы» не идет речь о деньгах. Может показаться, что «власть тьмы» это и есть «власть денег». Однако Толстой выступает здесь не только против той «тьмы», которую принесли в пореформенную деревню деньги, но и против деревенской темноты, выросшей и утвердившейся при крепостном праве.

Реакционная критика обвиняла Толстого в том, что в своей пьесе он оклеветал русский народ, что, как писали церковники, он показал в ней лишь «кромешную тьму разврата и самых отвратительных преступлений» («Московские церковные ведомости», 1887, № 10, стр. 160). Подобные нападки на Толстого и его пьесу не остались без ответа.

Гл. Успенский, Вс. Гаршин, Чехов и Короленко, Репин и Стасов, молодой Горький, М. Г. Савина, К. С. Станиславский и другие передовые люди русской литературы и искусства горячо выступали в защиту драмы Толстого. «Это — неизгладимый урок жизни», — писал Репин о «Власти тьмы», подчеркивая, что пьеса «оставляет глубоко нравственное, трагическое настроение» (И. Е. Репин и Л. Н. Толстой, т. 1, М. — Л. 1949, стр. 13). «Л. Н. Толстого, — писал в 1896 году Горький, — не раз упрекали в том, что он в своей драме слишком сгустил краски и утрировал, — жизнь оправдывает его от этих упреков». И тут же Горький указал на поразительное сходство событий, изображенных во «Власти тьмы», с действительным происшествием в подмосковной деревне. Более того, подчеркивал Горький, жизнь пореформенной деревни порождает явления, которые выглядят много «хуже того, что изображено в драме Льва Николаевича» (М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 23, стр. 105).

Гл. Успенский увидел во «Власти тьмы» правдивую картину глубочайшего «расстройства народных порядков» в пореформенной деревне. Из анализа драмы Успенский сделал такой вывод: «Хрустение косточек человеческих — явление неизбежное в нашем строе общества» («Русское богатство», 1887, № 4, стр. 116).

Всем своим содержанием драма Толстого подводила к мысли о том, что необходимо изменить общественный строй, при котором «хрустение косточек человеческих» является «законом жизни»,

Только враждебная Толстому критика могла не увидеть, что силам тьмы в его драме противостоят силы добра, и не просто противостоят, а и выигрывают тяжбу со злом. Во «Власти тьмы» зло обличается и осуждается настойчиво и непрерывно, и притом многими голосами. Это и голос патриархального старика Акима, и голос бывалого, много повидавшего Митрича. Это и прерывающийся от обиды и слез голос сироты Марины. Это, наконец, чистый и светлый голосок десятилетней Анютки. Самое поразительное в драме Толстого — это то, что зло сильнее всего осуждается в ней не людьми старой патриархальной деревни, представителем которой выступает Аким, а людьми будущего, кому предстоит вступить в жизнь. Настойчиво и требовательно спрашивает Анютка у взрослых: «Как быть?» — то есть как жить, что делать? какими средствами уберечь и себя, чтобы не «изгадиться», и едва затеплившуюся жизнь ребенка Акулины, зверски убиваемого в погребѣ?

Из всех «лучей света» в драме Толстого самый светлый — десятилетняя Анютка. Значение ее образа — огромно. «Дети, — писал Толстой в дневнике, — это *увеличительные стекла* зла. Стоит приложить к детям какое-нибудь злое дело и то, что казалось по отношению взрослых только нехорошим, представляется ужасным по отношению детей...» (54, 79. — Подчеркнуто мной. — К. Л.).

Эта удивительная по глубине мысли запись в какой-то мере объясняет причину появления знаменитого «варианта» к той сцене IV-го действия «Власти тьмы», где показано убийство новорожденного ребенка. От прямого изображения ужасного преступления Толстой перешел к его «отраженному» показу: о происходящем за сценой убийстве зритель узнает от Анютки. С поразительным искусством воссоздает писатель постепенное нарастание ужаса, охватывающего Анютку. «Ишь, настрашали девчонку как», — заволновался даже ко всему привыкший Митрич.

Беседуя с Анюткой о горькой судьбине, которая ждет ее, Митрич вспоминает о другой девчонке — найденной солдатами в разоренной деревне на чужбине и выпестованной ими. В рассказе об этой девчонке, прозванной солдатами Сашкой, раскрылись лучшие, глубоко человеческие качества старого Митрича — доброта, нежность, бескорыстие, любовь к детям. Треклятая царская служба душила и мяла Митрича долгие годы, однако не смогла погасить его приметливый и пронзительный ум, способный «раз-

дробить» и привести в ясность вопросы, которые ставят втупик Акима.

Долгое время критика видела в Акиме лишь «рупор идей» Толстого-вероучителя. Но Аким вовсе не «рупор», а живой персонаж — со своим лицом и голосом, со своей, очень нележкой, судьбой. В нем нашли воплощение типические черты старой, патриархальной деревни.

В дореволюционных постановках «Власти тьмы» также всячески подчеркивались незлобие и слабохарактерность Акима, его религиозность. Режиссеры и актеры советского театра находят и показывают крупным планом иные черты в Акиме. «Его надо чувствовать и любить за богатую русскую душу, чистоту и благородство помыслов, за истинно народную мудрость и простоту, — пишет замечательный исполнитель роли Акима И. В. Ильинский. — Аким решительно и активно не приемлет неправду и зло, он последовательно и мужественно защищает доброе в людях, защищает всеми своими действиями и помыслами, всей своей невыносимо трудной жизнью!» («Театральная жизнь», 1960, № 22, стр. 5).

Стремясь открыть в Акиме «все то лучшее, что свойственно простому русскому человеку», режиссеры и актеры советского театра видят и в других персонажах драмы не закоренелых злодеев, а живых людей старой деревни. В дореволюционных постановках, например, Матрена нередко изображалась, как «Яго в юбке», как «Леди Макбет Тульской губернии» и т. п. «Матрену вовсе не надо играть злодейкой... — говорил Толстой. — Это — обыкновенная старуха, умная, желающая по-своему добра сыну. Ее поступки не есть результат каких-нибудь особенных, злодейских свойств ее характера... Темные дела делаются, по ее мнению, всеми — без этого невозможна жизнь и она их не боится» («Северный вестник», 1896, № 1, стр. 309). И Матрена, и Аксинья, и Никита — вовсе не «преступные типы», а люди, подпавшие под власть денег, под гнетущую власть тьмы.

«Власть тьмы» — громадное художественное полотно, написанное по законам реализма. «Что за правда беспредельная, — восторгался Стасов, — что за глубина, что за сила и красота творчества! А какой язык — этому и названия нет». («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка», Л. 1929, стр. 76).

Ни одно из произведений Толстого не может сравниться с «Властью тьмы» по числу пословиц, поговорок, присловий и других фольклорных жемчужин, взятых писателем из живого кре-

стьянского языка. Толстой как-то сделал такое признание: «Я ограбил свои записные книжки, чтобы написать «Власть тьмы».

И действительно, многие из фольклорных записей, которые содержатся в его записных книжках 70—80-х годов, перешли в текст «Власти тьмы». Однако лишь некоторые из них переключались в драму в своем «чистом» виде. Громадное же большинство их было Толстым творчески переработано, отшлифовано, «огранено» и — приобрело еще больший блеск и законченность.

«Власть тьмы» сыграла громадную роль в истории не только народных и самодеятельных театров — русских и зарубежных, но и в демократизации всего мирового сценического искусства. Больше всех других пьес русских и зарубежных авторов она приблизила театры к народной жизни, заставила актеров и режиссеров заглянуть в такие ее глубины, о которых они и понятия не имели. Толстой открыл перед актерами и режиссерами еще одно «темное царство», совсем не похожее на то, с каким они были знакомы по пьесам А. Н. Островского.

«Драма из крестьянского быта у нас вещь необыкновенная», — писал журнал «Театрал» в 1895 году по поводу первых постановок «Власти тьмы» на русской сцене.

Толстой привел подлинного мужика в драматургию и на театральные подмостки. В этом и состоит историческое значение драмы «Власть тьмы» и тесно с нею связанной блестящей толстовской комедии «Плоды просвещения».

III

Первое действие (и часть второго) комедии «Плоды просвещения» Толстой написал в той же тетради, что и первое действие «Власти тьмы». Но эти пьесы роднит не только то, что их начала написаны одними чернилами и почти в одно и то же время. Их роднит и сближает дух обличения и протеста, пронизывающий произведения «позднего» Толстого.

Во «Власти тьмы» изображена драматическая встреча старой патриархальной деревни с «властью денег». В «Плодах просвещения» Толстой запечатлел встречу не менее значительную: мужики пришли к барину покупать землю. Пьеса дает отчетливое представление и о полной труда и лишений горестной мужицкой жизни и о бездельном, пустом барском времяпрепровождении.

Критики давно заметили, что Третий мужик из «Плодов просвещения» очень похож на Акима из «Власти тьмы». Он такой же богобоязненный и старозаветный, как и Аким. Он столь же ревниво печется о том, как бы все на свете было «получше» (любимое Акимово слово!). У Акима и Третьего мужика (его зовут Митрием) одна и та же фамилия: Чиликины! Однако они не повторяют один другого. Митрий Чиликин сказал слова, которые не были сказаны его предшественником — Акимом. Он громко и ясно сказал о земле, отнятой у крестьян помещиками.

«Как жить? — спрашивает Митрий Чиликин. — Земля малая, не то что скотину, а курицу, скажем, и ту выпустить некуда!» Эти слова он семь раз повторяет в барском доме, но господа его не слышат. Все его попытки объяснить господам, в какой страшной нужде живет деревенский люд, вызывает у них лишь недоумение и насмешки.

На горестную мольбу Третьего мужика о жалости с гневом откликается старый, спившийся повар. «Как же, пожалуют они, черти! — говорит повар о господах. — Я у плиты тридцать лет прожарился. А вот не нужен стал: издыхай, как собака!.. Как же, пожалуют!»

Горько жалуются на господ и другие обитатели «людской», состоящие (или состоявшие) на службе в барском доме. В мужиках, явившихся из Курской губернии покупать у барина землю, они видят своих, близких людей и откровенно посвящают их во все «тайны» жизни барского дома.

Барское легководитие Толстой рисует таким, каким его впервые увидели изумленные мужики-ходатаи и каким его ежедневно видят кухарка, горничная Таня, буфетный мужик Семен и другие обслуживающие господ выходцы из деревни. Уже в перечне действующих лиц господа охарактеризованы автором, как бездельники и тунеядцы. Старший Звездинцев — «отставной поручик... владетель 24 тысяч десятин земли в разных губерниях». Он примечателен тем, что «верит в спиритизм и любит удивлять других своими рассказами». Его друг — Сахатов — «бывший товарищ министра, эlegantный господин, широкого европейского образования, ничем не занят и всем интересуется». Сын Звездинцева — «без определенных занятий, член общества велосипедистов, общества конских ристалищ и общества поощрения борзых собак». Друг молодого Звездинцева, Петрищев — «ищущий деятельности, член тех же обществ... и, кроме того, общества устроения ситцевых и коленкорových балов».

Петрищев — кандидат филологических наук, а Вово Звездинцев — кандидат юридических наук. Вся их «ученость» нужна им только для того, чтобы забавлять девиц пошлыми каламбурами и глупыми шарадами.

«Ученость» самоуверенного профессора Кругосветлова направлена на истолкование природы гипнотизма, медиумизма, спиритизма и «подведение их под общие законы». В своей лекции профессор ссылается на «блестящий ряд самых точных опытов гениального Германа Шмита и Иосифа Шмаццофена» на Крукса, Валласа и другие европейские «авторитеты».

Спиритизм, которым увлекается Звездинцев и его великосветские друзья, был для Толстого одной из разновидностей «господской науки», вызывавшей у него отвращение и осуждение. Побывав в 80-х годах на спиритическом сеансе в доме князя Н. А. Львова, Толстой говорил о вере спиритов в общение с душами умерших: «Ведь это все равно, что верить в то, что из моей трости, если я ее пососу, потечет молоко, чего никогда не было и быть не может... в спиритизме все или самообман, которому подвергаются и медиум и участники сеанса, или просто обман, творимый профессионалами» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I, М. 1960, стр. 382).

Еще в романе «Анна Каренина» — за 15 лет до «Плодов просвещения» — Толстой высмеивал увлечение светского общества «вертящимися столами» и «духами». Герой этого романа Константин Левин, несомненно выражая мнение автора, говорит, что «вертящиеся столы» есть такое же суеверие и невежество, как вера баб и мужиков в «привороты», «порчу» и домовых.

Толстой писал «Плоды просвещения» в ту пору, когда так называемое образованное общество (выражение Левина из «Анны Карениной») оказалось во власти настоящего спиритического психоза. «Просвещенные» господа из комедии Толстого настолько увлечены «общением с духами», что уже перестают понимать, казалось бы, самые простые вещи. Однако либеральный барин Звездинцев, при всем его обалдении от «сеансов», не хочет ни на йоту поступиться своим «правом» на владение многими тысячами десятин земли. А младший Звездинцев, как он ни глуп, старается обдурить мужиков разговорами о посевах мяты и под шумок прикарманить их денежки...

Толстой зло высмеивает в комедии увлечение господ спиритизмом. Но не «спиритическая» тема — главная в «Плодах просвещения». Уже во второй редакции комедии (а всего их было

восемь!) Толстой переносит центр тяжести с этой темы на другую — пореформенные взаимоотношения господ с мужиками. В первой редакции пьесы Тania и другие персонажи из «людовской» много говорят о спиритизме, а во всех последующих — мужики и прислуга проявляют к спиритизму весьма слабый интерес, справедливо видя в нем лишь одну из многих барских «глупостей».

Сатирически заостряя комедию, Толстой поставил в центр произведения не интригу сметливой горничной Тани, которая «исхитрилась» и ловко одурачила верящего в духов барина, а сцены, где раскрывается отношение господ к мужикам и мужиков к господам.

В окончательном тексте «Плодов просвещения» значительно выросли роли трех мужиков. Толстой выдвигает эти роли на первый план. Мужики-ходатаи, уполномоченные крестьянским «миром» на то, чтобы любыми средствами склонить барина к продаже земли, принесли на сцену не только жалобы, но и попытки протеста. Если в речах Третьего мужика, 70-летнего Митрия Чиликина, звучит неизбывная тоска-жалоба на горькую жизнь, то Второй мужик, Захар Трифонович, говорит барину прямо: «Что ж так делать? Обида это!» Не напрасно Толстой дал ему такую характеристику: «грубый и правдивый, не говорит ничего лишнего!»

Даже критики, нападавшие на комедию Толстого за ее обличительную направленность, признавали, что мужики «показаны в ней правдиво и мастерски. «Это, — писал Н. И. Николаев, — не какие-нибудь вымытые и приглаженные мужички, окруженные легким ореолом подвижничества, каких так охотно выводят на сцену в псевдонародных драмах разные молодые и либеральные драматурги, а настоящие русские мужики с их прямыми интересами и ясно определенным мирозерцанием» (Н. И. Николаев, Театрально-критические очерки, Киев, 1897, стр. 90—91).

Критики давно уже заметили, что, противопоставляя в комедии два мира — барский и крестьянский, — Толстой строит «Плоды просвещения» по принципу резкого контраста. Дело, разумеется, не в том, что число действующих лиц комедии делится на две «равные» половины: 15 лиц принадлежит к лагерю «командующих» и 15 — находящихся под их командой — «командуемых» (С. Н. Дурьлин, «Комедия «Плоды просвещения». — Сб. «Творчество Л. Н. Толстого», М. 1954, стр. 324). Главное

состоит в том, что они показаны в остром и непримиримом конфликте, исход которого мог быть только одним: земля должна принадлежать тем, кто на ней работает. «Нам без этой земли надо жизни решиться», — говорит Второй мужик.

Сколько затаенной ярости и ненависти к барам прозвучало в реплике «угрюмого» Второго мужика на рассказ Тани о барине, хоронившем любимую собачку в лютой мороз. «У кучера из носу течет, и он утирается...» Барин спрашивает: «О чем ты плачешь?» А кучер говорит: «Как же, сударь, не плакать, какая собака была!»

И вот как «пояснил» рассказ Тани Второй мужик: «А сам, я чай, думает, хоть бы ты и сам издох, так я бы плакать не стал...» На эти слова немедленно откликается старый повар: «Это правильно, верно!»

«Плоды просвещения» отличаются ясностью, простотой и естественностью композиции, развивающейся стремительно и без каких-либо искусственных пружин. В то же время в пьесе все взвешено, нет «проходных» сцен, не связанных с основным сюжетом. Необыкновенно выразителен язык комедии.

А. М. Горький указывал на «Плоды просвещения» как на классическое произведение, в котором даны блестящие примеры использования живой речи (Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27, стр. 213).

«Плоды просвещения» должны были прозвучать со сцены грозным предостережением «верхам» буржуазно-дворянского общества. Но «верхи» призвали к действию охранительную критику, и она приняла свои меры. Князь Мещерский в своей газете «Гражданин» объявил комедию «небрежно набросанным фарсом», вовсе не стоящим шума, поднятого ею в печати и обществе.

Фарс, водевиль, пустая шутка, шарж, карикатура — весь ассортимент уничижительных оценок был пущен в ход для того, чтобы «обезвредить» воздействие комедии Толстого на зрителей и читателей.

Однако уже один из первых постановщиков «Плодов просвещения» К. С. Станиславский стремился к тому, чтобы со всей ясностью была раскрыта в спектакле «мужицкая» тенденция комедии Толстого. Участник этой постановки А. Ф. Артем, исполнивший роль старого повара, свидетельствует: «Мы все старались играть так, чтобы свернуть на мужичью статью». (Сб. «Творчество Л. Н. Толстого», М. 1954, стр. 356.)

Комедия «Плоды просвещения» была закончена в том же — 1889 году, когда был начат роман «Воскресение». Над ним писатель работал с перерывами десять лет. «Воскресение» явилось итогом его исканий 80—90-х годов. С ним тесно связаны все другие произведения, созданные Толстым в эти годы, в том числе и его пьесы. Так, легко увидеть нити, связывающие «Власть тьмы» и «Плоды просвещения» с крестьянскими сценами «Воскресения». Столь же легко обнаружить нити, связывающие городские сцены романа с «Плодами просвещения» и драмой «Живой труп», написанной через год после окончания «Воскресения».

«Живой труп», а также драма «И свет во тьме светит», которую Толстой писал почти одновременно с «Воскресением», связаны с романом не только острейшим обличением суда и других институтов буржуазно-дворянского общества, а и темой разрыва толстовского героя со своей средой, своим обществом.

Роман «Воскресение» — огромное эпическое полотно, на котором почти всеобъемлюще запечатлена жизнь предреволюционной России. В «Живом трупе» нет — и не могло быть! — такой широты, но в драме есть другое, чего мы не находим в романе.

В «Живом трупе» Толстой глубже заглянул в душу главного героя, нежели в «Воскресении». И нельзя не почувствовать, что герой драмы — милый, «беспутный», протестующий и, одновременно, не противящийся злу Федя Протасов, быть может, ближе и дороже автору, чем князь Нехлюдов — герой «Воскресения». Протасов во много раз острее Нехлюдова испытывает чувство мучительного стыда от сознания несправедливости общественного порядка, устроенного «хозяевами жизни». Нехлюдов — на пороге разрыва с ними, а Протасов бросает им вызов, уходя от них на «дно», а затем выстрелом в сердце отвечая на судебный приговор.

Толстой с нескрываемым негодованием рисует те сцены драмы, где показано, как Протасов и близкие ему люди сталкиваются с тупыми и наглыми представителями «закона». В самые сокровенные интимные стороны человеческой жизни с садистской, скотской жадностью лезут «законники», в мундирах и без мундиров, получающие, как говорит о них Федя, «по двугривенному за пакость»,

Из немногих, но очень глубоких слов Протасова выясняется сущность сложного конфликта, развертывающегося в драме. «Живут три человека: я, он, она. Между ними сложные отношения, борьба добра со злом, такая духовная борьба, о которой вы понятия не имеете», — говорит Федя следователю.

Духовная борьба Протасова с близкими ему людьми вызвана тем, что ему открылась вся безумная несправедливость их жизни. Он не хочет и не может больше «служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, в которой живешь». С этого пути Протасов уходит бесповоротно. На какой же путь он встанет? Он понимает, что нужно «разрушать эту пакость». Это — путь борьбы. «Для этого надо быть героем, а я не герой», — говорит о себе Протасов.

Что же остается? Остается третий путь — «забыться, — пить, гулять, петь». И Протасов делает это, чтобы уйти из жизни Лизы и своего бывшего друга Виктора Каренина, которые никогда не поймут ни его бунта, ни его метаний и порывов.

Лиза и Виктор Каренин — высоконравственные, добропорядочные люди. Трудно удержаться от сочувствия к ним, когда следователь терзает их язвительными допросами. «Она как была, так и осталась самой безупречной женщиной», — искренне говорит Протасов о Лизе. Но почему же он оставил Лизу? «Никогда не было в ней того, чтобы она мне в душу влезла, как Маша», — признается герой пьесы своему другу — безбидному художнику Петушкову. — «Не было изюминки — знаешь, в квасе изюминка? — не было игры в нашей жизни. А мне нужно было забываться. А без игры не забудешься». Для Протасова «изюминка» это то, что делает жизнь во всех ее проявлениях действительно живой, осмысленной, радостной.

Протасову противостоят скучные, пресные, казалось бы, вполне порядочные и вполне корректные люди. Но их порядочность, их моральные принципы иссушают душу своей мертвенностью.

Мать Каренина, утонченная аристократка, ужасалась, что ее сын женится на Лизе и будет встречаться с ее бывшим мужем. Она фарисейски «прощает» Федю, узнав из его письма, что он решился пожертвовать собой, «хотя и незаконно, нерелигиозно».

Рекомендующий себя «человеком широкого взгляда на вещи», князь Абрезков берется уговорить Протасова дать жене развод

и пройти через все мерзости и унижения, которые тогда сопутствовали «законному» расторжению брака.

Добродетельная Анна Павловна, мать Лизы, не любит своего зятя и старается развести Лизу с Федей и свести ее с Карениным.

Сестра Лизы юная Саша — безусловно нравственная девушка — восторженно относится к Протасову, глубоко к нему привязана. И она же негодует на Каренина, называет его «чужим человеком». Каренин отталкивает ее своим консерватизмом и эгоизмом, прикрытыми учтивостью и светским тактом.

Знаменательно, что именно в уста Каренина Толстой вложил исключительное по важности признание. Когда мать спрашивает Виктора, как он — с его верой в нерушимость брака, освященного церковью, — может жениться на разведенной, — Виктор отвечает: «Неужели мы все так непогрешимы, что не можем расходиться в наших убеждениях, когда жизнь так сложна?» (Подчеркнуто мной. — К. Л.).

Когда живая жизнь потребовала от него не рассуждений, не слов, а решений и поступков, Каренин понял, что многие принципы и убеждения людей его круга не только далеки от жизни, но противоречат и мешают ей.

«Живой труп» опубликован был после смерти писателя. Некоторые критики объявили его «антитолстовской пьесой». Известно, писали они, что Толстой был противником разводов, а драма направлена на их защиту. Толстой был сторонником морали, а в драме опоэтизировано «дно» и безнравственный Федор Протасов (см. статью А. Гидони «Живой труп» Льва Толстого» в журнале «Театр и искусство», 1911, № 20, стр. 405). Было даже высказано подозрение в принадлежности «Живого трупа» Толстому. Реакционная критика не могла понять, что, рисуя жизнь во всей ее противоречивой сложности, Толстой в «Живом трупе» (так же, как в «Хаджи-Мурате» и других произведениях) не только не боялся противоречить себе, как вероучителю, но и не останавливался перед обнажением непоследовательности и несостоятельности тех или иных догм своего учения.

Ярчайшая отчетливость социальных характеристик действующих лиц сочетается в «Живом трупе» с глубоким проникновением в их душевный мир, в их психологию. Самые тончайшие, едва приметные движения души не только улавливаются драматургом, но и «закрепляются» в поступках, словах и жестах героев драмы. Мы, действительно, видим, как в душе Лизы сталкиваются и бо-

руются два взаимоисключающие чувства: за Федю и против него. То одно из них, то другое берет верх. Противоборствующие стороны души Лизы как бы олицетворены в Саше, горячо вступающей за Федю, и в Анне Павловне, ненавидящей его. Это помогает не только понять, но и увидеть всю сложность и мучительность положения, в котором оказалась Лиза.

В «Живом трупе» Толстой выступил как драматург-новатор. Он стремился найти способы для показа на сцене непрерывности потока жизни. Его очень заинтересовала в ту пору новинка театральной техники — вращающаяся сцена. «Живой труп», судя по сохранившемуся плану драмы, должен был состоять из 15—20 картин. Толстой полагал, что в многокартинной пьесе легче выполнить то, что он считал главной задачей художника: схватить и выразить «текучесть», изменчивость жизни и человека. Любопытно отметить, что, работая над первой редакцией «Живого трупа», Толстой называл картины действиями и тогда его пьеса состояла из 11 действий!

Особенно упорно Толстой работал над первым действием драмы (сохранилось пять его редакций). Он хотел добиться того, что высоко ценил в произведениях Пушкина и что гениально делал в своих романах: ввести читателя (зрителя) сразу же в суть дела.

В драме «нужны.. готовые моменты», утверждал Толстой («Л. Н. Толстой о театре». — «Театр и искусство», 1908, № 34, стр. 580). В «Живом трупе» он открывает двери к Протасовым в тот момент, когда их семейный разлад стал непоправимым. За несколько минут сценического действия мы знакомимся с острейшей коллизией, в которую поставлены действующие лица драмы и из которой им предстоит найти выход.

«Живой труп» написан великолепным, не стареющим толстовским языком. Отличительная его особенность здесь — лаконизм, сочетающийся с редчайшей многокрасочностью. Как ни мало число реплик, произносимых матерью Каренина, Анной Дмитриевной, но их достаточно, чтобы исполнительница ее роли могла создать яркий образ молодящейся светской дамы. Характеризуя Анну Дмитриевну, Толстой заметил, что она «перебивает речь французскими словами». Избалованная, капризная, себялюбивая — Анна Дмитриевна и давний ее друг князь Абрезков прибегают к галлицизмам для того, чтобы подчеркнуть свою изысканность.

А вот как говорит судебный следователь: «Вы обвиняетесь в том, что вы, зная о том, что ваш муж жив, вышли замуж за другого. И еще в том, что...» и т. д. Достаточно одной этой фразы, чтобы представить себе «мастера» судейского сыска. Таким эпизодическим персонажам, каковы Афремов, Коротков, Буткевич, «отпущено» автором всего по несколько реплик. Но их оказывается достаточно для того, чтобы актеры могли создать характерные портреты этих праздных кутил, прожигателей жизни.

Свой излюбленный прием контраста Толстой употребил и в «Живом трупе». 12 картин драмы группируются автором в 6 действий. При этом почти в каждом действии одна картина посвящена «верхам», миру, с которым порывает героиня пьесы, а другая — тем «низам», у которых он ищет покоя и пристанища.

Тончайший психологизм, удивительное мастерство в передаче глубоких человеческих переживаний сочетаются в драме с острейшим обличением и протестом против порядков, вынуждающих людей... превращаться в «живые трупы».

Несмотря на некоторую незавершенность (Толстой не довел пьесу, говоря его словами, до «последней степени отделки»), «Живой труп» давно уже занял место среди лучших произведений русской и мировой драматургии. Более полувека драма Толстого не сходит со сцены театров всего мира.

V

В середине 80-х годов Толстой начал писать одну из самых противоречивых своих пьес — «И свет во тьме светит». В «Исповеди», в трактате «Так что же нам делать?» писатель рассказал о том, что произошло с ним после того, как он убедился в несправедливости общественного строя, основанного на эксплуатации народа, рассказал о своих нравственных страданиях и духовных исканиях. В драме «И свет во тьме светит» он попытался воссоздать трагическую ситуацию, в которой он оказался после своего «прозрения».

Судя по дневникам и письмам Толстого, особенно напряженно он работал над драмой во второй половине 90-х годов. Толстой называл ее тогда «своей драмой». Он говорил директору немецкого Лессинг-театра Блюменталю: «Эта пьеса будет содержать мои собственные испытания — мою борьбу, мою веру,

мои страдания — все, что близко моему сердцу». Он добавил к этому, что в художественных произведениях не должно быть «холодной объективности». — «Моего сердца не тронет ни одно произведение, в котором я не найду человеческого чувства, вылившегося из сердца самого автора» (О. Блюменталь, «Встреча со Львом Толстым», Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом, Изд-во «Златоцвет», М. 1911, стр. 70).

Это свидетельство современника подтверждается простым сопоставлением текста пьесы «И свет во тьме светит» с дневниками и письмами «позднего» Толстого. Многие суждения главного героя драмы Николая Ивановича Сарынцева так похожи на дневниковые записи Толстого, что их порою трудно отличить. Это относится, прежде всего, к истории семейного разлада, о котором писатель с полной откровенностью говорит во многих записях дневника. Как и Толстой, герой драмы с душевной болью жалуется на свое одиночество в семье, на непонимание его женой и детьми, делает попытки покинуть их, навсегда уйти от близких людей, ставших ему чуждыми.

Однако при несомненной и большой близости Сарынцева к Толстому между ними нельзя поставить знак тождества. Толстой явно не хотел, чтобы образ Сарынцева воспринимался как его автопортрет. Для него главный герой драмы — литературный персонаж, пусть и наделенный многими автобиографическими чертами.

Вспомним, что Толстой смотрел на драму, как на «опыт в лаборатории». И все происходящее с Сарынцевым воспринимается как своего рода эксперимент, которому писатель подвергает очень близкого себе героя. Подобно самому Толстому, его герой, стремясь выяснить причины зла, царящего в мире, идет к тем, кто больше всего страдает от несправедливого общественного устройства. Он хочет своими глазами увидеть, как живет трудовой люд в деревне и в городе.

Во втором действии пьесы автор приводит своего героя на деревенскую улицу. Сарынцев сталкивается здесь с той же неизбывной «властью тьмы», которую десятилетием раньше Толстой показал в своей народной драме. Нищеты, дикости и бесправия мужицкого с тех пор прибавилось, а светлых, обнадеживающих сторон стало еще меньше, — таков вывод, который напрашивается сам собою при сопоставлении деревенских сцен пьесы «И свет во тьме светит» с драмой «Власть тьмы».

В отличие от «Власти тьмы» и «Плодов просвещения» в драме «И свет во тьме светит» сцены нищей, страшной крестьян-

ской жизни даны в прямом сопоставлении с усадебной помещицкой жизнью. «Все это — полуголодные, на одном хлебе с водой, больные, часто старые, — говорит о крестьянах Сарынцев. — Вон тот старик, у него грыжа, от которой он страдает, а он с четырех часов утра до десяти вечера работает и еле жив. А мы? Ну разве можно, поняв это, жить спокойно...»

Сарынцев привел в деревню своего молодого друга и ученика — Бориса, сына княгини Черемшановой. Потрясенный увиденным, Борис спрашивает — как помочь крестьянам? «Не участвовать в этом зле, не владеть землей, не есть их трудов. А как это устроить, я не знаю», — отвечает Сарынцев.

В этом ответе «учителя» соединились и программа толстовства, и приговор ему. Самоустранение — вот единственное средство борьбы со злом, которое может порекомендовать Сарынцев.

Всю бесплодность и губительность этого рецепта спасения человечества Борис Черемшанов испытал на себе. Когда его призвали на военную службу, он отказался от присяги царю. За «крамольные» разговоры жандармы прячут его в сумасшедший дом. Княгиня Черемшанова считает Сарынцева виновным в гибели сына и требует, чтобы он уговорил Бориса отказаться от принятого им решения.

Сарынцев говорит Борису: «...Дорого не то, что сделалось в мире, а то, что сделалось в душе» — «Потому что, если сделалось в душе, то и в мире перемена будет», — добавляет Борис. Верный правде жизни, Толстой мужественно показывает тупик, в который зашел «учитель жизни» Сарынцев. Ничего не добившись, ничего не «переменив в мире», Борис Черемшанов гибнет в дисциплинарном батальоне. Можно ли представить себе более беспощадное обличение полной несостоятельности толстовства!

Многokrатно подчеркнув, что Сарынцев не знает верных путей переустройства общества, Толстой рисует его страстным протестантом-обличителем. О своей среде он говорит с полным убеждением: «Жизнь здесь вся развращенная. Я не могу иначе назвать жизнь — всю построенную на грабеже, потому что деньги, на которые вы живете, это деньги с земли, которую вы грабите у народа». Сарынцев резко обличает догмы православия, осуждает служителей казенной церкви. Он обличает своекорыстную, созданную господствующими классами в своих интересах науку, которая «только затем и нужна, чтобы оправдать то положение, в котором мы себя находим», то есть оправдать существующий строй.

Однако определяющая черта характера Сарынцева выражена в его признании: «Вечно колеблюсь». А подводя последний итог своей деятельности («Ничего не сделал»), он совсем «упал духом». Как и Федор Протасов, он мог бы сказать о себе: «Я — не герой...»

Попытавшись устами Сарынцева вести прямую пропаганду своего учения о непротивлении злу насилием, Толстой не добился в этом ни малейшего успеха. «И свет во тьме светит» — одно из наиболее противоречивых произведений его последних лет.

В драме «И свет во тьме светит» Толстой применил тот же принцип многокартинности, что и в «Живом трупе». В четырех дошедших до нас действиях драмы насчитывается девять картин (сцен). В конспекте пятого действия намечено три сцены. Таким образом, пьеса «И свет во тьме светит» в своем полном виде состояла бы, подобно «Живому трупу», из двенадцати картин. Как уже говорилось, Толстой разрабатывал этот принцип, стремясь уловить и запечатлеть текучесть жизни, ее движение, сотканное из столкновений, конфликтов, узлов, в развязывании которых проявляются характеры героев.

Пьеса «И свет во тьме светит», как и ряд других произведений «позднего» Толстого, осталась незавершенной. Конспект пятого действия начинается с картины, где Толстой намеревался показать жизнь узников дисциплинарного батальона, среди которых проводит свои последние дни Борис Черемшанов. В следующей картине действие переносится в кабинет царя. Княгиня Черемшанова просит приема, пытаясь спасти сына. Но ей отказывают в царской аудиенции. В последней сцене пьесы мать Бориса в отчаянии убивает Сарынцева. Он умирает, говоря, что «это он сделал нечаянно». (Конспект хранится в архиве Гос. музея Л. Н. Толстого. Опубликовано в книге: К. Н. Л о м у н о в, *Драматургия Л. Н. Толстого*, М. 1958, стр. 392—394.)

Если бы сцены, намеченные в конспекте, были написаны, драма «И свет во тьме светит» не только получила бы сюжетную «развязку», а и приобрела бы еще большую социально-обличительную заостренность. Но и в дошедшем до нас виде она очень интересна, как редчайшая в драматургии попытка большого художника написать пьесу о самом себе, о таких борениях и страданиях, на которых лежит печать мощного, но противоречивого ума, и печать времени.

VI

Успех «Первого винокура» побудил Толстого к работе над другими драматическими произведениями для балаганных представлений: он пишет пьесу «Петр Хлебник», обрабатывает для сцены легенду о гордом царе Аггее.

И «Петр Хлебник» и «Легенда о гордом Аггее» не только по времени написания, но и по идейно-художественным мотивам близки к народным рассказам Толстого. Подобно тому, как многие из его народных рассказов представляют собой притчи, так и названные пьесы есть, в сущности, не что иное, как драматизированные легенда и притча. В них, как и в народных рассказах, остро-обличительные мотивы писатель соединяет с открытой проповедью идей толстовства.

Как и в «Первом винокуре», Толстой использует в этих «малых пьесах» приемы фольклорной драмы. А для «Аггея» он воспользовался народным пересказом легенды о гордом царе. И характеристика пана-самодура, и происходящие с ним события даются Толстым по фольклорному варианту легенды, а не по книжной «Повести о царе Аггее». При этом Толстой добавил ряд эпизодов, в которых пан показан не только как грубый самодур, но и как бездельник и пакостник. В финале «Аггея» Толстой «изменил» народному варианту легенды и заимствовал конец из «Повести о царе Аггее». Народная легенда хоронит пана заживо. Здесь нет и помина о нравственном «воскресении» гордого пана, о его превращении в ангела. В пьесе Толстого пан слышит «голос», зовущий его к раскаянию и добродетельной жизни. «Покаялся и не буду жить по-прежнему», — клянется пан. Однако Толстой, красочно нарисовав образ пана-самодура, так и не показал его обновившимся и добродетельным. Такой финал не вязался бы со всеми предыдущими сценами пьесы.

Толстой создавал «Легенду о гордом Аггее» как многокартинное народное представление с большим числом участников. Охотники, пастухи, мужики, слуги, нищие, разбойники — вот главные действующие лица этой пьесы. Она разворачивается с необыкновенной динамичностью: действие от церковных дверей переносится в лес, в избу, на скотный двор, в царские палаты. В предельно сжатых репликах Толстой мастерски передает своеобразие языка охотников, пастухов и других действующих лиц. При этом их речь звучит как подлинно народная.

Не раз высказав осуждение внешних сценических эффектов, Толстой в «Легенде о гордом Аггее» прибегает к «грому и молнии», «выпускает» на сцену оленя и т. д. Он явно заботится о занимательности своей пьесы.

Теми же поисками средств занимательности и доходчивости примечательна и работа Толстого над пьесой о Петре Хлебнике. Она представляет собою любопытный пример обработки для сцены произведения житийной литературы. Рассказ о Петре Мытаре, использованный Толстым для его пьесы, приобрел в церковно-назидательной литературе широкую известность. Толстой обратился к нему в середине 80-х годов, когда пристально знакомился с житийной литературой и обработал для издательства «Посредник» несколько описаний «житий святых и мучеников».

Пьеса «Петр Хлебник» была задумана Толстым с проповедническими целями, но в ней содержатся и остро-критические, обличительные мотивы. Толстой обличает в ней алчность и властолюбие богатых классов, бичует рабский строй жизни.

«Петр Хлебник», умещающийся на нескольких страницах, насчитывает пять действий. Предназначая пьесу для представлений на балаганных подмостках, Толстой пользуется в ней одним из замечательных приемов фольклорной драмы: исполнители получают широкую возможность для импровизации. Многие роли (нищие, странник, юродивый) написаны так, что актеры легко могут их дополнять и расширять, импровизируя во время спектакля.

Комедия «От ней все качества», написанная Толстым в 1910 году для любительского спектакля в деревне, своеобразно перекликается с комедией «Первый винокур». И та и другая служили одной цели. «Мне бы хотелось, — говорил Толстой, — написать пьесу о вреде пьянства, но изобразить бытовую обстановку и без чертей, так как черти отталкивают крестьянских баб. А надо, чтобы бабы посмотрели такую пьесу».

«Первый винокур» — пьеса «с чертями», а «От ней все качества» и явилась той пьесой «без чертей», в которой Толстой значительно шире, нежели в «Первом винокуре», изобразил деревенский быт. Здесь громко звучит тема крестьянской нужды, забитости, той же «власти тьмы» (в рассказе Акулины о дикой расправе с неповинным парнем, которого мужики приняли за конокрада).

В комедии «От ней все качества» Толстому совершенно не удался образ спившегося прохожего, бывшего рабочего. И сам

Толстой сожалел, что он выставил его в комическом виде. «Я чувствую, — говорил он, — что это такой жалкий тип, что смеяться над ним нельзя». Он хотел переделать сцены с прохожим, но не успел это сделать (т. 58, стр. 391).

Наследие Толстого-драматурга велико, но весьма неравноценно. В золотой фонд русской классической драматургии давно и прочно вошли три его лучшие пьесы — «Власть тьмы», «Плоды просвещения» и «Живой труп». Что же касается остальных его драматургических произведений, как законченных, так и незавершенных, то они представляют собой, по преимуществу, интерес историко-литературный. Однако все пьесы Толстого — известные, малоизвестные и совсем забытые — отмечены одним общим свойством. В каждой из них в той или иной мере нашел выражение дух настойчивых исканий, отличающий все творчество Толстого, отразилось стремление по-новому и по-своему поставить вопросы, волновавшие современников. И в драматургии Толстой хотел и сумел стать вполне самобытным, оригинальным автором. Лучшие его пьесы по праву занимают видное место в репертуаре советских и зарубежных театров.

«ПЕРВЫЙ ВИНОКУР, ИЛИ КАК ЧЕРТЕНОК КРАЮШКУ ЗАСЛУЖИЛ»

Комедия «Первый винокур» является переработкой для сцены рассказа Толстого «Как чертенок краюшку выкупал», написанного также в феврале 1886 года, когда Толстой решил «обработать какую-нибудь вещицу для народного представления» (В. С. Серова, «Встреча с Л. Н. Толстым...» — «Русская музыкальная газета», 1894, № 4, стр. 83). Трехстраничный рассказик стал пьесой, в десять раз превышающей его по объему.

Первые комедия была показана зрителям летом 1886 года на открытой сцене в фабричном селе Александровском (под Петербургом). «...Этот первый опыт серьезной постановки народно-театрального дела может быть признанным вполне удавшимся, — писала газета «Неделя». — Чрезвычайный успех «Первого винокура» показывает, как велика существующая в народе потребность в театральных зрелищах» («Неделя», 27 июля 1886 г.).

Узнав о том, что комедия была хорошо встречена «простыми» зрителями, цензура запретила ее для народных театров. И все же «Первый винокур» тем или иным путем попадал на народные сцены и пользовался неизменным успехом у зрителя.

После Великой Октябрьской революции комедия Толстого ставится многими самодеятельными драматическими кружками, при этом постановщики меняли ее заглавие: «Первый винокур» именовался в 20-х годах «Первым самогонщиком».

Напечатана пьеса была впервые в 1886 году издательством «Посредник».

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ, ИЛИ КОГОТОК УВЯЗ, ВСЕЙ ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ»

В 1880 году Толстой познакомился с судебным делом крестьянина деревни Сидоровка, Чернского уезда, Тульской губернии, Ефрема Колоскова, обвиненного «в кровосмешении, покушении на убийство своей дочери и в убийстве незаконнорожденного ребенка». Прокурор Тульского окружного суда Н. В. Давыдов помог Толстому посетить Колоскова в тюрьме перед его высылкой на каторгу (Н. В. Д а в ы д о в, Из прошлого, М. 1913, стр. 286, 307, 312).

«Дело» Колоскова и легло в основу сюжета драмы «Власть тьмы». «Фабула «Власти тьмы» почти целиком взята мною из подлинного уголовного дела, рассматривавшегося в Тульском суде, — рассказывал Толстой. — В деле этом имелось именно такое же, какое приведено и во «Власти тьмы», убийство ребенка, прижитого от падчерицы, причем виновник убийства точно так же каялся всенародно на свадьбе этой падчерицы... Отравление мужа придумано мною, но даже главные фигуры навеяны действительным происшествием» («Новости и биржевая газета», 9 января 1896 г.).

Толстой работал над «Властью тьмы» с большим творческим подъемом. 25 октября 1886 года С. А. Толстая огметила в дневнике: «Лев Николаевич затевает писать драму из крестьянского быта» («Дневники» 1860—1891», стр. 133), а через семнадцать дней приехавший в Ясную Поляну известный театрал А. А. Стахович уже читал «Власть тьмы» крестьянам в присутствии Толстого! 14 ноября писатель сообщил Н. Н. Страхову: «Я живу очень хорошо, радостно — пишу. Написал пьесу для народных театров» (63, 408).

Однако до конца года Толстой продолжал работать над текстом драмы. Каждый из пяти актов «Власти тьмы» переделывался им от трех до пяти раз. Затем писатель исправлял не менее трех корректур драмы. Всего «Власть тьмы» насчитывает не менее семи редакций. Прodelав громадную работу над текстом пьесы, Толстой писал В. Г. Черткову: «Кажется, что я грешил с ней, очень уж ее отделявал» (85, 416).

В 1887 году «Власть тьмы» была выпущена издательством «Посредник» тиражом в несколько сот тысяч экземпляров и быстро распространилась по всей России.

А. А. Стахович выступал в столичных салонах с чтением «Власти тьмы», надеясь, что удастся «обойти» цензуру и драма будет разрешена для постановок. Однажды он читал драму на квартире министра императорского двора в присутствии Александра III. Царь назвал «Власть тьмы» «чуждой вещью» и предложил соединить силы петербургского и московского императорских театров для того, чтобы она была поставлена наилучшим образом (А. А. Стахович, «Клочки воспоминаний». — «Толстовский ежегодник 1912 года», стр. 27). Но вмешательство обер-прокурора святейшего синода Победоносцева изменило отношение царя к пьесе. «Я только что прочел новую драму Л. Толстого и не могу прийти в себя от ужаса», — писал Победоносцев царю. Обер-прокурор синода увидел во «Власти тьмы» «отрицание идеала», «унижение нравственного чувства», «оскорбление вкуса» и т. д. Победоносцев пугал царя тем, что, когда пьеса Толстого дойдет до широкого народного зрителя — в стране... резко увеличится число преступлений. «...И то уже нехорошо, — писал Победоносцев, — что в эту минуту драма Толстого, напечатанная в виде народного издания в громадном количестве экземпляров, продается теперь по 10 копеек разносчиками на всех перекрестках; скоро она обойдет всю Россию и будет в руках у каждого, от мала до велика» («Письма Победоносцева к Александру III», т. 2, М. 1926, стр. 130, 132, 134).

«Драму я читал, — писал Александр III в ответ обер-прокурору, — и она на меня сделала сильное впечатление, но и отвращение. ...Мое мнение и убеждение, что эту драму на сцене давать невозможно, она слишком реальна и ужасна по сюжету». А министру внутренних дел Александр III писал о «Власти тьмы»: «Надо было бы положить конец этому безобразию Л. Толстого, он чисто нигилист и безбожник. Не дурно было бы запретить теперь продажу его драмы «Власть тьмы», довольно он уже

успел продать этой мерзости и распространить ее в народе» («Красный архив», 1922, т. I, стр. 417). По указанию царя пьеса Толстого была запрещена и для постановок на сцене, и для печати. Воспрещена была ее продажа «на улицах, площадях и других публичных местах, а равно через офеней...» («Московские церковные ведомости», 1887, № 18).

Цензурный запрет был снят с «Власти тьмы» в 1895 году и то неполностью: для народных театров драма Толстого оставалась запрещенной вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Лишь московскому театру «Скоморох» удалось тогда добиться права на постановку «Власти тьмы» (в то время он перестал именоваться народным, чтобы уйти из-под особой цензурной опеки). На сцене «Скомороха» драма была показана более 100 раз подряд и — каждый раз при переполненном зрительном зале. На 36-м представлении пьесы в «Скоморохе» присутствовал ее автор — Л. Н. Толстой.

В том же году «Власть тьмы» была поставлена Малым театром и театром Корша в Москве, а также Александринским театром в Петербурге. В середине 90-х годов она обошла все русские провинциальные сцены. В 1902 году ее поставил Московский Художественный театр.

За те десять лет, когда «Власть тьмы» находилась в России под запретом, она совершила триумфальное шествие по театрам Европы. В 1888 году ее поставил Свободный театр Антуана в Париже. В 1890 году драму Толстого ставит Свободный театр в Берлине, основанный режиссером Отто Брамом. Через восемь лет она вошла в репертуар Свободного театра в Мюнхене. В 1904 году «Власть тьмы» ставится Сценическим обществом в Лондоне.

В Италии драму Толстого в 1893 году поставила труппа Эрмете Цаккони, который превосходно играл роль Никиты. Цаккони и его труппа показали «Власть тьмы» во многих итальянских городах, а также в России (1898).

В 900-е годы «Власть тьмы» была показана театрами Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Швеции, Дании.

В послевоенные годы драма Толстого ставилась театрами Румынии, Франции, Бельгии, ГДР, Швеции, США и других стран.

«Власть тьмы» занимает большое и прочное место в репертуаре советского театра.

С успехом ставят драму Толстого народные театры и самодеятельные коллективы (Онежский, Брянский, Орловский и многие другие).

«ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

В середине 80-х годов Толстой составил перечень десяти сюжетов тех произведений, над которыми он работал или собирался работать. Среди них была названа «Комедия Спириты» (50, 199). Начав работу над комедией в ноябре 1886 года, Толстой далее заглавие «Исхитрилась». Под таким заглавием она вошла в перечень десяти сюжетов, составленный Толстым в 1888 году (см. Н. Н. Гусев, *Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890*, М. 1958, стр. 702). Позднее комедия получила название «Ниточка оборвалась», затем «Исхитрилась, или Плоды просвещения». И только в последней, восьмой по счету, редакции она приобрела свое окончательное заглавие «Плоды просвещения».

В декабре 1889 года группа молодежи попросила Толстого написать пьесу для домашнего спектакля. Он охотно согласился и возобновил приостановленную было работу над комедией. Учитель детей Толстого А. М. Новиков, участвовавший в первой любительской постановке «Плодов просвещения», рассказывает: «Кучка молодежи с упоением переписывала утром роли, вечером шли репетиции — и почти ежедневно после них Толстой снова собирал роли и снова переделывал пьесу. Пьеса создавалась прямо по исполнителям и переделывалась и переписывалась по крайней мере раз двадцать — тридцать, но окончательная отделка ее была произведена уже после спектакля, в январе 1890 года (спектакль был 30 декабря 1889 года)» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I, М. 1960, стр. 450—451).

Еще до появления комедии в печати она, по выражению самого Толстого, «ходила по рукам» (65, 68) — в рукописных копиях. Этот способ распространения широко применялся после первых постановок «Плодов просвещения» на любительской сцене.

Впервые комедия была напечатана в книге «В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного», М. 1891.

Весной 1890 года комедия Толстого была сыграна любителями в Царскосельском театре. Ставил этот спектакль артист Александринского театра В. Н. Давыдов. На спектакле присутствовала придворная знать. Александр III «горячо благодарил» любителей. Однако он нашел комедию Толстого «неудобной» для театра и разрешил ее лишь для любительских спектаклей.

В феврале 1891 года комедия была поставлена на сцене Немецкого клуба в Москве Обществом искусства и литературы.

Спектакль этот был разрешен как любительский и закрытый для широкой публики. Ставил его К. С. Станиславский. Это была первая режиссерская работа будущего руководителя Московского Художественного театра. Сам он играл роль Звездинцева, создав роль барина, отличавшегося, как писали рецензенты, «безграничной высшей культурной глупостью». Роли мужиков в этом спектакле превосходно исполняли А. А. Федотов, В. В. Лужский и В. М. Лопатин (он же играл Третьего мужика в первых постановках комедии в Ясной Поляне и Туле). Большой успех имели также А. Ф. Артем (старый повар), М. П. Лилина (Таня) и В. Ф. Комиссаржевская (Бетси).

«Достоинство моей тогдашней работы, — писал К. С. Станиславский, — заключалось в том, что я старался быть искренним и искал правды, а ложь, особенно театральную, ремесленную, — изгонял» (К. С. Станиславский, Собр. соч. в восьми томах, т. I, М. 1954, стр. 136).

Московский Малый театр впервые поставил комедию Толстого в 1891 году. Участница этого спектакля, тогда только начинавшая свой путь на сцене, народная артистка СССР Е. Д. Турчанинова пишет: «Моя первая удачная роль — Таня в «Плодах просвещения». С этой ролью у меня связаны хорошие воспоминания... В этом спектакле играли: Федотова, Никулина, Музиль, Рыбаков, Макшеев, Садовский, Садовская и другие и среди них — я, только что выпущенная из школы... В этой роли я имела честь получить одобрение от Толстого. ...Толстому в этом спектакле очень понравился Музиль в роли повара, Садовская (Матрена) и Рыбаков, который прекрасно играл барина. Ленский изумительно играл профессора» («Творческие беседы мастеров театра. А. А. Яблочкина, В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова», изд. ВТО, Л. — М. 1938, стр. 65).

Однако, несмотря на прекрасное исполнение многих ролей, Толстой отнесся к спектаклю Малого театра неодобрительно. «Я в «Плодах просвещения» был, как автор, на стороне мужиков, — говорил он, — а на сцене вдруг они оказались такими же мошенниками и плутами, как и Гросман, и плутами сознательными» (П. Гнедич, Книга жизни. Воспоминания, Л. 1929, стр. 199—200).

Видя, как потешалась аристократическая публика над мужиками, Толстой сетовал на актеров: «По моему мнению... они неестественно исполняют свои роли... Чему же смеется публика? Ведь в речах мужиков постоянно звучит жалоба, а иногда и по-

пытка протеста. И их слова, по моему мнению, должны возбуждать сочувствие к безвыходному положению, а уж никак не смех» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I, 1960, стр. 527—528).

В спектаклях, поставленных советскими театрами, режиссеры и актеры, говоря словами Толстого, были «на стороне мужиков».

За рубежом «Плоды просвещения» ставились значительно реже, чем «Власть тьмы». Широкую известность приобрела постановка комедии Толстого в берлинском театре Макса Рейнгардта (начало 900-х годов). В 20-х годах ее ставят театры Англии, в 30-х — Карнеги-театр США, в 50-х — театры Бельгии и Чехословакии.

«ЖИВОЙ ТРУП»

В декабре 1897 года Толстой записал в дневнике: «Думал о Хаджи-Мурате. Вчера же целый день складывалась драма-комедия «Труп» (53, 172). Однако к работе над пьесой он приступил лишь через два года. «Толчком» послужило посещение Московского Художественного театра, где Толстой смотрел спектакль «Дядя Ваня». Об этом свидетельствует дневниковая запись, сделанная 27 января 1900 года, в которой Толстой говорит и о впечатлении от чеховской пьесы, и о том, что он захотел написать драму «Труп» и «набросал конспект» (54, 10).

С увлечением работая над пьесой на протяжении года, Толстой в августе завершил ее первую редакцию, затем, как это было с каждым его произведением, начал переделывать написанное, углубляя содержание и совершенствуя художественную форму. В конце же года Толстой сообщил В. Г. Черткову о своем решении оставить драму «Живой труп» незавершенной: «...Не только не думаю ее теперь кончать и печатать, но очень сомневаюсь, чтобы я когда-нибудь это сделал» (88, 216).

Писатель так объяснил причины принятого им решения: «Ко мне приходил сын жены описанного мною человека, а потом и он сам. Сын от имени матери просил не опубликовывать драму, так как ей это было бы тяжело, да и, кроме того, она бонится, чтобы опять не вышла история. Я, разумеется, обещал. Их приход мне был очень интересен и полезен. Я еще раз, как и раньше неоднократно, убедился, насколько психологические побуждения, которые сам придумываешь для объяснения поступков людей, которых описываешь, ничтожнее, искусственное побуждений, руко-

водивших этими людьми в действительности. После беседы с ними я охладел к этой работе» (А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, М. 1959, стр. 81—82).

Толстой здесь говорит о семье Гимер, судебное дело которых послужило основой для сюжета драмы «Живой труп». Супруги Николай и Екатерина Гимер были вынуждены разойтись, так как Николай спился и попал на «дно». По просьбе жены он симулировал самоубийство, послав ей письмо о том, что решил покончить с собой. Екатерина Гимер вторично вышла замуж, выдав себя за вдову. Однако их «хитрость» была раскрыта, и оба они были преданы суду. Положение супругов Гимер было ужасным. Вот что писал тогда Л. Е. Владимиров о Екатерине Гимер известному судебному деятелю А. Ф. Кони: «Сегодня у меня была несчастная Г., и я чуть не плакал, смотря на нее и слушая ее рассказ... Это больная, замученная, растерзанная женщина... Стоит посмотреть на эту тень... чтобы увидеть, что назначенное ей наказание есть непосильное бремя. На конвоира при поездке в Сибирь на свой счет у нее нет никаких средств; отправиться же в Сибирь по этапу, в компании преступников, ей невозможно: она просто умрет. Краше в гроб кладут! Удивляться нужно, в чем держится жизнь» (А. Ф. Кони, По поводу драматических произведений Толстого, Избр. произв., т. 2, М. 1959, стр. 299).

Председатель Московского окружного суда Н. В. Давыдов познакомил Толстого с делом супругов Гимер. Толстой был очень взволнован их судьбой и сказал: «Да ведь это готовый.. рассказ. Для какого-нибудь молодого писателя это настоящая находка. Впрочем, может быть, я еще и сам воспользуюсь им» (П. А. Сергеевко, Как живет и работает Л. Н. Толстой, М. 1908, стр. 77).

Как было сказано выше, встретившись с Николаем Гимер и его сыном Толстой «охладел» к своей пьесе и оставил ее незавершенной. В октябре 1900 года его посетил В. И. Немирович-Данченко и просил дать пьесу для Художественного театра. Толстой по этому поводу написал в дневнике: «Немирович-Данченко был о драме. А у меня к ней охота прошла» (54, 48). Но в конце разговора сказал: «Когда умру — играйте...» («Студия», 1911, № 1, стр. 5).

Менее чем через год после кончины Толстого пьеса «Живой труп» была напечатана («Русское слово», 23 сентября 1911 г.) и тогда же впервые поставлена Московским Художествен-

ным театром. «Спектакль «Живой труп» был одним из самых замечательных в Художественном театре, — говорит В. И. Немирович-Данченко. — Не преувеличено было, как один из крупных рецензентов выразился, что «об этом спектакле надо писать золотым пером» (В. И. Немирович-Данченко, Из прошлого, М. 1936, стр. 371).

В спектакле выступали лучшие артисты театра. Роль Феде Протасова играл И. М. Москвин, Виктор Каренина — В. И. Качалов, его матери — М. П. Лилина, Лизы — М. Н. Германова, князя Абрезкова — К. С. Станиславский, Маши — А. Г. Коонен. Крупнейшими актерами исполнялись эпизодические роли — курьера в суде играл А. Ф. Артем, письмоводителя — А. Д. Дикий, следователя — И. Н. Берсенев и т. д.

После спектакля Художественного театра «Живой труп» становится одной из самых репертуарных пьес. Так, с 1 января по 15 октября 1912 года драму Толстого поставили 243 театра и показана она была 9000 раз («Толстовский ежегодник 1912 г.», стр. 205).

В советские годы «Живой труп» остается одной из наиболее репертуарных пьес русской классической драматургии. В Москве драма Толстого была поставлена семью театрами, в том числе Театром им. Ленинского комсомола (1941), Малым (1951) и театром им. Евг. Вахтангова (1962).

Начиная с 1911 года «Живой труп» ставится зарубежными театрами — Вены, Будапешта, Праги, Загреб, Кракова. Она шла также в театрах Италии, Японии, Турции, США. В наши дни «Живой труп» был показан зрителям Англии, Норвегии, Болгарии, Польши, Франции и других стран.

«И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ»

Над драмой «И свет во тьме светит» Толстой работал с большими перерывами на протяжении 80-х, 90-х и 900-х годов, но не довел работу до конца: пятое действие совсем не было написано и о его содержании можно судить лишь по конспекту, сохранившемуся в архиве писателя. Как и всегда, Толстой особенно много работал над началом произведения: первое действие пьесы насчитывает семь редакций.

Первоначально драма называлась «Свет мира» затем — «Закваска», потом — «Свет и во тьме светит» и наконец — «И свет во тьме светит».

Впервые драма была опубликована в 1911 году в книге «Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого», т. 2, М. 1911. Издатели тогда сообщили, что им «по существующим условиям пришлось выпустить более третьей части всей пьесы» и что «наибольшие выпуски» были сделаны в третьем действии (там же, стр. 249). В третьем действии содержатся сцены, в которых показаны издевательства жандармов над Борисом Черемшановым и споры Сарынцева с духовными лицами.

Цензура быстро «разглядела», во-первых, автобиографический характер драмы и, во-вторых, ее обличительную направленность. «Драма эта, — писал цензор, — воплощает историю семейного разлада, происшедшего в семье самого Л. Н. Толстого». Пересказав содержание пьесы, цензор заключал: «Не нахожу возможным разрешить ее к представлению» (К. Н. Ломунов, Драматургия Л. Н. Толстого, М. 1956, стр. 412).

На сцене «И свет во тьме светит» ставится очень редко. Наиболее интересной явилась одна из ее первых постановок в Берлинском Немецком театре, основанном известным режиссером М. Рейнгардтом. Вот что писала о ней в марте 1912 года Роза Люксембург: «...Вечером я пошла в Малый театр на толстовский спектакль «И свет во тьме светит». Это великолепная вещь, и сыграли ее хорошо. В пьесе показана его (Толстого. — К. Л.) собственная судьба. Меня огорчало лишь, что старик вынес на суд этого низкого, по-немецки филистерского сброда свой идейный мир и свою боль. Только несколько юношей фанатически аплодировали. Пьеса действует просто зажигающе, в особенности сцена в военной канцелярии, где новобранец (Борис Черемшанов. — К. Л.) отказывается принести присягу...» И — в другом письме — о том же спектакле: «Эпизод в военной канцелярии оставляет огромное впечатление своей голой правдой; даже филистерский сброд был им захвачен; так же подействовал и последний акт, в котором старец (Сарынцев. — К. Л.) хочет покинуть дом» («Вопросы литературы», 1961, № 9, стр. 195, 196).

Этот отзыв Р. Люксембург о постановке пьесы Толстого убедительно свидетельствует, что «И свет во тьме светит» может произвести сильнейшее впечатление на зрителей, когда режиссер и исполнители выдвигают на первый план сильные стороны драмы, когда со сцены громко звучит ее обличительный

пафос, заглушающий проповеднические тенденции автора и обнажающий их несостоятельность.

Ученик М. Рейнгардта — Александр Моисси, прославившийся исполнением роли Феди Протасова в «Живом трупе», стал также «известнейшим исполнителем роли Николая Ивановича Сарынцева в Западной Европе» («Иностранная литература», 1956, № 8, стр. 288).

На русской сцене «И свет во тьме светит» впервые ставится в сезон 1917—1918 года. Тогда пьеса была сыграна Народным домом в Петрограде.

«ОТ НЕЙ ВСЕ КАЧЕСТВА»

Группа молодежи, жившей на хуторе В. Г. Черткова в Телятинках, близ Ясной Поляны, ставила спектакли для крестьян. Для одного из этих любительских спектаклей Толстой и написал в 1910 году (март, май—июнь) комедию «От ней все качества».

Вложив в обработку пьесы много труда, Толстой остался ею недоволен и не отдал в печать. Она была впервые напечатана в книге «Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого», т. 1, М. 1911.

Телятинские любители сыграли комедию «От ней все качества» в 1912 году, и она имела успех у зрителей. Осенью 1913 года ее ставит Рабочий театр в Петербурге.

В послеоктябрьские годы комедию ставит б. Александринский театр в Петербурге и театр Незлобина в Москве.

«ЗАРАЖЕННОЕ СЕМЕЙСТВО»

В одном из писем к сестре, посланных в феврале 1864 года, Толстой сообщил, что «между прочим, написал комедию» и что «она вся написана в насмешку эмансипации женщин и так называемых нигилистов» (61, 37). Сначала Толстой назвал ее «Старое и новое», затем «Современные люди», «Новые люди» и наконец — «Зараженное семейство».

Т. А. Кузминская пишет о ней в своих мемуарах: «Знаю, что у Льва Николаевича было страстное желание поставить ее на сцену немедленно. Называлась эта пьеса «Зараженное семей-

ство»... Несмотря на все хлопоты, поставить ее в казенном театре Льву Николаевичу не удалось. Препятствий было много: цензура, пост, мало обработана и т. д.» (Т. А. Кузминская, *Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*, Изд. 3, Тула, 1958, стр. 301).

Главным же «препятствием» оказалась оценка, которую дал комедии А. Н. Островский, мнением которого Толстой чрезвычайно дорожил. «Островский, — писал он А. А. Толстой 14 ноября 1865 года, — писатель, которого я очень люблю, — мне сказал раз очень умную вещь. Я написал два года тому назад комедию (которую не напечатал) и спрашивал у Островского, как бы успеть поставить комедию на Московском театре до поста. Он говорит: «Куда торопиться, поставь лучше на будущий год». Я говорю: «Нет, мне бы хотелось теперь, потому что комедия очень современна и к будущему году не будет иметь того успеха». — «Ты боишься, что скоро очень поумнеют?» (61, 115).

Толстой и сам скоро убедился, что «комедия, кажется, плоха» (61, 37). Отдав комедию своему знакомому В. А. Соллогубу, Толстой к ней никогда более не возвращался.

Впервые комедия «Зараженное семейство» была напечатана в 1928 году в книге «Лев Толстой. Неизданные художественные произведения», изд-во «Федерация».

[«КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ» («НИГИЛИСТ»)]

Осенью 1866 года Толстой написал для домашнего спектакля комедию «Нигилист». О ее содержании и постановке подробно рассказывала Т. А. Кузминская в своих воспоминаниях «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» (см. 3-е изд., Тула, 1958, стр. 296—302, «Комедия Льва Николаевича»). Интересно, что некоторые роли пьесы были созданы во время спектакля. Так, совсем не была написана роль странницы. Исполнявшая ее сестра Толстого, Мария Николаевна, обладала талантом рассказчицы и превосходно импровизировала. «...Самое удачное и яркое в этой комедии, — пишет Т. А. Кузминская, — были проповеди студента и странницы... Студент... отвергал почтение к родителям, богомольство называл пустым шлянием. Странница с ужасом слушала его. Но когда дело дошло до сравнения бога с воздухом — кислородом, странница, в испуге, забрав свою ко-

томку, крестясь и отплеываясь, как от нечистой силы, убежала от него» (стр. 300).

Текст комедии «Нигилист» не сохранился. Печатаемая в томе «Комедия в трех действиях» отличается от «Нигилиста» и составом персонажей (в ней нет роли странницы, зато есть роль приживалки, которой не было в «Нигилисте»), и разработкой их характеров (например, роль студента-нигилиста в ней только намечена), иной развязкой. Очевидно, «Комедия в трех действиях» является первоначальной редакцией комедии «Нигилист», ее первым черновым сценарием, получившим свою дальнейшую разработку во время репетиций.

Впервые «Комедия в трех действиях» была напечатана в 1928 году в книге «Лев Толстой. Неизданные художественные произведения», изд-во «Федерация».

[«ДРАМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ЛЕГЕНДЫ ОБ АГГЕЕ»]

Сказание о гордом царе Аггее Толстой нашел в известном сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (1859). Здесь она приведена в книжном варианте («Повесть о царе Аггее и како пострада гордостью») и в записи устного пересказа легенды («Гордый богач»). Судя по воспоминаниям И. М. Ивакина, Толстой весьма внимательно читал этот сборник в первые месяцы 1886 года и тогда же воспользовался его материалами, написав, как он говорил, «Три маленьких вещицы и одну большую» («Литературное наследство», т. 69, кн. 2, М. 1961, стр. 81). Одной из «маленьких» и была пьеса об Аггее.

Впервые она была опубликована лишь в 1926 году в книге «Л. Н. Толстой, Неизданные рассказы и пьесы», издание т-ва «Н. П. Карбасников», Париж.

«ПЕТР ХЛЕБНИК»

30 января 1884 года Толстой писал жене: «Читал Калики перехожие, стихи. Меня навело на это чтение моя затея народной пьесы. Обдумываю ее с большим удовольствием» (83, 417). Писатель говорит здесь о книге «Калики перехожие. Сборник духовных стихов и исследование», М. 1861—1864.

Однако набросанное тогда начало пьесы о Петре Мытаре (позднее она стала называться пьесой о Петре Хлебнике) было Толстым затеряно. (Много лет спустя его нашел секретарь писателя В. Ф. Булгаков как раз в книге «Калики перехожие»). Лишь в юле 1894 года Толстой продиктовал новый текст пьесы на эту тему, которая предназначалась для спектакля в Ясной Поляне с участием детей Толстого и крестьянских ребят. В этом виде она и была впервые опубликована в 1918 году в журнале «Голос Толстого и Единение» (№ 1).

Тогда же «Петра Хлебника» поставили театр Незлобина в Москве и Александринский в Петербурге. Успеха эти спектакли не имели, и «Петр Хлебник» быстро сошел со сцены.

К. Н. Ломунов

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Комедия «Зараженное семейство» публикуется по рукописи. Текст, напечатанный в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого (т. 7), не воспроизводится в настоящем издании по следующим причинам: 1) Текст не был полностью сверен с автографами и вследствие этого был напечатан со значительным количеством ошибок и неточностей. 2) В основной текст был введен не вызванный необходимостью целый ряд зачеркнутых Толстым мест.

Текст Первого, Второго и части Пятого действия (явления 1—9, кончая репликой Ивана Михайловича: «Поеду... когда выскажу все») печатается по рукописи № 12 (см. «Описание рукописей Л. Н. Толстого», изд. Академии наук, Москва, 1955, стр. 86). Текст Третьего и Четвертого действия по рукописи № 13 и конец Пятого действия (со слов Венеровского из 9-го явления: «А что вам это сказать нужно...») по рукописи № 7.

Рукописи № 12, 13 и 7 представляют собой частью автографы, частью копии, исправленные Толстым, и частью копии, им не просмотренные, которые изобилуют значительным количеством ошибок, пропусков слов и фраз, сделанных переписчиками при копировании.

При подготовке текста была произведена сверка копий с черновыми автографами, послужившими оригиналами для копий, и все эти погрешности исправлены.

В трех случаях в виде исключения в тексте комедии сохранены вычеркнутые Толстым реплики, необходимые для понимания связанного с ними диалога и сюжетного развития пьесы. Так, в первом явлении Первого действия после слов няни: «Всех, кажется, пересмеял» — вставляется зачеркнутая Толстым, объясняющая дальнейший текст, фраза: «с племянницей.. прохода нет». И далее в том же явлении также после слов няни: «И то мы примечаем, что во всем доме другие порядки пошли» — вставляется зачеркнутое Толстым: «И барин другой стал.. все по-новому пошло!» для согласования с последующей репликой Марьи Васильевны.

Во втором явлении первой сцены Второго действия реплика Венеровского печатается вместе с зачеркнутым Толстым следующим текстом: «Другое и более важное обстоятельство... Вот в чем нужна помощь практического друга». Это вызвано необходимостью раскрыть смысл поведения Беклешова и задуманной им интриги, о которой речь идет в реплике, обращенной к Венеровскому: «Ну, брат, готово. Девицу Дудкину так натравил на студента, что не растащишь» (Второе действие, вторая сцена, четвертое явление).

Имена и фамилии лиц, обозначенные в рукописи сокращенно, развертываются. Фамилии и имена персонажей, которые у Толстого во время писания комедии обозначались различно, унифицируются.

Текст «Комедии в трех действиях» («Нигилист») также сверен по рукописям.

В. С. Мишин

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Л. Н. Толстой. Фотография В. Г. Черткова. 1907.
2. «Власть тьмы». Московский Художественный театр. 1902.
Аким — А. Р. Артем, Никита — В. Ф. Грибунин, Анисья —
Н. С. Бутова.
3. «Власть тьмы». Малый театр. 1895.
Никита — И. А. Рыжов, Анисья — Н. А. Никулина,
Акулина — В. Н. Рыжова.
4. «Власть тьмы». Малый театр. 1956.
Аким — И. В. Ильинский.
5. «Плоды просвещения». Спектакль Общества любителей
искусства и литературы. 1891.
Звездинцев — К. С. Станиславский.
6. «Плоды просвещения». Московский Художественный театр.
1951.
1-ый мужик — С. И. Калинин, 2-ой мужик — А. В. Жильцов
3-ий мужик — В. В. Грибов.
7. «Живой труп». Московский Художественный театр. 1911.
Федя Протасов — И. М. Москвин, Маша — А. Г. Коонен.
8. «Живой труп». Театр им. Ленинского Комсомола.
Федя Протасов — И. Н. Берсенев.
9. «Живой труп». Театр им. Леси Украинки. Киев. 1940.
Федя Протасов — М. Ф. Романов.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Первый винокур, или Как чертенок краюшку за- служил	7
Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть»	29
Плоды просвещения	119
И свет во тьме светит	229
Живой труп	319
От ней все качества	389

НЕЗАКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

Зараженное семейство	407
[Комедия в трех действиях («Нигилист»)]	509
[Драматическая обработка легенды об Аггее] . . .	527
Петр Хлебник	541
Примечания	557
Список иллюстраций	598

*Лев Николаевич
Толстой*
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 11

Редактор С. Чулков
Художественный редактор И. Жихарев
Технический редактор М. Позднякова
Корректоры Р. Пулга и А. Юрьева

*

Сдано в набор 3/X 1962 г.
Подписано в печать 7/X 1963 г.
Бумага $84 \times 108\frac{1}{32}$ — 18,75 печ. л. = 30,75 усл.
печ. л. 31,6 уч.-изд. + 9 вклеек = 32,05 л.
Тираж 297 000. Заказ № 437.
Цена 1 р. 10 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19

*

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление целлюлозно-бумажной и полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

